

НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

НАЦИОНАЛЬНО
КУЛЬТУРНАЯ
СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1977

В монографии исследуется связь национальной культуры и речевого общения, рассматриваются проблемы культурно-национальных вариантов генезиса речевого общения. Книга содержит материалы к описанию национально-культурной специфики речевого общения народов зарубежных стран.

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук А. А. ЛЕОНТЬЕВ
кандидат филол. наук Ю. А. СОРОКИН
кандидат филол. наук Е. Ф. ТАРАСОВ

Национально-культурная специфика речевого поведения

*Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР
Редактор издательства Г. Н. Корозо. Художник Л. А. Грибов.
Художественный редактор Т. П. Поленова.
Технический редактор Т. Д. Панасюк.*

*Сдано в набор 17/XI 1976 г. Подписано к печати 28/II—1977
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 18,48
Уч. изд. л. 19,5 Тираж 2550 Тип. зак. 1471 Цена 1 р. 80 к.*

*Изд-во «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время в связи с увеличением интенсивности межъязыковых и межкультурных контактов особое внимание лингвистов и социальных психологов направлено на изучение процесса общения представителей различных культур. Национально-культурная специфика тех или иных лингвокультурных общностей, влияющая на процесс общения, несомненно, сказывается на результатах и эффективности общения на речевом и неречевом уровнях.

Представители одной лингвокультурной общности, входя в контакт с членами другой лингвокультурной общности и даже говоря на языке последней, действуют по «своим» моделям поведения, употребляют «свои» кинесические, проксемические системы, опираются на «свои» культурные знания. Поэтому речевое взаимодействие представителей разных лингвокультурных общностей проходит этап более или менее успешной «притирки», в ходе которой вырабатываются *ad hoc* невербальные модели речевого взаимодействия.

Осмысление проблем общения людей, принадлежащих к разным культурам и говорящих на разных языках, стало необходимым в связи с преподаванием иностранных языков (в том числе и русского как иностранного), но оно не менее важно и для других проблем межъязыковых и межкультурных контактов.

В работах, опубликованных в последнее время и посвященных анализу взаимодействия лингвокультурных общностей, рассматриваются самые различные уровни общения: лингвистические, паралингвистические, кинесические, проксемические.

Учитывая сложность феномена общения, адекватное исследование которого возможно только при междисциплинарном подходе, мы при написании данной моногра-

фии стремились к объединению усилий лингвистов, психолингвистов и психологов, занимающихся национально-культурными проблемами общения. Опираясь на ранее выработанные теоретические положения, суммированные в книге «Основы теории речевой деятельности» (М., 1974), и применяя их к исследованию общения в сфере национальных культур, авторы монографии пришли к необходимости выделить в комплексе проблем общения те узловые проблемы, которые, очевидно, подлежат рассмотрению в рамках научной дисциплины, которая может быть названа этнопсихолингвистикой.

Книга, которую Вы держите в руках, содержит теоретические главы и материалы к описанию национально-культурной специфики речевого общения народов зарубежных стран. Следующая книга планируется как продолжение первой и будет содержать теоретические главы и материалы к описанию национально-культурной специфики речевого общения народов Советского Союза.

Мы ясно сознаем, что данная монография не свободна от недостатков. Единственным оправданием для нас служит сложность и полифункциональность самого предмета рассмотрения.

Группа психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР с благодарностью примет все критические замечания, которые помогут в дальнейшей работе над этой темой. Замечания и пожелания просим направлять по адресу: 121019 Москва, ул. Маркса — Энгельса, 1/14.

В подготовке книги к печати принимали участие сотрудники группы А. Е. Иванова и Н. В. Уфимцева.

А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА. ОБЪЕМ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Национальная специфика речевого общения (коммуникации) до самого последнего времени почти не привлекала внимание ученых, хотя накоплено огромное количество фактов и наблюдений в этой области. За исключением книги Ю. В. Бромлей¹ и цикла работ американских исследователей, возглавляемых Д. Хаймсом², по «этнографии коммуникации», нам неизвестны попытки дать комплексное теоретическое освещение этой проблематики.

Постараемся прежде всего дать представление о степени ее разработки и таким образом определить объем той области, о которой идет речь в настоящей книге.

Современная лингвистика достигла, как известно, больших успехов в методике описания структуры языков разных систем. Однако она принципиально ограничивает себя собственно языковыми явлениями. Ни в одном сводном описании какого-либо языка нельзя найти систематических сведений об особенностях речи на данном языке — например, о темпе речи, о распределении и способе заполнения пауз (подобные работы, правда, существуют, но не имеют направленности на национальную специфику, а носят универсально-психолингвистический харак-

¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973.

² См., например: D. Hymes. Models of the interaction of language and social life. «Directions in sociolinguistics». Eds. J. J. Gumperz and D. Hymes. N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1972.

тер³), о маргинальных языковых и речевых подсистемах, обслуживающих специальные ситуации общения (приветствия, телефонный разговор, неинформативная беседа и т. п.), о номенклатуре и функциональном использовании речевых стереотипов и т. д. Тем более не являются предметом внимания лингвистов особенности паралингвистики, проксемики, мимики, жестикуляции, пространственного расположения говорящих и даже такие случаи, когда все эти явления тесно переплетены с собственно речью и взаимодействуют с ней на разных уровнях, например, случаи частичной замены высказываний жестами и мимикой (типа: *Этот человек...* жест, обозначающий сумасшедшего).

Значительно большее место в лингвистике занимает исследование текстов в плане их национальной специфики. Существуют, например, сопоставительные исследования структуры диалога в различных языках⁴, риторических особенностей, работы, посвященные композиционной организации текстов в тех или иных языках, типовым началам и концам текстов.

Сравнительно детально изучен речевой этикет. Однако основная часть теоретических исследований в этой области касается системы обращений. Что касается других аспектов этикета, то они описываются, как правило, лишь в педагогических целях, как предмет изучения при овладении речью на иностранном языке⁵.

Наиболее хорошо разработаны стилистические (в широком смысле) аспекты национальной специфики речевой коммуникации; во многих даже чисто лингвистических описаниях уделяется внимание тайным и условным языкам, полным и частичным языковым запретам и т. п. Однако за немногими исключениями отсутствуют сопо-

³ См. обзорные статьи: *Э. Л. Носенко*. Об использовании некоторых темпоральных характеристик речи для объективного установления уровня владения устной иноязычной речью. «Иностранные языки в школе», 1969, № 9; *Т. М. Николаева*. Новое направление в изучении спонтанной речи. — ВЯ, 1970, № 3.

⁴ *В. Г. Гак*. Русский язык в зеркале французского. Структура диалогической речи, ч. 1. «Русский язык за рубежом», 1970, № 3; ч. 2, там же, 1971, № 2.

⁵ *А. А. Акишина, Н. И. Формановская*. Русский речевой этикет. М., 1968; *T. R. Jones and L. P. Stupin*. Guide to modern Russian speech etiquette. Melbourne, 1970.

ставительные исследования функционально-стилистических систем различных языков.

В отличие от лингвистики, семиотика достаточно много занималась национальными особенностями коммуникации⁶. В частности, именно в рамках семиотики вышли основные издания и переиздания, содержащие описание национальной специфики коммуникации (серия «Approaches to Semiotics», руководимая Т. Сибеоком). Важнейшие работы по проксемике и жестикуляции, носящие сопоставительный характер⁷, также связаны с семиотикой. К подобным работам примыкают исследования культурной специфики традиционных образов и сравнений, символического использования цветообозначений, собственных имен и т. п., которые, однако, не носят систематического характера. Кроме того, семиотическим работам по интересующей нас проблематике свойствен эмпиризм, они, как правило, фактологичны, но не претендуют на вскрытие природы психологических и социальных функций изучаемых явлений.

Выше мы уже частично упоминали о психолингвистике в связи с речевыми явлениями типа паузации. К сожалению, приходится констатировать, что современная психолингвистика — опять-таки за единичными исключениями — не уделяет внимания национальным особенностям речи и речевой коммуникации. Единственной ее областью, где ведутся систематические межкультурные исследования, является психолингвистика детской речи⁸.

Общая психология интересуется коммуникацией в двух аспектах. Это, во-первых, соотношение языка, мышления, восприятия и общения и место языка (и речи) в различных видах человеческой деятельности — та проблематика, которая обычно сводится в лингвистике к обсуждению «гипотезы лингвистической относительности» («гипотезы Сэпира—Уорфа»), но на самом деле гораздо шире. Это, во-первых, психология общения в собственном смысле, т. е. процессы и средства коммуникации, рассматриваемые под психологическим углом зрения. В этом отноше-

⁶ Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1972.

⁷ См., например: O. M. Watson. Proxemic Behavior. A cross-cultural study. The Hague — Paris, 1970.

⁸ Ср.: «A field manual for cross-cultural study of the acquisition of communicative competence». Ed. D. I. Slobin. Berkley, 1967.

нии сделано очень много. В частности, детально изучено в межкультурном плане выражение эмоций в мимике⁹.

Социальная психология и социология, а также этнография интересуются прежде всего тремя проблемами: а) то, что условно называется этнопсихологией и сводится к особенностям психики, характерным для той или иной национально-культурной общности¹⁰; б) то, что связано с социальной дифференциацией форм общения в том или ином национальном коллективе и различием этой дифференциации в разных национально-культурных общностях; в) наконец, круг вопросов, связанных с устойчивыми национальными традициями, обычаями и пр., рассматриваемыми как часть национальной культуры.

В заключение следует упомянуть, что национальные особенности общения занимают все более значительное место в работах по теории и методике обучения иностранным языкам. Так, например, в методике обучения русскому языку как иностранному эта проблематика включается в объем так называемого страноведения¹¹.

Из сказанного видно, что национально-культурная специфика общения в настоящее время как бы «разорвана» на отдельные фрагменты, каждый из которых исследуется в рамках той или иной науки собственными ей методами, описывается в принятых в этой науке категориях и понятиях, причем далеко не всегда эти фрагменты получают, помимо эмпирического описания, достаточное теоретическое обоснование. Поэтому представляется особенно важным представить данную проблематику как некоторое единое целое и наметить основные направления ее научной разработки.

Национально-культурная специфика речевого общения складывается в нашем представлении из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности (или, в лингвистическом плане, — данного языкового коллек-

⁹ P. Ekman, W. Friesen, Ph. Ellsmorth. *Emotion in the human face*. N. Y., 1972.

¹⁰ С. И. Королев. *Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов*. М., 1970.

¹¹ Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров. *Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам*. М., Изд-во МГУ, 1971.

тива). Эти факторы «прилагаются» к процессам общения на разном уровне их организации и сами имеют различную природу, но в процессах общения они взаимосвязаны и переплетены с другими факторами, обуславливающими и формирующими эти процессы, прежде всего с факторами собственно языковыми, психолингвистическими и общепсихологическими.

Попытаемся дать их наиболее общую классификацию.

1. Факторы, связанные с культурной традицией, соотнесены прежде всего с 1) разрешенными и запрещенными в данной общности типами и разновидностями общения, а также 2) образуют стереотипные ситуации общения, воспроизводимые акты общения, входящие в фонд национальной культуры данного этноса или в субкультуру какой-то группы внутри данного этноса. При этом данный стереотип может быть функционально оправдан (скажем, иметь магический смысл), а может быть чисто традиционным. Далее, факторы традиции сказываются в 3) этикетных характеристиках универсальных актов общения.

В этом случае как воспроизводимое целое выступает не отдельное высказывание (речение), а комплекс вербального и невербального поведения, соотнесенный с той или иной определенной ситуацией и нормативный для нее. Этикет, казалось бы, может быть соотнесен либо с поведением определенной личности, либо с взаимным общением в диаде или группе. Но, строго говоря, этикета вне этого последнего не бывает: «односторонность» этикетного поведения лишь означает, что этикет в той или иной конкретной ситуации предусматривает «пулевую реакцию» других участников общения.

Мы не случайно говорим здесь об этикете именно как о поведении, а не деятельности. Дело в том, что он является тем компонентом общения, который в наименьшей мере соотнесен с социальной природой деятельности общения и как бы образует формальную поведенческую рамку, в которой разворачивается эта деятельность. С другой стороны, этикет если и предусматривает воспроизведение целостного акта общения, то лишь как часть «настоящего» общения, как его компонент или составную часть.

Особую, весьма интересную, но неразработанную проблему составляют 4) ролевые и социально-символические особенности общения, т. е. факторы, коренящиеся в спе-

цифичной для данной общности системе социальных ролей, а также в дополнительных символических функциях, характерных для данной общности. Далее, культурная традиция отражается в 5) номенклатуре и функциях языковых и текстовых стереотипов, используемых в общении, в частности — в паремиологических стереотипах, а также 6) в организации текстов.

II. Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения, соотнесены прежде всего с 1) функциональными «подъязыками» и функционально-стилистическими особенностями и 2) с этикетными формами.

III. Факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т. е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности, соотнесены преимущественно с а) психолингвистической организацией речевой деятельности и других видов деятельности, опосредованных языком (перцептивная, мнемическая и т. п. деятельность). Кроме того, эти факторы отражаются в б) номенклатуре, функциях и особенностях протекания проксемических, паралингвистических и кинесических явлений.

IV. Факторы, связанные с наличием в тезаурусе данной общности тех или иных специфических реакций, понятий и т. п., т. е. со спецификой денотации, отражаются в основном в а) системе традиционных образов, сравнений, символическом употреблении определенных денотатов; б) в системе кинесических средств.

V. Факторы, определяемые спецификой языка данной общности, отражаются в а) системе стереотипов, б) в системе образов, сравнений и т. п., в) в структуре текстов, г) в этикетных формах, д) в подъязыках и функциональной стилистике, е) в психолингвистической организации речевой или иной деятельности, ж) в системе кинесических средств.

Из сказанного видно, что можно выделить ряд уровней, на которых перечисленные факторы независимо от их природы обеспечивают вариантность процессов общения.

1. Процессы общения как целое, как акт или деятельность общения (функционально-целевой аспект общения). Внутри этого уровня можно говорить о центральных и маргинальных явлениях: в первом случае мы имеем в виду именно деятельность общения как осмы-

сленную и целенаправленную, во втором — квазиобщение, т. е. коммуникативные образования, имеющие вид действительного общения, но функционально «пустые». Именно во втором случае национально-культурные особенности сказываются особенно выпукло. Это — детерминация на уровне целостной деятельности или входящего в ее состав *действия*.

2. Социально-ролевой аспект процессов общения, т. е. социально детерминированная (разным способом) их вариантность как *процессов*. На этом уровне нас интересует не акт общения (квазиобщения) в целом и не его ситуативные варианты, а такие варианты его протекания, которые возникают при тождестве ситуации как глобальные характеристики всего акта общения. С психологической точки зрения рассматриваемые варианты «свободны», — ср. например, функционально-стилистические разновидности общения, социальный символизм общения и т. п. Они не детерминированы ни на уровне деятельности, ни на уровне действия.

3. Средства общения. Внутри этого уровня можно выделить группу языковых средств, внутри которой имеется своеобразная иерархия — от текстов через развернутые речевые стереотипы типа пословиц и поговорок (паремиологические средства) к традиционным образам и сравнениям и, наконец, к отдельным лексемам; и группу неязыковых средств, включающих прежде всего кинесику. Основной проблемой на этом уровне является, однако, как раз взаимодействие средств того и другого рода.

4. Психолингвистическая организация процессов общения, т. е. детерминация их на уровне психологической *операции*. Сюда же относятся национально детерминированные особенности операционной организации других видов деятельности.

5. Ситуативно-психологическая организация процессов общения, т. е. их ситуативная (в узком смысле) вариантность. Примером такой вариантности является проксемика.

6. Уровень реализации коммуникативных процессов, взятых вне конкретной ситуации общения. Пример — темп речи.

В идеальном описании процессов общения с точки зрения их детерминации национально-культурными особенностями должны присутствовать все эти компоненты, причем должна быть вскрыта как их детерминация, так и их системность внутри деятельности общения. Таких идеальных описаний пока, однако, не существует. Не смогли дать их и авторы настоящей книги, хотя по характеру анализа (в части I) и полноте описания (в части II) они стремились максимально приблизиться к намеченному идеалу; поэтому собранные в данной книге материалы следует рассматривать лишь как частичную реализацию тех принципов, необходимость которых нам ясна. Впрочем, авторов достаточно извиняет тот факт, что до сих пор в научной литературе аналогичной книги не существовало.

Видимо, очерченный выше объект исследования достаточно специфичен и внутренне организован для того, чтобы можно было говорить о некоторой специальной области знания, предметом которой были бы процессы общения в их национально-культурном аспекте на различном уровне организации этих процессов. Учитывая, что термин «психолингвистика» в настоящее время все больше применяется как глобальный — для обозначения не только психолингвистики в узком смысле, но и теории коммуникации (психологии общения), можно предложить для обозначения этой специальной области термин «этнопсихолингвистика».

Как можно видеть, внутри этнопсихолингвистики можно выделить ряд отдельных направлений исследования, соотнесенных с различными группами детерминирующих общение факторов, перечисленных нами выше.

Целесообразность выделения национально-культурных особенностей общения в специальную область исследования диктуется не только теоретическими, но и практическими соображениями. За последнее время определился ряд приложений этой проблематики, имеющих большую социальную значимость. Это прежде всего проблема расширения и углубления культурных контактов между различными странами, о которой в Заключительном акте Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе было сказано: «Культурные обмены и сотрудничество содействуют лучшему взаимопониманию между людьми и между народами и способствуют, таким

образом, упрочению согласия между государствами» («Правда», 2 августа 1975 г.). Далее, это — проблемы национальной, в частности языковой, политики, компетентное осуществление которой невозможно без ясного представления о различных уровнях национальной специфики в мышлении, общении и других видах деятельности людей.

Это также проблемы обучения представителей различных народов СССР русскому языку как языку международного общения и русской и советской литературе, а также проблемы обучения иностранным языкам, в частности — русскому языку как иностранному. Этот аспект обучения входит в то, что в Заключительном акте Хельсинкского совещания называется «изучением цивилизации» и что обозначается в советской методике как «страноведение».

Следующий круг прикладных проблем связан с художественным, политическим, научно-техническим и устным переводом ¹².

Далее, это сфера искусства и искусствоведения — прежде всего мы имеем в виду искусство слова, а также театр (особенно балет и пантомиму), кино, изобразительные искусства и пр. Внутри этой сферы наша проблематика особенно существенна при решении вопросов, связанных с соотношением общего и национального в искусстве. В частности, проблемы этнопсихолингвистики находят прямое приложение в литературе и фольклористике.

Наконец, этнопсихолингвистика имеет еще одну очень важную область приложения — деятельность средств массовой информации и пропаганды. Знание и изучение данной проблематики важно для повышения эффективности текстов, рассчитанных на национальную и иностранную аудиторию, для эффективной организации и осуществления различных видов социального общения с такой аудиторией (публичная речь, телевидение, кино).

Помимо перечисленных прикладных областей, этнопсихолингвистическая проблематика, как показывает практика, оказывается существенной для ряда других вопросов. В качестве примера можно привести криминалистику и судебную психологию, вопросы подготовки

¹² В. Н. Крупнов. Психологический анализ трудностей перевода. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

учебных, рекламных, агитационных текстов, разного рода визуальной информации.

Итак, основное содержание настоящей книги — этнопсихоллингвистика. Она включает в себя четыре типа материалов. Во-первых, это теоретические разделы, в которых обсуждаются методологические, социально-психологические, семиотические и прочие аспекты этнопсихоллингвистики. Во-вторых, это разделы, где анализируются отдельные научные проблемы как в форме обзоров, так и на оригинальном фактическом, в том числе и экспериментальном материале. В-третьих, это материалы, описывающие некоторые методики этнопсихоллингвистики. Наконец, это разделы, в которых собраны описания этнопсихологических особенностей различных национально-культурных общностей, в основе которых лежит разработанный Группой психоллингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР вопросник по культурно-национальным особенностям речевого поведения (он полностью приведен в приложении). Эти описания неравноценны по объему и степени детализации, но в совокупности дают достаточно яркое представление о различиях в сфере национально-культурного общения и наглядно демонстрируют возможность их исследования.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО И НЕРЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Феномен общения является внутренне сложным и многоаспектным и поэтому вполне естественно, что проблема общения разрабатывалась представителями целого ряда научных дисциплин. Среди них философы и антропологи, социологи, психологи и лингвисты.]

Первые попытки построить адекватные теории общения были предприняты социологами, исследовательской методике которых присущ специфический комплексный подход к изучаемым проблемам. Успехи социологов оказались более значительными по сравнению с представителями других дисциплин, например, по сравнению с достижениями языковедов, еще и потому, что основное внимание социологов было направлено на изучение ос-

новных, конституирующих характеристик феномена общения, а именно, на изучение социальных отношений, реализующихся в общении. Социальные отношения, связывающие общающихся, являются субстратным уровнем, включающим в имплицитной форме психологические, социально-психологические и социальные параметры взаимодействующих коммуникантов, что и заставляет социологов использовать комплексный подход при изучении социальных феноменов.

Именно отсутствием такого комплексного подхода к изучаемым явлениям объясняется тот факт, что лингвисты в меньшей мере преуспели в изучении феномена общения.

Тем не менее в настоящее время могут быть намечены некоторые основные требования к комплексному изучению общения в его социопсихолингвистическом плане. Для социопсихолингвистического изучения общения необходимо, во-первых, разработать адекватную теорию взаимодействия личностей в процессе общения. Такой теорией могла бы быть «социологизированная» теория деятельности Л. С. Выготского, причем «социологизацию» теории деятельности можно было бы осуществить путем переформулирования некоторых ее понятий в терминах теории ролей¹³.

Во-вторых, модели общения, построенные для удовлетворения нужд социопсихолингвистического изучения феномена общения, должны быть антропоморфны. Выполнение требований антропоморфности моделей общения позволит, например, оперировать понятием смысла¹⁴, без которого изучение феномена общения в настоящее время едва ли целесообразно. Социальные параметры коммуникантов отражаются в речи или намеренно (когда адресант сознательно ориентирует свое вербальное поведение на

¹³ Е. Ф. Тарасов. О понятийном аппарате социологии речевой деятельности. «Труды института. Иностранные языки», № 8. М., 1972; *Он же*. Социальное взаимодействие в речевом общении. «Материалы IV всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации». М., 1972.

¹⁴ В данном случае мы исходим из понимания смысла, изложенного в работах: А. П. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения. «Изв. АПН РСФСР», вып. 7. М., 1947; А. А. Леонтьев. Смысл как психологическое понятие. Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. Изд-во МГУ. М., 1969.

апперципирующие способности адресата, на определенные этические ограничения, обусловленные социальным статусом получателя сообщения), или отражаются непроизвольно (когда в речи «моделируется» уровень владения языком, социальное происхождение, локальная принадлежность, социальные роли адресанта).

Не следует полагать, что моделирование социальных параметров коммуникантов приводит к построению социолингвистической модели коммуникативного акта, исключающей социально-психологическую или психологическую (в понятиях психологической теории личности, например) интерпретацию. Модель коммуникативного акта может быть признана адекватной лишь в том случае, если она удовлетворительно объясняет процесс общения как процесс социопсихолингвистический.

Одним из рабочих понятий, удовлетворяющих требованию антропоморфности коммуникативного акта и позволяющих адекватно описать социальные параметры общающихся, является в социологии и социальной психологии понятие социальной роли¹⁵.

В связи с тем, что проблема общения является частью таких фундаментальных проблем, как проблема соотношения мыслительной (вербальное и невербальное мышление) и внешней деятельности, проблема детерминации генезиса психики человека, решение проблемы общения полностью зависит от того, какая концептуальная система используется для построения теорий мыслительной и внешней деятельности, теории генезиса психики человека. Такой концептуальной системой, используемой нами, является теория деятельности и ее лингвистический модификат — теория речевой деятельности¹⁶.

¹⁵ О понятии социальной роли см.: *L. J. Neiman and J. W. Huges. The problem of the concept of role — a re-survey of the literature. «Social Forces», 1951, № 30; Sarbin T. R. Role theory. «Handbook of Social Psychology», vol. 1. Ed. G. Lindzey. Cambridge, Mass., 1954; «Role Theory: Concept and Research» (Eds. B. J. Biddle, E. J. Thomas). N. Y.—London—Sydney, 1968.* См. также следующие отечественные работы: *И. С. Кон. Социология личности. М., 1965; Он же. Личность и ее социальные роли. «Социология и идеология». М., 1969; А. Кречмар. О понятии аппарата социологической концепции личности. «Социальные исследования», вып. 5. М., 1970; В. А. Ядов. Социологические исследования. М., 1972.*

¹⁶ *А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972; Он же. Проблема деятельности в психологии. «Вопросы философии»,*

В рамках теории речевой деятельности требуют своего решения проблемы: 1) детерминация нетождественности вербальной категоризации реальной действительности в разных языках (проблема национального смысла слов); 2) национальная специфика структуры акта общения; 3) узуальное употребление вербальных средств в общении; 4) национальное своеобразие соотношения вербальных и невербальных компонентов коммуникации.

Чужая культура усваивается только в процессе какой-либо деятельности: учебной, практической или любой другой. Осуществлению собственно деятельности предшествует этап ориентировки в условиях деятельности: на этом этапе происходит осознание усваиваемых фрагментов чуждой культуры, «переформулирование» чужой культуры в терминах своего лингвокультурного опыта. Таким же образом познается не только чужая культура, но и ранее неизвестные фрагменты своей культуры: происходит перенос мыслительных действий, отработанных в одной сфере деятельности, в другую сферу, когда какая-либо задача не может быть решена прежними способами.

Отдельнее всего национальная специфика проявляется в деятельности. Сама деятельность реально существует в действиях, которые в зависимости от условий совершаются определенными способами (операциями). Общественно-исторический опыт и его национальная специфика прежде всего воплощены в операциях, а также в «наборах» операций, предназначенных у разных народов для выполнения идентичных деятельностей.

Одной из основных характеристик операции как структурного элемента деятельности является определенная свобода выбора операции. Хотя выбор операции зависит от условий, всегда существуют альтернативные решения.

Там, где речь идет о социальном взаимодействии, многие правила (операции в собственном смысле слова) не являются рациональными и адекватными наличным условиям. Общественно-исторический опыт, в том числе и операции социального взаимодействия, транслируются во времени разными способами.

1972, № 9; *Оп. же.* Деятельность и сознание. «Вопросы философии», 1972, № 12; *Оп. же.* Деятельность и личность. «Вопросы философии», 1974, № 4, 5; Теория речевой деятельности. М., 1968; Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Например, при трансляции обычая программа деятельности передается от поколения к поколению в нерасчлененном виде, не предусматривая разделения субъекта, объекта, процесса и способа деятельности и воспроизводя некоторый комплекс для настоящего и будущего¹⁷.

При «традиционном» способе, т. е. при трансляции культуры в форме традиций, культура выступает для реципиента как некоторое соотношение негативных и позитивных санкций¹⁸.

Культура включает в себя регулятивные элементы: идеалы, нравственные нормы, традиции, обычаи и т. п., — в совокупности они и составляют социальные нормы поведения, соблюдение которых является непременным условием сохранения общества как интегрированного целого.

Особую роль в этом играет язык (и другие знаковые системы), так как язык, вернее речь (речевое поведение, речевая деятельность), является средством передачи социального опыта индивидам, и в рамках этого опыта социальные нормы поведения, являясь одним из устойчивых фрагментов культуры, представляют собой специфически национальную форму проявления универсальной и «организационной» функции культуры¹⁹.

Δ Социальные нормы поведения являются необходимым условием существования общества, регулируя социальное взаимодействие людей в процессе их практической деятельности. Генетически нормы — это отчужденная от конкретных носителей абстрагированная деятельность, зафиксированная в знаковой форме или передаваемая непосредственно путем показа (обычай, ритуалы). Своеобразие практической деятельности конкретной нации обуславливает национальное своеобразие ее культуры и, в частности, социальных норм. Поэтому дальнейшее развитие национальных черт культуры так же прогрессивно, как и развитие интернациональных.

Национальная специфика общения проявляется как в социальном взаимодействии (интеракции) коммуникантов, реализующих в каждом акте общения социальные

¹⁷ Ю. А. Левада. Сознание и управление в общественных процессах. «Вопросы философии», № 5, 1966, стр. 67.

¹⁸ Там же, стр. 68.

¹⁹ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, стр. 76—77; Ю. В. Бромлей. К понятию «этнос». «Расы и народы», 1971, № 1, стр. 20.

связи, так и в речи, «обслуживающей» это социальное взаимодействие. И речевое, и неречевое общение коммуникантов регулируется едиными социальными нормами речевого общения сверх того — специфическими для данного языка правилами.

Речь в структуре неречевой деятельности обладает статусом действия — речевого действия. Входя в разные деятельности, одни и те же действия, меняясь по мотивации, изменяют свой смысл, т. е. то содержание, которое извлекают из них коммуниканты. Идентичные речевые действия могут совершаться разными операциями. Одно и то же речевое действие — приветствие может выполняться самыми разными способами, приспособленными к конкретным условиям. Приветствия в русской культуре *Добрый день! Здравствуйте!* могут быть адресованы почти любому коммуниканту в любой социальной ситуации. Приветствия *Здорово! Привет!* являются узуальными при общении равных по социальному статусу коммуникантов в неофициальной структуре (преимущественно). Обращенные к коммуниканту, занимающему более высокий социальный статус по сравнению с адресантом, эти же приветствия приобретают несколько иной смысл. Они означают уже не приветствия, а свидетельствуют о том, что 1) владельца более высокого социального статуса хотят оскорбить; 2) что приветствующий игнорирует разницу в положении социальных статусов и т. д.

Итак, как уже было отмечено, структура деятельности и, в частности, статус речевых действий в ней являются, по-видимому, универсальными и поэтому ни структура деятельности в целом, ни статус речевых действий в структуре деятельности не дают ответа на вопрос о причинах возникновения национальной специфики вербальной категоризации деятельности. Однако все же именно в анализе структуры деятельности следует искать ответ на вопрос о значимых признаках того феномена, который именуется национальной спецификой общения.

Дело в том, что вербальная категоризация действительности осуществляется в структуре не любой деятельности, а деятельности познавательной, просто по той причине, что вербально категоризируемая действительность членится только в процессе познавательной деятельности.

В советской психологии общепризнанным является представление о мышлении как познавательной деятель-

ности, которая имеет как внешнюю форму в виде действий с внешними предметами, так и внутреннюю — в виде теоретической деятельности. Обе разновидности изоморфны, что подтверждается возможностью перехода внешней мыслительной деятельности во внутреннюю и наоборот²⁰. В онтогенезе на первых стадиях развития перевод мыслительной деятельности из внутренней формы во внешнюю осуществляется ребенком регулярно, когда ему не удается осуществить мыслительные действия в непривычной для него внутренней форме²¹. Существенно подчеркнуть, что теоретическая (познавательная) деятельность во внутренней форме является дериватом внешней деятельности. Подобная «полиморфность», по выражению А. Н. Леонтьева, имеет принципиальное значение для «фактического преодоления абсолютного метафизического противопоставления внутренней теоретической деятельности и деятельности чувственной, мысли и практического действия»²².

Итак, мыслительная деятельность во внутренней форме — это опосредованная речью внешняя практическая деятельность в обобщенной, редуцированной форме. Следовательно, решая вопрос о национальной специфике вербальной категоризации реальной действительности, разумно предположить, что если и есть нечто специфическое в мыслительной деятельности носителей того или иного языка, то источник его следует искать во внешней деятельности, деривате мышления. Но, анализируя структуру деятельности, мы пришли к выводу, что эта структура универсальна и вся национальная специфика «гнездится» в операциях — способах совершения действий, которые (способы) целиком зависят от условий. Под условиями не следует понимать только естественные условия окружающей среды; человека в его деятельности окружают не только природные условия, но и предметы, созданные людьми, — артефакты, в которых овеществлена деятельность прежних поколений, не говоря уже о нормах социального взаимодействия, которые являются су-

²⁰ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. «Психологическая наука в СССР», т. 1. М. 1959.

²¹ Д. Б. Эльконин. Детская психология. М., 1960.

²² А. Н. Леонтьев. Мышление. «Философская энциклопедия», т. 3. М., 1964, стр. 515.

губо человеческими произведениями. Поэтому общность географических условий существования двух народов еще не ведет автоматически к абсолютной тождественности операций.

Для окончательного решения вопроса о роли практики в вербальной категоризации действительности необходимо уяснить место слова в мыслительной деятельности. К сожалению, мы пока еще не располагаем достоверными данными по этому вопросу, хотя имеются отдельные работы, посвященные данной проблематике²³. Поэтому наши рассуждения носят в известной мере гипотетический характер.

Мыслительная деятельность имеет трехфазную структуру: ориентировка в условиях деятельности и ее планирование, осуществление и контроль (сличение полученных результатов с ожидаемыми).

Мышление начинается в проблемной ситуации, когда человек обычными, известными ему до сих пор способами не может выполнить какую-либо деятельность. «В таком случае он чувствует себя принужденным отказаться от активной деятельности, приостановиться и вместо очередного акта поведения обратиться к «объективации», т. е. вторичному переживанию проблемной ситуации. Это дает возможность перенести активность своего поведения в область теории — он обращается к мышлению с тем, чтобы разрешить возникшую перед ним проблему и таким образом удовлетворить специфическую потребность, выросшую на основе объективации»²⁴.

Совершенно очевидно, что фаза ориентировки, важная в любой деятельности, в мышлении становится доминирующей, ибо сориентироваться в проблемной ситуации — это значит определить в ней известное и неизвестное, другими словами, соотнести проблемную ситуацию с категориями своего социального опыта, с категориями своей культуры. На познавательную деятельность накладывается «сетка» социального опыта общества; универсальным средством фиксации этого опыта является естественный язык.

²³ В. В. Давыдов. Анализ структуры мыслительного акта. Сообщение I. «Доклады АПН РСФСР», 1960, № 2; М. С. Шехтер. Об образных компонентах речевого мышления. «Доклады АПН РСФСР», 1952, № 2—3.

²⁴ Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966.

Точнее следует говорить не о накладывании «сетки» социального опыта общества на познавательную деятельность, так как это может вызвать представление о существовании у языка активного начала, определяющего структуру познания, как это трактуется в теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, а о том, что социальный опыт в вербальной форме посредством языковых значений, и также в невербальной форме в виде социально одобренных операций (эталонные восприятия) опосредует познавательную деятельность.

Есть даже основание полагать, что ориентировка осуществляется по крайней мере на каком-то этапе преимущественно в речевой форме²⁵, так как речевое опосредование ориентировочной фазы создает возможности для соотнесения проблемной ситуации с категориями социального опыта на высокой ступени обобщения, которое является самой отличительной чертой человеческого мышления. Во всяком случае, если относительно вербальных механизмов мыслительной деятельности нам остается высказывать более или менее гипотетические соображения, то формы выражения мышления в речи мы можем подвергнуть конкретному анализу, экстраполируя национальную специфику речевого выражения мышления на саму мыслительную деятельность.

Национальную специфику речевого выражения мышления на фазе ориентировки удобно показать на анализе языковых сравнений, метафор и метонимий. Дело в том, что в языковом сравнении (как, впрочем, и в метафоре и метонимии) происходит перенос обобщенного языкового знака на новый предмет, если в этом предмете обнаруживается объективное содержание данного знака. Здесь легко увидеть прямую аналогию мыслительным процессам в ориентировочной фазе. В языковом сравнении тождество информации в сравниваемых объектах является основой для переноса языкового знака на анализируемый предмет или явление. Содержание языкового знака — «образ» обозначаемого объекта, по М. С. Шехтеру²⁶, — обычно соотносимое со знаком в «свернутой» форме, в операции сравнения «развертывается». Актуализация, «развертывание» содержания языковых знаков, осуществляется

²⁵ В. В. Давыдов. Указ. соч.

²⁶ М. С. Шехтер. Об образных компонентах речевого мышления. «Доклады АПН РСФСР», 1952, № 2—3.

не в любой мыслительной деятельности и поэтому в языковом сравнении, отождествляемом нами с вербальной фиксацией некоторых фрагментов ориентировочной деятельности, имеется возможность наблюдать содержание языковых знаков. Языковое сравнение — это вербальная фиксация определенных элементов мыслительной деятельности, иногда сводимых к логическим операциям анализа и синтеза. Несомненно, эти логические понятия пригодны для описания некоторых сторон мыслительной деятельности, но они далеко не исчерпывают всей реальности психических процессов мышления. Это отчетливо видно уже на языковых сравнениях.

Неслучайно М. Ауэзов²⁷, казах, пишущий о жизни казахов, в качестве *tertium comparationis* (общего содержания) сравниваемых объектов, использует фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью казахов — скотоводством.

У М. Ауэзова «речка узкой лентой сползает... подобно длинному плетенному аркану», юрты белеют, «точно гусиные яйца в камышах», один из героев повести (Ибрай), подкарауливая врага, «...выжидал, как ловчий беркут, желанной минуты, когда, наконец, хозяин снимет с его глаз шапочку-тамгу, он взмоет в небо и ему откроется в камнях и травах красный огненный хвост лисы»; «...скалы катятся с крутизны, срываясь, как беркуты на взлете, заслоняя и изламывая степной горизонт»; «...пристав побагровел, ноздри его раздулись, как у коня на байге». Особенно показательна метафора, вложенная автором в уста одного из действующих лиц: «Он один держит Сивого Загривка на свинцовом аркане» — держит его под обстрелом.

У абхазского писателя И. Тарбы в языковых сравнениях в качестве *tertium comparationis* фигурируют уже фрагменты социального опыта другого народа²⁸.

«...Холмы, ...подобно башлыку, обвивающему шею горца, обвиваются бесчисленными тропинками»; «...холм, ...круглый, как сванская шапка»; струйки воды «образуют сосульки, похожие на чурчхелы»; «...теперь она называет всех парней, как чурчхелы, на ниточку²⁹;

²⁷ М. Ауэзов. Лихая година. «Новый мир», 1972, № 6.

²⁸ И. Тарба. Солнце встает у нас. М., 1972.

²⁹ Чурчхелы 'засахаренные грецкие орехи'.

«их речи вились одна около другой, как две виноградные лозы, обвивают дерево сначала по стволу, а потом разветвляются и по сучьям».

Но у И. Тарбы, описывающего современную жизнь абхазцев, в сравнениях отражен и иной социальный опыт, который является продуктом современной жизни.

«Мы перебрасываемся словами, вроде как футболисты мячом во время разминки»; «судьба похожа... на железобетонную глыбу, которую не своротить с пути и не прошибить пулей», «все вспыхнуло в памяти, как вспыхивает спичечная головка от легкого трения о шершавую стенку коробки».

Из приведенных примеров следует, что два слова в двух разных языках, обозначающие один и тот же предмет в культуре двух народов и являющиеся переводными эквивалентами, неизбежно связываются с нетождественными содержаниями (имеющими, однако, инвариантную часть — инвариант перевода), и это позволяет говорить о «национальных смыслах» языковых знаков.

В основе различения значения и смысла слова лежит мысль, восходящая к работам Л. С. Выготского о несовпадении общественного опыта, объективированного в форме значения, и субъективного опыта, возникающего у личности в результате осознания значения слова в структуре конкретной деятельности. Иначе говоря, смысл может рассматриваться как аналог значения в конкретной деятельности³⁰ или как форма реального существования значения слова в мышлении носителя языка.

Значение слова — это «то, что открывается в предмете или явлении объективно — в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость»³¹.

Но значение реально существует, осознается носителями языка в определенной деятельности и в ней приобретает субъективный для каждого носителя смысл. Если принимать во внимание, что значения слов (речевых действий) осознаются в деятельности, каждая из которых в той или иной мере несет на себе черты национальной

³⁰ А. А. Леонтьев. Смысл как психологическое явление. «Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком».

³¹ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 288.

специфики, то вполне оправданно говорить о национальных смыслах слов, речевых действий и т. п.

Смысл слова в некотором языке может рассматриваться как национальная форма вербализованного общечеловеческого содержания. Существование такой национальной формы следует из тезиса о национальной форме общечеловеческой культуры. Наличие не совпадающего в разных языках содержания у слов, соотносимого с тождественными реалиями, определяется национальной спецификой деятельности и возникающими на ее основе социальными отношениями.

Обратимся к рассмотрению культуры абхазского народа. «Ох, эти наши абхазские обычаи!... Одно слово, освященное старинным обычаем, может связать человека по рукам и ногам. Амра назвалась Алдызу сестрой. Значит, теперь, если Алдыз вздумал бы говорить с нею о любви, это было бы бесчестьем, как если бы Амра была действительно его сестрой по крови»³². Даже если отвлечься здесь от известного преувеличения категоричности абхазских обычаев, трудно представить, чтобы, например, в русской культуре подобные речевые действия имели бы аналогичный смысл для отношений влюбленных.

На этом примере удобно показать еще один аспект национальной специфики общения.

У разных народов коммуникативные акты, стандартные по составу коммуникантов: муж — жена, отец — сын, брат — сестра, гость — хозяин и т. д. регулируются негосударственными социальными правилами, что является естественным, если помнить о включении каждого акта общения в более широкие социальные системы.

У тех же абхазцев на поведение гостя наложено ограничение, которого нет, например, у русских. Гость в абхазском доме не может говорить девушке из этого дома о своей любви.

Многообразны варианты, наблюдающиеся у разных народов в вербальных и невербальных приветствиях (прощаниях). Объяснение этого многообразия следует искать в том, что приветствие как начало взаимодействия коммуникантов является по сути дела универсальным элементом любого или почти любого акта общения и, следовательно, функционируя в актах общения с различными социаль-

³² И. Тарба. Солнце встает у нас.

ными правилами, оно должно отвечать различным требованиям. Так, в обращениях могут отображаться функциональные связи коммуникантов — связи функций, которые коммуниканты выполняют в некоторой социальной системе, например, «студент—декан», в то же время в приветствии студента декану могут быть отображены иные статусные связи, показывающие различие ролей (функций) в пределах некоторой шкалы престижей.

В современной Чехословакии одновременно с обращением *товарищ декан, товарищ ректор* употребляется и обращение *Ваша Спектабилита* и *Ваша Магнифициция*. В ЧССР существует несколько социально ориентированных форм приветствия. Так, Э. Крижан и Ю. Орлик, пишут, что «...в наши дни приветствие *честь труду* получило широкое распространение и большую популярность в ЧССР. ...С приветом *честь труду* обращаются друг к другу знакомые без различия пола, возраста и положения, учащаяся молодежь, солдаты и все лица, носящие униформу. Его употребляют и в письменной форме, заканчивая деловые, официальные, а иногда и личные письма. Приветствие *наздар* (пожелание удачи) особенно распространено среди чехословацких спортсменов, хороших знакомых, ровесников... В деревне принято говорить на прощание *желаю вам доброго здоровья*». Эти же авторы отмечают, что «в странах, находившихся веками под венгерским, австрийским или немецким влиянием, привилось приветствие *целую ручки...*»³³.

Ориентация на соотношение социальных статусов четко прослеживается в специфической форме японского невербального приветствия — поклоне, когда встречающиеся «...сгибаются пополам, застывают на месте и опускают головы... Потом... украдкой бросают взгляд, чтобы обоим выпрямиться одновременно... Тот, кто опережает другого,— мужлан... Но прежде всего надо уметь оценить своего визави. Есть три возможности: он может быть выше вас, ниже или равен по рангу — в зависимости от возраста, родословной, состояния, родственных связей, служебного положения и многих других обстоятельств, и все их надо быстро принять во внимание»³⁴.

³³ Э. Крижан, Ю. Орлик. О правилах приличия. Братислава, 1968, стр. 31—32.

³⁴ Ж. П. Шаброль. Миллионы, миллионы японцев... М., 1971, стр. 73—74.

В русском узусе обращение к определенному лицу просто по имени или по имени и отчеству, или обращение типа *товарищ Иванов (Вася, Василий Петрович, т. Иванов)* строго регулируется в соответствии с возрастными и социальными признаками.

В ГДР обращение *Genosse* принято только среди членов СЕПГ между собой, в более широком служебном кругу употребляется слово *Kollege*. Широко употребляются обращения *Herr N, Frau N, Fräulein N*. Преподаватель вуза, например, обращается к студентам, употребляя именно эти обращения. Назвать просто по имени можно только близкого знакомого или друга. Русский узус допускает употребление таких социально ориентированных формул приветствия, как: *Здравствуйте* (при фонетически редуцированной формуле *здрасьте*), *доброе утро, добрый день, вечер, как дела, как поживаете, привет, здорово, салют, чао* (вошло в употребление среди молодежи в самое последнее время). Широко распространены в русском узусе такие речевые формулы в ситуации прощания, как: *До свидания, счастливого пути, честь имею, всего хорошего, всего доброго (всего), будь здоров, прощай, спокойной ночи, привет, пока (покедова), салют, адью, чао* (вошло в употребление в самое последнее время), *наше вам с кисточкой, скатертью дорога, пошел, убирайся вон (вон), катись колбаской по Малой Спасской*.

В немецком узусе наблюдаются следующие речевые формы при встрече и прощании, имеющие своим референтом некоторую строго определенную лингвосоциальную ситуацию, которую мы в данном случае не раскрываем: *Guten Morgen, Guten Tag, Guten Abend, auf Wiedersehen, mach's gut, bye, bye; addio, ade, adieu, also behüt dich Gott... leb wohl... Salü, Servus... gehab dich wohl, alles Gute in diesem Sinne, Hals — und Beinbruch, Marsch!... mach, dass du rauskommst*³⁵.

«...Эскимосы реки Коппер приветствуют чужеземцев ударом кулака по голове или по плечам, а жители северо-западных районов Амазонки хлопают друг друга по спине в знак приветствия. Полинезийцы обнимаются и потирают друг другу спину: южноамериканские испанцы (мужчины) приветствуют друг друга стереотипным объятием:

³⁵ F. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1959, стр. 244 (8.18).

голова над правым плечом партнера, три хлопка по спине, голова над левым плечом партнера, еще три хлопка... Двое курдов при встрече хватают друг друга за правую руку, поднимают руки, не разжимая их и попеременно целуют друг другу руки. Андаманцы садятся друг другу на колени в знак приветствия, обнимаются за шею и при этом плачут; так приветствуют друг друга братья, отец и сын, мать и дочь, муж и жена, и даже друзья; интересно, что при этом муж садится на колени жене. Прощальное приветствие состоит у андаманцев в том, что подносят руку партнера ко рту и тихонько дуют на нее»³⁶.

Анализ взаимодействия языка и культуры сложен именно потому, что области языка и культуры, если говорить о вербальной культуре, противопоставленной невербальной, не только взаимно пересекаются, но, как правило, язык, являясь способом существования вербальной культуры, в то же время сам является культурно-историческим образованием. В страноведении эта двойственная функция языка приводит к его рассмотрению как предмета научения и предмета соизучения³⁷. Многоаспектность проблемы взаимодействия языка и культуры заставляет вычленять и описывать некоторые существенные стороны этого взаимодействия (системный, комплексный, коннотативный и узуально-поведенческий комментарий)³⁸. Но анализируя и описывая взаимодействие некоторого языка и некоторой культуры в их противопоставлении другим языкам и культурам, следует учитывать, что основным конструктивным элементом здесь является противопоставление узуального неuzuальному. Оно может рассматриваться в границах одной лингвокультурной общности как противопоставление своего чужому³⁹, ибо речевое и неречевое поведение носителя того или иного языка является в силу социально-психологических причин, как правило, узуальным. Таким образом, противопоставление узуального речевого и неречевого поведения неuzuальному существует в том случае, если полагать

³⁶ *W. La Barre. Paralinguistics, kinesics and cultural anthropology. «Approaches to Semiotics», London — Paris, 1964.*

³⁷ *Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров. Лингвистическая проблематика становления в преподавании русского языка как иностранного. Изд-во МГУ, 1971, стр. 4.*

³⁸ Там же, стр. 83, 84.

³⁹ *Г. Шпет. Введение в этническую психологию. М., 1927, стр. 146.*

каждую лингвокультурную общность узуально однородной внутри самой себя.

Выделяя в понимаемом таким образом узусе речевые и неречевые формы поведения, укажем, что речевые формы, рассмотренные в чисто лингвистическом аспекте, есть онтологические формы существования языка в его семантическом и операционном аспектах. [Наблюдение над функционированием речевых норм в тех или иных лингвокультурных общностях есть в сущности оценка языковых явлений в их культурологических противопоставлениях: «Известно, что речевые нормы употребления подлежащего неодинаковы в разных языках. Так, по нормам английской и французской речи употребление подлежащего обязательно почти для каждого предложения, даже когда подлежащее представляет собой лишь десемантизированный формальный знак. Напротив, для испанской речи характерна иная норма, реализация подлежащего лишь в тех случаях, когда его употребление необходимо с содержательной точки зрения. Русская речь характеризуется системой норм, занимающей промежуточное положение: в одних стилях употребление подлежащего необходимо почти во всех случаях, как в английской или французской речи, в других употребление подлежащего санкционируется только прямой логико-семантической необходимостью определения грамматического субъекта»⁴⁰.

Для культурологических исследований семантические и операциональные аспекты речевых форм поведения не менее интересны, чем неречевые формы поведения (существующие лингвистически и паралингвистически), но семантический аспект речевых форм поведения представляется наиболее существенным для культурологических противопоставлений: «...знаки являются не только приметам вещей, но и сообщениями о них... бытие соответствующих вещей не ограничивается чистым явлением знаков»⁴¹. Но не ограничиваясь чистым явлением знаков, бытие вещей в области вербальной культуры выступает только как описание этих вещей при помощи знаков, и тем самым в культурологическом исследовании бытие вещей может существовать только как противопоставление одного описания другому.

⁴⁰ Ю. В. Ванников. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969, стр. 33.

⁴¹ Г. Шпет. Указ. соч., стр. 62.

Таким образом, рассмотрение одной лингвокультурной общности как узуальной, а другой как неузуальной (но только по отношению к узуальной) предполагает понимание узуса как совокупности форм речевого и неречевого поведения, и само это рассмотрение может вестись на: 1) узуальном речевом уровне (семантикокультурологический аспект речевого поведения); 2) узуальном неречевом уровне, на котором возможны случаи, когда неречевое поведение разворачивается в вербальной форме и тем самым принадлежит в определенной мере к первому уровню или когда «невербальные средства коммуникации замещают речевое высказывание, сохраняя его структуру или передавая речевую структуру в измененном виде»⁴². Эти случаи можно рассматривать как не принадлежащие собственно вербальной культуре, но при описании их речевыми средствами они могут рассматриваться как пограничные, т. е. принадлежащие и вербальной, и невербальной культуре. Именно допущение узуальной однородности, на фоне которой другая узуальная однородность рассматривается как инокультурная, положено в основу, например, статей Г. Д. Гачева⁴³ и А. Ф. Троцевич⁴⁴; причем, противопоставленность одного узуса другому сохраняет свою силу и на уровне синхронии, и на уровне диахронии. Но не исключены случаи, когда эта однородность лингвокультурной общности разбивается на ряд состояний, однородных только на протяжении некоторого временного отрезка.

Весьма наглядный пример оценки речевых форм поведения у арабов как форм инокультурных дан в «Зримой тьме» Н. Льюиса: «„Доброе утро, мистер Лейверс!“ — Кобтан опустил на стул рядом со мной. Он снял феску, вытер лоб и снова надел ее. „Безгранично счастлив видеть вас“, — продолжал он. „Надеюсь, вы здоровы?“ — „Слава богу“. — „Надеюсь, и вы тоже?“ — „Слава аллаху“. Кобтан служил мелким чиновником в местном налоговом уп-

⁴² Т. М. Николаева. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка. «Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного». Изд-во МГУ, 1969, стр. 51.

⁴³ Г. Д. Гачев. О национальных картинах мира. «Народы Азии и Африки», 1967, № 1.

⁴⁴ А. Ф. Троцевич. Символы в языке корейской средневековой поэзии. «Народы Азии и Африки», 1971, № 6.

равлении и в течение двух последних лет время от времени давал мне уроки арабского языка. Длительный обмен комплиментами был обязательной прелюдией к серьезному разговору. Арабы Северной Африки — большие формалисты. Еще на самых первых уроках Кобтан объяснил мне, что каждый, кто говорит по-арабски, должен благодарить бога за состояние своего здоровья, каким бы оно ни было. „Рад вас видеть, господин Кобтан“. В соответствии с местными представлениями о хороших манерах эту фразу можно было повторять хоть тысячу раз»⁴⁵.

По данным Ж. П. Шаброля, стереотипной формой разговора в Японии является такая, в которой преобладают самоуничижительные формы: «...„жалкий тип“ станет говорить о своей „мерзкой жене“, о „детях — сущих крестинах“, о своем „хлеве-развалюхе“, о „ваших царских покоях“, о „вашей супруге ослепительной красоты и редких добродетелей“».

Такие обычные для русского и шире — западноевропейского узуса обращения, как «товарищ директор Ковалик, товарищ секретарь Быстрицкий»⁴⁶, по мнению Б. Пильняка, существуют в «перевернутом» виде в Японии: «В Европе говорят — гражданин Петр Иванов, мистер Стивен Грээм, — в Японии сначала фамилия, затем имя, потом сан»⁴⁷. Ср. также наблюдения В. Овчинникова над спецификой японского речевого поведения: «Например, наиболее широко известное иностранцам слово *аригато*, которое мы привыкли переводить как „спасибо“, буквально значит: „Вы ставите меня в трудное положение“. Другой близкий ему оборот *сумимасен* означает: „Теперь мне вовек с вами не рассчитаться...“⁴⁸. «В разговорах люди всячески избегают слов *нет, не могу, не знаю*, словно это какие-то ругательства, нечто такое, что никак нельзя высказать прямо, а только иносказательно, обиняком. Даже отказываясь от второй чашки чая, гость вместо *нет, спасибо* употребляет выражение, дословно означающее „мне уже и так прекрасно“⁴⁹. Все это хорошо согласуется и с наблюдениями В. А. Алпатова над средствами выра-

⁴⁵ М. Льюис. Зримая тьма. М., 1963, стр. 97.

⁴⁶ Э. Крижан, Ю. Орлик. Указ. соч., стр. 45.

⁴⁷ Б. Пильняк. Камни и корни. М., 1935, стр. 13.

⁴⁸ В. Овчинников. Ветка сакуры. «Новый мир», 1970, № 2, стр. 210.

⁴⁹ Там же, стр. 210.

жения вежливости, одной из важных особенностей японского речевого поведения⁵⁰.

Противопоставление и описание этих или каких-либо других форм речевого поведения в их функциональной направленности (ср. в этой связи статью В. Г. Костомарова «Междометия в английском языке», в которой подробно разбираются различия и совпадения в употреблении междометий в английском и русском узусе⁵¹), по-видимому, не представляют принципиальной трудности в силу существования этих форм как языковых феноменов. Гораздо большую трудность могут представлять для описания речевые формы некоторого узуса как в силу отсутствия эквивалентов в другом узусе, так и потому, что описание форм поведения может давать лишь приблизительное представление о наблюдаемом явлении.

Именно к такому типу можно отнести ту форму речевого поведения, которая описана С. Сёдергреном: «Быстро стемнело, и мы зажгли керосиновую лампу. „Кокорро ко“, — послышался голос за дверью. Конголезцы не стучатся, только голосом подражают стуку. Вошел местный вождь, очень высокий старый мужчина...»⁵². Данная форма, реализуясь как единственная в описываемой лингвокультурной общности, в русском узусе может реализоваться как: 1) звуковой жест (подражание стуку); 2) само действие (стук в дверь); 3) некоторое описание звукового жеста или самого действия. Тем самым русский узус оказывается противопоставленным узусу, описываемому С. Сёдергреном, так как при функциональном совпадении русского и конголезского звукового жеста первый существует только в речи детей (или в разговорах взрослых с детьми), а в речи взрослых употребляется только для придания ей амбивалентности.

Гораздо больший интерес, но и большую трудность для анализа и описания представляют формы неречевого поведения, приводимые в статье В. Ла Барра: «...у овимбунду в знак отрицания принято махать рукой перед лицом, вытянув указательный палец; малайские негри-

⁵⁰ В. Г. Аллатов. О вежливо-почтительных формах глагола в современном японском языке. «Вопросы японского языка». М., 1971, стр. 53.

⁵¹ В. Г. Костомаров. Междометия в английском языке. «Принципы научного описания языка». М., 1959.

⁵² С. Сёдергрен. Конго глазами художника. М., 1972, стр. 39.

тосы выражают отрицание, опуская глаза. Семанги резко вытягивают шею вперед в знак согласия. Существуют даже региональные «диалекты» утверждения в ареале индийских народов: в Бенгалии четырежды наклоняют голову от плеча к плечу, так что макушка описывает плавную кривую; в Пенджабе и Синде откидывают голову назад по кривой к левому плечу, причем это движение делается один раз; на американцев оно производит впечатление довольно резкого и непочтительного. На Цейлоне опускают подбородок и отводят его вниз и влево по кривой; часто это движение сопровождается очень красивой паракинемой: правая рука тыльной стороной ложится на ладонь левой руки, как в чашу»⁵³.

Интересные факты неречевого поведения приводятся в статье Ю. Н. Завадовского, анализирующего некоторые из них, исходя из имплицитного противопоставления одного узуса другому: «По одному древнему хадису, чтобы сказать просто *нет*, арабы поднимают голову (турки при этом прищелкивают языком), а чтобы выразить абсолютное отрицание, кусают ноготь на большом пальце правой руки, и затем быстро выбрасывают руку вперед... Нам приходилось наблюдать, как для того чтобы позвать кого-нибудь, европейцы протягивают согнутый указательный палец к себе, держа его повернутым кверху. Магрибинцы в этом случае поступают наоборот: они держат пальцы согнутыми книзу и делают жест, как если бы они что-то скребли»⁵⁴.

Ср. также кинему, описанную в японском романе «Условия человеческого существования»: «...Окидзима, озорно улыбнувшись, сжал кулак и отогнул большой палец и мизинец — это был жест курильщика опиума»⁵⁵. В русском узусе имеется сходная кинема: кулак сжат, большой палец вытянут вверх в знак одобрения.

Существуя в формах речевого и неречевого поведения, узус может рассматриваться не только со стороны лингвистической и паралингвистической. Речевые формы поведе-

⁵³ W. La Barre. Paralinguistics, kinesics, and cultural anthropology. стр. 198, 199.

⁵⁴ Ю. Н. Завадовский. Внесистемная семантика места и звука в арабских диалектах Магриба. «Труды по знаковым системам». Тарту, 1969, № 4, стр. 418.

⁵⁵ Д. Гомикава. Условия человеческого существования. М., 1964, стр. 743.

ния некоторой лингвокультурной общности являются в то же время и формами поведения вербальной культуры, понимая под последней знания о знаниях, данные в языке и через язык. Тем самым каждый данный узус лингвокультурной общности противопоставлен некоторому другому как форма и способ существования своего и чужого знания о знаниях. Весьма показательный пример такого противопоставления дает, например, С. Врубель, анализирующий такие высказывания, как *ци ча* и *пао ча* (русск. 'заварить чай'): «Одно выражение,—пишет С. Врубель,—означает сначала положить чай, а потом залить кипятком, а другое — сначала налить кипятком, а потом положить чай»⁵⁶. Показательно, что «Русско-китайский словарь» описывает 'заварить чай' через *цзянь ча* (*ци ча*) — заварить чай, отдавая кипятком, выпаривая, и через *пао ча* — заварить чай, настаивая, вымачивая, пропитывая его кипятком⁵⁷. Ср. это также с замечанием Ж. П. Шаброля относительно «...*дзитай, баай, дзэ́та, дзэ́кё, арисама, ёсу, моё, дзэ́сэй, дидзё...*, передающие понятия 'обстоятельства', 'среда', 'обстановка', 'положение вещей' (однако все их французские эквиваленты кажутся варварскими и грубыми любому, кто хоть немного «чувствует» японский язык)⁵⁸.

Весьма показательна функциональная направленность бирманских имен (по сравнению с русскими) в смысле большей их обусловленности социальными ролями того или иного индивида: «Как правило, бирманское имя состоит из двух частей: приставки, определяющей место человека в обществе в зависимости от возраста и положения, и собственного имени. Приставка на протяжении жизни человека несколько раз меняется. Так, приставка *Маун* ставится перед именем мальчика или юноши; *Коу* ('старший брат') относится к молодому человеку старше восемнадцати лет, начавшему вести самостоятельный образ жизни (также обращение жены к мужу); *у* ('господин') предшествует имени преуспевшего мужчины; *До* ('гос-

⁵⁶ С. Врубель. Некоторые вопросы развития китайского литературного языка. «Революция и письменность». М., 1936, сб. № 2.

⁵⁷ Русско-китайский словарь под ред. Чэнь Чаң-хао и Б. С. Исаенко. М., 1951, стр. 174.

⁵⁸ Ж. П. Шаброль. Указ. соч., стр. 217.

пожа⁵⁹) предшествует имени женщины, добившейся определенного положения в обществе»⁵⁹.

Культурологические противопоставления на узуальном речевом уровне позволяют делать определенные выводы о развитии мышления и языка некоторой лингвокультурной общности: так, существование на определенном этапе развития в немецком языке слов «...*Fisch* (все, что плавает), *Vogel* (все, что летает), *Wurm* (все, что ползает), *Tier* (все, что бегаёт)⁶⁰, сопоставимо с подразделением древними китайцами животного царства на пять категорий: «...пернатых, поросших шерстью, покрытых раковиной и панцирем, чешуйчатых и безволосых. Высшими видами этих категорий были соответственно феникс, единорог, черепаха, дракон и человек»⁶¹.

Укажем также, что культурная символика вербальной и невербальной культуры (очень часто наблюдаемые явления могут существовать на уровне и вербальной и невербальной культуры) оказывается противопоставленной в различных лингвокультурных общностях. Для японцев «...листья папоротника означают пожелания многих удач в наступающем году, листья мандарина — пожелание, чтобы речь говорящего была насыщена остротами и каламбурами, вечнозеленые листья сосны — долголетие, бамбук — пожелание стойкости и силы, омар с панцирем на спине — чтобы старость была защищена от невзгод»⁶². Что касается русского узуса, то здесь культурная символика другая, не совпадающая с вышеописанной: для русских дуб — это символ мощи и силы, осина ассоциируется с хрупкостью, слабостью, пугливостью (дрожит, как осинный лист; можно отметить, что русские воспринимают это дерево отрицательно: вбивать осинный кол в могилу); береза — ассоциируется с чистотой, стройностью (часто символ женщины, как и рябина), а папоротник — со смертью, кладбищем, черепаха для русского — символ медлительности, заяц — быстроты, торопливости (скачет, как заяц) и трусости (труслив, как

⁵⁹ Д. Ма Ма Лэй. Две жизни. М., 1972, стр. 32—33.

⁶⁰ И. Н. Сухова. К проблеме сопоставительного исследования семантических систем национальных языков. «Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии». М., 1970, т. 54, стр. 30—31.

⁶¹ Гуляка и волшебник. Танские новеллы (7—9 вв.). М., 1970, стр. 352.

⁶² Д. В. Тер-Ованесян. Такой я видел Японию. М., 1968, стр. 189.

заяц), лисица ассоциируется с хитростью, лестью, обманом. Волк — символ злобы, жестокости, медведь — добродушия, простоватости, неуклюжести.

Ср. также символику цвета у монголов, для которых синий цвет — символ неба и вечности, желтый символизирует любовь, белый — благополучие и чистоту ⁶³. В русском узусе черный цвет ассоциируется с несчастьем, бедой, со смертью, белый — с чистотой и свежестью, желтый — с изменой. В рамках невербальной культуры той или иной лингвокультурной общности невербальные элементы этой культуры также обладают самостоятельной ценностью. Стили ходьбы, по мнению В. Ла Барра, это прежде всего результат обучения некоторому невербальному поведению. «По моим наблюдениям, — пишет он, — жители Бенгалии ходят иначе, чем жители Пенджаба: бенгальцы высоко поднимают ноги, сильно сгибают локти и колени при ходьбе; пенджабцы ходят, держась очень прямо, как куклы, все тело их сковано при ходьбе. Южные китайцы ходят совсем иначе, чем сингалезцы, хотя и те, и другие ходят босиком; американские индейцы сильно отличаются походкой от американцев неиндейского происхождения...» ⁶⁴.

Культурологическую ценность в невербальной культуре представляют также явления, рассматриваемые проксемикой (инфракультурный, прекультурный и микрокультурный уровни рассмотрения, по Э. Т. Холлу) ⁶⁵. Так, например, Э. Т. Холл указывает, что европейский архитектор видит линию, японский — точку, пересечение линий. В связи с этим в Японии названия имеют перекрестки, а не улицы. Дома нумеруются не по порядку (по пространственному признаку), а по времени постройки ⁶⁶.

По данным Э. Т. Холла, арабы у себя на родине привыкли к тесноте на улицах и к простору у себя дома (разумеется, арабы состоятельные). Поэтому арабы в США постоянно жалуются на низкие потолки, маленькие комнаты и отсутствие перспективы при взгляде из окон ⁶⁷.

⁶³ Э. Новгородова. Многоцветная Япония. «Вокруг света», 1971, № 7, стр. 11.

⁶⁴ W. La Barre. Paralinguistics..., стр. 195.

⁶⁵ E. T. Hall. The hidden dimension. N. Y., 1966, стр. 101.

⁶⁶ Там же, стр. 105.

⁶⁷ Там же, стр. 107.

Интересно отметить, что дистанция общения также оказывается культурологически значимой: американцы часто жалуются, что иностранцы (арабы, например) подходят к ним слишком близко при разговоре (Get your face out of mine!) ⁶⁸, а англичане в свою очередь, находят, что американцы стоят слишком близко от собеседника, говорят слишком громко и не смотрят собеседнику в глаза ⁶⁹. Анализируя невербальное поведение немцев с точки зрения проксемики, Э. Т. Холл указывает на привычку немцев держать двери закрытыми; у американцев двери, как правило, всегда настежь. Стоя на пороге, человек находится внутри помещения с точки зрения немца и снаружи с точки зрения американца ⁷⁰. Французы, по мнению Э. Т. Холла, привыкли общаться друг с другом на улице, в кафе и ресторане, так как дома у француза часто тесно. Спецификой пространственных ощущений, по-видимому, объясняется и план французского города (звездой): он центробежен не только в архитектурном, но и в социальном плане, в то время как план американского города (решеткой) центростремителен.

Запреты и разрешения, существующие в том или ином узусе, противопоставленном другому, безусловно, относительно с точки зрения культурной ценности этих противопоставлений. Эту относительность хорошо подметил А. Камю: «А кстати сказать, знаете ли вы Грецию?... друзья там прогуливаются по улицам трогательной парой, держась за руку, ...мужчины зрелого возраста, почтенные усатые люди, важно шествуют по тротуарам, сплетая свои пальцы с пальцами друга. На Востоке тоже так бывает? Возможно. Но вот скажите мне, взяли бы вы меня за руку на улице Парижа? Ну, разумеется, я шучу» ⁷¹.

Но, в свою очередь, эта относительность форм речевого и неречевого поведения обладает и самостоятельной диагностической ценностью: Ср. у Мих. Зощенко в «Возмездии»: «Ты пила чай, как мужичка. Я велел тебе подать сахарный песок вместо рафинаду. И ты его брала ложкой,

⁶⁸ Там же, стр. 118.

⁶⁹ Там же, стр. 142—143.

⁷⁰ Там же, стр. 133.

⁷¹ А. Камю. Падение. Избранное. М., 1969, стр. 432—433.

вместо того чтобы положить в чай. Ты никогда не сидела за одним столом с порядочным человеком»⁷².

Как правило, нарушения в узусе вызывают и соответствующую реакцию. Превосходный пример оценки поведения, не соответствующего ожидаемому, дан в повести Т. Гофмана «Мейстер Иоганн Вахт». Когда смотритель при княжеской ризнице, посватавшийся к Реттель, пришел к мейстеру в гости, «...подали блюдо баварских паровых пышек... Воздержанный гость взял ножик и преспокойно разрезал пышку... на мелкие кусочки. Реттель громко вскрикнула и бросилась вон из комнаты. Да будет известно тем из моих читателей, которые не знают, как нужно обращаться с баварскими пышками, что их должно быстро разрывать руками, пока они горячие, и тотчас съесть; если же крошить их ножом, они теряют вкус и не приносят никакой чести состряпавшей их хозяйке. С этого момента Реттель получила величайшее отвращение к умеренному господину ризничему»⁷³.

Именно такие ситуации, являющиеся в сущности противопоставлением некоторых — в данном случае невербальных — норм, принятых в определенном социуме, наиболее четко иллюстрируют зачастую неосознаваемые различия в технологии общения, которые, видимо, и составляют то, что мы называем национальной спецификой некоторой лингвокультурной общности.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Предмет социально-психологических исследований в области этнопсихолингвистики составляют факторы, обеспечивающие воспроизводство речевого общения у носителей определенного национального языка. Естественно, этнопсихолингвистику интересует в первую очередь национально-культурная специфика этих факторов.

В «чистой» психолингвистике проблема воспроизводства речевого общения относится к социально-психологи-

⁷² *Мих. Зоценко. Возмездие. Повести и рассказы. Л., 1959, стр. 38.*

⁷³ *Т. Гофман. Сочинения, т. 8. Повести и рассказы. СПб., 1899, стр. 231.*

ческим аспектам языковой социализации, а языковая социализация в свою очередь является частью процессов социализации личности.

Проблемы социализации личности, в том числе и в национально-культурных сравнительных описаниях (cross-cultural studies), интенсивно исследуются в последние десятилетия⁷⁴.

Педагогические аспекты социализации всегда были предметом исследования советской педагогики и психологии, и советская психология в этой области имеет, пожалуй, наибольшие заслуги. Само понятие «социализация» трактуется по-разному, но то общее, что объединяет многочисленные дефиниции, можно сформулировать так: «социализация — это процесс превращения индивида в члена данной культурно-исторической общности путем присвоения им культуры общества»⁷⁵.

Процесс социализации, процесс превращения индивида в личность многоаспектен, что и является объективной причиной различных толкований понятия социализация. Здесь можно выделить, по крайней мере, три аспекта.

⁷⁴ В США создан комитет, координирующий работу по исследованию проблем социализации личности (The Social Science Research Council's Committee on Socialization and Social Structure), в ФРГ функционирует рабочая группа под руководством Г. Вурцбахера (Der Mensch als soziales und personales Wesen), опубликовавшая несколько книг по проблемам социализации: «Der Mensch als soziales und personales Wesen». Hrsg. G. Wurzbacher. Stuttgart, 1963; «Schule und Beruf als Sozialisationsfaktoren». Hrsg. Th. Scharmann. Stuttgart, 1966; «Die Familie als Sozialisationsfaktor». Hrsg. G. Wurzbacher. Stuttgart, 1969; F. Ronneberger. Sozialisation durch Massenkommunikation. Stuttgart, 1971.

⁷⁵ Т. Парсонс. Общетеоретические проблемы социологии. «Социология сегодня. Проблемы и перспективы». М., 1965; «Socialization and Society». Ed. J. A. Clausen. Boston, 1968, стр. 4; F. Elkin. The child and society: the process of socialization. N. Y., 1960, стр. 4. J. L. Child. Socialization. «The Handbook of Social Psychology». Ed. G. Lindzey. Cambridge, Mass., 1954, стр. 655; D. F. Aberle. Culture and socialization. «Psychological Anthropology: Approaches To Culture and Personality», Homewood, 111. Ed. F. L. K. Hsu. 1961, стр. 387.— В зарубежной социологии и социальной психологии наряду с таким широким пониманием социализации, под которое подводят множество процессов научения, существует узкое понимание как овладение социальным поведением. Обзор теорий научения см., например, у О. Мармета (O. Marmet. Soziales Lernen. Das Problem der Theorien in der Sozialpsychologie. Zürich, 1968).

Во-первых, это отношение человека и общества, включение индивида в сеть социальных отношений общества. Это включение происходит в актах социального взаимодействия, в ходе которого человек усваивает правила общения, правила производственной деятельности, ориентируясь на требования, предъявляемые партнерами по общению «от имени» всего общества или «от имени» отдельных социальных групп. В социологии, социальной психологии процесс включения индивида в социальные отношения и овладение правилами социального взаимодействия описывается как процесс овладения социальными ролями, как формирование ролевого репертуара личности. Совокупность этих процессов образует социальные рамки социализации.

Во-вторых, следует выделить содержание социализации человека, т. е. те фрагменты культуры общества, объем и совокупность которых задаются рамками социализации.

Современное общество не требует от своих членов усвоения всей совокупной культуры общества. Это происходит потому, что общество делает социальный заказ на «частичную личность», которая может исполнять только ограниченное количество социальных функций, а следовательно, для исполнения ограниченного количества функций достаточно усвоения некоторых фрагментов культуры общества, а не всей культуры в целом ⁷⁶.

Важно подчеркнуть, что процесс социализации предполагает активность человека, но границы этой активности задаются конкретным обществом, так как филогенетически социализация индивидов служит воспроизводству общества.

Первые два аспекта — социальные рамки и содержание процесса превращения индивида в личность — это филогенетические аспекты социализации.

Третий аспект социализации онтогенетический. В процессе социализации индивид не только включается в сеть общественных отношений, не только овладевает некоторыми социальными функциями и как следствие этого усваивает определенные фрагменты культуры, но и формирует свою психику.

Мысль К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «...присво-

⁷⁶ П. Н. Лебедев. Социализация индивида и воспроизводство общества. «Человек и общество. Проблемы социализации индивида». Изд-во ЛГУ, 1971, стр. 61—62.

ение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов»⁷⁷, изложенная в «Немецкой идеологии», получила дальнейшую разработку в советской психологии именно в этом смысле.

Онтогенетический аспект социализации представляет наибольший интерес для этнопсихолингвистики, ибо в личности, вернее, в ее речевой и неречевой деятельности реально опредмечиваются, завершаются многочисленные процессы социализации индивида⁷⁸.

При анализе включения индивида в сеть социальных отношений целесообразно использовать понятие социальной роли, по крайней мере, эта целесообразность очевидна, если мы исследуем факторы, обеспечивающие воспроизводство речевого общения у членов конкретного языкового коллектива.

Приведем несколько аргументов для обоснования целесообразности использования понятия роли при исследовании национально-культурной специфики социализации личностей в рамках разных этносов.

Овладение языком и формами использования языка, т. е. формами речевого общения, происходит в социальном взаимодействии ребенка и взрослого. Речевое общение вплетено в неречевые формы взаимодействия, и ребенок овладевает речевым общением не в «чистом виде», а только

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 68.

⁷⁸ Выделение различных аспектов социализации осуществляется во многих социологических и социально-психологических работах. Одной из последних работ, где это выделение проведено наиболее последовательно, является, по-видимому, программная статья Г. Вурцбахера (*G. Wurzbacher. Sozialisation — Enkulturation — Personalisation. «Der Mensch als soziales und personales Wesen»*, стр. 12—14). Автор предлагает различать социализацию, окультурацию и персонализацию, обозначая этим социальные, культурные и психические аспекты формирования личности. Можно не соглашаться с толкованием этих понятий Г. Вурцбахера; формулировка этих понятий у него настолько широка и расплывчата, что их границы сливаются, см. критический разбор этих формулировок у Ф. Найдхардта — (*Fr. Neidhardt. Modernisierung der Erziehung. Ansätze und Thesen zu einer Soziologie der Sozialisation. «Sozialisation durch Massenkommunikation»*), у Т. Парсонса (*Parsons T. Family socialization and interaction process. Glencoe (Ill), 1955*). Последний дает более тонкую и четкую аспектуализацию социализации, но аспекты, выделяемые Г. Вурцбахером, более удобны при национально-культурных сопоставлениях.

овладевая формами неречевого взаимодействия со взрослым.

Движущим началом речевой социализации служит не только потребность в речевом общении, но и необходимость координировать свою совместную деятельность со взрослым (ср. функции эгоцентрической речи у детей, исследованные Д. Б. Элькониным⁷⁹).

В дошкольном возрасте родной язык даже не является объектом изучения ребенка. Более того, овладение языком побуждается не познавательной мотивацией, во всяком случае не она является ведущей, а потребностями неречевой деятельности.

Общественно-исторический опыт определенного этноса в значительной части хранится и транслируется во времени и пространстве в вербальной форме, в форме значений слов.

Значение — «то, что открывается в предмете или явлении объективно — в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. В этой форме, в форме языкового значения оно составляет содержание общественного сознания»⁸⁰. В значении слова зафиксировано знание о реальной действительности в той степени полноты, насколько это доступно обществу на конкретном этапе исторического развития.

Основная характеристика значения — «отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней»⁸¹ (разрядка наша — *Е. Т.*).

Но речь обычно развертывается в неречевой деятельности и ради ее целей, поэтому языковое значение (вернее, его фрагменты) усваивается в структуре неречевой деятельности. Сознаемое содержание значения слова, усваиваемого индивидом, в структуре неречевой деятельности получает личностный смысл.

А что есть смысл в этом понимании? «...Смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено как на

⁷⁹ Д. Б. Эльконин. Детская психология. М., 1960.

⁸⁰ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 288.

⁸¹ Там же, стр. 299.

свой непосредственный результат. Другими словами, сознательный смысл выражает отношение мотива к цели»⁸² (разрядка наша — Е. Т.).

Следовательно, личностное отношение к усваиваемому содержанию значения слова, субъективно сливающееся с этим содержанием, целиком определяется мотивом и целью речевой деятельности. Но набор деятельностей личности, в структуре которых она овладевает фрагментами значения слова, не зависит целиком от личности: в первую очередь, он определяется уровнем развития конкретного общества, теми деятельностями, которые общество может «предложить» своим членам для усвоения, а во вторую очередь, он определяется субъектом социализации, социальной группой (опосредующей влияния общества), в которой происходит превращение индивида в личность.

Социальная группа контролирует процесс овладения индивидом такими социальными ролями-функциями (а следовательно, и деятельностями), как возрастные, половые, семейные, профессиональные, национальные и др. Поэтому очевидно, что деятельности, которыми индивид в процессе социализации должен обязательно овладеть, суть ролевые деятельности и, следовательно, фрагменты значения усвоенных слов и смыслы, связанные с этими значениями, — все это определяется ролевыми деятельностями.

Наконец, формы использования языка, сама речевая деятельность в каждом отдельном случае — это ролевая речевая деятельность. Речевое общение всегда ориентировано на другую личность и поэтому говорящий человек уже есть не индивид, а личность.

Видимо, нужно согласиться с выводами Г. Гайснера, сформулированными несколько категорично, но в целом верно: не существует неролевой речи; если социальные роли реализуются в социальном взаимодействии, в коммуникации, то, следовательно, не существует немых ролей; социальные роли — речевые роли (*Sprechrollen*)⁸³. В ходе социализации индивид, включаясь в социальные

⁸² Там же, стр. 292.

⁸³ *H. Geissner. Soziale Rollen als Sprechrollen. «Kongressbericht der Gemeinschaftstagung für allgemeine und angewandte Phonetik. Oktober 1960 in Hamburg». Hamburg, 1960, стр. 202.*

отношения, осуществляет некоторую деятельность и ориентируется при этом на правила исполнения этой деятельности, сформулированные «от имени» социальной группы, в структуре которой разворачивается эта активность личности, или же на правила, которые формулируются «от имени» всего общества. В любом случае индивид ориентируется на внешне заданные правила — ролевые ожидания (экспектации).

Речь идет, естественно, о правилах, которые выполняются не в единичной, конкретной ситуации, а в классе однотипных ситуаций. Например, исполнение роли отца связано с выполнением определенных требований, предъявляемых носителю этой роли со стороны его детей, со стороны его жены, со стороны общественных институтов. Таким образом, роль находится на пересечении пучка повторяющихся социальных взаимодействий, связывающих ее с другими ролями. Исполнение роли отца предполагает у носителя этой роли наличие соответствующей позиции, т. е. к индивиду могут быть предъявлены ролевые экспектации только в том случае, если он занимает соответствующую позицию в некоторой социальной системе.

Позиции связаны социальными отношениями, последние представляют собой отчужденную от конкретных носителей сконденсированную форму человеческих взаимодействий; социальные отношения — превращенная форма нормативного социального взаимодействия.

Так как позиции связаны социальными отношениями, то, следовательно, соответствующие роли находятся в определенных отношениях друг с другом.

Человек в данной позиции не только должен выполнять определенные требования (ролевые экспектации), но и обладает определенными правами, необходимыми ему для выполнения ролевой деятельности.

— Таким образом, социальная роль — это совокупность требований (ролевых ожиданий) к деятельности и прав, необходимых владельцу позиции для осуществления этой деятельности. Ролевые экспектации предъявляются, и права принадлежат не личности как таковой, а позиции и только ей.

Не следует полагать, что ролевые экспектации представляют собой такие жесткие, неизменные рамки, накладываемые на деятельность владельца позиции, ко-

торые исключают возможность всяких альтернатив при осуществлении ролевой деятельности.

Во-первых, жесткость ролевых ожиданий зависит от важности ролевой деятельности для общества и колеблется в широких границах у различных позиций. Достаточно сравнить, к примеру, ролевые требования к деятельности продавца, в продовольственном магазине, с одной стороны, и к деятельности оператора атомной установки, с другой.

Во-вторых, в ролевых ожиданиях выражено представление социальной группы (или общества) о ролевой деятельности. Но по мере того, как личность овладевает ролью, у нее вырабатывается собственное представление о ролевой деятельности и целесообразности ролевых ожиданий⁸⁴ и владелец позиции может настаивать на принятии его понимания ролевых ожиданий.

Кроме того, ожидания могут изменяться «сверху», социальной группой или другими социальными институтами, когда ожидания начинают входить в противоречие с целями и условиями ролевой деятельности.

В чем же может проявляться национально-культурная специфика социальной роли в разных этносах?

Обратимся снова к рассмотрению, казалось бы, такой «естественной» роли, как роль отца, которой овладевает большинство мужчин с определенного возраста. Исследования по истории брака и семьи⁸⁵ показывают различие роли отца в разных формах семей. Но даже в современной моногамной семье, в которой произошло перераспределение и выравнивание обязанностей супругов, ролевые функции отца в различных обществах нетождественны. Например, хозяйственно-бытовая функция зависит от степени урбанизации и развития муниципальной системы бытового обслуживания; в социалистическом обществе

⁸⁴ Эта чрезвычайно важная для теории ролей проблема интенсивно обсуждается в работах социологов: «Wörterbuch der marxistisch-leninistischen Soziologie». Köln — Opladen, 1969, стр. 388—393; R. Dahrendorf. Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der sozialen Rolle. Köln — Opladen, 1964; H. Popitz. The concept of social role as an element of sociological theory. «Role». Ed: J. A. Jackson. Cambridge. University Press, 1972; H. Gronau. Die soziologische Rollenanalyse als betriebsorganisatorisches und berufspädagogisches Instrument. Stuttgart, 1965.

⁸⁵ Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

такая функция семьи и отца, как накопление и передача по наследству частной собственности, отпала ⁸⁶.

Отсюда можно сделать вывод, что носитель одной и той же роли отца в разных этносах имеет несовпадающие системы социальных взаимодействий, так как позиция отца в разных этносах имеет нетождественные системы социальных связей.

Существование национально-культурных различий в ролевых ожиданиях становится очевидным, если иметь в виду, что в анализе мы пользуемся не идеализированной социальной ролью «отец», а классом ролей «отец» ⁸⁷, по-разному проигрываемых в отдельных этносах.

Кроме того, следует помнить, что, говоря о ролевой деятельности в социальном взаимодействии, мы рассуждаем об «иллюзорных», по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, формах жизни людей, т. е. мы описываем в этом случае поверхностные процессы, лежащие на виду, а не глубинные экономические отношения, лежащие в основе деятельности людей. Эти иллюзорные формы жизни людей — превращенная форма их экономических отношений, протекают в культурно-исторических субстанциях, несущих в себе не только отражение настоящей материально-производственной жизни народа, но и рефлексы прежних эпох, и поэтому эти иллюзорные формы принципиально не могут быть тождественными в разных этносах ⁸⁸.

Для дальнейшего изложения проблемы национально-культурной специфики ролевой деятельности следует ввести понятие статусной, позиционной и ситуационной роли.

Ролевая деятельность людей, имеющих различный социальный статус, находящихся в разных социальных позициях, имеет нетождественную степень конвенциональности, и поэтому предпринимались многочисленные

⁸⁶ А. Харчев. Семья. Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967.

⁸⁷ Обоснование необходимости использовать понятие «класс ролей» (соответственно «класс позиций») см. У. Герхардт (*U. Gerhardt. Rollenanalyse als kritische Soziologie. Neuwied und Berlin, 1971*, стр. 177—179). О факторах, обуславливающих различие ожиданий одной роли в разных формальных структурах см.: *D. Levinson. Role, personality and social structure in the organisational setting. «Journal of Abnormal and Social Psychology», vol. 58, 1959, стр. 174.*

⁸⁸ Психологическое обоснование национально-культурных различий деятельности представителей разных этносов см. стр. 20.

попытки классификации ролей. Но в большинстве случаев сохранялась тенденция описать все поведение и всю деятельность человека как ролевые, а это неизбежно вело к инфляции понятия роль.

Последние по времени и, пожалуй, наиболее успешные попытки были осуществлены Г. Попитцем⁸⁹ и У. Герхардт.

Спасая от инфляции понятие роли, Г. Попитц вводит наряду с понятием «роль» понятие квазиролевого поведения (*rollenähnliche Normenkonfigurationen*) с несколькими градациями.

У. Герхардт предлагает различать статусные, позиционные и ситуационные роли. Такое деление обладает большой эвристической ценностью при изучении речевой социализации, особенно в национально-культурном сравнительном плане.

Статусные роли, по У. Герхардт, — это то, что в теории ролей называют наследуемыми ролями. Это роли, которые человек «получает» с рождением (половая роль, расовая роль, этническая, национальная, роль гражданина определенного государства) или которые он неизбежно «проходит» в течение жизни (возрастные роли), и другие роли, обычно не часто меняемые (принадлежность к определенному вероисповеданию, к социальному классу, слою).

Для проигрывания этих ролей нет необходимости владеть соответствующей позицией, это беспозиционные роли.

Ролевые экспектации статусных ролей весьма различны в отдельных этносах. В этом отношении наиболее показательны половая и возрастные роли. Наличие у индивида той или иной половой роли определяет содержание его социализации (во всех обществах с половыми ролями связано разделение труда), а владение одной из возрастных ролей (ребенок — юноша — взрослый — старик) также определяет доступ к занятию позиционных ролей.

Переход от одной возрастной роли к другой формализован (обряд инициации, празднование совершеннолетия, уход на пенсию и т. д.) и степень этой формализации различна.

⁸⁹ Упомянутая выше работа Г. Попитца была впервые издана на немецком языке в 1967 г. (*H. Popitz. Der Begriff der sozialen Rolle als Element der soziologischen Theorie. Tübingen, 1967.*)

С принадлежностью к определенному государству связаны некоторые общие для всех граждан (гражданство — статусная роль) права и обязанности и общий в известных пределах способ их реализации. Эта общность и определяет национально-культурные особенности граждан конкретного государства, которые (особенности) образуют приблизительно то, что называется модальной личностью у А. Кардинера, основной структурой личности у Р. Линтона и Т. Парсонса⁹⁰.

Статусные роли дают возможность занятия ряда позиционных ролей и одновременно они обязывают владеть определенными позиционными ролями. Набор позиционных ролей, которыми может и должен владеть взрослый мужчина, например, специфичен для каждой культурно-исторической общности.

В капиталистическом обществе принадлежность индивида к определенному социальному слою открывает или, наоборот, закрывает доступ к позиционным ролям и, что особенно нужно подчеркнуть, определяет доступ к овладению знаниями и нормативными формами речи⁹¹.

Позиционная роль — это, по У. Герхардт, такая роль, проигрывание которой предполагает владение соответствующей позицией.

Статусные роли реализуются в позиционных ролях в том смысле, что они определяют качество, модус проигрываемой позиционной роли. Достаточно сравнить проигрывание, например, позиционной роли «учитель» мужчиной или женщиной, начинающим молодым педагогом или опытным педагогом, потомственным интеллигентом или интеллигентом в первом поколении.

По сравнению со статусными и позиционными ролями ситуационные роли регулируют непосредственное взаимодействие владельцев позиций и статусов, ситуационные роли не формализованы, допускают свободу проигрывания, широкое выражение личностных интересов; существует возможность сохранения личностной идентичности — эта возможность при проигрывании статусных и пози-

⁹⁰ Подробно эту проблему рассматривает: *И. С. Кон*. К проблеме национального характера. «История и психология». М., 1971.

⁹¹ *B. Bernstein*. Language and social class. «The British Journal of Sociology», vol. 11, n. 3, 1960 (см. также другие работы Б. Бернстайна).

ционных ролей гораздо меньше или вообще отрицается ⁹².

Ситуационные роли — это более или менее фиксированные стандарты поведения и деятельности, не привязанные к определенным позиционным ролям: роль пешехода большого города, роль покупателя, роль гостя, роль друга, роль обиженного ⁹³ и т. д.

Для социализации и особенно для вербальной социализации, чрезвычайно важно овладение ситуационными ролями.

Члены определенного этноса овладевают большинством ситуационных ролей своей национальной культуры, для проигрывания ситуационной роли не нужно овладеть позицией, а достаточно быть просто кратковременным участником ситуации общения. Ситуационными ролями индивид овладевает на сравнительно ранних этапах социализации, и именно в этих ролях в основном происходит становление языковой способности ребенка. При овладении позиционными ролями, например профессиональными ролями, происходит уже специализация развитых в рамках ситуационных ролей речевых навыков и умений, в позиционных ролях индивид овладевает функциональными разновидностями общенационального языка (функциональными стилями) ⁹⁴.

Ситуационные роли усваиваются и проигрываются в соответствующей «статусной редакции», т. е. в зависимости от пола, возраста, в зависимости от принадлежности к определенному социальному слою и культурно-исторической общности. Ситуационные роли — роли повседневного «употребления» и поэтому они проигрываются на уровне бессознательного контроля или на уровне неосознанности ⁹⁵. Имеются в виду, естественно, отдельные операции в структуре этих ролевых деятельностей. Это же

⁹² *U. Gerhardt. Rollenanalyse...*, стр. 228.

⁹³ Роль обиженного — это не просто комплекс эмоциональных реакций, обусловленных психофизиологическими характеристиками человека, кроме того — это культурная модель поведения: носители одной культуры чувствуют себя оскорбленными там, где носители другой культуры остаются равнодушными (*H. Kunz. Zur Psychologie und Psychopathologie der mitmenschlichen Rolle. «Psyche», Н. 4, Jg. 2, 1949*).

⁹⁴ *А. К. Маркова. Психология усвоения языка как средства общения. М., 1974.*

⁹⁵ Об уровнях контроля см.: *А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения.*

относится и к речевой деятельности в рамках ситуативных ролей.

«Статусная редакция» ситуационных ролей обладает большой устойчивостью — известно, что диалектное произношение и диалектная речь, национально-культурные варианты ⁹⁶ ситуационных ролей и манера их исполнения представителями определенного слоя ⁹⁷ с трудом поддается коррекции и изменениям.

Статусная редакция вербального и невербального проигрывания ситуационных ролей наряду с демонстрацией внешних ролевых атрибутов (специфической одежды, престижных знакомств, уникальной информации и т. д.) являются для личности символическими средствами показать наличие уже тех или иных позиционных ролей. Эти символические средства являются единственной возможностью продемонстрировать наличие у личности определенной позиционной роли, когда общение происходит за пределами социальной структуры, к которой относится символизируемая позиция ⁹⁸.

Средства социального символизма имеют четко выраженную национально-культурную специфику.

В разные эпохи и в разных странах, например, символическим средством демонстрации собственной интеллигентности было знание латыни, арабского, английского, французского, русского языков ⁹⁹.

⁹⁶ З. Коморовский. Взаимодействие культур в Сенегале. «История, социология, культура народов Африки». М., 1974, стр. 350 и след.

⁹⁷ При исследовании сексуального поведения белого населения США было показано, что установки и эталоны сексуального поведения мужчин, усвоенные в раннем и среднем пубертатном возрасте, остаются без изменения независимо от позднейшей социальной мобильности (А. С. Kinsey, W. B. Pomeroy und C. E. Martin. Das sexuelle Verhalten des Mannes. Frankfurt-M., 1952; цит.: U. Gerhardt. Rollenanalyse., стр. 216).

⁹⁸ Н. П. Dreitzel. Die gesellschaftlichen Leiden und das Leiden an der Gesellschaft. Stuttgart, 1972, стр. 161; см. также: Е. Я. Басин, В. М. Краснов. Социальный символизм. «Вопросы философии», 1971, № 10; Е. Ф. Тарасов. Социальный символизм в речевом поведении. «Общая и прикладная психолингвистика». М., 1973.

⁹⁹ О социально-символической функции употребления французского языка в России см.: Е. Д. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. «Статьи по общему языкознанию». М., 1968.

Заканчивая раздел о социальных рамках социализации, следует заметить, что в проигрывании ситуационных ролей в наибольшей степени сказывается национально-культурная принадлежность носителя роли.

Экспектации позиционных ролей, например профессиональных, технологичны, так как это деятельностные роли, в противоположность в основном поведенческим ситуационным ролям они жестко учитывают цели и условия профессиональной деятельности.

Национально-культурные стандарты проигрывания ситуационных ролей менее функциональны, часто иррациональны, содержат ритуальные и ритуализованные элементы с символической функцией.

Если носитель позиционной роли осуществляет ролевую деятельность в социальной системе, то его социальные качества (ролевые атрибуты) и цели точно определяются иерархией социальных отношений, общение регулируется упрощенным, рациональным (технологическим) этикетом.

При проигрывании ситуационных ролей социальные качества участников общения не задаются однозначно социальными отношениями, социальные отношения — та платформа, на которой будет развертываться общение, сами еще должны быть установлены коммуникантами, символической демонстрацией своих ролевых атрибутов или в вербальном высказывании.

Поэтому у большинства народов существует сложный речевой и неречевой этикет начального этапа неформального общения, развитая система обращений¹⁰⁰.

Для окончательного уяснения значения ситуационных ролей в социализации индивида нужно указать на то, что они подразделяются на специфические (их можно назвать собственно ситуационными, «*umweltbezogene Rollen*»), по терминологии Г. П. Драйтцеля¹⁰¹, и на диффузные¹⁰², или личностные, «*personbezogene Rollen*»¹⁰³.

Специфические роли определены, и необходимость их проигрывания вызывается конфигурацией внешних условий; пассажир, покупатель, пешеход в большом городе, школьник, посетитель кинотеатра, гость и т. д. Это те

¹⁰⁰ J. Eibl-Eibesfeld. Zur Ethnologie des menschlichen Grussverhaltens. «*Zeitschrift für Tierpsychologie*». Berlin, 1968. Bd. 25, H. 6.

¹⁰¹ H. P. Dreitzel. Указ. соч.

¹⁰² U. Gerhardt. Rollenanalyse...

¹⁰³ H. P. Dreitzel. Указ. соч.

роли, в рамках которых происходит первоначальное социальное обучение ребенка и усвоение правил общения, при обучении иностранному языку именно эти роли проигрываются в учебных ситуациях общения.

Диффузные (личностные) роли определены ценностными ориентациями личности: друг, враг, отзывчивый человек, порядочный человек и др. В рамках диффузных ролей формируется ценностная ориентация, усваиваются моральные ценности общества.

Содержание социализации определяется теми фрагментами культуры, которые усваивает (присваивает) индивид, овладевая ролевыми деятельностями. Усваивая некоторые фрагменты культуры общества, индивид присваивает материальные общественные предметы (орудия производства и артефакты, являющиеся средствами удовлетворения потребностей), понятия и мыслительные операции. Кроме того, у индивида формируются социогенные потребности и складываются способы их удовлетворения. И первые, и вторые существуют в национально-культурной форме, специфической для каждого этноса, а совокупность и иерархия потребностей у конкретной личности зависит от ее ролевого репертуара.

Развитие человека как родового существа закрепляется во внешней форме в предметах культуры, это присущая только человеку форма накопления филогенетического опыта. Присваивая предметы культуры, «ребенок должен осуществить по отношению к ним такую практическую и познавательную деятельность, которая адекватна (хотя, разумеется, и не тождественна) воплощенной в них человеческой деятельности»¹⁰⁴. В результате этого присвоения у индивида формируются способности, сложившиеся в филогенетическом развитии человека.

В конечном итоге продуктом процесса присвоения индивидом культуры (существующей, естественно, в национальной форме) является психика конкретной личности.

Но картина формирования психики личности в процессе присвоения национальной культуры будет неполной, если не упомянуть, что это формирование происходит только в общении: между ребенком и культурой стоит взрослый, без этого опосредования социализация индивида

¹⁰⁴ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 364.

невозможна. Поэтому можно сказать, формирование психики личности (здесь, видимо, следует говорить не только о формировании сознания, но и всей психики в целом, включая неосознаваемое, бессознательное¹⁰⁵) происходит в процессе осознания личностью общественных связей с другими людьми.

Этот факт позволяет сделать важный для психолингвистики вывод, что психика личности — это своеобразная модель общества, модель в том смысле, что психика личности — это хранительница культурно-национальных эталонов восприятия, мыслительной и орудийной деятельности, общения.

Итак, формирование психики индивида — это онтогенетический аспект социализации.

Изучение проблем вербальной социализации следует предварить такими двумя утверждениями.

Еще в двадцатых годах авторам книги «Речь и интеллект в развитии ребенка»¹⁰⁶ удалось показать, «что исходной формой речевых связей, типичных для младшего детского возраста, является не ассоциация двух предметных значений, как это часто думали раньше, а элементарное предикативное суждение типа S — P, в котором данное предметное слово связывается со словом, обозначающим действие как качество...»¹⁰⁷.

Таким образом, в речи маленького ребенка отражается, воспроизводится реальная связь реальных объектов, усвоенная ребенком в процессе познавательной деятельности»¹⁰⁸.

Второе утверждение касается факта, открытие которого является заслугой Л. С. Выготского. Выготский впервые показал, что значение слова не присваивается в готовой форме, а развивается, формируется у ребенка по мере познания связей и отношений обозначаемого предмета¹⁰⁹.

¹⁰⁵ К. А. Абульханова-Славская. К проблеме социальной обусловленности психического. «Вопросы философии», 1970, № 6.

¹⁰⁶ «Речь и интеллект в развитии ребенка». Под ред. А. Р. Лурия. М., 1928.

¹⁰⁷ А. Р. Лурия. Развитие речи и формирование психических процессов. «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959, стр. 516.

¹⁰⁸ Естественно, ребенок в своей речи, кроме личного опыта, воспроизводит опыт общества (смоделированный в значениях слов и правилах их сочетания) по мере овладения системой родного языка.

¹⁰⁹ Позднее этот факт был подтвержден во многих работах, но особенно наглядно развитие значения слова у ребенка было показано

Формирование значения слова на фоне овладения простейшими диалогическими формами речевой деятельности составляет суть начальных этапов вербальной социализации. Воспитание в семье и затем в школе позволяет ребенку общаться в рамках многих ситуационных ролей, а в игре — и в симулируемых позиционных ролях.

Здесь закладываются базовые знания, ребенок овладевает умениями и навыками постепенно усложняющихся деятельности.

На этой основе осуществляется затем следующий этап вербальной социализации — углубление процесса формирования значения слов, овладение профессиональными тезаурусами, овладение новыми функциональными формами речи — функциональными стилями. Этот этап проходит преимущественно уже в рамках позиционных ролей.

Аналогом социально-психологических факторов вербальной социализации является ведущий тип деятельности. Это понятие было предложено и обосновано А. Н. Леонтьевым для описания психологических механизмов социализации¹¹⁰.

Завершая наше краткое изложение социально-психологических проблем этнопсихолингвистики, необходимо заметить, что на современном уровне изучения этих проблем можно говорить только о перспективах исследований в этой области.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В РАЗВИТИИ РЕЧИ РЕБЕНКА

В советской психологии и психолингвистике принята та точка зрения на развитие форм психического отражения, в соответствии с которой все высшие психические функции

при обучении слепоглухонемых и глухонемых детей. См.: И. А. Соколянский. Обучение слепоглухонемых детей. «Обучение и воспитание слепоглухонемых». «Изв. АПН РСФСР», 1962, № 121; А. И. Мещеряков. Слепоглухонемые дети. Автореф. докт. дисс. М., 1971; Он же. Развитие средств общения у слепоглухонемых детей. «Вопросы философии», 1971, № 8; Н. Г. Морозова. О понимании текста. «Изв. АПН РСФСР», вып. 7. М.—Л., 1947.

¹¹⁰ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 605 и след.

человека, и речь в частности, складываются в процессе активного отражения человеком действительности. Речь занимает особое место в ряду других проявлений психической жизни в силу своей особой функции в человеческом взаимодействии, без которого немислимо само существование современного человека.

Благодаря речевому общению и при посредстве его человек получает в «готовом» виде тот опыт (социальный, общественный), который был накоплен, осмыслен и систематизирован всеми предшествующими поколениями.

В процессе развития форм психической жизни, в процессе речевого общения приобретает самостоятельность речи отдельного человека, и речь становится средством регуляции индивидом своего поведения.

Явления психического отражения, которые в прошлом считались проявлениями «первичных свойств» психики, складываются в процессе общения ребенка со взрослыми, образуют сложные функциональные системы, сформированные при ближайшем участии речевой деятельности.

Исследования психологов показали, что с появлением ранних речевых реакций ребенка у него формируется новый вид восприятия — не непосредственное восприятие, а опосредованное речью. Овладение речью накладывает отпечаток на весь ход развития психического отражения. Речь становится той основой, на которой строится весь комплекс высших психических функций. Развитие речи оказывает непосредственное влияние на память, мышление, внимание. Исследования А. Н. Леонтьева, Л. В. Занкова, А. А. Смирнова и других убедительно показали, что возможности запоминания энергично расширяются при овладении речью, с помощью которой систематизируются все связи прошлого опыта. Со времени, когда ребенок овладевает речью, у него появляется возможность создавать программу будущих действий, а следовательно — регулировать свое поведение.

Речь является средством ориентировочной деятельности, а речевой этап — необходимой ступенью формирования «умственных действий» (П. Я. Гальперин).

Исходя из этого возникает необходимость рассмотрения некоторых закономерностей развития речевой деятельности ребенка, оказывающих определяющее влияние на формирование высших психических функций и характеризующих некоторые принципы психического отражения.

Можно считать общепризнанным, что языковое развитие подчинено универсальным закономерностям, независимо от конкретного языка. Это обусловлено общими закономерностями развития психического отражения, общими, универсальными законами развития психики. Дети в своем развитии проходят ряд стадий, и каждая стадия психического развития определяется тем типом деятельности, который для нее является ведущим. Однако психологическое содержание каждой стадии «отнюдь не является независимым от конкретно-исторических условий, в которых протекает развитие ребенка»¹¹¹.

Это обусловлено тем, что ребенок попадает в уже созданные исторические условия, развивается в уже готовых социально-исторических отношениях. Поэтому правомерным представляется говорить только о механизме психических процессов как об универсальном явлении.

Одним из таких универсальных процессов является развитие употребления знаков языка в речевой деятельности. Независимо от конкретно-исторических условий развития, все дети имеют потребность в общении, все дети ищут формы выражения своих знаний о мире. Поэтому можно говорить о том, что в психологическом смысле развитие речевой деятельности на ранних этапах универсально.

Мысль об опосредовании социально заданными знаками деятельности человека принадлежит Л. С. Выготскому. При создании нового подхода к психике человека Л. С. Выготский исходил из двух положений. «Во-первых, из того положения, что психика есть функция, свойство человека как материального, телесного существа, обладающего определенной физической организацией, мозгом. Во-вторых, из того положения, что психика социальна, т. е. что разгадку ее специфических особенностей нужно искать не в биологии человека..., а в истории человечества, в истории общества»¹¹². Указанные положения и содержатся в учении Л. С. Выготского об опосредовании деятельности человека. Присваивая средства деятельности (знаки) в процессе онтогенетического развития, делая их частью себя, своей личности, человек становится общест-

¹¹¹ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 507.

¹¹² А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов. [Предисловие к кн.:] Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 4.

венным индивидом. Знаки обретают свою сущность только тогда, когда они становятся орудиями деятельности.

Рассмотрим ранние этапы развития речевой деятельности, когда складывается и начинает формироваться употребление знаков языка как орудий деятельности, направленных на удовлетворение свойственной человеку потребности в общении.

Языковой знак выступает в качестве орудия общения, в качестве «психологического орудия» (Л. С. Выготский). Психологическое орудие — это орудие активного взаимодействия со средой, орудие активной деятельности индивида. Знак языка выступает в качестве связующего звена между объективным миром и сознанием индивида, его опытом, складывающимся в процессе деятельности.

Познавая в процессе игровой деятельности, предметной деятельности отдельные стороны предметов и явлений действительности, ребенок познает и связи, отношения между ними. Закрепив эти знания посредством языка, ребенок может проецировать их на новые стороны действительности, может передать эти знания тем, с кем он вступает в общение.

В процессе предметных действий у ребенка формируется перцептивный образ (представление), основанный на наглядно-чувственном восприятии. Еще Сеченов отмечал, что только действия могут «перевести» язык ощущений и восприятий в представление. Сформировавшись, перцептивный образ (представление) обогащает действия, делает их более разнообразными и сложными.

Познавая предметы и явления объективного мира, ребенок одновременно познает некоторые языковые элементы, в которых содержится (закреплен) общественно-исторический опыт. Следовательно, ребенок закрепляет как индивидуальные знания, так и общественные. Развитые действия предполагают использование знаков (или их заменителей). Возникают сложные взаимоотношения между знаками (заменителями) и представлениями. С одной стороны, имеющийся в наличии ребенка перцептивный опыт ограничивает употребление знаков (заменителей). С другой стороны, знаки (заменители) ограничивают закрепление представления достаточно узким кругом ситуаций.

Первым этапом закрепления общественного знания является выделение в предмете некоторых свойств и пере-

несение их на сам этот предмет. Это одновременно и закрепление собственного опыта, поскольку свойства предмета неотделимы от действия с предметом. Выготский условно назвал этот этап «удвоением» предмета. На этом этапе имя предмета, т. е. некоторый знак языка, неотделим от предмета (или/и действия с предметом). Общенье на этом этапе «означает, что из конкретного содержания предметов выделяются черты и свойства, которые существенны для действия и являются его специфическим объектом»¹¹³.

В действиях со знаками эти взаимоотношения могут быть представлены следующим образом. Ребенок практически «предметно» совершает некоторые действия с тем, что на самом деле является знаком. Не осознавая этого, ребенок использует в качестве объекта действия материальную сторону знака. Материальность знака (его физические свойства, материальные особенности) закрепляются в представлении, в наглядном образе. Функциональная сторона знака (т. е. возможность использовать некоторый материальный объект для замещения/обозначения другого материального объекта) закрепляется в действиях.

Правда, ребенок, совершая действия с предметами, даже достаточно сложные и расчлененные, еще не способен к какой-либо знаковой в собственном смысле деятельности. Он занимается квазизнаковой деятельностью и использует в своей деятельности квазизнаки (здесь мы опираемся на идеи А. А. Леонтьева). Иными словами, те средства, которые ребенок использует в своих игровых действиях, не являются знаками, однако используются они и исполняют практически ту же функцию, что и знаки.

Однако это возможно только при условии отвлечения образа. Это отвлечение и происходит в случае использования какого-то материального объекта вместо другого объекта. Если бы не было отвлечения образа, невозможны были бы действия с одним объектом вместо другого: предметы жестко связаны с действиями, и отрыв действия от предмета занимает значительный период в дошкольном детстве (А. В. Запорожец). Такое отвлечение представления происходит и в случае с квазизнаками. Кроме того,

¹¹³ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959, стр. 456.

образ (представление) складывается на основе физического взаимодействия с предметом и определяет только физические стороны предмета. В знаках и квазизнаках физические свойства уже не играют ведущей роли.

Таким образом, можно говорить о том, что значение знака (идеальная «часть» знака) берет начало при овладении знаком от перцептивного образа. Но последний основан на действиях. Следовательно, овладение значением знака основано на действиях.

Рассматривая отдельно процесс овладения языковой действительностью, т. е. знаками языка в их конвенциональном употреблении, мы можем сказать, что овладение ими не представляет собой исключения. На основе восприятия звуков речи у ребенка складывается некоторое представление о том, что какой-то набор звуков что-то называет (обозначает). Действуя со звуками в процессе общения, ребенок прикладывает звуки к «похожим» на них предметам. При этом в качестве материальной стороны знаков языка выступают звуки, поскольку именно они являются объектами наглядного восприятия (слухового).

Нам представляется, что ребенок в своей ориентировочно-исследовательской деятельности в языковой действительности ведет себя аналогично своему поведению в предметной действительности¹¹⁴.

Особенность знаков, опосредующих речевую деятельность, состоит в том, что они (знаки языка) — «превращенная форма» действительности. Рассматривая таким образом языковой знак (как «превращенную форму»), мы можем выделить в нем два ряда свойств: а) свойства действительности, выраженные знаком языка реальные связи и отношения предметов, б) свойства самих знаков, определяемые их «чувственной природой».

Процесс овладения действительностью ребенком включает в себя овладение свойствами первого ряда, их абстрагирование, выделение и закрепление. Закрепление знака для ребенка как общественного существа возможно с помощью выработанного обществом кодифицированного способа — с помощью значений знаков языка.

¹¹⁴ Ср.: Д. Б. Эльконин. Развитие речи. «Психология детей дошкольного возраста». М., 1964.

Овладение знаками языка состоит сначала в овладении войствами самих знаков, т. е. теми свойствами, которые пределены «чувственной природой» знаков языка. Прежде ем ребенок переносит знаки языка на место реальных войств, связей и отношений, он ставит в соответствие еальные свойства и свойства знаков языка. Процесс устаовления соответствия реальных свойств предметов и чувственной природы» знаков языка составляет относиельно самостоятельный этап в развитии речи. Проведенное исследование этого этапа позволяет утверждать, что он является необходимой ступенью в развитии познания действительности.

Известно (А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец), что овладение свойствами, связями и отношениями предметов основано на действиях с ними. Можно думать, что овладение «чувственной природой» знаков языка является основой овладения идеальными свойствами знака (значением знака).

Поскольку знак языка, даже взятый со стороны своей чувственной природы», не перестает быть материально-идеальным образованием, ему должна соответствовать некоторая форма психического отражения. Такой формой психического отражения мы считаем конкретно-чувственное представление. В представлении (образе) отражаются в идеальной форме реальные свойства, связи, отношения, а также свойства «чувственной природы» знака языка. С помощью представления устанавливается соответствие (которое сначала является для ребенка тождеством) реальных предметных свойств и свойств знаков языка (звуков). Это находит свое выражение в звуко-символизме ранних детских слов.

Как показывают наблюдения над речью детей разных языковых общностей (русских, польских, немецких, английских, французских), закономерности развития означения языкового знака не зависят от конкретного языка. Эти универсальные закономерности, как можно полагать, свойственны тому периоду развития и овладения знаками речевой деятельности, когда используются квазизнаки. Когда ребенок начинает овладевать знаками языка в конвенциональном, условном значении, универсальные закономерности уступают место национально-культурным. Это обусловлено тем, что дети с некоторого момента овладевают знаками как элементами национальной культуры.

Этому овладению предшествует тот период, когда дети овладевают «чувственной (материальной) природой» знака и используют знаки языка со стороны их материальных свойств. Это выражается в мотивированности значений знаков языка их звучанием.

Таким образом, особенность овладения детьми языковой действительностью состоит в том, что они, как показывают наблюдения, обязательно ставят в соответствие со звучанием некоторую реалию. В этой подстановке заключается, как нам кажется, манифестация взаимоотношений перцептивного образа звучащего слова и действия по замещению данным звучанием некоторой части объективного мира (*му* 'корова', *ав* 'собака' — русск.; *ниа-ниа* 'кошка' — яп.; *лай-шай* 'собака' — кит.).

Объясняется это тем, что образ предмета (перцептивный образ) сливается с образом звукового обозначения предмета, и на этой основе формируется предметная отнесенность квазислова, на этой основе формируется название. Связь означаемого (предмета) и означающего (квазислова, реже — слова) основывается на сходстве, которое ребенок наблюдает между материальной оболочкой слова и чувственно воспринимаемыми признаками предмета. «Ребенок бессознательно требует, чтобы в звуке был смысл, чтобы в слове был живой, осязаемый образ»¹¹⁵.

Можно думать, что овладение предметом и овладение звуковым обозначением предмета представляет собой два одновременно протекающих процесса. Крайним случаем выражения является употребление звукоподражательных слов для номинации (*ав* 'собака', *му* 'корова'). Поскольку для ребенка предмет и звук связаны, он ищет примарной мотивированности в каждом слове. Например, появляется *улицонер* вм. *милиционер*, *кусарики* вм. *сухарики*, *колоток* вм. *молоток* и т. п. Многочисленные примеры содержатся в дневниках русских и зарубежных исследователей детской речи, а также собраны К. И. Чуковским¹¹⁶.

Поскольку объектов вокруг ребенка значительно больше, чем слов (звукокомплексов) в его запасе, а предметы имеют сходные внешние черты, ребенок объединяет пред-

¹¹⁵ К. И. Чуковский. От двух до пяти. Изд. 21. М., 1970, стр. 35.

¹¹⁶ См., например: Н. А. Рыбников. Язык ребенка. М.—Л., 1926; А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; Е. А. Аркин. Дошкольный возраст. М., 1948.

меты в группы, и последние обозначает одним звуковым выражением ¹¹⁷.

При объединении под одним названием различных предметов ребенок использует какие-то внешние общие черты предметов: *у-у-у* 'поезд и всякая машина'; *кися* 'кошка и все меховое'; *тя-тя* 'часы и плоские круги' ¹¹⁸. Общие черты предметов, выражающиеся в назывании, являются основой и выражением познания общего у различных предметов. Признаки, однако, не обобщаются, а в каждом отдельном случае переносятся по типу «цепного комплекса» (Л. С. Выготский). Так, ребенок называет *абоко* 'яйцо и яблоко' (по признаку формы), а *абоко* 'яблоко и карандаш' (по признаку цвета) ¹¹⁹. М. Люис ¹²⁰ и В. Штерн ¹²¹ приводят пример обозначения одним словом функционально связанных предметов: слово *pippe* 'кукла' обозначало все, с чем можно играть. В последнем примере произошло интересное замещение признака функцией, но тоже в значении внешнего признака. Это можно назвать внешней приметой функции. Аналогичные примеры содержатся в работах Д. Мак Нейла, В. Леопольда, А. Н. Гвоздева, Н. А. Рыбникова, Е. А. Аркина. Эта многозначность возможна на основе установления внутренних образных соответствий между предметами (при сходстве отдельных внешних признаков предметов). Есперсен приводит пример переноса *f-f-f* означавшего 'спичка' на дым, пароход, флагшток.

С накоплением знаний о предметном мире, а также с развитием речевого опыта связь между звуком и значением становится менее тесной. Ребенок начинает ощущать несоответствие планов выражения и содержания и стремится к изменению внешней формы слова. Так возникает «разведение» слов и предметов. В. Амент приводит пример

¹¹⁷ Н. А. Рыбников. Указ. соч., стр. 18—20. Относительно особенностей формирования групп предметов в детском возрасте, см.: Л. С. Выготский. Экспериментальное исследование формирования понятий. «Избранные психологические исследования». М., 1956.

¹¹⁸ Н. А. Менчинская. Вопросы развития мышления ребенка в дневниках русских авторов. «Уч. зап. Гос. НИИ психологии», т. 2. М., 1941, стр. 265—266.

¹¹⁹ Там же, стр. 256.

¹²⁰ М. М. Lewis. Infant speech. 2-nd. ed. N. Y., 1951.

¹²¹ W. Stern. Psychology of early childhood up to the sixth year of age. N. Y., 1930.

такого изменения: в 2.01 ребенок называл *мими* 'молоко из бутылки', а *те* 'молоко из чашки'.

В распоряжении ребенка много изобразительных средств для выражения содержания, кроме звуков. В качестве различителей содержания используются тон, тембр, ударение. Применение этих средств сначала используется для снятия диффузности слов (явления, напоминающего многозначность, но не являющегося на самом деле многозначностью). Не обязательно для этого менять звуковую структуру слова или использовать другое слово: можно пользоваться другими средствами. Саша Д. в 1.09 использовала тон (высокий и низкий) для обозначения соответственно маленьких и больших предметов — *xp* 'свинья и поросенок', *жжжж* 'машина игрушечная и настоящая'. Можно вспомнить ранние звуковые реакции детей, которые, по утверждению В. Вольф¹²², Д. Ингрэн¹²³, А. и Д. Гоеров¹²⁴ приближались по выразительности к функции речи к 1—4-му месяцу жизни.

Новое содержание диктует употребление новых средств выражения, которые должны иметь гибкость и с помощью которых можно проводить различение предметов. Гибкость форм основывается на связи означаемого и означающего. Она определяется общими внешними чертами, которые есть у предмета, с одной стороны, и у звучащего слова — с другой. Гибкость форм, иными словами, основывается на образной связи означаемого и означающего.

Здесь сталкиваются две тенденции. Одна состоит в том, что необходимо называть все более усложняющийся предметный мир, необходимо выбирать из собственного речевого опыта (который все время пополняется) новые средства для выражения нового содержания. Поэтому нужны новые принципы выбора. Другая тенденция — «тенденция к сохранению коммуникативно отработанных средств»¹²⁵. Последняя тенденция не дает образным формам исчезнуть из употребления сразу и окончательно.

¹²² P. Wolf. The natural history of ering and other vocalisations. «Determinants of Infant Behavior», v. 4, London, 1969.

¹²³ D. Ingran. Transitivity in child language. «Language», v. 47, p. 4.

¹²⁴ Д. Гоэр, А. Э. Гоэр (Дерягина). Первый период языковой деятельности ребенка. «Детская речь». М., 1927.

¹²⁵ Б. А. Серебрянников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 81.

Выражение столкновения этих тенденций можно увидеть в так называемых двойных словах: *му-му* 'корова', *ав-ав* 'собака', *бум* 'молоток'¹²⁶.

По мере стабилизации представления о предмете, с развитием действий с данным предметом образная часть слова, составленного из двух частей, отпадает и остается только конвенциональное слово. Здесь уже вступают в силу закономерности национально-культурного развития. Конвенциональное слово выступает для ребенка как заданное обществом, как социально закрепленный эквивалент употребления предмета в ситуациях общественной практики.

На уровне «двойных» слов национально-культурное еще не выступает в явной форме, поскольку конвенциональная часть слова еще не отделена от его образной части. Х. Вернер и Б. Каплан¹²⁷ назвали связь означаемого и означающего на уровне «двойных слов» «динамически-образной». Нам представляется это название чрезвычайно удачным. Оно передает основные характеристики той связи, которая складывается у означаемого и означающего. Эта связь образная, потому что она основана на образе звука и образе предмета, характерной чертой которого ребенок считает издаваемый им звук. Эта связь динамическая, потому что она (во второй части «двойного» слова) кинестетическая.

О динамически-образной связи свидетельствуют многочисленные примеры детского словотворчества: *тепломер* 'термометр', *вертилятор* 'вентилятор', *дырявчик* 'буравчик', *копатка* 'лопатка' (Чуковский). Появление «неологизмов» свидетельствует о том, что ребенок хочет в обычном слове найти отражение каких-то характерных черт предмета и связанных с ним ассоциаций. При этом характеристики будут носить разный характер (характеристика действия — *вертилятор*, функции — *строганок*, цели — *дырявчик*). Тот факт, что подобные слова оформляются по продуктивным моделям словообразования, по аналогии с конвенциональными словами, может говорить о том, что такие «квазиконвенциональные» слова включают элементы конвенциональности. Подобные примеры при-

¹²⁶ Ср. примеры В. Штерна (указ. соч., стр. 243).

¹²⁷ H. Werner, B. Kaplan. Symbol formation. N. Y., 1963.

водит и М. Хмура-Клекотова, исследовавшая словотворчество польских детей ¹²⁸.

Удаление слова от предмета сопровождается развитием представлений о действиях. М. Люис ¹²⁹ приводит пример того, как ребенок на один и тот же вопрос «Где мяч?» в разном возрасте реагировал по-разному (0.9.14 — прижимался к мячу, 0.10.29 — глядел на мяч, но не касался его, 1.01.05 — полз к мячу, если находился от него далеко). Название предмета заставляет ребенка вспомнить о нем, если предмета нет близко. Действие, которое вызывалось раньше предметом, со временем стало вызываться названием этого предмета.

На ранних ступенях развития действий продукт действия и само действие сливаются в один моторно-перцептивный образ. Предметные действия способствуют переводу отраженной действительности в форму образов (И. М. Сеченов). Образы, сформированные в результате предметных действий, помогают развитию словесного наименования предметов.

Мы рассмотрели указанную (как нам представляется — универсальную) закономерность только на материале овладения наименованием и обобщением. Можно, однако, думать, что есть множество свидетельств в пользу той точки зрения, что данная закономерность действует и на других уровнях системы языка и тоже имеет универсальный (на определенном этапе развития ребенка) характер. Это объясняется, в частности тем, что на любом уровне системы языка овладение средствами речевой деятельности есть не что иное, как овладение знаковым обозначением. Если принять ту точку зрения ¹³⁰, в соответствии с которой знаки языка — это слова, морфемы и предложения, то овладение и словами, и морфемами, и синтаксическими единицами будет представлять собой овладение знаками языка. Этот процесс наиболее сложен и интересен на синтаксическом уровне, потому что он неотделим от процессов структурирования действительности, понятийного обобщения и развития психологической предикативности.

¹²⁸ М. Хмура-Клекотова. Словообразовательные неологизмы в детской речи на материале польского и русского языков. «Colloquium Paedolinguisticum». Mouton, 1972, стр. 83 и сл.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ А. А. Уфимцева. Понятие языкового знака. «Общее языковедение», т. I. М., 1970, стр. 86 и сл.

Выделив, вслед за Л. С. Выготским, «фазическое синтаксирование» и «семантическое синтаксирование», мы можем сказать, что универсальные закономерности свойственны процессу «фазического синтаксирования», а национально-культурная специфика проявляется в развитии «семантического синтаксирования». Первое — это способы структурирования действительности, умения программировать высказывание (и вообще всякую деятельность). Второе — это отнесение содержания предложения к действительности, отражение важных сторон действительности в высказывании.

Для подтверждения данной точки зрения сошлемся на известный феномен «Pivot-грамматики», наблюдаемый исследователями на материале самых разных в типологическом отношении языков. Вспомним также однословные предложения в детской речи, которые являются не чем иным, как фиксацией образной связи высказывания с действительностью.

Разумеется, и овладение грамматическими средствами родного языка, и овладение синтаксической системой и предикативными отношениями происходит только в процессе общения и для общения. Эти процессы неотделимы от развития форм психического отражения ребенка и предметной деятельности.

Итак, можно отметить некоторые универсальные этапы в речевом развитии ребенка. Эти этапы предшествуют употреблению знаков языка как квазиобъектов, в их конвенциональном (а следовательно, обусловленном национально-культурной традицией) значении.

Таким образом, в основе развития речевой деятельности лежат предметные действия и сформированные с их помощью представления. По мере развития «спецификации» окружающего ребенка предметного мира растет количество его словарь и означаемые детских слов постепенно приближаются к означаемым слов взрослых.

Мы пытались показать всем ходом предшествующего изложения, что на ранних этапах онтогенеза речи ориентировка ребенка в языковой действительности протекает на основе предметных действий и связанных с ними представлений. Именно представления, а не словарь, как считают представители теории «лингвистической относительности», есть основа формирования знаний ребенка о предметном мире. Сначала предметные действия, а затем со-

циально закрепленные ситуации общественной практики служат основой развития речевой деятельности как целенаправленной деятельности, использующей знаки языка в качестве орудий.

С развитием ребенка развивается абстрактное мышление, сознание и самосознание. В условиях социально организованного общения ребенок через общение и его средства — знаки языка, интериоризует общественные отношения и превращает их в высшие психические функции. «Врастание ребенка в цивилизацию, — писал Л. В. Выготский, — обусловлено созреванием соответствующих функций и аппаратов. На известных стадиях своего биологического развития ребенок овладевает языком, если его мозг и аппарат развиваются нормально. На другой, высшей, ступени развития ребенок овладевает десятичной системой счета и письменной речью, еще позже — основными арифметическими операциями.

Эта связь, приуроченность той или иной стадии или формы развития к определенным моментам органического созревания возникала столетиями и тысячелетиями...»¹³¹.

МЕСТО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ

В науке о языке при изучении речи всегда пытались учитывать тот факт, что речь, развертываясь в неречевом окружении, испытывает влияние экстралингвистических факторов.

На современном научном уровне роль этих факторов впервые была показана Л. П. Якубинским¹³². Позднее эта традиция — учитывать влияние экстралингвистических факторов при интерпретации речевых текстов — была продолжена в работах В. Н. Волошинова, Г. О. Виокура, Б. А. Ларина¹³³.

¹³¹ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. «Избранные психологические исследования». М., 1956, стр. 54.

¹³² Л. П. Якубинский. О диалогической речи. «Русская речь». Пг., 1923.

¹³³ В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Л., 1930; *Он же*. Конструкция высказывания. «Литературная учеба», 1930, № 3; *Он же*. Слово и его социальная функция. «Литературная учеба»,

Но, к сожалению, эти работы не оказали большого влияния на исследовательскую практику языковедов того времени. Гораздо больший резонанс получил принцип учета влияния экстралингвистических факторов на производство речи после того, как он был сформулирован в «Тезисах Пражского лингвистического кружка (в 1928 и 1929 гг.)»¹³⁴, а затем в работах его членов¹³⁵.

Среди других экстралингвистических факторов в работах пражцев основное внимание было уделено цели высказывания. В качестве исследовательского принципа было выдвинуто «элементарное требование анализировать все свойства языка, связанные с тем, что язык является инструментом, под углом зрения задач, для выполнения которых эти свойства предназначены»¹³⁶.

Не случайно, что наиболее популярная в шестидесятые годы модель коммуникативного акта (КА) была предложена Р. Якобсоном, одним из членов Пражского кружка¹³⁷.

В модификации Д. Х. Хаймса модель Р. Якобсона имеет такие компоненты, или факторы: 1) отправитель, 2) по-

1930, № 5; Г. О. Винокур. Проблема культуры речи. «Русский язык в советской школе», 1929, № 5; Б. А. Ларин. К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок. «Изв. ЛГПИ им. Герцена», вып. I, 1928.

¹³⁴ Thèses. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1. Prague, 1929.

¹³⁵ «Пражский лингвистический кружок». М., 1967.— В послевоенное время принцип функционализма был развит и использован преимущественно в работах по стилистике продолжателями традиций Пражского кружка К. Горалекком, К. Гаузенбласом, Л. Долежалем, Ф. Травничекком и др.

¹³⁶ Р. Якобсон. О разработке целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965.

¹³⁷ R. Jakobson. Linguistics and poetics. «Style in Language». N.Y.— London, 1960, стр. 353.— То, что именно Р. Якобсон явился автором наиболее популярной модели КА, не случайно вдвойне. В этой модели был продолжен не только функционализм пражцев, но и функционализм ОПОЯЗа, который оказал влияние на формирование взглядов членов Пражского кружка. Влияние фактора «цель» на производство речевого текста было предметом исследования задолго до появления «Тезисов», см.: Л. Якубинский. О звуках стихотворного языка. «Поэтика», вып. 1. Пг., 1919; В. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. Пг., 1921; Р. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Прага, 1921; Он же. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923.

лучатель, 3) форма сообщения, 4) канал связи, 5) код, 6) тема, 7) обстановка (сцена, ситуация)¹³⁸. В шестикомпонентную модель Р. Якобсона Д. Хаймс ввел компонент «тема» и вместо многозначного термина «контекст» термин «обстановка».

На построение модели Р. Якобсона оказали влияние, кроме того, работы К. Шеннона и Н. Винера¹³⁹. Модель КА Р. Якобсона — это интерпретационная абстрактно-теоретическая модель, средство связи между эмпирическим и теоретическим уровнями исследования. Она более точно, по сравнению с работами пражцев, отображала экстралингвистические факторы, однако высокий уровень обобщения, воспринятый из работ по теории связи, способствовал теоретическим спекуляциям, но снижал ее эвристическую ценность для эмпирического уровня.

Кроме того, эта модель представляла шаг назад по сравнению с телеологической (целевой) моделью пражцев — в ней отсутствовал фактор «цель высказывания», т. е. в модели утрачено то, что было некогда заслугой Пражского кружка.

Фактор «цель высказывания» соотносим с содержанием, вкладываемым в психологии личности и в психолингвистике в понятие мотива деятельности, а в социологии — в понятие интереса.

В советской психолингвистике (теории речевой деятельности) понятие мотива является одним из основных наряду с понятиями деятельности, действия, операции, цели, смысла и т. д. В частности, понятие смысла (слова, речевого высказывания) определяется через соотношение мотива (речевого действия) к цели (речевого действия)¹⁴⁰.

В целом модель Р. Якобсона имела логицистский характер, а последующие годы показали, что психологизированные и социологизированные модели КА, построен-

¹³⁸ D. Hymes. The ethnography of speaking.³ «Anthropology and human behavior». Eds. T. Gladwin, W. Sturtevant. Washington, 1962.

¹³⁹ См. также появившуюся за несколько лет до статьи Р. О. Якобсона работу К. Черри (C. Cherry. On human communication. N. Y., 1957), в которой обсуждалась проблема влияния экстралингвистических факторов на производство речи.

¹⁴⁰ «Основы теории речевой деятельности». М., 1974 (см. главы: «Общее понятие о деятельности» и «Факторы вариативности речевых высказываний»).

ные в психологии, в психолингвистике, в социальной психологии, в социолингвистике с учетом конкретных исследовательских задач, являются более адекватными.

Несомненным достоинством модели Р. Якобсона следует считать то, что он однозначно сформулировал мысль об иерархической организации элементов модели с доминированием одного из элементов в конкретном КА. Справедливости ради нужно упомянуть, что мысль об иерархическом строении элементов ситуации общения содержится и у Л. П. Якубинского¹⁴¹, и у К. Черри¹⁴², но достоянием широких кругов лингвистов, если судить по цитациям, она стала именно в формулировке Р. Якобсона.

Многим моделям КА (в большинстве своем абстрактно-теоретическим), построенным лингвистами, присущ по крайней мере один недостаток — в этих моделях гипертрофирована роль языковых средств (как следствие вполне понятной переоценки языковедами объекта своей науки) и в неоправданно редуцированном виде отображена экстралингвистическая реальность, на фоне которой протекает речь.

Альтернативой такому изоляционистскому изучению речи оказались попытки социолингвистов и психолингвистов, отчасти психологов и социологов¹⁴³.

¹⁴¹ Л. П. Якубинский. О диалогической речи.

¹⁴² С. Cherry. On human communication.

¹⁴³ D. Hymes. The ethnography of speaking. «Anthropology and Human Behavior». Eds. T. Gladwin, W. Sturtevant. Washington, 1962. (русск. перев.: Д. Хаймс. Этнография речи. «Новое в лингвистике», вып. VII. М., 1975); *Он же*. Models of interaction of language and social setting. «Problems of Bilingualism, Journal of Social Issues» Vol. 23 (2), 1967; J. J. Gumperz. The social setting of linguistic behavior. «A Field Manual for Cross-Cultural Study of the Acquisition of Communicative Competence». Ed. D. J. Slobin. Berkeley, 1967; H. Steger, H. Deutrich, G. Schank, E. Schütz. Redekonstruktion, Redekonstruktionstyp. Text-exemplar, Textsorte im Rahmen eines Sprachverhaltensmodells. Begründung einer Forschungshypothese. «Sprache der Gegenwart». Düsseldorf, 1974; P. Watzlawick, J. M. Beavin, D. D. Jackson. Menschliche Kommunikation, Formen, Störungen, Paradoxien, Bern, 1969; «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации». М., 1972; H. P. Dreitzel. Die gesellschaftlichen Leiden und das Leiden an der Gesellschaft; U. Gerhardt. Rollenanalyse...; P. Акофф, Ф. Эмери. О целеустремленных системах. М., 1974.

Можно вполне обоснованно утверждать, что основной тенденцией в социалингвистических и особенно в психолингвистических моделях является усиление антропоморфности модели КА. Социалингвистические и психолингвистические модели отображают коммуникантов с их социальными и психологическими характеристиками, существенными для интерпретации вариативности речевых высказываний. Коммуниканты отображаются в модели не как аналоги технических устройств, передающих и получающих сигналы, а как носители тех или иных социальных функций, как личности, имеющие свою социальную историю¹⁴⁴, влияющую на характеристики продуцируемой речи.

Естественно, в изучении речевого общения больших успехов добились социальные психологи и социологи, так как объект их исследований в речевом общении феноменологически гораздо шире исследовательского объекта лингвистов.

С другой стороны, в социальной психологии и социологии существует уже традиция изучения общения¹⁴⁵, а в лингвистике, вернее социалингвистике и психолингвистике, она только складывается.

С рубежа шестидесятых годов появляется серия работ Е. Гоффмана¹⁴⁶ и М. Аргайла¹⁴⁷, посвященная исследованию социально-психологических аспектов общения.

Начиная с выхода книги «Проблемы общественной психологии»¹⁴⁸, в СССР публикуются работы, в которых

¹⁴⁴ См., например, *N. Dittmar. Möglichkeiten einer Soziolinguistik: zur Analyse rollenspezifischen Sprachverhaltens. «Sprache im technischen Zeitalter», № 38, 1971.*

¹⁴⁵ Одна из первых наиболее известных работ пятидесятых годов по изучению акта общения, социально-психологическая по своему понятийному аппарату работа Т. М. Ньюкома «Введение в изучение коммуникативных актов» (*Th. M. Newcomb. An approach to the study of communicative acts. «Psychological Review», vol. 60, № 6, 1953*) опиралась уже на обширные и сравнительно многочисленные исследования общения в неформальных малых группах.

¹⁴⁶ *E. Goffman. The presentation of self in everyday life. N. Y., 1959; Он же. Behavior in public places. Notes on the social organisation of gatherings. N. Y., 1969; Он же. Interaction ritual. N. Y., 1967.*

¹⁴⁷ *M. Argyle. The psychology of interpersonal behavior. Harmondsworth. 1967; Он же. Social interaction. Methuen, 1969.*

¹⁴⁸ «Проблемы общественной психологии». Под ред. В. Н. Колба-новского и Б. Ф. Поршнева. М., 1965.

исследуются проблемы общения. В первую очередь следует назвать исследования А. А. Бодалева¹⁴⁹ и Б. Д. Парыгина¹⁵⁰ и исследования, проводящиеся под их руководством.

В социально-психологических работах почти полностью из поля зрения выпадает речевая коммуникация, осуществляемая в структуре взаимодействия (общения)¹⁵¹. Такое исключение речевой коммуникации из процесса общения ведет к их неразличению, к неопределенности предмета исследования.

Поэтому психолингвистический подход¹⁵² к изучению речевого общения, при котором последовательно различаются речевая коммуникация и интеракция (социальное взаимодействие) коммуникантов, более адекватен при исследовании социального фона речи.

— Последней по времени была книга А. А. Леонтьева «Психология общения»¹⁵³, в которой проблема соотношения речевой коммуникации (общения) и интеракции, по сравнению с лингвистическими работами предстала в «перевернутом» виде: предметом исследования стала не речевая коммуникация, а психологический механизм интеракции, которая в лингвистических работах обычно фигурирует в виде структурной модели, отображающей элементы ситуации общения и их отношения и, естественно, не отображающей самого процесса общения¹⁵⁴.

¹⁴⁹ А. А. Бодалев. Восприятие человека человеком. Изд-во ЛГУ, 1965; *Он же*. Формирование понятия о другом человеке как личности. Изд-во ЛГУ, 1970.

¹⁵⁰ Б. Д. Парыгин. Феноменологические основы социально-психологической теории. Проблема общения. — В кн.: Б. Д. Парыгин. Основы социально-психологической теории. М., 1971; *Он же*. Общение как процесс взаимодействия. «Вопросы философии и социальной психологии». Л., 1971.

¹⁵¹ Ср., например, тезисы докладов на Всесоюзных симпозиумах: «Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми». Л., 1970; «Общение как предмет теоретических и прикладных исследований». Л., 1973.

¹⁵² См. доклады А. А. Брудного, Е. Ф. Тарасова, Б. Х. Бгажнокова и А. А. Леонтьева на IV Всесоюзном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации. «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации». М., 1972.

¹⁵³ А. А. Леонтьев. Психология общения. Тарту, 1974.

¹⁵⁴ Существующие в лингвистике, психолингвистике, социолингвистике, в психологии общения модели общения являются знаковыми идеальными моделями, в которых время никак не отображается. Все преобразования отдельных элементов модели,

Прежде чем перейти к анализу проблемы влияния экстралингвистических факторов на производство речи, предлагаемому теорией речевой деятельности [точнее, той частью теории речевой деятельности, которая обычно называется теорией (речевой) коммуникации¹⁵⁵], остановимся на некоторых социолингвистических моделях КА.

Кроме работы Д. Хаймса «Этнография речи», которую можно рассматривать как содержательную характеристику операциональных координат описания речи, были предприняты еще попытки создать интерпретационные модели.

Имеет смысл рассмотреть модели КА, построенные Н. Диттмаром¹⁵⁶ и группой исследователей под руководством Г. Штегера¹⁵⁷.

Модель Н. Диттмара восходит к известной «модели речевого поведения» Дж. Р. Сирла¹⁵⁸ в интерпретации Д. Вундерлиха¹⁵⁹.

В модели А. Диттмара в отличие, например, от модели Р. Якобсона факторы КА представлены классами однородных факторов.

1. Фактор «ситуация о б щ е н и я» состоит из таких элементов ситуации, как «место и время», роль *x*- и роль *y*-коммуникантов», «предметы внешней среды, визуально воспринимаемые коммуникантами».

переходы ее в другие состояния осуществляются только в мысленном эксперименте (В. А. Штофф. Моделирование и философия. М.—Л., 1966, стр. 26). Компромиссным решением проблемы атемпоральности знаковой модели акта общения может быть построение последовательного ряда различных состояний одной модели. Такая необходимость возникает, например, при отображении смены социальных ролей коммуникантами в течение одного акта общения, если она изменяет иерархическую конфигурацию социальных ролей коммуникантов, существенным образом влияющую на их речевое поведение.

¹⁵⁵ Подробнее см.: Е. Ф. Тарасов. Статус и структура теории речевой коммуникации. «Проблемы психолингвистики». М., 1975.

¹⁵⁶ N. Dittmar. Möglichkeiten einer Soziolinguistik: zur Analyse rollenspezifischen Sprachverhaltens.

¹⁵⁷ H. Steger, H. Deutrich, G. Schank, E. Schütz. Redekonstellation, Redekostellationsstyp, Textexemplar, Textsorte im Rahmen eines Sprachverhaltensmodells.

¹⁵⁸ J. R. Searle. Speech acts. Essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.

¹⁵⁹ D. Wunderlich. Die Rolle der Pragmatik in der Linguistik. «Der Deutschunterricht», Jg. 22, H. 4, 1970.

2. Предпосылки ролевого речевого поведения автор делит на общие (знание темы и общественных норм, способность коммуникантов к перцепции, мышлению, способность к ассоциации, абстрагизации, генерализации, решению задач и т. д.) и актуальные (мотивировка взаимодействия, обоюдные гипотезы о перцептивных способностях, предположение о физическом и психическом состоянии в момент общения; понимание коммуникантами своей роли и роли партнера, ролевые ожидания коммуникантов по отношению друг к другу).

3. Экстравербальное поведение — использование неязыковых знаков в общении¹⁶⁰. На их функционирование оказывают влияние внешние условия, обстоятельства; отношение невербального поведения к вербальному (например, в смысле коммуникативной ценности вербального и невербального канала); осознание невербального поведения как коммуникативного, сознательное употребление его в этой функции; наличие внешней обратной связи (экстравербальные реакции адресата) на информацию адресанта; вид сообщаемой информации (информативная, коммуникативная, ориентированная на координацию взаимодействия).

4. Лингвистические и паралингвистические качества сообщения (паралингвистические, фонологические-синтаксические, логические и когнитивные свойства высказывания).

5. Вид отношений между высказываниями коммуникантов (адресант просит адресата об одолжении, в чем-то отказывает, становится неуверенным, убеждается в чем-то; адресант дает советы и т. д.), здесь речь идет о прагматических аспектах высказывания.

Ранее построенные модели в понятийном отношении не представляли единства, они описывались частично в общенаучных терминах, частично в понятиях, заимствованных из смежных наук (так, например, в модели Р. Якобсона использованы понятия теории связи). Естественно, недостаток этих моделей не в том, что при их построе-

¹⁶⁰ В трактовке экстравербального поведения Н. Диттмар опирается на систему категорий П. Экмана и У. фон Фризен (P. Ekman, W. von Friesen. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, coding. «Semiotica I», № 1, 1969).

нии заимствовались понятия из других наук, а в том, что они заимствовались фрагментарно, несистемно и поэтому в процессе интерпретации экспериментальных данных не могут быть использованы номологические предложения теории, из которой заимствовались понятия.

У Н. Дитмара сделана попытка использовать теорию ролей в ее социально-психологическом варианте (хотя ориентация всей статьи социолингвистическая), дополнив ее понятиями, описывающими те фрагменты поведения коммуникантов, которые в теории ролей или не описываются (общие предпосылки ролевого поведения, лингвистические и паралингвистические аспекты высказывания), или описываются на чрезмерно (для лингвистики, естественно) высоком уровне абстракции (экстравербальное поведение).

Автор в соответствии с основными положениями социолингвистики как пограничной дисциплины пытается использовать систему понятий, адекватную для описания ролевого речевого поведения, целиком заимствованную из социологии. Стремясь увеличить объяснительную силу модели, Н. Дитмар повышает психологичность модели и вводит фактор «общие предпосылки ролевого речевого поведения», которые в теории ролей обычно не входят в предмет теории.

Модель КА Н. Дитмара — это пример реализации тенденции к антропоморфности, о которой уже шла речь выше. Введением понятия роли в модель КА отображен тот факт, что в КА люди фигурируют как носители социальных функций, что их речевое общение разворачивается в структуре социальных отношений. Кроме того, понятие роли дает возможность отобразить социальные связи коммуникантов, идущие за пределы конкретного КА, и позволяет представить КА не как изолированный акт общения, а как один из актов, протекающих в некоторой социальной системе.

Таким образом, у Н. Дитмара тенденция к антропоморфности реализована как отображение в модели личностных (социальных и психических) качеств коммуникантов. Для дальнейшего изложения необходимо подчеркнуть два важных момента.

Во-первых, стремление автора «психологизировать» модель, как результат понимания того, что социологические модели КА менее адекватны для описания речевого

поведения по сравнению с социально-психологическими и психолингвистическими, именно из-за своей высокой степени абстрактности ¹⁶¹.

Во-вторых, и это для нас, пожалуй, самое важное, в модели КА Н. Дитмара едва ли не впервые был учтен тот факт, что общение (речевое и неречевое) протекает на разных уровнях опосредования (не в том смысле, что могут употребляться языковой и неязыковые коды) и поэтому место собственно речевого общения в КА может быть различно.

Другая интересная попытка построить объяснительную модель КА осуществлена под руководством Г. Штегера ¹⁶². Была построена не только абстрактно-теоретическая модель КА, но и дано концептуальное обоснование модели. Цель построения модели — дать аппарат для описания и по возможности для объяснения наблюдаемого неречевого и речевого поведения.

В целом модель КА фрейбургской группы (далее: модель КА Штегера) должна рассматриваться как попытка построить социолингвистическую модель, но, и это весьма примечательно, почти всем социологическим понятиям дается психологическая интерпретация, авторы модели пытаются показать психологические механизмы элементов процесса общения, описываемых социологическими понятиями.

Для авторов модели психологическая интерпретация — это возможность увеличить объяснительную силу модели — без анализа психологических механизмов общения социологическое описание речевого и неречевого общения превращается в феноменологическое описание, обладающее во многом меньшей объяснительной силой по

¹⁶¹ Разумеется, окончательное суждение об адекватности модели КА можно выносить, только зная конкретные исследовательские задачи. Здесь речь идет о потенциальных объяснительных возможностях модели.

¹⁶² Фрейбургская рабочая группа под руководством Г. Штегера (Х. Дойтрих, Г. Шанк, Е. Шютц) с 1966 г. занимается, наряду с другими задачами, описанием функционирования устной речи. Занимаясь выработкой рекомендаций для преподавания немецкого языка как иностранного, они пришли к выводу, что овладение иностранным языком возможно только как овладение речевым поведением в стандартных социальных ситуациях («Einübung in sozial übliches Sprechen als Sprachverhalten»).

сравнению с социально-психологическим или психологическим объяснением.

Тенденция к увеличению степени антропоморфности модели КА у Г. Штегера проявилась в углубленной социологической и психологической трактовке таких элементов модели, как «говорящий», «слушающий», «речевое и неречевое поведение».

Поведение, образ действий (*Verhalten*) коммуникантов понимается, в соответствии со взглядами марксистов, как реализация социальных отношений в исторически конкретных, обусловленных обществом формах¹⁶³, как субъективная форма их существования.

Общество, в соответствии с определением понятия поведения, — это «системная совокупность взаимодействий индивидов»¹⁶⁴. Следовательно, каждый КА совершается в более широкой, чем сам КА, системе, это допущение избавляет модель Г. Штегера от возможных обвинений в осуществлении бихевиористских интерпретаций продуцирования речи, когда речь рассматривается только как функция влияния на речевое общение экстралингвистических факторов, составляющих ситуацию общения.

Для процесса общения в конкретном КА ролевой репертуар и иерархия ролей существенны: ролевой репертуар личности в данном обществе предполагает, регламентируемый ролевыми экспектациями определенный объем знаний, навыков и умений, привносимый в КА.

Иерархия ролей в ролевом репертуаре коммуниканта детерминирует систему мотивов его деятельности и поэтому может служить инструментом интерпретации м ы с л а его речевых и неречевых действий.

Каждая социальная позиция связана системой отношений с другими позициями, «в направлении» этих отношений и в их структуре протекает ролевая деятельность. Согласно понятию сегмента роли (ролевого сегмента), введенного Р. Мертоном¹⁶⁵, каждая позиция имеет столько сегментов, сколько социальных отношений связывают ее с другими позициями. Например, школьный учитель

¹⁶³ «*Philosophisches Vörterbuch*». Hrsg. G. Klaus, M. Buhr. Leipzig, 1970, стр. 1119.

¹⁶⁴ Там же, стр. 430.

¹⁶⁵ R. K. Merton. The role-set. Problems in sociological theory. «*British Journal of Sociology*», vol. 8, 1957.

как носитель определенной роли вступает в общение с 1) директором школы, 2) с своими коллегами — учителями той же школы, 3) учениками, 4) их родителями, 5) гораздо реже имеет официальные контакты с учителями других школ и т. д. Эти ролевые деятельности определяют количество сегментов социальной позиции и в конечном итоге обуславливают качества владельца роли как коммуниканта (количество и номенклатура кодов, навыки порождения и восприятия «ролевой» речи, навыки ориентации в ролевых ситуациях общения и т. д.).

Совершенно не случайно коммуниканты в модели Штегера отображены с большой степенью детализации. Влияние всех экстралингвистических факторов на производство речи опосредуется человеком, производителем речи, поэтому это влияние значимо для речепроизводства в той степени, в какой оно учитывается коммуникантом осознанно (в процессе оперативного контроля) или неосознанно, когда ориентировка в ситуации общения и выработка или выбор планов речевой деятельности осуществляются на уровне навыков — автоматически.

Отображая коммуникантов с большой степенью детализации, авторам модели удается показать социальные связи данного КА с другими КА и «социальную историю» коммуникантов. И первое, и второе в модели отображается в виде ролевого репертуара коммуникантов, социальная роль по своей сути представляет собой в свернутом виде историю социальных взаимодействий коммуниканта.

Без психологической интерпретации эвристическая ценность этого утверждения невелика. Для интерпретационной модели КА существенно то, что социальные роли являются индикатором наличия у коммуникантов социального опыта, а его наличие предполагает определенный уровень развития психических качеств личности¹⁶⁶.

Весьма показательны два допущения, на основе которых строится модель Штегера. Опираясь на работы Дж. Ф. Сирла, Й. Фрезе, В. Камла, И. Коппершмидта¹⁶⁷,

¹⁶⁶ Этнопсихоллингвистический аспект состоит в том, что с идентичными ролями в разных культурах связаны специфические национально-культурные модели деятельности. См. гл. 2 и 3.

¹⁶⁷ J. R. Searle. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. Frankfurt, 1971; J. Frese. Sprechen als Metapher für Handeln. «Das Problem der Sprache». Hrsg. H. G. Gadamer. München, 1967;

авторы модели постулируют общность структуры речевой и неречевой деятельности (Handlung). Сама форма постулирования этого допущения как гипотетического утверждения со ссылкой на философские спекулятивные работы характерна для уровня исследования многих проблем речевого общения за рубежом.

Дело в том, что утверждение о тождественности структуры речевой и неречевой деятельности в советской психологии является экспериментально доказанным и теоретически обоснованным¹⁶⁸. На основе этого утверждения о тождественности структуры речевой и неречевой деятельности теория речевой деятельности использовала развитую систему понятий теории деятельности (Л. Я. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия) для описания речевого общения.

Второе предположение, лежащее в основе модели, гласит, что позиции, ролевая структура личности, ее статус, видимо, понимаемый как уровень престижа, которым обладает человек в качестве владельца определенного репертуара ролей, усвоенные умения и навыки, знания, система ориентиров (эталонов различных видов восприятия) образуют единую систему значений, служащую программой порождения деятельности в конкретных социальных ситуациях.

У Б. Бернстайна — известного английского специалиста по проблемам социализации и воспитания — эта проблема, являющаяся сейчас одной из центральных в исследованиях речевого общения, сформулирована более категорично.

«В процессе коммуникации индивиды овладевают своими ролями. В этом смысле роль представляет собой совокупность общественных усвоенных значений, благодаря которым индивид в состоянии вступать во взаимодействия, имеющие устойчивые взаимосвязанные и санкционированные формы. В соответствии с этим роль можно считать комплексной деятельностью кодирования, под контролем которой находятся образование и организация специфиче-

W. Kamlah. Sprachliches Handlungsschemata. — Там же; J. Korperschmidt. Rhetorik. Einführung in die persuasive Kommunikation. «Arbeitsberichte des Instituts für Umweltplanung Ulm 5». Ulm, 1971.

¹⁶⁸ Достаточно сослаться хотя бы на серию работ П. Я. Гальперина и его сотрудников.

ских значений и условия для их передачи и воспроизведения. Если действительно верно, что коммуникативная система, которая обуславливает внешнее выражение определенной роли, по сути своей является системой речевых актов (*speech*), то мы можем различать основные роли с точки зрения контролируемых ими форм речи (*speech form*). Влияние специфических форм речи или кодов ¹⁶⁹ превращает окружающий мир в матрицу особых значений, которые посредством речевых актов превращаются в часть психической реальности. В то время как личность учится согласовывать свое поведение с лингвистическим кодом, который является выражением роли (вернее сказать, он является вербальной формой существования роли. — *Е. Т.*), ей становятся доступными различные системы отношений. Система значений, которая передает ролевую систему, в ходе индивидуального развития влияет на личность и определяет ее поведение в целом. При таком ходе рассуждений языковое опосредование роли становится основным носителем значений: благодаря специфическому лингвистическому коду конструируются системы значений, опыт организуется особым образом и устанавливается социальная тождественность» ¹⁷⁰.

В общем виде мысль Б. Бернштейна сводится к тому, что язык и акты речевого общения опосредуют отношения между культурой и ребенком, усваивающим эту культуру. Естественно, языковое и речевое опосредования не являются единственными каналами овладения культурой, самым существенным для ребенка посредником между ним и культурой является взрослый человек, затем активность ребенка опосредуется деятельностями,

¹⁶⁹ *B. Bernstein. Studien zur sprachlichen Sozialisation. Düsseldorf, 1973, стр. 238.* — Код 'code' у Б. Бернштейна — это вариант языка 'Sprachvariante', лучше всего это понятие описывается понятием «социолект». Сравни определение У. Эверманна: «Понятие лингвистического кода (у Б. Бернштейна. — *Е. Т.*) следует считать абстрактным гипотетическим конструктом, который может быть эмпирически обоснован, если будут установлены систематические зависимости между условиями ролевой деятельности или ситуацией деятельности, описываемой в социологических понятиях, и между языковыми образцами, описываемыми в лингвистических понятиях» (*U. Oevermann. Sprache und soziale Herkunft. «Die Studien und Berichte des Instituts für Bildungsforschung in der Max Planck-Gesellschaft», Bd. 18, Berlin 1970, стр. 185.*)

¹⁷⁰ *B. Bernstein. Studien...*, стр. 241.

в структуре которых он присваивает предметы культуры, точнее сказать, опосредуется формами деятельности, операциями, если использовать понятия теории деятельности¹⁷¹. Другими словами, овладение культурой опосредуется наличным, постоянно растущим социальным опытом индивида. Аналогично этому, социолект, усваиваемый в процессе общения, служит средством овладения культурой, средством осмысления новых сведений, умений, навыков¹⁷².

Поэтому совершенно справедливо утверждение Б. Бернштейна, что «форма социальных отношений или более обобщенно, социальная структура, создает различные языковые формы, или коды, и эти коды опосредуют в принципе овладение культурой и таким образом обуславливают поведение»¹⁷³.

В этом утверждении Б. Бернштейн, по его собственному признанию, опирается на работы Л. С. Выготского и А. Р. Лурии¹⁷⁴.

Действительно, с психологической точки зрения справедливость этого тезиса о роли языка в онтогенезе личности не нуждается в особом доказательстве¹⁷⁵.

Исходя из этого, можно полагать, что отображение коммуникантов в модели КА в виде ролей, представляющих социальный опыт общающихся, коррелирующий с лингвистическими характеристиками порождаемых текстов, вполне обоснованно.

Таким образом, предположение Г. Штегера о том, что ролевая структура личности, ее ролевые деятельности образуют систему значений, которая служит программой порождения деятельности в конкретных социальных си-

¹⁷¹ А. Н. Леонтьев, Д. Ю. Панов. Психология человека и технический прогресс. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963, стр. 393—424.

¹⁷² Проблемы вербального опосредования процесса овладения культурой в советской психологии решена у А. Н. Леонтьева введением и обоснованием психологических понятий «значение» и «смысл». Адаптация этих понятий в теории ролей дана в нашей статье «Ролевая интерпретация понятий «значение» и «смысл» («Проблемы психолингвистики»). М., 1975).

¹⁷³ B. Bernstein. Studien..., стр. 238.

¹⁷⁴ L. S. Vigotsky. Thought and language. N. Y., 1962; A. R. Luria. The role of speech in the regulation of normal and abnormal behavior. Oxford, 1961.

¹⁷⁵ См.: А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики.

туациях, может быть обоснованным и доказательным только при психологической интерпретации.

С психологической точки зрения речь идет о том, что роли (ролевые деятельности, ролевые экспектации) личности определяют усваиваемый ею объем знаний, набор исполняемых деятельностей и, следовательно, речевые и неречевые умения и навыки, сформированные у личности, и, наконец, систему значений и смыслов слов, речевых и неречевых действий. Сформированные в процессе становления личности модели внешней деятельности сохраняют свою структуру и при внутреннем, умственном проигрывании этой деятельности, и это дает основание предполагать существование «ролевого» мышления.

Только в таком нетерминологическом смысле можно понимать употребленное Г. Штегером понятие «программа порождения деятельности».

Мы так подробно остановились на проблеме отображения общающихся в модели КА, потому что здесь отчетливо видны трудности другой проблемы: мы имеем в виду проблему места речевого общения в коммуникативном акте, или, что то же самое, проблему уровней опосредования общения.

Что мы понимаем под различными уровнями опосредования общения?

Прежде чем ответить на этот вопрос, сформулируем два очевидных допущения.

В лингвистике имеет хождение метафора, суть которой в том, что языковые знаки передают некоторые значения. Это всего лишь метафора, понимаемая часто неметафорически. Строго говоря, в языковом знаке как некоторой физической субстанции нет никакого значения. С феноменологической точки зрения значение — это образы и представления, возбуждаемые в мозгу носителей языка, это социальный опыт коммуниканта, актуализуемый при продуцировании, восприятии и понимании речевых сообщений.

«Известно, что для понимания текста требуется не только знание языка, на котором текст составлен, но и определенный набор взаимосвязанных сведений (разрядка наша.— *Е. Т.*), касающихся содержания текста. Можно обосновать гипотезу, в соответствии с которой структура и семантика текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого со-

держится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст. Когда два этих различных компонента вступают во взаимодействие, и происходит процесс восприятия и понимания текста (например, при его чтении или слушании)»¹⁷⁶.

Следовательно, для общения (и речевого в том числе) требуется в з а и м о д е й с т в и е по крайней мере двух коммуникантов. Однако это взаимодействие возможно только при наличии о б щ е г о социального опыта у коммуникантов: чем больше о б щ и й опыт, чем больше о б щ и х социальных связей, тем адекватнее замыслам адресанта будет понято сообщение адресатом¹⁷⁷. Поэтому общающиеся на доречевом и на начальном речевом этапах коммуникации интенсивно демонстрируют друг другу ролевые атрибуты и изучают их в поисках общей платформы взаимодействия и понимания продуцируемых речевых текстов.

Общей платформой в начале конкретного КА является понимание коммуникантами собственной социальной роли и роли партнера в конкретном социальном взаимодействии. Ориентировка в ситуации общения как в ситуации взаимодействия носителей социальных ролей дает возможность коммуникантам не ф о р м и р о в а т ь ц е л и к о м стратегию поведения в каждом отдельном случае, а в ы б и р а т ь, ее из имеющегося набора эталонов и подвергать необходимой коррекции в процессе общения.

Поэтому не будет преувеличением утверждать, что для коммуникации важно иметь не только общий для коммуникантов набор сигналов, но и общий социальный опыт, позволяющий однозначно интерпретировать их.

Кроме того, нам нужно условиться, что мы будем иметь в виду под общением. Теория речевой деятельности при

¹⁷⁶ А. А. Брудный. Понимание как философско-психологическая проблема. «Вопросы философии», 1975, № 10, стр. 112. Речевое общение именно как процесс социального в з а и м о д е й с т в и я коммуникантов, опосредуемого языковыми знаками, было предметом рассмотрения во многих лингвистических работах. См., например: Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 237; В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М., 1930, стр. 86—87; T. Stama-Cazacu. Limbaj și context. București, 1959, стр. 434.

¹⁷⁷ Именно отсутствие общих «взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста» у адресанта и адресата, может препятствовать пониманию текста на мертвом языке.

рассмотрении психологии речевого общения¹⁷⁸ опирается на понимание К. Марксом и Ф. Энгельсом общения как формы взаимодействия личностей, порожденной конкретным способом производства.

Понятие общения и материального производства у К. Маркса и Ф. Энгельса играет важную роль в исследовании общества и его истории.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства и непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории...»¹⁷⁹.

Понятие общения в «Немецкой идеологии» включает в себя социальное взаимодействие членов общества — совместную деятельность людей, интеракцию — и собственно коммуникацию — передачу сообщений, обслуживающую совместную деятельность людей, эта последняя и есть психологическое содержание коммуникации¹⁸⁰.

Общение, понимаемое таким образом, реализует (актуализует) общественные отношения между личностями.

Субстратным уровнем общественных отношений являются экономические (производственные) отношения, порожденные деятельностью по удовлетворению потребностей людей. В качестве субстратного уровня отношений, реализуемых людьми, в общении, производственные отношения осознаются только в рефлексии ученого, но не в обыденном сознании.

¹⁷⁸ А. А. Леонтьев. Психология общения.

¹⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 36—37.

¹⁸⁰ Строго говоря, речевая коммуникация — это тоже с о в м е с т н а я деятельность (специализированная для «обслуживания» неречевого взаимодействия) в том смысле, что в своих речевых акциях адресант прогнозирует речевые реакции адресата, сам факт ориентации на психологические, социальные (даже гипотетические) характеристики адресата — это уже воздействие на адресанта, отображаемое в его речевых акциях. Даже в массовой коммуникации, где КА разорван во времени и пространстве, отсутствующий в момент продуцирования речи адресат оказывает влияние, воздействует на коммуникатора необходимостью приспособлять речь к некоторым характеристикам потенциальной аудитории.

Предметом обыденного сознания в качестве отношения, реализуемого в общении, становятся социальные отношения, (национальные, классовые, групповые, трудовые, семейные, межличностные и т. д.), являющиеся внешней формой организации общественного строя, исторических общностей людей в конкретный исторический период ¹⁸¹.

Таким образом, необходимость в коммуникации (речевой и неречевой) возникает тогда, когда действительность благодаря сотрудничеству людей становится взаимодействием, реализующим некоторое социальное отношение, «надстроенное» над производственными отношениями.

Здесь уместно процитировать одно место из «Немецкой идеологии» о том, что «личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение и одновременно существует как не зависящая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения, в целый ряд сил, которые определяют, подчиняют индивида...» ¹⁸²

На уровне наблюдения внешних форм поведения личностей, очевидно, что общение (взаимодействие) реализует социальные отношения, сформировавшиеся в результате отчуждения межличностного общения.

Другими словами, наблюдая внешние формы общения, можно прийти к выводу, что социальное взаимодействие является причиной общения. Такой вывод возможен потому, что общение, его внешние формы являются превращенной формой экономических (производственных) отношений и, следовательно, общение адекватно может быть изучено только предложенным К. Марксом в «Капитале» методом восхождения от абстрактного к конкретному ¹⁸³.

Поэтому при рассмотрении общения, кроме понятий деятельности, взаимодействия, должны быть использова-

¹⁸¹ М. Н. Перфильев. Общественные отношения. Л., 1974, стр. 154—155.

¹⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинение, т. 3, стр. 234.

¹⁸³ К. Маркс. Капитал, т. 1, 3; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, 25; см. также: М. К. Мамардашвили. Анализ сознания в работах Маркса. «Вопросы философии», 1968, № 6; О н ж е. Форма превращенная. «Философская энциклопедия», т. 5. М. 1970.

ны понятия отношения и взаимоотношения («личностный», психологический коррелят, возникающий в реальном процессе общения как производное от его психологической организации») ¹⁸⁴.

Отчужденная от многочисленных актов однотипного социального взаимодействия сила, независимая от коммуникантов, — общественное отношение — для каждой отдельной личности предстает в виде специализированных правил общения, ориентированных на регламентацию взаимодействия в определенных типизированных условиях. Очевидно, что эти правила взаимодействия есть правила взаимодействия носителей ролей.

Личность реализует в общении предписания по крайней мере одной из статусных ролей (национальной, половой и т. д.), — т. е. к примеру, взрослый русский мужчина, даже если он не выполняет в данном акте общения иных ролевых предписаний, то он в большинстве случаев неосознанно (на уровне бессознательного контроля / или на уровне неосознанности) — ориентируется на правила национальной, возрастной или половой статусной роли.

Любой акт социального взаимодействия регламентирован в той или иной мере и поэтому система понятий, в которой может быть описано общение, должна включать и понятие роли: отношение (производственное, социальное), соотношение, (ролевая) деятельность, ролевое взаимодействие, коммуникация ¹⁸⁵.

Последнее, о чем необходимо условиться для того, чтобы ответить на вопрос о месте речевого общения в коммуникативном акте, — это мотивы цели общения.

Согласно исходным постулатам теории речевой деятельности ¹⁸⁶ речь (речевая деятельность, речевое общение) обладает статусом действия и занимает подчиненное положение по отношению к неречевой деятельности, в структуре которой оно разворачивается. Мотив общения, таким образом, лежит за пределами собственно речевого общения, т. е. коммуниканты при помощи обмена сведе-

¹⁸⁴ А. А. Леонтьев. Психология общения, стр. 25.

¹⁸⁵ Подробнее см.: Е. Ф. Тарасов. Социальное взаимодействие в речевом общении. «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации». М., 1972, стр. 8—15.

¹⁸⁶ «Основы теории речевой деятельности».

ниями обычно решают некоторую задачу в рамках социального взаимодействия.

С общеметодологических позиций основную цель общения можно определить как управление поведением (деятельностью собеседника).

Управление поведением следует понимать широко: и как изменение поведения, и как, наоборот, сохранение прежних характеристик поведения, и как противоборство, и как кооперацию и т. д.

Эта глобальная задача управления поведением решается путем последовательного достижения ряда целей.

Рассмотрим эти цели на примере непосредственного общения «лицом к лицу». Прежде чем вы можете говорить с вашим собеседником, вы должны каким-то образом привлечь его внимание, установить с ним контакт. Это очень важная сторона общения: от того, как будет решена задача привлечения внимания и установления контакта, зависит успех конкретного акта общения.

В человеческом обществе придают большое значение установлению контакта и ориентировке в собеседнике и ситуации. Все виды приветствий, обращений, титулований предназначены для установления контакта и демонстрации социальных отношений, в рамках которых коммуниканты намерены общаться.

В специализированных видах общения, например в рекламном воздействии, цель привлечения внимания адресата сообщения едва ли не самая важная.

Непосредственно после привлечения внимания собеседника могут достигаться и другие цели, предшествующие передаче сообщения. Например, адресант может предпринимать усилия для создания (поддержания, разрушения) атмосферы доверия к источнику информации и к передаваемым сведениям, для возбуждения интереса к передаваемому сообщению (для создания познавательной потребности).

Вся совокупность действий адресанта в начальный период общения, направленная на приведение собеседника в состояние, благоприятное для восприятия сообщения и изменения (сохранения) поведения, есть то, что в лингвистике называют *фасцинацией*¹⁸⁷.

¹⁸⁷ А. А. Брудный. Некоторые философские проблемы теории общения. «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации».

Итак, вы привлекли внимание собеседника, создали атмосферу доверия, возбудили интерес к передаваемым сведениям — теперь можно передавать сведения, которые изменят (сохранят) его поведение.

Если собеседников связывают отношения субординации, то владелец более высокого статуса, выступающий в роли адресанта, может просто потребовать изменения (сохранения) поведения; а если собеседники связаны отношениями координации, сотрудничества, то изменение (сохранение) поведения может быть достигнуто в большинстве случаев только путем мотивации¹⁸⁸. Мотивация может опираться на имеющиеся или вновь формируемые потребности. Заканчивается мотивация изложением (в явной или неявной форме) плана инспирируемых действий. Это в известной мере идеальная схема мотивов и целей общения, в разных видах общения отдельные цели могут быть редуцированы или, наоборот, гипертрофированы за счет остальных.

Наиболее полно все эти цели достигаются в идеологическом воздействии, осуществляемом при помощи средств массовой информации и пропаганды, в ораторской речи, в рекламе, хотя и здесь могут осуществляться коммуникативные акты, в которых достигается ограниченное количество целей (например, только формируются потребности, которые потом будут служить опорой для мотивации изменения поведения, или только актуализуются имеющиеся потребности, или только создается атмосфера недоверия к сообщениям идеологического противника, или отвлекается внимание аудитории от возможного идеологического воздействия противника и т. д.).

Здесь уместно подчеркнуть различие целей и мотивов общения. До сих пор речь шла о целях общения, т. е. о ряде объектов или конкретных задач, на которых последовательно концентрировали свои непосредственные усилия коммуниканты: привлекали и удерживали внимание, возбуждали познавательную потребность, информировали, мотивировали и в конечном итоге изменяли (сохраняли) поведение (деятельность) партнера (или свое собственное, часто не осознавая этого).

¹⁸⁸ Мы опираемся на теорию мотивации, развиваемую А. Н. Леонтьевым (А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики; *Он же*. Потребности, мотивы и эмоции. Изд-во МГУ, 1971; *Он же*. Деятельность и личность. «Вопросы философии», 1974, № 4).

Но достигать эти цели можно, побуждаясь различными мотивами. Иначе говоря, общаясь человек удовлетворяет самые различные потребности.

Соотношение мотива и потребности, вслед за А. Н. Леонтьевым, можно определить так. Потребность — это отсутствие, нужда в чем-то, это то, что должно быть удовлетворено в ходе деятельности, направляемой на реальный или мыслимый (идеальный) предмет, удовлетворяющий данной потребности. Этот предмет и является мотивом деятельности, направленной на удовлетворение потребности¹⁸⁹.

Какие же мотивы побуждают общение?

~~Существует довольно много попыток дать классификацию мотивов общения. Большинство из них составлено для конкретных исследовательских целей. Но часто под именем мотивов общения фигурируют и цели общения, и это не случайно, как мы покажем ниже.~~

Со многих точек зрения удовлетворительную классификацию мотивов общения приводит П. М. Якобсон¹⁹⁰. По П. М. Якобсону, все мотивы общения можно свести в три группы.

Первая группа — это мотивы так называемого «делового» общения, цель которого «установление деловой связи с людьми для осуществления необходимой совместной деятельности»¹⁹¹.

Второй вид общения побуждается стремлением воздействовать на другого человека или на группу людей, цель этого воздействия — «изменение существенных устремлений человека, некоторых свойств личности»¹⁹².

Мотивом третьего вида общения является сама потребность в общении. «Это такая форма общения, которая направлена на то, чтобы сделать другого человека на основе контакта с ним в каких-то отношениях близким к себе, так же, как и себя сделать близким другим или другому»¹⁹³.

¹⁸⁹ А. Н. Леонтьев. Деятельность и личность, стр. 65.

¹⁹⁰ П. М. Якобсон. Общение людей как психологическая проблема. М., 1973.

¹⁹¹ Там же, стр. 13.

¹⁹² Там же, стр. 14.

¹⁹³ Там же, стр. 15.

Итак, мотивы общения по П. М. Якобсону, — установление деловой связи, воздействие на другого человека, стремление к общению. Очевидно, что в основу деления этих групп мотивов общения положен принцип ведущего, смыслообразующего мотива. В первом случае — установление деловой связи — общение выступает в своей первоначальной функции, в функции координации производственной деятельности взаимодействующих индивидов. Здесь цели общения подчинены производственной деятельности, мотивированы ее целями — общение в структуре производственной деятельности имеет статус действия, если говорить в понятиях теории деятельности.

Вторая группа мотивов общения, по П. М. Якобсону, — это мотивы, перешедшие на одну из целей общения: воздействовать на другого человека, изменить его мнения, взгляды, чтобы склонить к желательным для адресанта действиям и поступкам и т. д. Общение уже имеет собственный мотив и приобретает статус деятельности.

Общение, как впрочем и любая иная деятельность, побуждается системой мотивов, имеющей иерархическое строение: основной мотив — это ведущий, смыслообразующий мотив, стоящий во главе иерархии, другие мотивы иерархической системы — это мотивы-стимулы, усиливающие или ослабляющие влияние ведущего мотива¹⁹⁴. Поэтому когда мы говорим о мотиве общения, то мы имеем в виду ведущий мотив, возникающий и функционирующий всегда в иерархии мотивов. Это, естественно, научная идеализация, когда мы полагаем, что общение побуждается одним мотивом.

С точки зрения целей общения набор целей, через достижение которых адресант приходит к конечной цели, примерно одинаков. А конечная цель всех видов общения идентична — изменение поведения (деятельности) собеседника, будь это непосредственное изменение в процессе совместной деятельности или отсроченное во времени, которому предшествует изменение мнения, жизненных установок.

В общении, побуждаемом третьей группой мотивов (потребность в общении), конечная цель, не осознаваемая коммуникантами, та же — изменение поведения (деятельности) своего или собеседника, хотя субъективно комму-

¹⁹⁴ А. Н. Леонтьев. Потребности, мотивы и эмоции.

никанты преследуют другую, одну из промежуточных целей — установление (эмоциональной) платформы для дальнейшего непосредственного или отсроченного во времени сотрудничества.

Не пытаясь окончательно решить проблему мотивов и целей общения, можно, однако, сделать некоторые выводы.

За пределами конкретных исследовательских задач с общеметодологических позиций мотивы общения могут быть сведены в две группы:

1) первую группу образуют мотивы, лежащие за пределами общения, общение подчинено производственной в широком смысле деятельности и обладает статусом действия;

2) вторую группу мотивов образуют мотивы, перешедшие на одну из целей общения, общение побуждается своим собственным мотивом и превращается в деятельность общения.

Историческое развитие форм общения шло от общения-действия к общению деятельности¹⁹⁵.

Набор целей общения примерно идентичен во всех КА (учитывая возможность их редуцирования и гипертрофирования), он обусловлен самой природой общения людей.

Исторически исходной системой целей общения в излагаемой концепции является система целей общения, обслуживающего производственную деятельность, основной, конечной целью такого общения является изменение поведения (деятельности) партнера. Эта система целей в явной или скрытой форме, в той или иной мере достигается в каждом КА.

Таким образом, в качестве рабочего определения общения можно принять следующее: общение — это коммуникативная деятельность, деятельность по обмену сведениями, цель которой изменение поведения собеседника. Это определение общения можно считать операциональным, принимая во внимание другие функции общения (например, функцию передачи социального опыта от одного поколения к другому), его можно определить как форму существования самого общества¹⁹⁶.

¹⁹⁵ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 308 и след.;
А. А. Леонтьев. Психология общения, стр. 41.⁴

¹⁹⁶ См., например: А. А. Леонтьев. Психология общения, стр. 17.

Кроме того, очевидно, что данное нами рабочее определение общения ориентировано на задачи исследования в основном речевого общения. Если сказать об общении, что это коммуникативная деятельность, то мы выносим за скобки информативное поведение, которое также опосредует общение.

Строго говоря, общение опосредуется не только знаками, передаваемыми адресантом в соответствии со своим замыслом, оно опосредуется также информативным поведением, которым адресант (равно как и адресат) помимо своего желания информирует партнера о своих намерениях, своем состоянии, об эффективности осуществляемого воздействия и т. п.

Следовательно, определение общения как коммуникативной деятельности можно считать только рабочим определением. Это станет особенно очевидным при рассмотрении средств общения.

Вернемся к проблеме опосредования общения. Какими средствами осуществляется общение или, иначе говоря, какими средствами можно изменить поведение партнера по общению.

Средства общения — это сигналы, которые включены в процесс общения по крайней мере двух людей и которые или являются конвенциональными знаками, или могут ими стать, если они будут восприняты и однозначно поняты в соответствии с интенцией адресанта¹⁹⁷.

С точки зрения интенциональности средства общения делятся на коммуникативные — воспринимаемые и понимаемые адресатом в соответствии с замыслом адресанта (соответствие замыслу, естественно, относительное) — и на информативные — «читаемые» помимо желания адресанта.

Коммуникативные средства общения это конвенциональные знаки (речевые и неречевые), иконические знаки, описательные жесты, знаки-признаки (намеренно демонстрируемые симптомы эмоционального состояния коммуникантов), фрагменты поведения, значимо отклоняющиеся от традиции способы совершения рутинной дея-

¹⁹⁷ Здесь имеются в виду прежде всего иконические знаки и описательные жесты, которые легко «читаются» вследствие прозрачной связи между знаком и обозначаемым предметом, а затем речевые высказывания или их фрагменты, приобретающие в определенной ситуации дополнительное символическое значение.

тельности (например, намеренное нарушение этикетных норм), становящиеся таким образом символическими.

Информативные средства общения — это в первую очередь знаки-признаки эмоционального состояния, внешняя деятельность коммуниканта, оцениваемая наблюдателем с точки зрения соблюдения принятых норм ее исполнения, это могут быть и конвенциональные знаки, передаваемые третьему лицу, и становящиеся для наблюдателя знаками-признаками.

Внешняя деятельность коммуниканта, значимо отклоняющаяся от принятых норм помимо его желания, может служить диагностическим средством.

Промежуточное положение занимает так называемый социальный символизм — весьма своеобразное средство установления социальных отношений между коммуникантами¹⁹⁸. Коммуниканты намеренно демонстрируют свои действительные или мнимые социальные качества, намеренно выполняя некоторую деятельность таким образом, чтобы ее можно было однозначно идентифицировать с символизируемой речевой деятельностью. Например, врач, находясь в обстановке, где его не опознают за врача, и желая, чтобы в нем видели врача, может, не говоря об этом прямо, продемонстрировать однозначно опознаваемые фрагменты деятельности врача.

Промежуточное положение социального символизма между коммуникативными и информативными средствами определяется тем, что оно демонстрируется *намеренно* как *ненамеренное* поведение и должно (по замыслу адресанта) восприниматься адресатом как естественное.

Представляется правомерным вывод, что коммуникативные средства общения — это средства межличностного общения, когда один человек воздействует на другого, а информативные средства общения — это средства внутриличностного общения, когда человек сам изменяет свое поведение, учитывая «считанную» информацию.

Можно дать психологическую интерпретацию функционирования конвенциональных знаков как средств общения, противопоставив их всем иным средствам общения.

До сих пор речь шла о знаковых средствах общения,

¹⁹⁸ См. подробнее: *Е. Ф. Тарасов, Л. С. Школьник. Социально-символическая регуляция поведения собеседника*, стр. 174 в данной монографии.

т. е. о знаковых средствах, способных изменить поведение (деятельность) адресата сообщения. Изменение поведения адресата при помощи знаковых средств (имеются в виду не только актуальные знаки, но и любые другие реальные объекты или фрагменты поведения, которые потенциально могут стать знаками) предполагает воздействие через сознание, через поле значений и поле смыслов¹⁹⁹.

Знания личности, усвоенные ею в процессе социализации, организованы, структурированы способом, в известной мере общим для всех членов данного общества. Этот способ структурирования общественного опыта (поле значений) является «сеткой», через которую личность «видит» мир, при помощи которой членит его и интерпретирует (познает.)

Поле смыслов конкретной личности — это поле значений, соотнесенное с иерархией деятельностей личности, т. е. поле значений, окрашенное отношением личности к действительности.

Поле смыслов — это реальная форма существования поля значений, последнее есть абстракция от поля смыслов²⁰⁰.

Знаковое регулирование поведения человека и прежде всего речевое воздействие — это введение в поле значений адресата новых значений (сообщение новых знаний о неизвестных сторонах действительности), перестройка поля значений (сообщение новой информации об уже известном) и изменение смыслового поля (изменение отношения личности к известным вещам)²⁰¹.

Незнаковое воздействие на человека типа психического заражения или гипнотического внушения в отличие от знакового воздействия осуществляется в обход поля значений и поля смыслов.

Продолжая психологическую интерпретацию знакового и незнакового воздействия, нужно внести некоторые уточнения.

По сути своей речевое воздействие через поле значений и поле смыслов представляет собой специфически че-

¹⁹⁹ А. А. Леонтьев. К психологии речевого воздействия. «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации».

²⁰⁰ Там же, стр. 30—31.

²⁰¹ Там же, стр. 31—33.

ловеческий способ «помещения» человека в определенную деятельность, в которой он действует в соответствии с целями, условиями этой деятельности и собственными мотивами. При речевом воздействии моделируется в языковых знаках и в синтагматической организации высказывания цель, условия, способы совершения, мотивы деятельности. Между языковыми знаками и отображаемыми в них объектами реальной действительности существует содержательная связь, позволяющая знакам функционировать как квазиобъекты, т. е. здесь происходит знаковая презентация реальной действительности, и эта презентация ведет к изменению поведения.

Другой способ опосредования общения, первичный по отношению к речевому, — это обмен деятельностями. В наиболее показательной форме этот обмен осуществляется в рамках ролевой деятельности.

Ролевые деятельности в случаях регулярности и нормированности предполагают заранее обусловленные акции и реакции ролевых партнеров. Здесь осуществляется обмен деятельностями (естественно, включающий в себя и знаковый обмен), изменяющий поведение общающихся. Ролевое общение интересно тем, что на этой стадии нормированности человеческой деятельности она в целом или отдельные ее фрагменты начинают приобретать символическое значение (например, социальный символизм), т. е. становятся знаками различной степени конвенциональности.

Собственно говоря, ролевое общение — это «нечистый» пример обмена деятельностями, так как они, став элементами социальной структуры, фигурируют как знаки! В чистом виде обмен деятельностями как способ опосредования общения может быть показан на примере общения, опосредованного отношением цели и средств деятельности²⁰².

Заканчивая рассмотрение проблем опосредования общения, следует заметить, что попытки рассматривать речевую деятельность в структуре неречевой и в структуре неречевых средств общения, нужно считать однозначной и устойчивой тенденцией в современной лингвистике.

²⁰² *J. Janoušek. Socialní komunikace. Praha, 1968, стр. 158; А. А. Леонтьев. Психология общения, стр. 37.*

II

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ НА ВЕРБАЛЬНОМ И НЕВЕРБАЛЬНОМ УРОВНЯХ

ПАРАЛИНГВИСТИКА: ПРИКЛАДНОЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

«Каждому слову и каждому предложению в нашей современной речи может быть подобран лингвистический эквивалент — будь то слово, фраза, обширный текст, или паралингвистический знак»¹. Приведенное суждение Б. Ф. Поршнева — не простая дань уважения и не только обещание обсудить в предлагаемом разделе некоторые другие мысли, выраженные в оригинальнейшей и, к несчастью, посмертной публикации. Цитированное суждение — одно из тех «каждых предложений», которым не может быть подобран паралингвистический знак в качестве эквивалента: ни фонация, ни мимическое или пантомимическое, ни комплексное (фонационно-пантомимическое) образование не может стать эквивалентом сформулированной мысли Б. Ф. Поршнева. Думается, что нет необходимости прибегать к экспериментальному доказательству правильности нашей точки зрения: она основана на «ясно-смутном знании» (по Гумбольдту) того, что мы назовем «опытом коммуникации». Этот же опыт подсказывает, что возможности паралингвистического знака ограничены, как, скажем, ограничены и возможности знака лингвистического. Мы не указываем при этом на степень ограниченности (ни на абсолютную, ни на относительную), а просто констатируем то, что предстоит — если удастся — показать.

¹ Б. Ф. Поршнев. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., изд-во «Мысль», 1974, стр. 474.

Обратимся вначале к умозрительным заключениям. Ограниченные возможности знака естественного языка подтверждаются знанием того, что, во-первых, цивилизованные общества постоянно разрабатывают в целях научного познания разнообразнейшие подъязыки наук; в данном случае нас не интересует, первичны или вторичны они относительно естественного языка, переводимы ли они на естественный язык или нет: возникновение символических систем современной математики или химии объясняется вполне определенными преимуществами последних перед системой естественного языка, иначе в них не было бы нужды. Во-вторых, как показывают процесс литературного творчества и данные самоанализа, «мысль изреченная есть ложь». Ф. Тютчев имел в виду, несомненно, несоответствие между богатством оттенков конкретного восприятия или представления, с одной стороны, и возможностями вербального выражения, — с другой. В-третьих, сфера изобразительного искусства, искусство музыки или балетной пластики — все эти сферы, рассматриваемые, кстати, как особые формы познания и отражения (и выражения) действительности, обслуживаются своими собственными, только им присущими семиотическими системами, причем авторски индивидуализированными.

Как известно, ни музыкальное произведение, ни художественное полотно, ни пластический рисунок балерины не могут быть принципиально переведены в код естественного языка: искусствоведческие тексты — при всей их специфичности и явной «подъязыковости» — ни в какой мере не заменяют непосредственного восприятия самого произведения искусства.

Паралингвистический знак интуитивно (на основе «опыта коммуникации») представляется более ограниченным, чем знак лингвистический, если иметь в виду денотаты, являющиеся конструктами абстрактного (в достаточной степени) мышления. Д. И. Рамишвили склонен, как и многие другие исследователи, считать, что «язык жестов не может выразить даже такие простые, но не носящие конкретный характер, содержания, которые обозначаются словами *пока, только, кроме, еще, когда* и т. п. И далее: «Глобальный характер... жестов, невозможность создания словоформ... отсутствие в нем действительной грамматической структуры исключают условия, необ-

ходимые для языка как средства общения»². Итак, с одной стороны «глобальный характер» паралингвистического знака, а с другой — его неспособность обозначать «простые, но не носящие конкретный характер, содержания». Нет ли здесь противоречия? Обратимся к фактам, достоверно, по-видимому, описанным Н. Н. Миклухо-Маклаем: «Между тем приходил мой доброжелатель Туя и своей выразительной мимикой старался объяснить, что когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя)»³.

Мы не случайно подчеркнули слово *когда*, взятое Д. И. Рамишвили в качестве знака, который не может быть передан с помощью жеста.

Н. Н. Миклухо-Маклай мог бы интерпретировать пантомиму Туя в данном случае не с помощью слова *когда*, а с помощью *если*, или *после того, как*. С таким же успехом в интерпретации (т. е. в «переводе» на русский язык) соответствующих пантомимических эпизодов могли бы использоваться *еще* или *не только, но и* («убьют не только меня, но еще и Ульсона и Боя»). Аргументация Д. И. Рамишвили не может быть принята, на наш взгляд, так как он сопоставляет изолированное слово с мыслимым (но также изолированным) жестом, тогда как в реальной ситуации общения, описанной выше, пантомима обозначала цепь событий в их логической и временной связи. Соотношение элементов пантомимы и сама последовательность их манифестаций отражают абстрактные понятия отноше-

² Д. И. Рамишвили. Неприемлемость теории первичности языка жестов. «Вопросы психологии мышления и речи». «Известия АПН РСФСР», вып. 81. М., 1956, стр. 41.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на берег Маклая. М., 1956, стр. 18—19.

ний. Далеко не во всех языках (тем более — не во всех языках идентично или просто близко) мы можем найти то, что наш оппонент называет «словоформой» или тот элемент ряда, которым он оперирует.

Поэтому неоднократно отмечающийся в различных работах «аграмматизм» паралингвистического знака, будучи, вообще говоря, верной констатацией, не лишает последний возможностей для выполнения любой из определяемых языкознанием функций естественного языкового знака. Проиллюстрируем это наше утверждение примерами:

1. Социативная (контактоустанавливающая) функция.

«... а затем я понял, что мой собеседник хочет сказать что-то еще. И он действительно, принеся лампу, не ушел сразу, а сел на стул и начал им поскрипывать, чтоб я проснулся, потому что хотел спросить нечто. И спросил он меня, зачем я приехал»⁴.

2. Эмотивная функция.

«— Ну, как международная обстановка? — полюбоствовал Митенька Малышня, растапливавший печку. Лихачев грохнул дверью»⁵.

3. Волюнтаривная функция.

«Адмирал снисходительным, но повелевающим взором пресек готовую было сорваться, готовую бесноваться у его ног восторженную бурю»⁶.

4. Коммуникативная функция.

«— Это вы выменяли свои комнаты на Мытной? Надя кивнула.

.....
— А тут однокомнатная?

Надя кивнула»⁷.

5. Апеллятивная функция.

«...Сильвио, со всеми прощаясь, взял меня за руку и остановил в ту самую минуту, как собирался я выйти»⁸.

6. Репрезентативная функция.

⁴ Л. Мартынов. Воздушные фрегаты. М., изд-во «Современник», 1974, стр. 179.

⁵ Ф. Абрамов. Пряслины. М., изд-во «Современник», стр. 40.

⁶ А. Малышкин. Соч. в 2-х томах, т. 1. М., изд-во «Правда», 1965, стр. 260.

⁷ Ю. Трифонов. Рассказы и повести. М., изд-во «Худ. лит.», 1971, стр. 33.

⁸ А. С. Пушкин. Сочинения. ОГИЗ «Художественная литература». М., 1949, стр. 507.

«Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения. Пробегаая письмо, глаза его сверкали»⁹.

Авербальные действия (поскрипывание стулом, громыхание дверью, кивок, взгляд, жест и пр.), как мы видели в первых пяти примерах, включены в коммуникативный акт, полностью замещая вербальный стимул или вербальную реакцию. В шестом примере непроизвольная эмоциональная реакция на письмо однозначно истолкована («с видом величайшего нетерпения»), как и возможная в этом случае вербальная реакция; поэтому мы и приписали данному паралингвистическому знаку репрезентативную функцию¹⁰.

Рассмотрим возможности паралингвистического знака в рамках его взаимодействия с такими же или иными знаками, составляющими диалогическую речь. Обозначив через «С» — реплику-стимул, через «Р» — реплику-реакцию, лингвистический знак — через индекс «л», а паралингвистический — через индекс «п», комплексный знак — через «л + п», мы можем предложить гипотетический ряд бинарных комбинаций, один член которых представляет собой либо паралингвистический знак, либо указанный комплекс с паралингвистическим компонентом (ПК). Бином С — Р_л из ряда исключается как не соответствующий объекту рассмотрения. Оговоримся, что бинарная схема избрана лишь для упрощения, так как в нашем распоряжении имеется достаточное количество случаев, в которых реплика-реакция является одновременно и стимулом для последующей реакции. В дальнейшем такая реплика (при специальном рассмотрении) будет обозначена через «Р/С». Предлагаются ряд:

С _л — Р _{л+п}	С _{л+п} — Р _п
С _л — Р _п	С _п — Р _л
С _{л+п} — Р _л	С _п — Р _{л+п}
С _{л+п} — Р _{л+п}	С _п — Р _п

В этом ряду можно заметить попеременное (то в «С», то в «Р») повышение удельного веса паралингвистическо-

⁹ А. С. Пушкин. Указ. соч., стр. 507.

¹⁰ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 507—508.

го компонента в реплике; замыкает ряд бином, указывающий на возможность, при которой «фактически разрушается словесная коммуникация»¹¹.

Для того чтобы выяснить действительные возможности ПК в тексте художественной литературы (а мы исходим из допущения, что эти тексты отчасти могут рассматриваться в качестве моделей реального диалога), было предпринято обследование около 5000 строк диалогических отрезков, 1200 из которых сопровождалось авторскими ремарками, заменяющими ПК. Предлагаемая таблица иллюстрирует полную реальность ранее представленного гипотетического ряда. Знакомые нам бинарные комбинации размещаются в порядке убывания частотности.

Представляется, что данная таблица указывает на реальные возможности ПК, во-первых, дополнять лингвистическую информацию, а, во-вторых, замечать лингвистический знак, «разрушая» тем самым «словесную коммуникацию», как показал Г. В. Колшанский. Мы не случайно обошли стороной вопрос о возможности ПК сопровождать вербальный компонент, хотя можно констатировать множество ПК, значение которых истолковывается нами как дубликаты вербальных компонентов. Например, в тексте «Нечто заставило обоих оборвать слова, прислушаться. За бортом пронесся (неясный гул... Опасенко, тревожно вертя головой, пятился к двери: — Шо это?»¹² паралингвистический знак «тревожно вертя головой» в сочетании с действием «пятился к двери» представляется, на первый взгляд, избыточным элементом, сопровождающим вербальную часть «Шо это?», тем более, что в данном контексте обязательна интонационная акцентуация, не обозначенная автором. И, наоборот, вербальная часть представляется факультативной при наличии ПК и общей реакции на «неясный гул».

Вот еще один пример: «Ну, ну, — заторопился Афонька, махая успокоительно ладонью, — будет, будет!»¹³. И здесь, по-видимому, ПК и вербальная часть дублируют друг друга в плане содержания («успокоительная» интонация и «успокоительный» жест), тем более, что в контексте сами вербальные единицы («ну, ну» и «будет, бу-

¹¹ Г. В. Колшанский. Паралингвистика. М., «Наука», 1974, стр. 7

¹² А. Мальшикин. Указ. соч., стр. 364.

¹³ Там же.

Таблица 1

№ п/п	Бинарный тип с ПК	Пример употребления в тексте	Кол-во
1.	$C_{л+п} - P_{л+п}$	«— Вы туда? — спросил Козырев, кивнув на прокурорскую дверь. — А куда же еще! — с вызовом отозвалась рыжеволосая» ¹⁴ .	296
2.	$C_{л+п} - P_{л}$	«— А тебе какое дело? — ответил Ленька высокомерно, и его тонкие синеватые губы повела гримаса отвращения. — Просто интересно...» ¹⁵ .	201
3.	$C_{л} - P_{л+п}$	«— А сюда — на попутной? — Да! — Девушка засмеялась, как бы признавая смехом, что от Тютчева ничего не скроешь» ¹⁶ .	164
4.	$C_{п} - P_{л}$	«Тяжкий вздох вырвался у меня помимо воли. Мишка оглянулся, потом, напустив спокойствие, ответил на мой вздох следующей фразой: — Ну, ничего, не горюй, как-нибудь переживем» ¹⁷ .	135
5.	$C_{п} - P_{л+п}$	«Мы чокнулись, я выпил до конца, он только пригубил. — Нельзя, — сказал он, перехватив мой взгляд» ¹⁸ .	120
6.	$C_{л+п} - P_{п}$	«— Ладно, вставай, — сказал он, тронув Сашку костылем. Сашка замолк, неуклюже поднялся, подобрал ружье» ¹⁹ .	111
7.	$C_{л} - P_{п}$	«— Что же нас держит? — Горин нахмурил густые брови и кивнул головой куда-то вправо» ²⁰ .	92
8.	$C_{п} - P_{п}$	«Барышня подняла голову и сделала знак молодому человеку. Он вспомнил, что от старой графини таили смерть ее равесниц, и закусил себе губу» ²¹ .	82
Всего			1200

¹⁴ Ю. Нагибин. Избранные произведения в 2-х томах, т. 1. М., 1973, стр. 129.

¹⁵ Там же, т. 2, стр. 156.

¹⁶ В. Солоухин. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2. М., изд-во «Художественная литература», 1974, стр. 9.

¹⁷ Ю. Нагибин. Указ. соч., т. 1, стр. 315.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 239.

²⁰ Там же, стр. 290.

²¹ А. С. Пушкин. Указ. соч., стр. 199.

дет») без авторской ремарки также воспринимались бы в значении «успокоения». Но, если мы признаем «функцию сопровождения», то, тем самым, мы опровергнем известное положение, согласно которому ПК есть средство снятия избыточности: «...возможная избыточность языка при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания в естественных условиях снимается по разным причинам путем элиминирования чисто языковых средств и одновременного включения в коммуникацию экстралингвистических средств, подкрепляющих абсолютную однозначность конкретного речевого акта»²². И далее: «Можно поэтому говорить об «экономном» построении речевого акта с использованием паралингвистических средств»²³. Но дело-то в том, что, если ПК вводятся для «подкрепления абсолютной однозначности конкретного речевого акта», то это уже не функция сопровождения, а функция подкрепления, т. е. дополнения; если же экономия вербальной части достигается через включение ПК, то в целом экономии не достигается, если считать, что «экономия» есть частный случай принципа экономии усилий, который, вообще говоря, действует и в процессе коммуникации как одного из видов деятельности. Сопоставим в связи со сказанным два примера:

1. «Увидев нас, папа только сказал: — Погодите, сейчас. — И показал движением головы дверь, чтобы кто-нибудь из нас затворил ее»²⁴.

Здесь кивок в сторону двери, несомненно, такой ПК, который экономит вербальную часть и, возможно, определенную нервную энергию, необходимую, чтобы прервать разговор с Яковом и словесно отдать соответствующее приказание. Сомнительно, однако, что кивок требует меньше физических усилий, чем произнесение краткой фразы.

2. «Лихачев крикнул в знак одобрения»²⁵.

Данный ПК фонационного типа, по-видимому, экономнее эквивалентного высказывания. Можно, однако, показать ситуации, в которых замещение вербальной части с помощью ПК диктуется не подсознательным учетом возможности такой экономии (мы полагаем, что принцип

²² Г. В. Колшанский. Указ. соч., стр. 7.

²³ Там же, стр. 16.

²⁴ Л. Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность. М., 1973, стр. 14.

²⁵ Ф. Абрамов. Указ. соч., стр. 10.

экономии усилий и, в частности, всякого рода компресии вербальных частей коммуникации реализуется подсознательно), а вполне осознанными и социально значимыми условиями коммуникации, например:

1. « — Что это у тебя за шляпа? — спросила Аглаида Васильевна, всматриваясь. Монахини переглянулись между собой и усмехнулись»²⁶.

2. « — А вы воротились с дороги? Вы ездили за город? — Ездил, господа, за сорок верст ездил, а вы не знали?

Прокурор и Николай Парфенович переглянулись»²⁷.

В первом случае монахини переглядываются, считая, что не вправе вмешаться в разговор (различен социальный статус их и Аглаиды Васильевны). Во втором случае тактика допроса не позволяет преждевременного высказывания прокурору и Николаю Парфеновичу. Таким образом, следует говорить о полифункциональности ПК и о различной обусловленности их появления в коммуникативном акте. Последнее еще более сближает их с вербальными средствами коммуникации, выбор которых, как известно, является социально и ситуативно обусловленным.

Вышеизложенное можно было бы дополнить подробным описанием того, каким образом ПК, разрушая вербальную часть коммуникации, приводят к образованию эллиптических конструкций, отличных от тех, которые «восполняются» за счет вербальной предшествующей реплики; есть материал, показывающий, что ПК может практически заменить любой член предложения²⁸. Предварительно рассмотрена и физическая природа ПК, причем показано, как ПК определенного физического типа соотносится с вербальной структурой — также определенной типологии²⁹.

²⁶ Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты. Инженеры. М., 1972, стр. 267.

²⁷ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. М., 1973, стр. 483.

²⁸ Имеется в виду дипломная работа, выполненная под нашим руководством Н. М. Малышевой по теме: «Экстралингвистические условия порождения эллиптических конструкций современного немецкого языка» (МГПИ, 1974).

²⁹ И. Н. Горелов. О некоторых «неязыковых» характеристиках диалогических текстов. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», сб. 4. Горький, 1973, стр. 41—48.

Отметим лишь, что имеющаяся литература по прикладной паралингвистике (т. е. исследования конкретных взаимодействий вербальных и невербальных компонентов в речевой деятельности) совершенно недостаточна.

Об этом свидетельствует и неоднократно упомянутая нами монография Г. В. Колшанского, содержащая наиболее полный, хотя, к сожалению, довольно беглый, ограниченный весьма скромным объемом книги, обзор имеющейся зарубежной и отечественной литературы. Тем не менее эта монография, как и статья Т. М. Николаевой и Б. А. Успенского, которую мы ~~уже~~ рассмотрим подробнее, позволяют, как нам кажется, затронуть некоторые фундаментальные проблемы, включая проблему генезиса естественного языка человека.

Попробуем приступить к рассмотрению некоторых аспектов этой проблематики.

Наиболее отчетливо, на наш взгляд, выдвигаются вопросы а) генезиса паралингвистического знака, б) генезиса лингвистического знака, рассматриваемого, естественно, в связи с генезисом первого объекта, в) функционирование ПК в синхроническом срезе.

Относительно в) высказываются, например, следующие соображения: «В принципе языковая система сама по себе всегда достаточна для того, чтобы внутренними средствами (т. е. «внутренними» по отношению к «внешним», например, паралингвистическим.— *И. Г.*) выразить любое мыслительное содержание, включая чувства, волеизъявления и различного рода эмоции»³⁰. «Язык функционирует в качестве полноценной коммуникативной системы, возникшей и развившейся как средство, структурно независимое от других форм общения»³¹. «Все сопровождающие речевой акт формы общения, включая прежде всего паралингвистические, являются факультативными. Языковое общение без этих форм вполне возможно, как возможно и полное развертывание в чистую языковую форму любого коммуникативного акта»³².

Прибегнем к способу доказательства: если сказанное выше верно, то почему а) факультативные и вспомогательные средства общения (ПК) регулярно сосуществуют с

³⁰ Г. В. Колшанский. Указ. соч., стр. 7.

³¹ Там же, стр. 77.

³² Там же.

вербальными средствами; б) только письменная речь (нехудожественный текст) и «телефонная коммуникация» (если абстрагироваться от «красноречивых пауз», вполне значимых интонационных рисунков, а также своеобразных «параграфем», изобличающих, скажем, небрежность или манерность пишущего) свободны от ПК; в) «использование фонационных и кинетических форм сопровождения звуковой речи», которое «является простым следствием антропологического характера языка» и которое связано «с развитием ранее нечленораздельных форм общения в животном мире»³³, так стойко сохраняется не только на уровне индивида с бедным словарем, но и на уровне высокообразованного оратора или гениального актера; г) «...несмотря на самостоятельный характер структуры языка... полное (его — *И. Г.*) изучение может быть достигнуто только при учете всех конкретных особенностей его функционирования, включая прежде всего использование паралингвистических средств»³⁴?

Думается, что все ответы на поставленные вопросы в пунктах а) — г) лежат за рамками аксиоматических по форме положений, процитированных ранее; последние нуждаются либо в дополнительном подтверждении, либо не допускают вообще «сосуществования» с предполагаемыми ответами, поставленными в порядке *ad absurdum*. Резюмируя предлагаемые сопоставления, приходится согласиться с утверждением, что наличие ПК, способных дополнять и даже замещать лингвистический знак, не согласуется с исходным положением относительно универсальности и полной самостоятельности языковой системы во всех функциональных ее проявлениях, ибо «абстрагирующий характер языка потребовал совершенно новой структуры, но он не устранил тех примитивных биологических форм общения, которые были свойственны предкам»³⁵.

Это положение Г. В. Колшанского мы считаем чрезвычайно важным, правильным и единственным, способным снять противоречия, проиллюстрированные нами выше.

Признание того, что человек унаследовал паралингвистическую форму коммуникации, что «паралингвисти-

³³ Там же, стр. 78.

³⁴ Там же, стр. 80.

³⁵ Там же, стр. 78.

ческие свойства языка... в принципе составляют неотъемлемую часть коммуникации», что они «являются биологически детерминированными»³⁶ есть одновременно признание эволюционистского подхода к проблеме генезиса лингвистического и паралингвистического знака и всей системы человеческой коммуникации в целом. Этот подход, правда, совершенно по-своему реализуемый, обнаруживает Б. Ф. Поршнев: «Недостаток, ограничивающий продвижение... научных усилий, состоит в том, что само явление речи рассматривается как некая константа, без попытки расчленить ее на разные уровни становления (особенно в филогенезе) и тем самым вне идеи развития. Между тем... вопрос не имеет решения, пока мы не выделим тот низший генетический функциональный этап второй сигнальной системы, который должен быть прямо выведен из общих биологических и физиологических основ высшей нервной деятельности»³⁷ Б. Ф. Поршнев, книгу которого мы здесь, конечно, не можем рассматривать более или менее подробно, одновременно не соглашается с тем, что современному уровню логического и абстрактного мышления предшествовал уровень чувственного и образного познания, не зависящего от речевой коммуникации, как полагал Б. Г. Ананьев³⁸ и другие психологи, как считают многие и сегодня, обращая внимание на необходимость исследований палеолингвистического³⁹ характера. По мнению Б. Ф. Поршнева, заслуга антрополога проф. В. В. Бунака и проф. Н. И. Жинкина состоит в «обосновании тезиса, что между сигнализационной деятельностью всех известных нам высших животных до антропоидов включительно и всякой известной нам речевой деятельностью человека лежит эволюционный интервал — hiatus. «Но, — как пишет далее автор, — ни В. В. Бунак, ни Н. И. Жинкин не ограничились отнюдь констатацией такого рода», просто Б. Ф. Поршнев полагает, что гипотетические положения В. В. Бунака и Н. И. Жинкина, стремящиеся восполнить «зияние», «лишь возвращают к старому количественному эволюционизму»⁴⁰.

³⁶ Там же.

³⁷ Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 124—125.

³⁸ Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. М., 1960.

³⁹ Б. Г. Ананьев. Человек как предмет познания. Л., 1969.

⁴⁰ Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 128—129.

Что предлагает Б. Ф. Поршнев? Он пишет: «Я излагаю альтернативный путь: углубление и расширение этого интервала настолько, чтобы между его краями уложилась целая система, противоположная обоим его краям и тем их связывающая»⁴¹. Предлагаемая система заслуживает, несомненно, очень серьезного и особого изучения, но мы склонны, познакомившись с ней основательно, обратить внимание все же на тот факт, что сама идея развития, которой следует Б. Ф. Поршнев, предполагает учет не только различий между уровнями, но и факт зарождения нового качества в старом. Авторы предисловия к книге, о которой сейчас идет речь, правильно отмечают: «Как это нередко бывает в научном творчестве, автор, увлекшись новой и чрезвычайно важной гипотезой, проявляет порой склонность к абсолютизации той или иной идеи, к превращению ее в исходную, решающую в понимании рассматриваемого круга вопросов. Такой абсолютизации подверглась в книге идея о речи-сознании в процессе происхождения человека»⁴².

Справедливости ради необходимо отметить, что Б. Ф. Поршнев неоднократно сам «прорывает» ту систему связи, «противоположной обоим краям», которую он предложил, и признает факт накопления нового качества: «Долго, очень долго, — пишет он, — вторая сигнальная система была всего лишь таким фактором, управляющим некоторыми действиями, целыми цепями действий, вторгаясь там и тут в поведение ранних людей... А неизмеримо позже она приобрела знаковую функцию, слова и системы слов стали нечто означать и значить, в том числе «заменять» первосигнальные раздражители»⁴³. А ранее мы цитировали положение о том, что и внутри второй сигнальной системы Б. Ф. Поршнев предлагает выделить «низший генетический уровень», «прямо выводимый из общих биологических основ высшей нервной деятельности». Здесь, как нам кажется, и следует особенно четко поддержать Б. Ф. Поршнева; тем более, что имитативную деятельность, включая и эхологические компоненты, автор рассматривает — и это, на наш взгляд, единственно возможная гипотеза! — как «необходимую эволюционную пред-

⁴¹ Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 129.

⁴² Там же, стр. 5.

⁴³ Там же, стр. 414.

посылку»⁴⁴ второй сигнальной системы, которой на этой стадии «еще и не могло быть», как пишет сам Б. Ф. Поршнев. Невозможно только согласиться с таким крайним противопоставлением сигнала знаку, ибо, если изюбрь для уссурийского тигра — первосигнальный раздражитель одного порядка, то имитативный сигнал самого тигра (подражающего реву изюбря с целью приманки) для изюбря — сигнал более высокого порядка, как, скажем, тревожный крик сороки является также сигналом тревоги для других зверей: это тоже своеобразный «сигнал сигнала», так как ни изюбрь не воспринимает первосигнального раздражителя непосредственно, ни лиса или волк не воспринимают «очага опасности» без опосредствующего сигнала сороки.

Мимические сигналы животных, имитирующие движение обезьян, призывающие другую особь или человека к определенному действию (например, к движению в желаемом направлении) — это, на наш взгляд, и есть эволюционный предшественник знакового поведения человека. Антропоиды и гоминиды не могли, живя в стаде или в первобытном сообществе, организуя сложные совместные действия, включая трудовые (вместе с изготовлением орудий труда), отказаться от механизмов сигнализации, которые уже имелись в среде их эволюционных предшественников. Система сигнализации, чем она примитивнее, тем и мотивированнее должна быть по форме, если она «рассчитана» на соответствующий уровень понимания адресата и если она является результатом деятельности также соответствующего уровня. Конвенциональность формы сигнала или знака — результат гораздо более высокого уровня развития мышления по сравнению с сигналом мотивированным, т. е. таким, который воспроизводит означаемое в каких-то его признаках и только тем самым делает сигнал понятным для адресата. На уровне тревожного стрекотания сороки нет мотивированного знака: здесь непосредственная эмоциональная реакция в форме, присущей виду. Но ведь сорока и не адресует свой сигнал никому! Тигр же, «адресуясь» к своему «первосигнальному раздражителю» (изюбрю), прибегает к имитации, т. е. к мотивированному (не в человеческом, конечно, смысле) сигналу, так как опыт подсказал ему, что только этот

⁴⁴ Там же, стр. 331.

сигнал приведет к цели. Уместно вспомнить, что «говорящие» птицы (и сорока в том числе) способны, как хорошо известно, к рефлекторному замыканию связи «сигнал — предмет», отчего, как писал Ф. Энгельс, «в пределах своего круга представлений он (попугай — *И. Г.*) может научиться также и понимать то, что он говорит»⁴⁵. Естественно, оговорка «в пределах своего круга представлений» прямо указывает и на то, что попугай «понимает» то, что он произносит, не так, как человек; здесь не должно быть никаких «антропоморфических иллюзий», против которых так подчеркнуто восстает Б. Ф. Поршневу. Но ведь логично предположить, что с восхождением по эволюционной лестнице, вместе с расширением «круга представлений» расширяются и углубляются возможности понимания произнесенного. Во всяком случае, нет никаких исследований, опровергающих такое предположение, а, напротив, имеется богатейший материал, его подтверждающий.

Неадресованный эмоциональный сигнал, как мы знаем, становится для окружающих однозначным сигналом (на уровне животного). Следовательно, особь, испустившая, скажем, крик опасности, не может не зафиксировать в своей памяти результата воздействия крика на других. Именно поэтому вожак стада уже явно адресует свой сигнал окружающим, иначе бы он не повторял его, если результат не достигается. Точно также угрожающая сигнализация, адресованная, например, старым самцом-волком молодому самцу, не прекращается именно до момента результативности, а в случае необходимости усиливается или подкрепляется другим действием, «расшифровывающим» значение ранее поданного сигнала. В данном случае важно не то, какой механизм (генетически унаследованный или приобретенный) лежит в основе такого рода сигнализации. Важно то, что каждый сигнал есть одновременно «сигнал последствий». Именно поэтому, очевидно, унаследованный фундамент порождения сигнализации, свойственной данному виду, остается только фундаментом до тех пор, пока иерархически обусловленный фактор тормозит «пуск». Уже на уровне стада или стаи мы имеем дело с подавлением «недозволенных» реакций. Этот факт также представляет особый интерес в плане исследования того, как непосредственная эмоциональная реакция должна

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 490.

была в соответствующих условиях уступить место другим способам общения.

Весьма важной представляется мысль Б. Ф. Поршнева о том, что существует механизм, «восходящий к ранней поре — к финалу чисто суггестивной стадии эволюции второй сигнальной системы. Это — ответ молчанием»⁴⁶. Б. Ф. Поршневу предлагает различать молчание «доречевого уровня» («животное молчание») и молчание как отказ от гипотетического — по Б. Ф. Поршневу — механизма эхолокационного повторения в пользу паузации, которая привела к образованию словесных (в древнейшем понимании) сигналов, сменивших «неопределенно длительное звучание». Нам же здесь хотелось обратить внимание на возможность использования «в момент молчания» других средств коммуникации: ведь они существовали и существуют наряду с фонациями — мимические и иные выразительные движения. Чрезвычайно интересен тот факт, что существуют универсалии паралингвистического типа не только в человеческом обществе в целом, но и общие для животных всех эволюционных ступеней развития: мы понимаем «тревожное» метание рыб, «угрожающие» стойки петуха или кошки, «стремление уклониться» от столкновения со стороны змей или птицы, «удовлетворенность» — выражение собачей морды и т. д. и т. п.¹

Совершенно очевидно, что и животные «считывают» необходимую им информацию паралингвистического типа при общении с человеком. Контактность участников коммуникации определяет возможность использования паралингвистической сигнализации: домашнее животное «фонировывает» хозяину, когда видит его и когда, не видя, зовет; но выразительное движение типа «я покажу тебе, что мне надо» или «возьми это и дай мне» или «приласкай меня» никогда не манифестируется в отсутствии адресата. То же самое мы наблюдаем у человека (если это не патология), который «аукает», заблудившись в лесу, но не использует в таком случае ни мимической сигнализации, ни призывных жестов. Если фонация не расшифровывается адресатом (например, эмоциональное «мычание» глухонемого), начинаются поиски иных средств коммуникации: описательные жесты, рисунок, указательные жесты. Мы видели выше, что в сходной ситуации Туй нашел способ пан-

⁴⁶ Б. Ф. Поршневу. Указ. соч., стр. 438.

томимы. Но ведь все мы, затрудняясь объяснить что-либо нашему одноязычному собеседнику, также прибегаем к жестикуляции или рисунку, «чтобы было понятнее». Не парадоксально ли это при развитой и якобы универсальной системе вербальной коммуникации?

✓ «В вопросе о паралингвистических явлениях, — пишут Т. М. Николаева и Б. А. Успенский, — существуют две крайние точки зрения. Одна (ее можно назвать «натуралистической») исходит из естественности паралингвистических явлений и стремится вывести их из определенных биологических процессов; отсюда следует универсальное распространение тех или иных явлений в разных обществах. Другая точка зрения — «конвенционалистская»... зависит от культуры, традиций. Представляется целесообразным совместить оба подхода при рассмотрении паралингвистических явлений. Но, думается, что первая точка зрения более оправдана во многих случаях применительно к диахроническому, а не синхронному рассмотрению»⁴⁷.

Разумеется, это нужно (и делается) — исследовать культурно-традиционные, специфические для каждого общества носителей данных языков, паралингвистические компоненты речевой коммуникации. Но сам факт наличия даже различных, скажем, жестикуляционных ПК в разных социумах есть одновременно универсальное явление. Впрочем, на наш взгляд, различия подчас подчеркиваются в ущерб установлению общих по форме и по значению ПК. Проф. д-р Карл Леонхард, известный своими исследованиями в области медицинской психологии, предлагает в своей книге⁴⁸, опираясь на богатейший фактический материал, собранный за многие годы, ряд выводов, которые мы предлагаем в собственном переводе и нами избранной последовательности.

1. «Теоретически можно было бы предположить, что средства эмоциональной выразительности различны не только у представителей разных народов, но и у разных представителей внутри одной и той же нации, ибо лица у разных людей чрезвычайно разнообразны. С помощью измерительных приборов очень легко показать, например,

⁴⁷ Т. М. Николаева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966, стр. 73.

⁴⁸ Karl Leonhard. Der menschliche Ausdruck. Leipzig, 1968.

явные различия в выражениях лица..., но для всех представителей человеческого рода указанные выразительные движения будут однозначными в силу способности (т. е. психологической способности наблюдателя. — *И. Г.*) отвлекаться от математически обнаруживаемых различий в пользу доминирующего признака, отражающего сущность»⁴⁹.

2. «Звуковые выразительные средства (имеются в виду произвольные фонации, сопровождающие выразительные движения или вообще эмоциональные состояния. — *И. Г.*), воспринимаются и интерпретируются с той же уверенностью и определенностью (что и мимические средства. — *И. Г.*) всеми людьми, будь то женщины или мужчины, старики или дети, людьми с низкими и сильными или с высокими и слабыми голосами»⁵⁰.

3. Отмечая большое разнообразие фонаций и трудность (или невозможность) их буквенного или даже транскрипционного фиксирования, К. Леонхард предлагает классифицировать их по многочисленным семантическим группам: «недоверие», «согласие», «ирония», «нетерпение», «радость», «грусть», «гнев» и т. д.⁵¹.

Таким образом, универсальные для всех людей ПК фонационной или иной природы, а также часть из них, универсальная для всего животного мира, — наблюдаемый и очевидный поэтому факт — могут представлять интерес не только в диахроническом плане, если мы хотим исследовать реальный процесс коммуникации. Но универсальность ПК, а также «глобальный характер» (на который правильно указывал Д. И. Рамшвили — см. выше, стр. 98) выразительной фонации или мимического проявления представляют собой, на наш взгляд, сильное доказательство примарности авербального способа коммуникации: жест (указательный, описательный или имитирующий) или фонация (эмоциональная или имитирующая) — эти средства легли в основу человеческой коммуникативной деятельности. Именно они обладают в ситуации конкретностью, но могут быть сами по себе достаточно глобальными, что необходимо и для образования протопонятий через обобщение, и для целей номинации в отсутствии объекта номинации: имитация рычания вызовет образ «то-

⁴⁹ Там же, стр. 51.

⁵⁰ Там же, стр. 51—52.

⁵¹ Там же, стр. 296—308.

го, что рычит», описательный жест — «внешний облик или направление движения того, о чем сообщается». Фонация естественна и универсальна, может быть имитирующей; жест нагляден. То и другое мотивировано и не требует ни внешних (по отношению к субъекту) средств, ни высокой (относительно современного уровня) степени абстрактности мышления. Сложившаяся веками техника использования ПК, как можно полагать, сохранилась в основных своих (универсальных) проявлениях без особых изменений, а, возможно, и передается генетическим кодом. Она представляет собой — по нашей гипотезе — функциональный базис речи⁵², включающий, разумеется, и механизмы образования протопонятий; на этот базис с течением времени «наложился» качественно иной знаковый конструкт — второсигнальная система в ее нынешнем понимании, но изменился — не в меньшей мере — и механизм мышления. И все же «рудименты» древнейшего состояния коммуникации настолько сильны и активны, что современная деятельность человека не только использует их в коммуникативном аспекте, но и развивается дальше с помощью самых различных «неязыковых» (в смысле естественного языка) систем. Отсюда, как нам кажется, и проистекает «противоречие между представлением о четких границах лингвистического объекта и неопределенностью фактических границ между лингвистическим и экстралингвистическим»⁵³.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Культура в ее вербальном аспекте представляет собой сложное взаимодействие и сосуществование текстов, в частности художественных и исторических текстов.

Границы между этими текстами зачастую являются неопределенными, а сама оценка текстов как художественных или исторических может определяться установ-

⁵² И. Н. Горелов. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Изд. ЧГПИ. Челябинск, 1974.

⁵³ Ю. М. Скребнев. Речевая деятельность и частный лингвистический объект. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», вып. 4. Изд. ГГПИИЯ. Горький, 1973, стр. 136.

кой реципиента на текст, — установкой, обусловленной спецификой текстов, их отмеченностью по отношению друг к другу, запретами и/или разрешениями в технологии продуцирования текстов (запретами и/или разрешениями на тот или иной художественный и/или исторический прием), полнотой и однозначностью понятийно-терминологического словаря литературоведческой и исторической науки, мерой освоенности этого словаря реципиентами, позволяющей реципиенту отождествлять или отграничивать в некотором семантическом пространстве один текст от другого текста.

Будем считать художественным такой текст, механизмом функционирования которого является механизм «острашения» (В. Шкловский), или, иными словами, текст, обладающий свойством непредсказуемости⁵⁴ в некотором наборе воспринимаемых реципиентом текстов. Будем считать также, что высказывания, составляющие художественный текст, являются правдоподобными высказываниями, т. е. высказываниями, принадлежащими сфере антропогенной деятельности, понимаемой как процесс конструирования явлений, процессов, фактов и артефактов.

Будем считать историческим такой текст, механизмом функционирования которого не является механизм «острашения» или, иными словами, текст, не обладающий свойством непредсказуемости⁵⁵.

Будем считать также, что высказывания, составляющие исторический текст, не являются правдоподобными высказываниями, стремясь быть истинными (верифицируемыми другими текстами) высказываниями, т. е. исторический текст стремится быть непротиворечивым и истинным, несмотря на возможность наличия в нем некоторых неистинных высказываний (наличие таких высказываний может быть, в частности, обусловлено объемом и уровнем обработки источников). Интерпретируемый таким образом текст, очевидно, принадлежит сфере антропогенной квазидеятельности, понимаемой как процесс репродуцирования явлений, процессов, фактов, но не артефактов.

⁵⁴ А. Моль. Социодинамика культуры. М., 1973, стр. 130—137.

⁵⁵ Очевидно, следует различать непредсказуемость внутритекстовую, обусловленную структурой текста в широком смысле этого слова, и непредсказуемость внетекстовую, обусловленную личным (в частности языковым, культурологическим) опытом реципиента.

Таким образом, различие между этими двумя видами текстов обнаруживается в сфере механизма функционирования текста («остранение» или «неостранение»), в сфере высказываний (правдоподобность или истинность), в сфере деятельности (деятельность или квазидеятельность), в сфере конечных продуктов этой деятельности: конструирование явлений и процессов или репродуцирование явлений и процессов, конструирование артефактов или репродуцирование фактов.

Рассмотрим с этой точки зрения стихотворение А. Вознесенского «Лобная баллада»⁵⁶. Содержание стихотворения: казнь женщины. Из данного описания следует,

*Их величеством поразвлекся
Прет народ от Коломн и Клязьм.
«Их любовница — контрразведчица,
англо-шведско-немецко-греческая...»*

Казнь!

*... И когда голова с топорика
Подкатилась к носкам ботфорт,
Он берет ее над толпою,
Точно репу с красной ботвой!
Пальцы в щеки впились, как клещи,
Переносицею хрустя,
Кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.
Только Красная площадь ахнет,
Тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!...»*

Отвечает ему она:

*«Мальчик мой государь великий
не судить мне твоей вины
но зачем твои руки липкие
солонь
баба я
вот и вся провинность
государства мои в устах
я дрожу брусничной кровиночкой
на державных твоих устах
в дни строительства и пожара
до малюсенькой ли любви?»*

⁵⁶ А. Вознесенский. 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М., 1962, стр. 17—19.

*ты целуешь меня Держава
твои губы в моей крови
перегаром борщом горохом
пахнет щедрый твой поцелуй
как ты любишь меня Эпоха
обожаю тебя
царуй!...»*

*Царь застыл — смурной, малахольный,
Царь взглянул с такой меланхолией,
Что присел заграничный гость,
Будто вбитый во шляпу гвоздь.*

что: (1) казнена, видимо, А. И. Монс; (2) подчеркивается крайне двойственное отношение царя к казненной; (3) казнь оправдывается соображениями государственной необходимости.

Все эти три вывода вполне достаточны для того, чтобы считать текст «Лобной баллады» артефактом, ибо, согласно историческим текстам, (1) казнена была не А. И. Монс, а ее брат В. И. Монс⁵⁷; (2) ситуация прощания с казненной напоминает ситуацию прощания царя с М. Д. Гамильтон (казнена 14 марта 1719 г. на Троицкой площади в Петербурге); (3) оправдание казни необходимостью соблюдать законы, хотя и находит формальное подтверждение в исторических текстах, сопровождается в них и другими мотивировками, усложняющими причину казни М. Д. Гамильтон.

Согласно М. И. Семевскому, «Марья Даниловна до последнего мгновения ждала прощения. Догадываясь, что государь будет при казни, она оделась в белое шелковое платье с черными лентами, без сомнения, в надежде, что красота ее, хотя уже поблекшая от пыток и заточения, произведет, однако, впечатление на монарха... Она ошиблась. Впрочем, государь был ласков, — по крайней мере, не осыпал ее упреками, насмешками, бранью, чем сплошь да рядом сопровождалась прочие казни, какие бывали в высочайшем его присутствии. „Девка Марья Гамантова... — воскликнул один из секретарей, начиная

⁵⁷ См., например: В. А. Андреев. Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870; «Сборник Русского исторического общества». СПб., 1887, т. 52; «Сборник Русского исторического общества». СПб., 1873, т. II; М. И. Семевский. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884.

чтение приговора.— Петр Алексеевич... указал за твои, Марья, вины, что ты жила блудно и была от того брюхата трижды; и двух ребенков лекарством из себя вытравила; а третьего родила и удавила, и отбросила, в чем ты во всем с розысков винилась: за такое твое душегубство — казнить смертью»⁵⁸.

«Трепетала от ужаса камер-фрейлина, молила о пощаде. Петр, так рассказывал Штелину Фоециус, придворный столяр, очевидец события, простился с нею, поцеловал и сказал: „Без нарушения божественных и государственных законов, не могу я спасти тебя от смерти. И так прими казнь, и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаяньем и верою“.

Она упала на колени с жаркою мольбою. Государь что-то шепнул на ухо палачу; присутствовавшие думали, что он изрек все милостивейшее прощение, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнул топор — и голова скатилась на помост. Он исполнил данное прежде обещание: тело красавицы не было осквернено прикосновением катских рук.

Великий Петр, повествуют иноземные писатели, поднял голову и почтил ее поцелуем. Так как он считал себя сведущим в анатомии, то при этом случае долгом почел показать и объяснить присутствующим различные части в голове; поцеловал ее в другой раз, затем бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни»⁵⁹.

«Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовым самым ужасным заключением, причем четыре месяца в кандалах была, по-видимому, достаточно уже наказана. Панегиристы Петра — Татищев, Штелин, Голиков, Н. Полевой и другие находят, что строгость Петра прямо вытекала из желания неуклонно выполнить закон...»⁶⁰.

«Гельбиг разрешает этот вопрос любопытным известием, за достоверность которого он ручается (sic!): «почти всем известно,— говорит автор *Russische Günstlinge*,— из 88 анекдотов Штелина о Петре Великом, что девица Гамильтон извела своего собственного младенца, и за что ей отрублена была голова, но, может быть, немногие знают, что отцом этого младенца был — Петр I». Мы не

⁵⁸ М. И. Семевский. Слово и дело! СПб., 1884, стр. 257—258.

⁵⁹ Там же, стр. 258—259.

⁶⁰ Там же, стр. 256.

беремся решать, кто был отцом задушенного дитяти: Петр Алексеевич или Иван Михайлович ⁶¹. Но едва ли может быть сомнение в том, что ревность, досада на неверность Гамильтон немало усугубила строгость к ней великого монарха» ⁶².

Таким образом, сопоставление основных смысловых соотношенностей в художественном и историческом текстах позволяет сделать вывод о художественном тексте как тексте, принадлежащем сфере деятельности, конструирующей правдоподобные артефакты, и об историческом тексте как тексте, принадлежащем сфере квазидеятельности, репродуцирующей явления, процессы и факты и стремящейся к непротиворечивости и истинности.

Транслируя некоторую деятельность, опредмеченную в рассматриваемых текстах, следует учитывать культурологическую несимметричность данных текстов: художественный текст есть прежде всего мифологема, исторический текст есть прежде всего семантема. В телеологическом смысле оба этих текста преследуют различные цели: художественный текст ориентирован на явления, процессы, факты и артефакты, обладающие минимумом истинности и максимумом правдоподобия. Художественный текст является некоторым абстрактным знаком ситуации, для которого безразличен плюрализм мотивов, опосредующих деятельность, на которой основывается текст: исторический текст ориентирован на минимум правдоподобия и максимум истинности и предполагает рассмотрение некоторого множества мотивов, являющихся основой той или иной деятельности. Или, иными словами, художественный текст строится на непредсказуемости смысла правдоподобных высказываний, исторический текст строится на основе предсказуемости смысла истинных высказываний, причем смысл правдоподобных высказываний принадлежит синхронии, смысл истинных высказываний принадлежит диахронии.

Функционируя как мифологема, как диахронический смысл, художественный текст есть явление, принадлежащее прежде всего эмотивному уровню общения, исторический текст как семантема, как синхронический смысл, есть явление, принадлежащее прежде всего когнитивному уровню общения.

⁶¹ И. М. Орлов — один из денщиков Петра I.

⁶² Там же, стр. 257.

Очевидно, именно художественный текст в силу своей мифологичности и эмотивности служит источником появления и закрепления стереотипов, тогда как исторический текст оказывает деструктивное влияние на процесс стереотипизации.

Разработка типологии трансляций культуры имеет важное значение для оптимального управления культурологическими процессами в силу возрастания роли вербализмов в социуме (Н. А. Рубакин). Все более настоятельной становится необходимость выявления (особенно в условиях функционирования «мозаичной культуры»⁶³) предрасположенности тех или иных социальных (профессиональных) групп, той или иной культурной диаспоры, тех или иных лингвокультурных общностей (локальных культур) к восприятию текстов-мифологем и/или текстов-семантем.

Знание о предрасположенности реципиентов к тому или иному виду трансляции культуры дает возможность учитывать образ общающегося, предугадывать способ культурологической интерпретации, сознательно ориентируясь на механизм фасцинации (Ю. В. Кнорозов, А. А. Брудный), срабатывающий при приеме некоторого текста.

**МЕТОД УСТАНОВЛЕНИЯ ЛАКУН
КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЫЯВЛЕНИЯ СПЕЦИФИКИ
ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
(ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)**

Учитывая понятие локальной культуры, как оно на сегодняшний день сформулировано Э. С. Маркарян⁶⁴, введем понятия вербальной и невербальной субкультур. Под вербальной субкультурой будем понимать некоторую

⁶³ А. Моль. Указ. соч., стр. 43—46, 292, 350—353.

⁶⁴ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, стр. 108, 112—114, 215—216. *Он же*. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962, стр. 172—173. См. также доклад и дискуссию по докладу С. Н. Артановского «Проблема единства и множественности культур в современной этнографии» («Труды 7 МКАЭН». М., 1967, стр. 48—57).

совокупность речевых состояний поведения носителя языка, обладающую кинесическими и когнитивно-эмотивными характеристиками, или совокупность состояний некоторого текста, обладающую определенными кинесическими и когнитивно-эмотивными характеристиками⁶⁵.

Под речевым состоянием (поведением) текста понимается при этом известная организация текста в кинесическом и когнитивно-эмотивном плане, реализующаяся в определенном и, как правило, неизменном для некоторого текста наборе фонетико-морфологических, лексических и синтаксических элементов.

Под невербальной субкультурой будем понимать процессы и/или результаты, носящие антропогенный характер и развертывающиеся на определенном ландшафте по принципу взаимодействия с этим ландшафтом или по принципу преобразования этого ландшафта, причем явления, факты и артефакты антропогенной сферы деятельности будут вторичными по отношению к ландшафту (А. Л. Чижевский, Л. Н. Гумилев). Аналогично этому вторичные моделирующие системы (живопись, музыка, архитектура) будут занимать особое место в той или иной локальной культуре: они суть некоторая совокупность только кинесических и эмотивных состояний индивидуума как представителя некоторого психического типа, а не речевых состояний индивидуума (или текста). Тогда только художественная литература, которую можно рассматривать как субститут речевых и кинесических когнитивно-эмотивных состояний индивидуума (или текста, порождаемого индивидуумом), принадлежит вербальному аспекту локальной культуры. Все остальные вторичные моделирующие системы принадлежат ее невербальному аспекту.

С этой точки зрения художественная литература, принадлежащая той или иной локальной культуре, приобретает определенный интерес в силу различий вербального (речевого, кинесического и эмотивного) поведения, отличающего одну локальную культуру от другой, и может служить одним из источников культурологичес-

⁶⁵ Ю. А. Сорокин. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур. «Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме «Мышление и общение»». Алма-Ата, 1973, стр. 298—300.

ких сопоставлений, помогающих выявлять специфику вербального поведения.

Для выявления этой специфики целесообразно использовать метод установления лакун, который можно охарактеризовать как метод сопоставления понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур. Метод установления лакун в вербальном аспекте локальной культуры содержательно интерпретируется следующим образом. Воспринимая текст, реципиент использует набор правил, присущих только его языку и культуре. Предложенные ему правила некоторого иного языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, не его собственному языку, и к другой, не его собственной культуре, и опознаются как непонятные и/или ошибочные. Можно предположить, что все, интерпретируемое реципиентом, как ошибочное, непонятное или странное, является специфическим сигналом присутствия в тексте языковых феноменов и/или наличия внеязыковых коррелятов, соотнесенных с понятийной структурой и психическим типом, неидентичными соответствующим характеристикам реципиента.

Метод установления лакун можно также интерпретировать в терминах инварианта и варианта некоторого вербального поведения, присущего той или иной локальной культуре: под инвариантом в данном случае можно понимать всю совокупность вербального поведения Homo sapiens, которое, реализуясь в определенном лингвокультурном варианте, обладает некоторыми различиями и совпадениями по сравнению с другим лингвокультурным вариантом поведения. В пределах каждого варианта, рассматриваемого как микросистема, в свою очередь возникают сложные соотнесенности на уровне инварианта и варианта.

Иными словами, в некотором наборе правил вербального поведения снова обнаруживаются различия и совпадения инвариантного и вариантного характера.

Возникновение лакун при взаимодействии реципиента и текста, в данном случае текста художественной литературы, может быть обусловлено целым рядом причин. Очевидно, здесь играют роль тот или иной способ сосуществования этноса с ландшафтом, определяющий различные виды деятельности и поведения, то или иное накопление и трансляция личного и общественного опытов, расцени-

ваемых как психологически различные, а также типология способов репрезентации некоторой действительности в некотором языке/речи.

Возникая на разных уровнях вербального поведения — на языковом и параязыковом — лакуны могут выявляться на том и другом уровне методом типологического сопоставления двух языков/параязыков друг с другом или методом сопоставления некоторых языков/параязыков с языком-эталоном (параязыком-эталоном), выступающим как язык-инвариант (параязык-инвариант) по отношению к этим языкам-вариантам (параязыкам-вариантам).

Лакуны есть следствие неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности, вследствие чего не всегда возможно дополнить опыт одной лингвокультурной общности опытом другой лингвокультурной общности. Лакуны есть явление, принадлежащее коннотации, понимаемой как набор традиционно разрешенных для данной локальной культуры способов интерпретации фактов, явлений и процессов вербального поведения.

Художественный перевод, не учитывающий специфических для каждой локальной культуры способов интерпретации, не только не дает представления об образной логике того или иного текста, но, как правило, искажает ее, давая читателю неверное представление о художественном мышлении того или иного писателя и тем самым неверное представление о художественном мышлении, присущем той или иной локальной культуре.

Художественная литература может быть рассмотрена как совокупность совпадений и расхождений (лакун), требующих интерпретации и являющихся способом существования смыслов (реализуемых через представления), традиционно функционирующих в той или иной локальной культуре. Так, например, в переводе с китайского строчки Лу Ю

*Грущу на мосту
И смотрю на зеленую воду,
Испуганный лебедь
Напомнил о прежней весне*⁶⁶

воспринимаются русским читателем как сугубо ландшафт-ное описание именно из-за того, что переводчик не пере-

⁶⁶ Лу Ю. Стихи. М., 1960, стр. 124.

дал коннотативного смысла высказывания «испуганный лебедь».

В подлиннике Лу Ю пишет: ...*шан синь цяо ся чунь бо луй, цэн ши цзин хун чжао ин лай*⁶⁷. При всей трудности данного отрывка, его все же можно адекватно интерпретировать, но только с учетом того, что *цзин хун*, помимо своего основного значения, имеет дополнительный коннотативный смысл: 'та, которую я любил (любимая)'. Иными словами, *цзин хун* следует переводить не как 'испуганный лебедь', а как 'испуганная лебедь', что ведет к иной интерпретации данного отрывка, причем, возможны два варианта интерпретации: 'сердцу больно, зелена под мостом весенняя вода, когда-то в ней отражалась испуганная лебедь — та, которую я любил' или 'сердцу больно, зелена под мостом весенняя вода и выплывает отражение испуганной лебеди — той, которую любил'. Рассмотрим стихотворение Хуан Тинцзяня (1045—1105) «Бабочка и муравьи»⁶⁸.

*Весело порхала бабочка
Накануне неожиданной петли в паутине.
К добыче сползлись муравьи,
Раздирая и споря, уносили чужие объедки в муравейник
Нанькэ!*

В данном случае перед нами весьма типичный случай реализации «коррелятивного мышления» (Ю. Л. Кроль⁶⁹), присущего древнекитайской культуре. Коррелятивное мышление, очевидно, можно рассматривать как способ установления связи по полной или неполной аналогии, когда факты, явления и процессы интерпретируются в полном или неполном соответствии с существующим эталоном интерпретации. В данном случае «Нанькэ» и является реализацией такой связи, широко употребляемой в китайской литературе.

В новелле танского (7—10 вв.) писателя Ли Гун-цзо «Правитель Нанькэ» Фэн Чунь-юй видит следующий сон. К нему являются посланцы неба и приглашают его в страну Хуайань, где он, всячески преуспевая, становится

⁶⁷ Сборник стихов Лу Ю. Пекин, 1957, стр. 195 (на кит. яз.).

⁶⁸ Сборник стихов Хуан Тинцзяня. Шанхай, 1957, стр. 61 (на кит. яз.).

⁶⁹ Ю. Л. Кроль. О концепции «Китай — варвары». — «Китайское общество и государство». М., 1973, стр. 13—14.

в конце концов правителем области Нанькэ, затем впадает в немилость и теряет эту должность, и, по совету правителя страны Хуайань, возвращается в мир смертных.

Проснувшись, Фэнь Чунь-юй осознает, что все приключившееся с ним было лишь сном, а сама страна Хуайань всего лишь муравейник, находящийся в дупле ясеня во дворе его дома.

«Знатность, богатство и чин высокий,— пишет Ли Гун-цзо,— власть и могущество, что крушат государство, с точки зрения мудрого мужа, мало отличны от „муравьиной кучи“»⁷⁰.

В свою очередь, Хуан Тинцзянь использует «Нанькэ» в более широком смысле: не только как символ «...превратности и неожиданности в жизни смертных...»⁷¹, но и как символ превратности и неожиданности в жизни природы, сопоставляя и находя аналогии в природной и социальной формах существования.

Такой способ корреляции явлений позволяет путем реинтерпретации усложнять структуру художественного образа, давая ему возможность существовать и восприниматься в совокупности двух по крайней мере возможных интерпретаций.

Если данную лакуну можно интерпретировать как понятийную лакуну, сложность которой обусловлена не языковыми, а понятийно-коннотационными причинами, не способом существования знака, а его соотносительностью с некоторыми обозначаемыми им артефактами, то сравнение цвета глаз с жареными фасолинами (*Глаза походили на две жареные фасолы*)⁷² или такая характеристика человека, как *На губах мед, а в сердце перец*⁷³ являются, очевидно, языковыми лакунами, которым может быть поставлено в соответствие русское *глаза орехового (коричневого) цвета, карие глаза и на языке мед, а под языком лед*.

Но эти соответствия не являются полными, так как структура данных высказываний реализуется в китайском языке с участием элементов, несопоставимых с рус-

⁷⁰ Ли Гун-цзо. Правитель Нанькэ. «Танские новеллы». М., 1955, стр. 58.

⁷¹ Там же, стр. 57.

⁷² Лао Шэ. Развод. М., 1957, стр. 34 («Янчжу сян лян чаодоу сы шэ ды»).— Лао Шэ. Развод. Шанхай, 1953, стр. 33, на кит. яз.).

⁷³ Лао Шэ. Развод, стр. 109 («Цзур тяньгань синьли ла»— Лао Шэ. Развод, стр. 116, на кит. яз.).

скими. В русских высказываниях типа *глаза орехового цвета, карие, темно-синие, как небо, как васильки* или в таких, как *на языке мед, а под языком лед, одет просто, а на языке речей со сто*⁷⁴ сопоставляются элементы, относящиеся к другим, чем в китайских высказываниях, предметным сферам, но те и другие элементы (русские и китайские) являются вариантами некоторого абстрактного инварианта сравнения.

Лакунами типа *Нанькэ*, по-видимому, являются кеннинги *липа злота, сосна наряда, 'т. е. женщина'*⁷⁵, *снег тигеля 'серебро', змея тетивы 'стрела', море телеги 'земля', небо песка и поле тюленя 'море'*⁷⁶ в скальдической поэзии.

Показательны попытки составить список лакун, встречающихся в корейских средневековых повестях, и дать им соответствующую интерпретацию, ибо такие лакуны могут служить источником непонимания или неадекватного понимания переводного текста. Ср. лакуны и их интерпретацию: *под дождем из облака гора Янтай 'любовное свидание', белый гусь 'вестник', песенка игрока в битву 'зажиточная мирная жизнь народа'*⁷⁷, *лютня и цитра 'супружеское согласие', сосна и бамбук 'верность'*⁷⁸.

Как интерпретацию некоторых лакун в текстах переводов из Лу Синя можно расценивать и статью А. Гатова «Художественный образ и воплощение его в переводе». Интерпретация таких, например, китайских, имен, как *Чжао Бай-янь* и *Чжао Сы-чэнь* является, по мнению А. Гатова, весьма существенной для понимания аксиологических соотношений между персонажами текста Лу Синя: «*Бай-янь* значит 'белые глаза' (так называют человека высокомерного, выражающего презрение к окружающим), а *Сы-чэнь* — это 'петух' в том же иносказательном значении, что и у нас»⁷⁹.

⁷⁴ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.— М., 1882, т. 4, стр. 675.

⁷⁵ М. И. Стеблин-Каменский. Культура Исландии. Л., 1967, стр. 94.

⁷⁶ Там же, стр. 98.

⁷⁷ А. Ф. Троцевич. Символы в языке корейской средневековой повести. «Народы Азии и Африки», 1971, № 6, стр. 124.

⁷⁸ Там же, стр. 125.

⁷⁹ А. Гатов. Художественный образ и воплощение его в переводе. «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 183.

Сохранение лакун или элиминирование их из переводного текста — одна из спорных проблем теории художественного перевода. Сохранение лакун в тексте является, с одной стороны, средством передачи национального своеобразия оригинала, с другой стороны, источником непонимания или неадекватного понимания текста. Причем, как это показал Н. И. Конрад в «Восьми стансах об осени Ду Фу»⁸⁰, в качестве лакун может выступать даже некоторая совокупность текстов, требующих внутритекстовой и внетекстовой интерпретации. К числу таких лакун-текстов можно отнести фантастические новеллы современного японского писателя Уэда Акинари⁸¹, строящиеся на запретах и разрешениях, типичных для классической японской литературы: даже при понимании текста и существующих в нем культурологических соотношений современному русскому читателю остаются неясными мотивировка и существо конфликтов в силу различий (для данных текстов) японского и русского психического опыта (психологическая лакуна).

Как правило, тот или иной психический опыт имеет решающее значение при оценке вербального поведения того или иного индивидуума (или текста, замещающего это поведение): см., например, описание этикета общения в повести М. Демиденко «Дневник Пройдохи Ке»⁸².

В художественной литературе могут наблюдаться весьма сложные соотношения, которые целесообразно рассматривать как интракультурные и интеркультурные лакуны.

Так, для носителя русского языка интракультурной лакуной оказывается такая портретная характеристика Дмитрия Донского: «высокопаривый орел...», «баня, мыющимся от скверны, гумно чистоте, ветер плевелы развевая, одр трудившимся по бозе, труба спящим, воевода мирный, венец победе, плавающим пристанище... корабль богатству, оружие на врагы, мечь ярости, стена нерушима, здравомыслящим сеть, степень непоколебима, зеркало житию...»⁸³

⁸⁰ Н. И. Конрад. Восемь стансов об осени Ду Фу. «Запад и Восток». М., 1972, стр. 150—173.

⁸¹ Уэда Акинари. Луна в тумане. М., 1961.

⁸² М. Демиденко. Дневник Пройдохи Ке. «Аврора», 1972, № 2, стр. 13—15.

⁸³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, стр. 79.

Возникновение данной лакуны объясняется тем, что носитель современного русского языка, если и уясняет смысл данных высказываний, оказывается не в состоянии оценить мотивированность этой характеристики. Современный читатель рассматривает это описание как случайный набор логически несовместимых признаков, хотя с точки зрения читателя конца XIV—XV вв. данная характеристика не являлась противоречивой и в силу психологических причин, по которым могли оказаться рядом расположенными различные качества и действия, объединяемые некоторым общим понятием деятельности, и в силу причин сугубо литературных, связанных с функционированием запретов и разрешений на тот или иной литературный прием (разрешение на абстрактность и клишированность, в рамках которых могли появляться новые гибридные клишированные формы, реализующие определенную идею).

Если сравнить данную портретную характеристику с портретной характеристикой А. П. Ермолова у Ю. Н. Тынянова⁸⁴, то окажется, что эти две портретные характеристики являются взаимоисключающими и в языковом, и в аксиологическом плане. Первая характеристика строится на рядоположенности клишированных оборотов, выявляющих некую трансцендентную сущность персонажа. Вторая портретная характеристика строится на сопоставлении высказываний, «острапяющих» друг друга и в этом смысле несопоставимых друг с другом, дающих только сумму внешних признаков. В этом смысле вторая портретная характеристика является антиаксиологической, ибо в силу запретов и разрешений, существующих в современной литературе, аксиологическая значимость персонажа фиксируется не только в оценочных высказываниях, но посредством психологического поля, в которое включен некоторый персонаж. Это психологическое поле представляет собой сложную совокупность мотивов, реализующихся и получающих свою оценку в процессе взаимодействия некоторого набора персонажей.

⁸⁴ «Мохнатые брови были приподняты, широкое лицо обмякло, а слоновьи глазки как будто чего-то выжидали и на всякий случай смеялись. Он сидел в тонком архалуке, распахнутом на голую грудь; по груди вился у него курчавый седеющий волос. Он был похож немного на Крылова» (Ю. Тынянов. Сочинения. М., 1959, т. 1, стр. 124).

Как интеркультурную лакуну по отношению к лакуне из древнерусской литературы следует квалифицировать портретную характеристику Лю Бэя: «Все воины и военачальники увидели стоящего во главе отряда полководца. Его лицо было как полная луна, уши свисали до плеч, обе руки опускались ниже колен, он имел выступающий нос дракона и драконье лицо»⁸⁵.

Хотя между этими лакунами и существует сходство в том смысле, что они представляют собой набор клишированных оборотов, указывающих на аксиологическую значимость персонажей, поэлементная структура этих клишированных оборотов оказывается противопоставленной, ибо в русской культуре не принято интерпретировать «руки, свисающие ниже колен» и «большие длинные уши» как признаки необычного человека (святого)⁸⁶, «нос дракона» — как признак знатного человека⁸⁷, «лик дракона» — как лик государя⁸⁸, а сравнение лица человека с луной толковать как один из «...благоприятных признаков внешнего облика выдающегося человека»⁸⁹.

Помимо лакун вышеописанного типа, в художественной литературе могут встречаться и кинесические лакуны, существующие в тексте в явном или неявном виде. Примером лакуны, существующей в явном виде, является для носителя современного русского языка (и тем более для иноязычных реципиентов) одна из лакун в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»: «Ромодановский прошел во дворец, стража у каждых дверей, слыша грузные шаги, пряталась. По пути три раза присаживался. Постучав ногтем, вошел, поклонился старинным уставом»⁹⁰. В данном контексте «поклонился старинным уставом» может быть интерпретировано в зависимости от принадлежности интерпретатора к той или иной лингвокультурной общности, а для носителя русского языка означает поклониться малым или большим поклоном (см. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона: «Малым поклоном называется обыкновенное наклонение

⁸⁵ Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970, стр. 99.

⁸⁶ Б. Л. Рифтин. Указ. соч., стр. 29.

⁸⁷ Там же, стр. 100.

⁸⁸ Там же, стр. 100—102.

⁸⁹ Там же, стр. 101.

⁹⁰ А. Н. Толстой. Петр Первый. М., 1958, стр. 489.

главы, при котором можно рукою достать до земли... Большим поклоном называется склонение главы и тела до земли...»⁹¹.

Сопоставление и осознание определенного сходства кинем (осознавание инварианта) при неидентичности составляющих кинему элементов иногда содержится в самом тексте художественной литературы. Такое сопоставление кинем делает, например, Акутагава Рюноскэ: «Стоя на коленях, положить прямо перед собой руки, рядом, ладонями вниз — поза и жест, выражающие смиренную просьбу. Есть даже устойчивое выражение «просить прощения, положив руки на землю» (тэ-о-цуйтэ аямару), что равносильно русскому «просить прощения на коленях»⁹². Ср. по этому поводу у И. А. Бунина: «В церкви пусто, и она, не видя меня, скорым и легким шагом идет к амвону, крестится и гибко опускается на колени... и смотрит на алтарь тем, как видно по всему, настойчиво молящим взглядом, каким люди просят божьей помощи в большом горе или в горячем желании чего-нибудь»⁹³. Но если некоторое кинесическое явление может совпадать с другим по своему смыслу и функциональному назначению, то гораздо больше кинем, являющихся лакунами и в смысловом, и в функциональном плане для носителя некоторого языка.

Именно такие интеркультурные кинемы описывает Т. Шибутани (со ссылкой на В. Ла Барра): «Жест рукой, означающий у американцев 'уйди прочь', в ресторане Буэнос-Айреса будет вызовом официанта, ибо там это означает 'пойди сюда', — это жест, означающий 'до свиданья' во многих частях Южной Европы. Поглаживание щеки в Италии означает, что беседа настолько затянулась, что начинает расти борода, но болтливые американские туристы часто не хотят понимать намека»⁹⁴.

⁹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898, т. 47 (24), стр. 244.

⁹² Акутагава Рюноскэ. Избранное в двух томах. М., 1971, т. 2, стр. 421.

⁹³ И. А. Бунин. Собрание сочинений. М., 1966, т. 7, стр. 178.

⁹⁴ Т. Шибутани. Социальная психология. М., 1969, стр. 131. См. также: W. La Barre. Paralinguistics, kinesics, and cultural anthropology. «Approaches to Semiotics. Transactions of the Indiana University. Conference on Paralinguistics and Kinesics». Ed. by T. A. Sebeok, London — Paris, 1964, стр. 198—205.

К числу интеркультурных кинем другого типа относятся такие, например, китайские кинемы, как *яотоу* 'качать головой в знак отрицания' и *дяньтоу* 'кивать головой в знак согласия', которые наблюдаются в переводе рассказов Е Шэнтао. Так, например, в рассказе «Маленький мастер» ответ учителя Гэнь Юаню (...бу чжидао, Гэнь Юань юйчуньди яочжэ тоу '...не понимаю,— Гэнь Юань туго и непонимающе покачал головой')⁹⁵ переводится как '...не знаю. Он безжизненно покачал головой...'⁹⁶, т. е. обнаруживается моторное и функциональное соответствие русской и китайской кинемы. В другом рассказе Е Шэнтао «В городе» в диалоге реализуются сразу обе эти кинемы: *Сюань Бо бу бянь шо мэй тин цинчу, бянь яотоу шо* — 'Сюань Бо, не расслышав, ответил не сразу, а затем отрицательно покачал головой...'⁹⁷ переводится как 'Сюань-бо ответил не сразу, пока не разобрался в словах Юй-шэна, а затем, покачав головой, возразил...'⁹⁸, т. е. наблюдается полная аналогия между русской и китайской кинемой.

В реплике Чжун Фана и описании жеста, несмотря на неточность перевода, также обнаруживается соответствие китайской кинемы *дяньтоу* и русской кинемы *кивнуть головой в знак согласия*: *Э, айгоды хуа, Чжун Фан дяньтоу...* 'А (ах), о любви к родине,— Чжун Фан утвердительно (в знак согласия) кивнул головой...'⁹⁹. Ср. русский перевод этой фразы из рассказа «В городе»: «Ах, о любви к родине! — Чжун Фан опустил голову...»¹⁰⁰. Но если такие кинемы находят себе моторное и функциональное соответствие в русском узусе, то широко распространенная итальянская кинема, выражающая расположение к кому-либо, не имеет точного моторного и функционального соответствия в русском узусе: см., например, описание этой кинемы в переводе романа В. Пратолини «Квартал»: «Он двумя пальцами ущипнул меня за руку, довольный и слегка озабоченный»¹⁰¹.

⁹⁵ Собрание сочинений Е Шэнтао. Пекин, 1958, т. 1, стр. 227 (на кит. яз.).

⁹⁶ Е Шэнтао. Рассказы и сказки. М., 1955, стр. 29.

⁹⁷ Собрание сочинений Е Шэнтао, т. 2, стр. 49.

⁹⁸ Е Шэнтао. Рассказы и сказки, стр. 67.

⁹⁹ Собрание сочинений Е Шэнтао, т. 2, стр. 48.

¹⁰⁰ Е Шэнтао. Рассказы и сказки, стр. 67.

¹⁰¹ Васко Пратолини. Квартал. М., 1963, стр. 145.

Кинетической лакуной с точки зрения русского узуса является также такая итальянская кинема, как жест подзывания. В сценарии «Дороги» (условимся считать сценарий художественным произведением) этот жест («...Матто жестом подзывает ее: Пойди сюда») ¹⁰² воспринимается по аналогии с русским жестом, хотя на самом деле этот жест выполняется правой рукой, поднятой чуть выше (или на уровень) головы, лицевая сторона кисти направлена в сторону подзываемого, а пальцы, за исключением большого, двигаются то вперед, то назад (см., напр.: Словарь итальянского языка в жестах) ¹⁰³.

К китайским кинемам, не находящим себе моторного соответствия в русском кинесическом поведении, относится кинема приветствия, описанная в романе Вс. Н. Иванова «Путь к Алмазной горе»: «Ван-хозяин величественно сошел с рикши и, вытянув из-за воротника сзади шеи заткнутый туда веер, тронул им сына по маковке в знак приветствия» ¹⁰⁴.

К числу таких кинем можно отнести и кинему, вернее, ряд кинем, объединенных общим названием *кэтоу*: «Двое с большими мечами в руках схватили дядю Ши за шею, бросили его на пол и заставили отбить *кэтоу* — земной поклон» ¹⁰⁵.

Следует учитывать, что *земной поклон* и *кэтоу* не являются эквивалентами: «В Китае существовало несколько разных видов *кэтоу*. Полное *кэтоу* состояло из трех коленопреклонений и девяти простираций ниц допущенного до аудиенции, под которыми подразумевались девять ударов лбом об пол. Было также *кэтоу* двух третей, т. е. два коленопреклонения и шесть простираций. Существовало *кэтоу* одной трети: одно коленопреклонение и три простираания и модифицированное *кэтоу*: три коленопреклонения и девять склонений над руками на полу» ¹⁰⁶.

¹⁰² Сценарии итальянского кино. М., 1958, стр. 431.

¹⁰³ Dictionary of Italian by gestures. Rome, 1970, стр. 12.

¹⁰⁴ Вс. Н. Иванов. Путь к Алмазной горе. Хабаровск, 1956, стр. 41.

¹⁰⁵ Там же, стр. 231.

¹⁰⁶ *Избрант Идес и Адам Бранд*. Записки о русском посольстве в Китае. М., 1967, стр. 350—351. См., например, у Лу Синя: Та хуйго тоу чи шо: Шуй Шэн гэй лаоэ *кэтоу* «Он повернул голову и сказал: «Шуй Шэн, поклонись дедушке» (отбей перед дедушкой *кэтоу*)». — Полное собрание сочинений Лу Синя. Шанхай, 1941, стр. 353 (на кит. яз.).

Помимо моторного разнообразия кинем, составляющих *кэтоу*, функциональное разнообразие *кэтоу*, ориентированное на социальное положение лица, перед которым совершалась данная церемония, не покрывается, как это следует из описания *кэтоу*, русским понятием 'земной поклон'. К тому же сама процедура земного поклона требует стоять с непокрытой головой перед тем, — кому кланяются, что не предусматривалось правилами *кэтоу*: «...в Китае это делают только осужденные преступники»¹⁰⁷. Жест, передающий несогласие собеседника с кем-либо (нежелание продолжать разговор) типа «Мисс Уинтон хотела было запротестовать, но мистер Морган махнул на нее рукой»¹⁰⁸, однозначно интерпретируясь русскими в моторном плане: правой рукой (двигаются и локоть, и кисть) на уровне груди, ладонь направлена вперед, кисть двигается сверху вниз, англичанами выполняется «кистью правой или левой руки от себя снизу вверх тыльной стороной ладони вперед, при этом пальцы слегка разомкнуты»¹⁰⁹.

Помимо моторных различий, образующих для русских лауну, данный жест может быть интерпретирован в русском узусе также несколько шире, чем в английском: в русском узусе, помимо своего основного значения, общего для этих двух узусов, он может передавать «безразличие, согласие без желания, отрицательное отношение к какому-то действию, предмету и т. д.»¹¹⁰.

Проблема эмотивной характеристики лауны в художественной литературе весьма сложна в силу недостаточной теоретической и практической изученности эмотивной функции языка. Определение эмотивной функции на основе противопоставления ее когнитивной функции явно неудовлетворительно (такое определение см., например, у Э. Станкевича¹¹¹. Эмотивность языка есть явление, связанное, очевидно, как с символическим значением языкового знака (и, в частности, с фонетическим символизмом, — см. по этому поводу работы А. М. Газо-

¹⁰⁷ *Избрант Идес и Адам Бранд*. Указ. соч., стр. 352.

¹⁰⁸ *У. Трэвер*. Квартира на крыше. «Современная английская новелла». М., 1969, стр. 467.

¹⁰⁹ *Н. И. Смирнова*. Невербальные аспекты коммуникации. Автореф. канд. дисс. М., 1973, стр. 19.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ *E. Stankiewicz*. Problems of emotive language. «Transactions of the Indiana University Conference...», стр. 240.

ва-Гинзберга ¹¹², А. П. Журавлева ¹¹³, Р. Якобсона ¹¹⁴), так и с фактами культуры в широком смысле этого слова. Это явление целесообразно интерпретировать как совокупность оценок (модусов оценок), согласно которым могут квалифицироваться те или иные явления, факты и процессы, причем совокупность оценок и совокупность оцениваемых фактов, явлений и процессов будут варьировать в широких пределах: для одних лингвокультурных общностей оценки будут выступать как узуальные, для других как неузуальные (квазиоценки), в одной лингвокультурной общности будут сопоставляться и подвергаться оценке такие явления, факты и процессы, которые для другой лингвокультурной общности окажутся несопоставимыми и неподвергающимися в силу этого какой-либо оценке. Очевидно, будет варьировать и градация оценок на языковом и неязыковом уровне в зависимости от принадлежности индивидуума (или текста) к той или иной локальной культуре, т. е. носитель определенного языка будет сталкиваться в практике общения с теми или иными эмотивными лакунами. Так, например, такой эмотивной лакуной для русских будет, очевидно, приведенный Э. Станкевичем (со ссылкой на Т. Готье) пример с одним французским высказыванием в разном значении: *je t'aime* и *je t'haime* 'Я люблю тебя' ¹¹⁵. Второе высказывание благодаря артикуляции слова *aime* с придыханием обладает, по мысли Э. Станкевича, большей степенью эмотивности, чем первое.

Русские примеры эмотивного плана, приводимые Э. Станкевичем, менее убедительны. Если в словах *ферт*, *фига*, *фитюк*, *фатюй* ¹¹⁶ и существует уничижительный и/или непристойный оттенок, то он все менее осознается носителями современного русского языка. Эти слова почти утратили свои дополнительные коннотативные смыслы, позволяющие квалифицировать их как непристойные

¹¹² А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.

¹¹³ А. П. Журавлев. Символическое значение языкового знака. Речевое воздействие. «Проблемы прикладной психолингвистики». М., 1972; В. В. Левицкий. Семантика и фонетика. Черновцы, 1975.

¹¹⁴ Р. Якобсон. В поисках сущности языка. «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики». М., 1970, № 16.

¹¹⁵ E. Stankiewicz. Problems of emotive language, стр. 250.

¹¹⁶ Там же, 244.

и/или уничижительные. Эти смыслы могут быть восстановлены только при анализе этимологического и культурного функционирования этих слов. В противном случае эти слова функционируют на уровне эмотивных лакун для носителя современного русского языка, хотя непристойные и/или уничижительные смыслы этих слов могут поддерживаться художественной литературой. Ср. у Н. В. Гоголя: «...ну чорт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк»¹¹⁷.

Очевидно, эмотивное состояние некоторого индивидуума (или текста) может быть реализовано не только языковым путем. Кинесические лакуны, в свою очередь, также могут выступать и как эмотивные лакуны. Такого рода эмотивной лакуной окажется для русских проанализированный выше итальянский жест расположения к кому-либо.

Английский жест, передающий несогласие собеседника с кем-либо (нежелание продолжать разговор) даже при отождествлении его с моторным русским эквивалентом, будет интерпретироваться русским более многозначно, нежели англичанином, и служить источником недопонимания при общении. Интерпретация англичанином русского жеста более однозначна, что также ведет к недопониманию именно в силу закрепления за жестом жестко фиксированного значения (смысла).

Анализ художественной литературы с культурологической точки зрения может быть полезен по двум причинам. Такой анализ позволяет, с одной стороны, более адекватно и эффективно интерпретировать сложные речевые, кинесические и эмотивные соотношенности, присутствующие в текстах художественной литературы и, с другой стороны, выявлять специфику этой соотношенности на примере двух художественных текстов, получая тем самым материал для построения культурологических моделей, характерных для той или иной литературы, для построения моделей поведения того или иного социума.

Художественная литературы может дать для этих целей хотя и неполный, но достаточно объективный и обильный материал, требующий, в свою очередь, осторожности в интерпретации, ибо в художественной литературе, являющейся в языковом и неязыковом отношениях особым

¹¹⁷ Н. В. Гоголь. Избранные произведения. М., 1948, стр. 699.

структурным образованием, наряду с точным описанием вербального (речевого, кинесического и эмотивного) поведения могут наблюдаться случаи деформации этого поведения (к таковым, например, относится большинство примеров кинесического поведения, разобранных в статье Р. Р. Гельгардта ¹¹⁸), вызванные спецификой художественной литературы, ориентирующей на нарушение эффекта ожидания.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЛАКУН

Вопрос о так называемых лакунах в настоящее время начинает привлекать все большее число исследователей. О «лакунах», или «антисловах», «белых пятнах на семантической карте языка», незаметных «изнутри» (например, человеку, владеющему только одним языком), говорит Ю. С. Степанов ¹¹⁹. Идеи Ю. С. Степанова развивает В. Л. Муравьев ¹²⁰. Не употребляя этого термина, говорит о лакунах В. Дорошевский ¹²¹.

Используя терминологию В. Дорошевского, можно сказать, что лакуны — это то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других «не

¹¹⁸ Р. Р. Гельгардт. Рассуждения о диалогах и монологах. «Сборник докладов и сообщений лингвистического общества», 2, вып. 1. Калинин, 1971.

¹¹⁹ Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, § 54.

¹²⁰ В. Л. Муравьев. О языковых лакунах. «Иностранные языки в шк.», 1971, № 1.

¹²¹ В. Дорошевский. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, стр. 73, 178, 193—194. По наблюдению исследователей, лакуны могут быть полными и относительными. В случае относительной лакуны в двух языках могут существовать слова, соответствующие общему понятию (рус. *обувь*, англ. *Footwear*), но, снова пользуясь терминологией В. Дорошевского (указ. соч., стр. 178), актуальность динамического стереотипа у этих слов очень разная. Если *обувь* встречается практически в любом стиле русского языка, то, как специально отмечает словарь Хорнби, *footwear* используется, главным образом, работниками торговли (The advanced learner's dictionary of current English by A. S. Hornby et al. London, 1960, стр. 481). Таким образом, *footwear* — относительная лакуна. Предметом изучения в данной работе являются полные лакуны.

сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения»¹²².

Представляется необходимым, рассматривая лакуны, не упускать из вида несомненную связь языковых лакун с отсутствием соответствующего понятия в культуре данного народа. Поэтому целесообразно вначале рассмотреть вопрос о взаимоотношении слова и понятия.

Вслед за Е. К. Войшвилло, понятием в данной статье называется «мысль, представляющая собой результат обобщения и выделения предметов того или иного класса по более или менее существенным... признакам. (...) По существу при этом происходит отождествление всех предметов по тем их сторонам, которые выделены в качестве основы сообщения, благодаря чему множество предметов объединяется в одной мысли под одним общим для них названием»¹²³.

Уже в этом определении заключена мысль о возможности некоторого отличия понятийного членения мира носителями разных культур, потому что носителями разных культур могут быть выбраны «в качестве основы обобщения» разные стороны явления¹²⁴. В наши задачи не входит анализ огромной литературы, посвященной этому вопросу. Отметим лишь, что факт возможности межъязыкового и межкультурного общения свидетельствует о преувеличении указанных различий и что основой, на которой возможно двуязычное общение, является, как указывает А. Д. Швейцер, «универсальность категорий человеческого мышления, наличие семантических универсалий и известная общность человеческого опыта»¹²⁵.

Рассмотрим взаимоотношение понятия, выраженного одним словом, и его номинального определения. С точки зрения Е. К. Войшвилло, употребление слова *квадрат*

¹²² Там же, стр. 73.

¹²³ Е. К. Войшвилло. Понятие. М., 1967, стр. 117.

¹²⁴ Ср. замечание Л. В. Щербы: «Действительность воспринимается в разных языках по-разному: отчасти в зависимости от реального использования этой действительности в каждом данном обществе, отчасти в зависимости от традиционных форм выражения каждого данного языка, в рамке которых эта действительность воспринимается» (Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, стр. 7).

¹²⁵ А. Д. Швейцер. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода. — ВЯ, 1970, № 4, стр. 39.

вместо *равносторонний прямоугольный четырехугольник* удобнее, оно «упрощает оперирование понятиями, способствует, по-видимому, запоминанию понятий и, возможно, важно еще во многих отношениях, но не является принципиально необходимым с логической точки зрения»¹²⁶.

Итак, употребление одного слова (или, очевидно, фразеологизма) в его одном значении для обозначения одного понятия «удобно» и «возможно, важно во многих отношениях». Представляется, что вопрос этот сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Вне всякого сомнения, употребление одного слова в данном случае удобнее, это доказывается ежедневной практикой, превращением свободных сочетаний в связанные или во фразеологизмы, трансформации типа *промокательная бумага* — *промокашка*. Необходимо разобраться, почему такое словоупотребление удобнее, в чем его важная роль, на которую указывает Е. К. Войшвилло. Вряд ли прав Е. К. Войшвилло, считая, что термин типа *квадрат* есть всего лишь сокращение номинального определения¹²⁷, но во всяком случае налицо факт различия в процессе восприятия понятия: слово *квадрат* сразу вызывает в сознании соответствующее понятие, а *равносторонний прямоугольный четырехугольник* заставляет сперва создать в сознании понятие *равносторонний*, затем понятие *прямоугольный*, затем понятие *четырёхугольник*, а уж только потом набор из этих трех понятий объединяется в *квадрат*.

Из сказанного вытекает возможность иерархического деления понятий, основанного на одном или на разных принципах. Например, понятие *равносторонний* может входить в понятие *квадрат* как элемент ряда («набора») понятий *равносторонний, прямоугольный, четырехугольник*. Независимо от принципа, на котором происходит такое объединение, условимся называть понятие — составляющий член другого понятия **объединяемым**, а понятие, объединяющее несколько понятий — **объединяющим**. Естественно, что объединяемое понятие может явиться объединяющим для других, и наоборот¹²⁸.

¹²⁶ Е. К. Войшвилло. Указ. соч., стр. 125—126.

¹²⁷ Там же, стр. 123.

¹²⁸ Для целей нашего исследования — изучения лакун целесообразно, однако, исключить из рассмотрения наборы, составленные из

Используя только что введенные термины, можно выразить сказанное относительно разницы между однословным выражением понятия и его многословным номинальным определением следующим образом: для нас не безразлично, воспринимается ли объединяющее понятие не как объединяющее что-то, а как единое целое, или, наоборот, оно воспринимается как нечто расчлененное, состоящее из набора нескольких объединяемых им отдельных частей¹²⁹.

Очевидно, что случаями «понятие, выраженное одним словом» и «понятие, выраженное более чем одним словом» взаимоотношение слова и понятия не ограничивается. Многократно отмечалось, что понятие на какой-то ступени образования может вообще не быть связанным со словом; не исключено, что связь понятия со словом может быть не прямой, а опосредствованной (см. ниже). Наконец, более чем однословное понятие — это понятие, выражен-

элементов номинальных определений (*квадрат* 'равносторонний', 'прямоугольный', 'четыреугольный'), ибо номинальное определение можно с основанием рассматривать именно как средство заполнения лакуны, то есть металингвистическое средство сигнализации. Тем не менее, классификация на объединяющие — объединяемые представляется ценной, так как облегчает рассмотрение, с одной стороны, таких соотношений внутри одного языка, как англ. объединяемые *watch* 'ручные часы', *clock* 'все часы, кроме ручных' — объединяющее *timepiece* 'часы вообще, редко'. С другой стороны, пользуясь этими терминами, можно, сравнивая два языка, увидеть лакуну там, где ее увидеть трудно. Так, можно считать, что, с русских позиций, *рука* — английская лакуна, так как *hand* 'кисть руки' и *arm* 'рука выше кисти' можно рассматривать как объединяемые при отсутствующем объединяющем. Ср. *A hand and an arm flinging out that pot into the shrubbery. Whose hand and arm?* (A. Christie). В дословном переводе: 'Чьи-то кисть руки и рука выше кисти выбросили этот горшок в кусты. Кому принадлежали эти кисть руки и рука выше кисти?'

¹²⁹ В современной литературе систематически подчеркивается необходимость строгого различения понятия как мыслительной категории и лексического значения — категории языковой. Разница понятия и лексического значения особенно хорошо видна, когда слово переходит из парадигматического (системного) состояния в синтагматическое (ситуативное). Когда слово берется в отрыве от контекста, в парадигматическом плане, эта разница не столь заметна, и многие существенные различия перестают быть релевантными. Поэтому в дальнейшем изложении, когда речь будет идти о понятиях в их парадигматическом словесном выражении, будет иметься в виду, что сказанное относится и к соответствующему лексическому значению того же слова.

ное как устойчивым сочетанием, так и описательно, в виде метаязыкового описательного определения.

Представляется возможным разграничить в этом отношении следующие случаи.

1. Во всех культурах и языках мира отсутствует как понятие, так и его словесное выражение. Здесь возможны два варианта: а) пример первого — еще не открытая элементарная частица. Мы можем полагать, что такая частица существует, что она когда-нибудь будет открыта, но не зная о ней ничего, мы не имеем о ней ни соответствующего понятия, ни его названия; б) пример второго варианта — вземная цивилизация. Существует (весьма неопределенное) понятие вземной цивилизации вообще, а понятия конкретной цивилизации, естественно, нет, и отличие от первого варианта у нас нет уверенности, что такое понятие будет когда-либо создано.

2. В какой-либо культуре (культурах) определенное понятие находит выражение в языке не прямо, а опосредованно, через другие понятия, выраженные словесно в виде, например, однотипных объединяемых дериватов. Так, Е. Курилович предлагает рассматривать фр. *potmier* 'яблоня', *prunier* 'слива-дерево', *poirier* 'груша-дерево' в качестве (пользуясь нашей терминологией) объединяемых при несуществующем в явном виде объединяющем *fruitier* 'фруктовое дерево'. «Ведущее понятие, — пишет Е. Курилович, — существует латентно только в рассматриваемой серии»¹³⁰.

3. Возникнув в сознании, понятие некоторое время может существовать в виде либо а) громоздкого словосочетания, либо б) развернутого описания, которое развернуто не для того, чтобы наиболее полно определить нечто известное, а за неимением подходящего наименования понятия. По-видимому, такие случаи имел в виду Л. О. Резников, когда отмечал: «Мы иногда подыскиваем наиболее адекватное слово для возникшего, но еще словесно не оформленного понятия»¹³¹.

Пример а): «Подготовительная к школе группа в детском саду» (книжное заглавие). Вне сомнения, такое длинное и трудно выговариваемое сочетание в быту быстро сокращается (собственно, подготовительные группы

¹³⁰ J. Kuryłowicz. L'Apréhension en Indo-Européen. Wrocław, 1956, стр. 9.

¹³¹ Л. О. Резников. Понятие и слово. Л., 1958, стр. 13.

встречаются только в детском саду, а если речь идет о детском саде, то ясно, что мы говорим о группе, подготавливающей детей именно к школе; так что в определенном контексте вполне достаточно сказать: «Мой сын уже ходит в подготовительную (группу)»; однако, очевидно, пройдет немало времени, прежде, чем официально принятое название понятия найдет более краткую замену в литературном языке.

Пример б): «Для характеристики их юмора — нового типа юмора — исчерпывающего термина не придумано. Гротеск, ироническая буффонада, парадокс? Все это плюс еще нечто? Часто употребляются слова *insolite*, *bizarre*, *gag*. Понятием черного юмора, если разуместь под ним мрачную юмористику кошмаров и кровопролитий, новый юмор не покрывается, так как в этом духе создается и много веселых, легких, совсем не обязательно «черных» выдумок»¹³².

4. Понятие может существовать длительное время (или всегда) будучи выражено более, чем одним словом, например, *железная дорога*. В благоприятствующих тому условиях (например, в разговорной речи) такое сочетание легко превращается в однословную форму (*чугунка* — первоначально железная дорога называлась чугунной; *железка*). Ср. *Литературная газета* — *Литературка*, *промокательная бумага* — *промокашка*, англ. *dining car* — *diner*.

Здесь возможны два варианта: а) однословное выражение понятия вытесняет более чем однословное (*промокательная бумага* — *промокашка*); б) однословное выражение сосуществует с более чем однословным, употребляясь в разных стилях (*Литературная газета* — *Литературка*). Сам факт возможности образования из более чем однословного сочетания одного слова свидетельствует в пользу того, чтобы признать сочетание выразителем одного понятия; хотя в силу того, что было сказано выше (на стр. 138, пример с «квадратом»), здесь, очевидно, возможны пограничные случаи: два слова, став идиомой, могут функционировать как одно целое, а могут и не стать идиомой или быть лишь на пути превращения в идиому и соответственно выражать два, а не одно понятие.

¹³² Н. Дмитриева. Юмор парадоксов. «Иностранная литература», 1973, № 6, стр. 256.

В связи с этим уместен такой, например, вопрос: существовало ли бы русское понятие *теща*, если бы в русском языке не было соответствующего слова, а данное родственное отношение выражалось бы лишь через сочетание *мать жены*? Если в таком случае *мать жены* не воспринималась бы как идиома, пришлось бы признать, что без *тещи* можно говорить только о наличии понятий *жена* и *мать* и определенных отношений между ними. Самого же понятия *теща* в русском языковом сознании не было бы. Русский прекрасно понял бы в случае необходимости, о каком из его родственников идет речь, но все-таки отдельного понятия *теща* у него не было бы. Можно утверждать, что в современном английском языке нет понятия *теща*, потому что слово *mother-in-law* употребляется как в смысле *теща*, так и в смысле *свекровь*; то есть *теща* для англичанина — не отдельное некоторое многослойное понятие: *теща* — *свекровь* — мать не по крови, а по браку. Разумеется, англичане прекрасно знают, кто «мать жены», а кто «мать мужа» (женщина, говорящая *my* 'моя' *mother-in-law*, может иметь в виду только свекровь, а мужчина, произносящий то же самое, может иметь в виду только тещу; соответственно *his* 'его' *mother-in-law* соответствует 'теща', а *her* 'ее' *mother-in-law* 'свекровь'. Но наличие одного слова для выражения понятий, столь различных для русского, отсутствие специальных слов типа *теща* и *свекровь* и, что то же самое, отсутствие потребности в таких словах заставляют говорить об английских языковой и понятийной лакунах¹³³.

Лакуны больше, чем какое-либо другое явление, характеризуют особенности данного языка в сравнении с другими. Общеизвестно, что все (точнее, почти все), что выражено на одном языке, можно при определенных затратах усилий, передать на другом языке. Однако, как

¹³³ Сказанное не следует понимать так, будто наличие слова является предпосылкой для создания понятия. Как указывает А. А. Леонтьев, «...категоризация действительности языком... может иметь место до тех пор, пока не мешает адекватной деятельности человека в мире... Язык действительно подобен «рамке» для «картины мира»; но если картина не влезает в рамку, меняют рамку, а не картину» (А. А. Леонтьев. Важнейшие проблемы сопоставления русского языка и языков Востока). «Международный симпозиум «Актуальные проблемы преподавания русского языка в странах Азии, Африки, Среднего и Ближнего Востока». Ташкент, 1972, стр. 26—27).

справедливо заметил Ч. Хоккет: «Языки различаются не столько тем, что с их помощью можно выразить, сколько тем, что с их помощью выражается относительно легко»¹³⁴. В этом смысле русским гораздо легче сказать *моя теща* или *моя свекровь*, чем англичанам *my wife's mother* 'мать моей жены' или *my husband's mother* 'мать моего мужа'.

Сравним русский и английский языки с точки зрения наличия лакун, пользуясь понятиями «объединяемое—объединяющее» так, как это предложено на стр. 138. Соответствующая таблица будет состоять из четырех разделов.

Теоретически, каждый из этих разделов может оказаться лакуной. Например, в одном языке может оказаться выделенным ряд отдельностей, которые с точки зрения другого языка представляются набором объединяемых при едином однословном объединяющем. Возможное количество способов перестановок с повторениями из двух элементов по четыре равно 16. Поэтому теоретически предложенная таблица лакун могла бы принять следующий вид (+ соответствует наличию однословного понятия (понятий), ϕ — лакуне), табл. 2.

Т а б л и ц а 2

n/n	Русский яз.		Английский яз.		n/n	Русский яз.		Английский яз.	
	объединяемые	объединяющие	объединяемые	объединяющие		объединяемые	объединяющие	объединяемые	объединяющие
1	\emptyset	\emptyset	\emptyset	\emptyset	9	+	\emptyset	\emptyset	\emptyset
2	\emptyset	\emptyset	\emptyset	+	10	+	\emptyset	\emptyset	+
3	\emptyset	\emptyset	+	\emptyset	11	+	\emptyset	+	\emptyset
4	\emptyset	\emptyset	+	+	12	+	\emptyset	+	+
5	\emptyset	+	\emptyset	\emptyset	13	+	+	\emptyset	\emptyset
6	\emptyset	+	\emptyset	+	14	+	+	\emptyset	+
7	\emptyset	+	+	\emptyset	15	+	+	+	\emptyset
8	\emptyset	+	+	+	16	+	+	+	+

¹³⁴ Ch. F. Hockett. Chinese versus English: an exploration of the whorfian thesis. «Language and Culture». Chicago, 1954, стр. 122.

Случай (1) представляет собой отдельность, вообще не сигнализируемую ни в одном из рассматриваемых языков. Этому соответствуют две возможности: а) данной отдельности пока не обнаружено ни в одной из культур (неоткрытая элементарная частица, конкретная внеземная цивилизация); б) перед нами лакуна для английского и русского языков, однословно сигнализируемая как отдельность в каком-либо третьем языке (например, определенные неизвестные русской и английской культурам степени родства, обычные для некоторых племен американских индейцев).

Противоположный ему случай (16) тоже может быть реально представлен в нескольких вариантах. Прежде всего возможны случаи, когда в обоих языках однословно объединяется одинаковое количество объединяемых, и каждое объединяемое точно соответствует по объему другому объединяемому в другом языке. Этот случай маловероятен, хотя возможно, что подобные полные соответствия могут быть обнаружены среди терминов точных наук. Это — единственный в таблице случай отсутствия лакун вообще. Гораздо чаще можно встретить случаи, когда в обоих языках есть и объединяемые, и объединяющие, но наборы отдельностей в каждом языке различаются количественно, хотя объем понятия, в конечном счете, может быть тем же. Таковы, например, англ. *hat* 'шляпа' и *cap* 'шапка, шляпка/без полей, кепка', объединяемые при помощи (правда, редко употребляемого) *headdress* и русские *шляпа (шляпка), шапка, кепка*, объединяемые как *головные уборы* двусловное сочетание фразеологического типа ¹³⁵.

Случаю (2) соответствуют русские реалии типа *самовар*, случаю (5) — английские (американские) реалии типа *slam bake* 'пикник на морском берегу, во время которого едят запеченных моллюсков, рыбу или кукурузу'. Для обоих случаев характерно отсутствие референта в быту другого народа и, как следствие, отсутствие его однословного названия. Одновременно в обоих случаях отсутствуют объединяемые однословные понятия.

Вариант случая (5) — англ. *by-line* — строка, на которой помещается фамилия автора, художника или фото-

¹³⁵ *Убор* в современном значении может быть только головным. Все остальные употребления *убора* помечаются в русских толковых словарях как устаревшие.

графа¹³⁶. Данный референт существует в обоих языках. Тем не менее в русском он как бы не замечен носителями языка, и, если бы не необходимость передачи в англо-русском словаре значения *by-line*, соответствующее русское метаязыковое определение вообще не было бы зафиксировано по-русски.

Случаи (3) и (9) трудно обнаружить без обращения к третьему языку (или к узко специальному слою того же языка), где могут быть реализованы отдельности, которые можно рассматривать как объединяющие к английским и русским объединяемым.

Случаи (4) и (13) маловероятны у таких двух культур, как английская и русская: трудно представить себе, чтобы, например, в английском языке мог существовать реализованный набор объединяемых отдельностей и объединяющее их слово-понятие, а в русском языке отсутствовало бы хотя бы одно объединяющее слово-понятие или набор из нескольких слов-понятий, в принципе могущих быть объединенными.

Случай (6) — наличие соответствующих друг другу объединяющих понятий, выраженных в обоих языках при отсутствии объединяемых — явление вполне вероятное, например в терминологии. О лакунах в данном случае можно говорить лишь условно, снова обращаясь к услугам третьего языка, где могут быть реализованы несколько отдельностей, которые можно рассматривать как объединяемые соответственно русской или английской отдельностью.

Случаи (7) и (10) — чрезвычайно распространенные явления: (7) одному однословному выраженному английскому понятию может соответствовать набор из однословных русских понятий, и, таким образом, английское понятие может рассматриваться как объединяющее, а русские — как объединяемые: англ. *girl*, рус. 'девочка, девушка'. Обратный пример (10): рус. *берег* — англ. *bank* 'берег реки', *shore* 'берег моря'.

Случай (8) может быть представлен примером, тесно связанным с наличием реалий. Рус. *колбаса*, *сосиска*, *сарделька* могут рассматриваться как объединяемые однословным понятием *колбаса* (*колбасы*). Все эти три столь очевидно разные для русского референты объединены в соз-

¹³⁶ Большой англо-русский словарь, т. 1. М., 1972, стр. 205.

нании англичанина в виде *sausage*, все разновидности колбас, популярные у русских, не представлены однословно в английском языке.

В случае (11) в обоих языках имеются определенные группы понятий, которые могли бы быть объединены, то есть представлены в виде объединяющего однословного понятия, но фактически такого объединения не произошло. Англичанину очевидно то общее, что объединяет *friend*, *comrade*, равно как и русскому понятна общность *друг* и *товарищ*. Однако однословные объединяющие выражения — лакуны в обоих языках.

В случае (12) лакуна — объединяющее понятие в английском языке. Если в русском *ученик*, *студент* и *курсант* могут быть названы *учащимися*, то в английском нет слова, объединяющего *student* и *pupil*, хотя *student* иногда может употребляться вместо *pupil*.

Случай (14), как целый ряд уже названных, тесно связан с проблемой реалий, с особенностями развития данной национальной культуры. В английском языке имеется большое количество однословных обозначений разновидностей адвокатской деятельности: *lawyer*, *attorney*, *barrister*, *solicitor*, *counsellor*, *counsel*, *advocate*. Их всех объединяет *lawyer*. В русском языке всем этим словам соответствует только *адвокат*.

Последний случай (15) для английского и русского языков не характерен.

Каким видим, количество и разнообразие типов лакун (даже только абсолютных, не говоря уже об относительных) может быть достаточно велико. Детальное изучение каждого типа лакун могло бы быть полезным для рассмотрения национальных и общечеловеческих компонентов при формировании понятий, равно как и для более точного разграничения понятий и лексических значений.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООМОРФНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Вводные замечания

В словарном составе каждого языка отражается опыт народа, его материальная и духовная культура. Результаты этого отражения фиксируются не только словами-названиями вещей, признаков и отношений, но и лексико-семантическими единицами особого рода, основная функция которых состоит в образной характеристике объекта.

Применительно к европейским языкам речь может и должна идти прежде всего о разнообразных метафорах, узuallyных в данной системе. Своеобразие этих вторичных форм, содержанием которых являются не сами факты объективного опыта, но отношение к ним коллективного сознания носителей языка, наиболее отчетливо проявляется в сфере существительных, составляющих основную базу номинации в любом языке.

Оценочные существительные в европейских языках можно классифицировать с разных точек зрения. Во-первых, по типу объектов, подвергающихся оценке, — наряду со словами, оценивающими «предметы» разного рода (напр., *конфетка*, *игрушка*), слова, оценивающие людей. Этот второй ряд в европейских языках гораздо разнообразнее.

Оценочные характеристики людей, в свою очередь, можно подразделить, с одной стороны, на подмножество слов, для которых оценочно-характеризующая функция является единственной (напр., русские *олух*, *мямля*, *молодец*); с другой стороны — на слова-названия, узuallyно выполняющие в данной системе еще и вторую функцию — оценочно-характеристическую. Эти слова можно далее классифицировать по типу исходного номинативного значения — названия предметов, вещей, явлений неодушевленной природы, растений, животных (напр., русск. *тюфяк*, *шляпа*, *пень*, *гроза*, *мимоза*, *ворона*).

В данной статье мы рассмотрим именно этот последний разряд — названия животных (зоонимы), которые в ев-

ропейских языках в этой функции представлены очень широко ¹³⁷.

Наблюдения над разными языками показывают, что экстралингвистическая база зоохарактеристик (зооморфизмов) довольно единообразна. Разным языковым коллективам, по крайней мере в Европе, известны в основном одни и те же биологические виды и круги названий животных, устойчиво выполняющих характеристическую функцию, сильно пересекаются. Но из этого отнюдь не следует, что смыслы отдельных характеристик в разных языках тоже совпадают, если в основе их лежат представления об одном и том же животном (ср., напр., *лошадь*, *horse* и *cheval*, *петух*, *cock* и *coq*). Одна и та же экстралингвистическая данность по-разному преломляется в разных языковых системах. Это особенно заметно в сфере оценок и характеристик, выражаемых единицами языка. В частности, зооморфизмы разных языков, «ориентированные» на одно и то же реально существующее животное, могут представлять его (и реально представляют) эталоном разных качеств и свойств. Содержание зооморфизмов в каждом данном языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в любом другом языке, что дает основания усматривать в них отражение национальной специфики культуры народа, говорящего на том или ином языке.

Хотя зоохарактеристики «ориентированы» на экстралингвистические объекты, они по своей природе и статусу суть явления сугубо лингвистические. Они существуют в языке как семантические варианты зоонимов, принадлежат тем же семантическим структурам, в которые входят собственно названия животных (зоосемизмы). Название животного (напр., *осел*) и зоохарактеристика, существующая на его базе (*осел* — о человеке), суть разные варианты одной и той же лексической единицы языка. Соотношение этих вариантов в разных европейских языках оказывается принципиально однотипным, независимо от их конкретной семантики. В этом выражается единство

¹³⁷ Е. А. Гутман, М. И. Черемисина. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским. «В помощь преподавателям иностранных языков», вып. 3. Новосибирск, 1972; Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина. Об одной оппозиции в семантической структуре слова. «Актуальные проблемы лексикологии». Новосибирск, 1967.

их лингвистической природы, определяющей единство данного типа лексико-семантического варьирования в языках САЕ ¹³⁸.

Поэтому те случаи, когда смыслы зоохарактеристик, соотнесенных с представлением об одном и том же животном в разных языках, оказываются единообразными, не следуют естественно из единой природы экстралингвистического объекта. Наоборот, они свидетельствуют об исторической общности культур или о их взаимодействии в определенный период. Напр., в русском языке мы называем «медведем» неуклюжего человека. В то же время мы понимаем, что медведь — животное чрезвычайно ловкое. Поэтому, если какой-то другой народ тоже использует образ медведя для характеристики неуклюжего человека, это, вероятнее всего, объясняется или общим генезисом культур, или их взаимодействием.

Если применительно к отдельной характеристике можно думать о случайном совпадении или расхождении, то на множестве характеристик уже явно можно ставить вопрос о закономерности соответствий и расхождений. Степень общности характеристик должна отражать степень общности культур народов.

Совпадение и несовпадение характеристических содержаний всегда относительно. Эти отношения можно представлять в виде шкалы, с полюсами «полное совпадение» и «полное несовпадение». Естественно, разработка такой шкалы для практического ее использования — сложная процедура, предполагающая наличие специальной методики.

В своей работе мы опирались на разные типы источников сведений о содержании и функционировании зоохарактеристик в интересующих нас языках. Наш первичный материал оказался представленным в существенно разных формах, и каждая форма представления данных предполагает свою методику обработки. Основными для нас были три типа источников.

1. Словари, преимущественно толковые (одноязычные), где хотя и отнюдь не полно, фиксируются узуальные зоохарактеристики данного языка и дается их семантическая интерпретация.

¹³⁸ Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина. Использование метода трансформационного анализа при исследовании лексического значения слова. «Уч. зап. ОГПИ», т. XVII, 1963.

2. Текстовая выборка, составленная преимущественно на базе оригинальной художественной литературы на каждом из языков, с привлечением и текстов иного рода, напр., газетно-публицистических, а также собственных записей устной речи (для русского языка).

3. Результаты опроса информантов.

Остановимся подробнее на специфике каждого из этих источников и методики обработки полученных данных.

Использование лексикографических данных

Толковые одноязычные словари, призванные раскрывать семантическую структуру слова, являются надежной опорой во всяком сопоставительном исследовании лексической семантики. Однако неноминативные, образные семантические варианты слов современными словарями (как русского, так и других языков) раскрываются далеко не полно и не всегда точно. Даже в лучших словарях они обычно остаются лишь намеченными как бы пунктиром. Не унифицированы и сами способы представления интересующих нас вариантов. В одном и том же словаре значения этого типа иногда представляются как переносные, с соответствующей пометой (русск. *перен.*, англ., фр. *fig.*) и собственным номером, иногда — как оттенки, за знаком *fig* или с пометой *перен.*, или без нее.

Сопоставление разных словарей одного языка¹³⁹ показывает, что более поздние и в целом более полные и совершенные словари иногда не указывают значений, выделенных предшественниками; данные нашей выборки не дают оснований предполагать архаизацию, «выпадение» этих вариантов из живого употребления.

С учетом этого обстоятельства словари позволяют делать определенные выводы о соотношении отдельных об-

¹³⁹ Мы привлекали к работе Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (ТСУ), из которого дальше и берется иллюстративный материал; Словарь русского литературного языка С. И. Ожегова; четырехтомный Словарь АН СССР; семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка АН СССР; *P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française.* Paris, 1953—1963; *Petit Robert.* Paris, 1969 (PR); *Petit Larousse.* Paris, 1967; *The concise Oxford dictionary,* 5th ed., 1964 (COD); *Webster's seventh new collegiate dictionary,* 1971 (WNC); *A. S. Hornby et al. The advanced learner's dictionary of current English,* 2nd ed., 1967 (ALD).

разов в разных языках, базирующихся на одной и той же номинативной основе (напр., русск. *осел*, англ. *ass*, фр. *âne*).

Такое сопоставление показывает, что некоторые образы по существу совпадают во всех основных, существенных моментах. Таковы, например, образы, связанные с представлением об осле, свинье, лисе.

В статье *осел* ТСУ выделяет 2-е переносное значение «глупец, дурак, тупой упрямец (бран.)»; PR тоже за номером 2° fig., дает: Individu à l'esprit borné, incapable de rien comprendre 'ограниченный человек, неспособный ничего понять'; WNC: 2: a stupid, obstinate, or perverse person 'глупый, упрямый или упорствующий человек'. Формулировки эти составлены по-разному, но раскрывают они очень близкое содержание.

У слова *свинья* ТСУ выделяет два характеристических варианта: 2. *перен.* — грязный, неопрятный человек, неряха (разг., презрит.); 3. *перен.* — о человеке, незаслуженно сделавшем неприятность кому-н., грубом, неблагодарном (разг., бран.). О слове *cochon* В PR: 11, n, adj: personne malpropre au physique ou au moral 'человек грязный, нечистоплотный физически или морально'. Один из английских эквивалентов русского существительного *pig* определяется в ALD так: 2. (colloq.) dirty, greedy, or ill-mannered person 'грязный, жадный или плохо воспитанный человек'; другой эквивалент — *swine*: 2. (vulgar) (as a word of violent abuse) disgusting person 'отвратительный человек'. Таким образом, отражая оба смысла, фиксированные русским словарем, английские и французские словари просто объединяют их в едином представлении.

Для русского *лиса* ТСУ дает переносное значение «льстец, хитрый обманщик». Соответственно в PR: *personne fine et rusée, subtile* 'обходительный, вкрадчивый, хитрый человек'; а в WNC: a clever, crafty person 'хитрый, ловкий человек'.

Более сложные отношения обнаруживаются между образными содержаниями русского *лев* и его франц. и англ. эквивалентов. ТСУ дает одно переносное значение с пометой *устар.* и *перен.* — «законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец». В PR у слова *lion* указывается тоже одно переносное значение, но оно гораздо более емкое и фактически включает в себя несколько семантических вариантов: *homme en vue*,

célèbre, nom donné au type de jeune Homme élégant qui succéda au dandy; homme courageux 'видный, знаменитый человек; эlegantный молодой человек, денди; смелый человек'. Этот вариант (варианты) также помечен как устарелый. Специфика функционирования этого образа в русском языке дает основания предполагать, что он непосредственно восходит к соответствующему французскому, являя собой «суженную» семантическую кальку.

Из английских словарей ALD отмечает у слова lion одно переносное значение, аналогичное тому, которое дает ТСУ; COD и WNC выделяют два отдельных значения, без каких-либо ограничительных помет — COD: 2. Courageous person; 4. Person of literary or other celebrity sought after to be shown off at social gatherings 'храбрый человек; лицо, известное в литературных или иных кругах, которого стремятся пригласить как знаменитость на светские приемы'.

Нет полного соответствия в словарных толкованиях образного содержания слов *медведь*, bear и ours. В ТСУ переносное значение слова дано как «неуклюжий, неповоротливый человек», с пометой *разг., шутл.* .PR Отмечает у ours значение Homme insociable, hargneux qui fuit la société 'необщительный, угрюмый человек, избегающий людей'. В толкованиях английских словарей признаки «неуклюжести» и «угрюмости» даны вместе — WNC; a surly, uncouth, or shambling person 'угрюмый, грубый человек, с неуклюжей походкой'. Ни французские, ни английские словари не дают пометы *перен.*

При использовании данных словарей с целью сопоставительного исследования зооморфных представлений, живущих в языковом сознании народов, говорящих на разных языках, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Смысловый объем зооморфизма, зооморфного представления, не совпадает со смысловым объемом собственно характеристики. Зоо-характеристика — это, по сути, метафора на базе прямого названия животного, именно (и только) то переносное значение, которое и фиксируется словарями в соответствующих статьях. Зоо-образом же мы называем всю ту систему ассоциаций, коннотаций, которая связана у носителей данного языка с представлением о данном животном — в проекции на человека. Эти смыслы могут выражаться в речи разными конкретными способами, в разных языковых формах. Так,

о человеке, незаслуженно сделавшем неприятность кому-то, можно сказать: *Свинья!*, *Какая свинья!*. Но о нем же можно сказать и иначе: *Он поступил, как свинья* или *Какое свинство*, или *Он поступил по-свински*. Экспрессивно эти формы не равноценны, но вряд ли возможно сомнение в том, что мы имеем здесь дело с реализацией одного и того же образа.

В сознании носителей языка, как мы не раз убеждались, отсутствует четкое разграничение содержательных вариантов, связанных исключительно или по преимуществу с тем или иным способом выражения. Когда — например, в ходе лингвистического интервью — русский человек пытается рассказать о своем понимании образа (напр., что значит *петух*)¹⁴⁰, он не отграничивает тех смыслов, которые реализуются в форме характеристики, от тех, которые реализуются в форме сравнения или отыменного прилагательного, существительного, глагола.

Между тем, объективно в структуре многих зооморфизмов присутствуют варианты, которые реализуются лишь вполне определенным способом. Как правило (хотя и не всегда), то значение, которое реализуется метафорической характеристикой, может реализоваться и в составе сравнения, причем с довольно широким кругом модулей, которые всегда определенным образом уточняют, модифицируют, ограничивают содержание образа. Так, напр., рус. *индюк* метафорически характеризует важного, надутого, надменного человека. ТСУ этого значения не указывает, но в наших материалах представлена целая серия таких употреблений. Напр.: *Вы... вместо того, чтобы этого индюка наставлять, руку его держите*. То же значение реализуется и в сравнениях: *надулся, как индюк* (в ТСУ приведено как «поговорка»). Ср. также: *... красный весь и надутый, что твой индюк; И вот этого-то индюшачьего презрения к свободе человеческого духа нам не простят*. Кажется ясным, что основание образа здесь одно и то же, — но некоторые его аспекты полнее раскрываются не в метафорических, а в компаративных употреблении.

¹⁴⁰ А. В. Захарова, М. И. Черемисина. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов. «Актуальные проблемы лексикологии и словообразования», вып. II. Новосибирск, 1973; М. И. Черемисина, Н. С. Сопла. К вопросу о семантике зоохарактеристик. — Там же.

С другой стороны, нередко определенный «эталонный» смысл связывается с представлением о том или ином животном только в составе сравнения. Так, мы часто говорим *замерз, как собака*, но отсюда не следует, что замерзшего, продрогшего человека можно назвать *собакой*. Ср. также: *застрелю, как собаку, убью, прибую, выгоню, как собаку*, — конкретные модули сравнений различны, но несомненно, что «объектный образ» собаки как «эталонного объекта плохого обращения» остается инвариантным — в форме сравнения.

Лексикографические описания слов, обозначающих животных, (равно как и других слов, являющихся в данном языке «основанием» устойчивых образов) в идеале предполагают четкую фиксацию и разграничение разных вариантов как в плане содержания, так и в плане выражения. Но в существующих словарях не только не делается попыток такого «системного описания», но даже ходовые устойчивые сравнения фиксируются эпизодически, выборочно, неполно.

Поэтому и оказывается необходимым специальное исследование материала по данным текста, лингвистических интервью и анкет. Результаты таких исследований позволяют существенно уточнить и обогатить словарные дефиниции.

Однако, как мы пытались показать выше, даже в своем современном виде толковые одноязычные словари дают интересный материал для предварительного суждения об отношениях между образными содержаниями соотносительных слов в разных языках.

Изучение семантики зооморфизмов на базе текста

Разрабатывая методику такого анализа, мы исходили из того, что семантика каждого слова в речи определяется двумя основными слагаемыми: во-первых, постоянным значением слова как единицы языка (если слово многозначно, то узуальным содержанием данного семантического варианта); во-вторых, тем добавочным, специфическим значением слова, которое ~~он~~ вносится в нее предшествующим контекстом и/или экстралингвистической ситуацией. В художественных произведениях этот доба-

вочный смысл всегда определяется только словесным контекстом.

Соотношение этих двух сторон семантики слова в речи не одинаково у разных категорий слов. У номинативных лексических единиц доминирует стабильная составляющая. У характеристик удельный вес «переменных», контекстуально обусловленных элементов смысла значительно выше. Так, напр., характеристика *петух* в одних контекстах понимается как ироническая оценка драчуна, спорщика, забияки; в других — как более отрицательная оценка чванливого, заносчивого, самодовольного человека; в каких-то контекстах мы легко угадываем, что *петух* юмористически характеризует дамского угодника, еще в каких-то — того, кто рано встает и будит других и т. д.¹⁴¹ Таким образом, в языке у этого зооморфизма имеется семантическое основание весьма широкого диапазона, каждый раз проявляющееся в речи более или менее мелкими «частями».

Контексты, включающие зоохарактеристики, как правило, содержат четкие указания на тот вариант смысла зооморфизма, который актуален в данном случае. Характеристика понимается адресатом текста так или иначе именно благодаря тому, что в ее близком окружении оказываются «выложенными», экстериоризированными те аспекты поведения или характера человека, которые провоцируют именно такую характеристику... Это позволяет говорить о наличии факультативного «семантического согласования» между характеристикой и ее контекстуальным окружением. Это позволяет использовать микроконтексты характеристик для объективного проникновения в их семантику и для их лексикографического описания.

Микроконтекстом характеристики мы называем те минимальные отрезки текста, которые необходимы и достаточны для понимания ее актуального смысла. Нередко микроконтекст, границы которого мы определяем интуитивно, выписывая пример из текста, ограничивается самой фразой, содержащей зоологический образ; но он может включать и еще одну-две фразы слева и справа.

Описать семантику характеристики — это значит передать ее содержание при помощи цепочки номинативных

¹⁴¹ Подробно см.: А. В. Захарова, М. И. Черемисина. Указ. соч.; М. И. Черемисина, Н. С. Сопна. Указ. соч.

единиц того же самого или другого языка. Напр., смыслы английских или французских характеристик можно описывать или на самих этих языках, или на русском, или на латинском. Можно представить себе использование для такого описания и специального метаязыка, не совпадающего ни с каким естественным. (Мы не входим здесь в обсуждение достоинств и недостатков того или иного способа описания).

В описании должны быть указаны, во-первых, тот эталон поведения или та черта личности, которая подразумевается характеристикой (напр., хитрость для *лисы*, как и для англ. fox и фр. renard). Во-вторых, должна быть указана оценка подразумеваемого свойства, выражаемая характеристикой (ироническая, юмористическая, пренебрежительная, резко отрицательная — или, наоборот, положительная, — ср. *сокол, орел, лев*; «шкала оценок», критерии и терминология еще ожидают теоретической разработки).

Практически, описывая содержания характеристик, мы сначала непосредственно понимаем значения интересующих нас слов в контекстах, а затем обобщенно описываем понятое «другими словами». Но наша интуиция всегда опирается на какие-то «вехи» в семантической структуре контекста. Поэтому нам кажется полезным несколько формализовать сложившиеся у нас в процессе работы представления о том, какие элементы контекстов особенно значимы в анализе, — тем более, что эти элементы в принципе одинаковы для всех привлеченных к анализу языков, и число таких типов невелико.

Чаще всего в этой роли выступают следующие элементы: 1) Определения при зоохарактеристиках, семантически согласованные с последними, т. е. экстериоризирующие тот же самый или родственный, близкий смысл. Напр.: *глупый баран*; *industrious ants* 'трудолюбивые муравьи'. Ср. также определения к словам, номинативно указывающим на характеризуемое лицо. Напр.: *Слабый человек, одно слово — рыба*; *La delicieuse Marie, jolie gazelle...*, где, как мы видим, определяется и характеристика, и имя собственное.

В этой роли выступают не только номинативные лексемы (прилагательные), но и оценочные существительные, значения которых обычно более прозрачны и просты, чем искомые значения зоохарактеристик. Напр.: *Приспособ-*

ленец он, пиявка...; I'm no stool pigeon. I'm no rat. 'Я не подметка, не крыса какая-нибудь'.

Определения могут относиться также к существительному, называемому признак (свойство), по которому устанавливается сходство: *грациозное движение кошки, тяжелая лошадиная челюсть*; *avec la puissance lourde d'un boeuf* 'с тяжелой силой быка'. Подобные цепочки достаточно явно раскрывают содержание образа — *кошка* как эталон «грации движения» и т. п. При отсутствии определений в подобных конструкциях специфический оттенок значения характеристики остается не экстериоризированным. Он должен быть заранее известен адресату, чтобы образ был правильно понят. Поэтому при переводе на другой язык характеристики, связанной с образом, не совпадающим в обоих языках, такое значение будет не понято без специального (дополнительного к исходному тексту) указания на него. Напр.: *Il fit un saut de carpe* 'он сделал прыжок карпа' — этот образ, привычный для француза, чужд русскому языковому сознанию. Ср. *d'un saut de biche* 'прыжок лани', где образ имеет русскую аналогию и понимается без дополнительных разъяснений («изящный, грациозный»).

2) Признак, по которому дается характеристика, может быть назван не прилагательным и не оценочным существительным, а абстрактным существительным (типа *хитрость*). При таких существительных нередки зоо-определения в форме производных прилагательных или падежно-предложных форм (соответственно — предложных сочетаний) существительных. Напр.: *лисья хитрость, коварство змеи*; *with the rapidity of a mongoose* 'с быстротой мангусты'.

3) Богатую информацию о содержании зоохарактеристик дают предикаты фраз, содержащих зоохарактеристики и зоосравнения, которые, как правило, фиксируют тот актуальный признак персонажа или его поступок, который получает образную оценку посредством зооморфизма. Напр.: *Что она! Ровно неживая... Рыба как есть*; *He was a pig... If he had a choice to be nice or nasty, he'd be rotten.* 'Свинья он... Если ему приходилось выбирать, поступить хорошо или плохо, он всегда выбирал что похуже'. То же — в сравнениях: *Будь послушна, дочерь, как овца; ...сидит кроткий, как овца; смирный и тупой, как овца* — эти разные лексемы четко эксплицируют содержание

данного компаративного образа. Ср. целый ряд семантически дополняющих друг друга лексем в этой позиции: *Il était petit, noiraud, vif et grignoteur comme un jeune rat* 'маленький, смуглый, живой, вечно что-то грызущий, как крысенок.

4) Нередко в микроконтекстах обнаруживаются компоненты, синтаксически однородные с зооморфизмом или содержащей его синтаксической структурой и связанные с интересующим нас образом отношениями семантического параллелизма. В простейшем случае такие конструкции внешне близки к тем, о которых шла речь в пункте 1) (*приспособленец ты, пиявка*). Но в отличие от них это такие параллельные ряды, которые содержат различные, но не «прямые» (т. е. с четким образом) характеристики. Это, так сказать, «ряды неизвестных», содержание которых косвенно определяется фактом их соположения. Информация, которую можно извлечь из таких рядов, должна обрабатываться с учетом того, что уже заранее известно об этих формах. Она может уточнять наши знания о характеристике. Напр.: *Индюк!... Тюфяк! Пропустил такой случай расквитаться с этим наглецом!*; *Vous êtes deux vilains corbeaux galeux, deux furoncles verts, deux ordures, quoi!* 'Оба вы гнусные вороны, паршивцы, чирьи поганые, сволочи, вот что!'

5) Более редкие, но тоже очень важные и интересные структуры — это такие, которые содержат синтаксически параллельные характеристикам компоненты, но в семантическом плане противопоставленные последним. Если в п. 4) подразумевались синонимические (или «синонимоподобные») ряды, то здесь имеются в виду скорее антонимические пары. Напр.: *Je restai seul, gai comme un hibou* 'Я остался один, веселый, как филин'; французский образ семантически аналогичен русскому *филин* — *мрачный*.

Из изложенного достаточно ясно, что формализация показателей содержания характеристик, выражаемых зооморфизмами в тексте, возможна лишь в самом общем виде. Текстовая выборка дает богатый материал для экстерриоризации языкового содержания конкретных зооморфизмов каждого данного языка, но при «добывании» этого материала, при переработке извлекаемой из текста информации адресат (равно как и исследователь) вынужден опираться не только на формальные показатели, но и на свою интуицию.

Данные анкетирования и их обработка

Данные опроса информантов сопоставляются в нашей работе с результатами, полученными иными методами. Таким образом, результаты анкетирования подтверждают или корректируют те данные, которые получены с помощью анализа словарей и текстовой выборки. Совпадающие результаты могут считаться надежным подтверждением ранее полученных данных; отличающиеся результаты, видимо, подлежат дальнейшей проверке. Особенно интересны результаты анкетирования по тем зооморфизмам, которые в текстах представлены редко (а в словарях, возможно, не представлены совсем), — и/или тем, которые обнаруживают большой разброс семантических характеристик по данным анализа текстов. Мы не ожидаем от анкетирования результатов, явно противоречащих итогам анализа словарей и текстовой выборки.

Судя по известной нам литературе (материалы симпозиумов по психолингвистике, «Семантическая структура слова»), психолингвисты гораздо чаще и охотнее прибегают к ассоциативному эксперименту, чем к толкованию значений слов информантами — носителями языка. По-видимому, это связано с представлениями о том, что владение родным языком покоится преимущественно на неосознанных механизмах, а их экстериоризация представляет для говорящего на языке (нелингвиста) значительные трудности. Разные языковеды по-разному оценивают степень этих трудностей: не-психолингвисты гораздо менее склонны их учитывать,¹⁴² но, видимо, именно эти соображения приводят к редкому использованию «прямых» вопросов к информантам о значении тех или иных языковых единиц.

В нашем исследовании мы использовали метод прямых вопросов, полагая, что при достаточно большом количестве ответов критерий частотности (повторяемости) тех или иных характеристик может служить надежным основанием объективности полученных данных. Кроме того, коль скоро речь идет о языковых явлениях, более близких именно разговорному регистру, это в значительной мере

¹⁴² Ср. например: С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 114; А. А. Брудный. Значение слова и психология противопоставлений. «Семантическая структура слова». М., 1971, стр. 20.

облегчает задачу информантов. Фактически предполагается некоторая готовая модель объяснения, в которую каждый отдельный информант вставляет нужные детали: «Я называю человека таким-то зоонимом, если (за то, что) он такой-то». Далее, характер языкового материала облегчает работу информанта и тем, что сами зооморфизмы, очевидно, вторичны как названия; их мотивация гораздо четче осознается носителем языка, чем мотивация номинативной лексики. Следует также учитывать, что мы исходим из наличия в языке достаточно твердых норм употребления, по крайней мере, достаточно большого количества зооморфизмов, а языковой материал такого рода менее труден для экспликации носителем языка ¹⁴³.

При работе с иноязычными информантами необходимо иметь в виду и возможную своеобразную «охранительную тенденцию» по отношению к родному языку: они нередко стремятся дать иностранцу сведения о норме, избегая (чаще подсознательно) вариаций, отклоняющихся от строго нормативного словоупотребления. Исходя из этого, мы не ограничились анкетированием иностранных туристов, приезжающих в СССР, а провели анкетирование учащихся колледжей США и Франции. На том этапе исследования, который отражен здесь, используются только анкеты, полученные при анкетировании этих учащихся своими преподавателями в своих колледжах; анкетирование проводилось благодаря любезной помощи Д. Миллса (г. Юрека, США) и Э. Шмулевича (г. Лонгви, Франция). В качестве русских информантов анкетировались студенты 1-го курса разных факультетов Орловского педагогического института. Все анкетирование проводилось в письменной форме.

Вопросы первого раздела анкеты (на каждом из языков) формулировались так: «Вы назвали бы человека (название зоонима), если ...» (по 4 вопроса в каждой анкете). Анализ ответов на эти вопросы предполагает операцию сведения сходных по смыслу, но неодинаковых по форме выражения ответов, а затем ранжирования характеристик на более частотные, менее частотные и единичные, с последующей интерпретацией результатов.

¹⁴³ См.: А. Н. Клименко. К оценке результатов качественных синтагматических экспериментов. — „Семантическая структура слова“, стр. 65.

Второй и третий разделы анкеты построены так, что они взаимно контролируют друг друга: во втором разделе информанту дается название характеристики человека (признака) и предлагается дать соответствующее название животного (т. е. такое, которое представляется ему уместным в применении к человеку, обладающему этим качеством). В третьем разделе задание то же, но предлагается выбрать из данного в анкете перечня зоонимов или добавить к нему. Анкеты составлены таким образом, что одни и те же прилагательные не повторяются во втором и третьем разделах одной анкеты, а только в разных вариантах анкет, напр.:

(вопрос второго раздела, первый вариант) Названием какого животного Вы бы воспользовались для характеристики человека, который жаден?

(вопрос третьего раздела, четвертый вариант) Если Вы считаете, что человек жадный, Вы можете назвать его (подчеркните одно или несколько слов; добавьте, если считаете нужным): *свинья, лошадь, муравей, крыса, мышь, волк*.

Данные по каждому разделу обрабатываются отдельно, а затем сопоставляются с ответами на соответствующие вопросы другого раздела. Особый интерес представляют зоонимы, добавленные информантами при ответе на вопросы третьего раздела.

При обработке ответов на вопросы второго раздела анкет одинаково учитываются зоонимы, данные в виде зооморфизма (*упрямый — осел*) и в виде зоосемизма, т. е. собственно названия животного (*упрямый, как осел*). При этом допускается некоторое огрубление. Выше уже говорилось, что узуальное использование существительного, в частности зоонима, в компаративной конструкции не обязательно ведет к соответствующему усложнению его семантической структуры. Таким образом, мы можем получить сведения не о семантической парадигматике слова (его лексико-семантических вариантах), а о его лексической синтагматике. Представляется, однако, что такое огрубление не приведет в нашем случае к существенному искажению результатов: на материале зоонимов несоответствие семантики компаративного и зооморфного употреблений — скорее исключение, чем правило; более того, предикативная характеристика присуща всему разряду зоонимов в принципе. Кроме того, в предлагаемом исследовании

довании мы используем данные анкетирования в сопоставлении с другими данными, и это сопоставление легко выявит искажение результатов, если оно будет иметь место.

При обработке ответов на вопросы всех трех разделов анкеты мы учитывали и две разновидности негативных реакций. Одна из них: «Не знаю» или незаполненная графа (а в третьем разделе — отсутствие подчеркнутых или вписанных слов). Эта реакция свидетельствует об отсутствии данного зооморфизма в идиолекте данного информанта или о неустойчивости нормы употребления зооморфизма в языке — при совпадении подобной реакции у достаточно большого числа информантов. Другая возможная негативная реакция: «Не употребляю». Она свидетельствует о наличии в языке нормы употребления зооморфизма и в то же время о табуировании его употребления в идиолекте данного информанта; подобные ответы в анкетах иногда сопровождаются аргументацией такого табуирования. В любом случае интереса для семантических исследований такая категория негативных реакций не представляет.

Мы использовали материалы анализа 250 английских анкет (5 вариантов), 200 русских анкет (4 варианта) и 100 французских анкет (4 варианта), поэтому данные французских анкет, с учетом их меньшего количества, на данном этапе можно рассматривать скорее как ориентировочные ¹⁴⁴.

Некоторые итоги сопоставительного анализа

Приведем некоторые результаты анализа материалов, полученных и обработанных согласно изложенной в предыдущих разделах методике.

В плане соответствия (несоответствия) зоохарактеристик разных языков интересно сопоставить данные по зооморфизмам *осел* 'ass', 'âne', *орел* 'eagle', 'aigle' и *крыса* 'rat'; степень соответствия выражаемых ими характеристик в привлекаемых языках убывает слева направо.

1) Мы уже отмечали, что словарные данные позволяют

¹⁴⁴ В обработке анкет принимали участие студенты IV и V курсов факультета иностранных языков Орловского пединститута Л. Вознесенская, Т. Волтегирева, Е. Литвин, Л. Митюрева, Н. Новикова.

говорить о высокой степени совпадения образов *осла*, 'ass' и 'âne'. Аналогичную картину дают и данные других источников. Так, для фр. âне информанты называют те же два качества 'глупый', 'упрямый', которые указаны и русскими информантами. В англ. яз. русскому *осел* соответствуют три разных слова: ass, jackass, donkey, данные по которым в целом аналогичны данным по русскому зоониму: для ass 'глупый' и 'упрямый' дают соответственно 65% и 10% ответов (по 1-му разделу анкет), для jackass — 54% и 11%, для donkey — 47% и 19%; обе характеристики вместе даны для ass в 6% ответов, для jackass — в 5%, для donkey — в 5%. Аналогичны данные и по другим разделам анкеты.

2) У лексемы *орел* ТСУ отмечает такое переносное значение: «блестящий, талантливый, выдающийся человек (ритор.)» PR у слова aigle не выделяет переносного значения, хотя приводит устойчивые выражения типа deux yeux d'aigle, regard d'aigle 'глаза орла; орлиный взгляд'. В особое значение словарь выделяет: 2. fam. (т. е. разг.) ce n'est pas un aigle — il n'a rien d'un esprit supérieur, il n'est pas très intelligent. Английские словари не дают никаких указаний на возможность переносного употребления eagle.

Наша картотека дает основания утверждать, что во всех трех языках соответствующие лексемы употребляются в речи для характеристики человека.

Основным современным вариантом русской характеристики представляется «смелый, бравый человек, молодец». Значение, фиксированное ТСУ, — и то с некоторой натяжкой, — можно усмотреть в таких, например, употреблениях: «... сравнивал бурных гениев Шиллера, Гёте, Клингера — с *молодыми орлятами*, разбуженными приближающимися зарницами Великой Французской революции». Ср. у Державина: «Но с тобой не соглашуся Я лишь в том, что я *орел*». О натяжке мы говорим потому, что даже здесь потенциально присутствует и другая тема — «воинской доблести, которая является лейтмотивом русского образа орла». В других примерах она выступает в чистом виде: «Ну и геройским сыном сподобил тебя господы! Истый *орел*!»; «Ты к чужой славе не подлаживайся, моих *орлов* я сам награжу». Безотносительно к воинской доблести *орел* означает «молодец» (а не «блестящий ум»; и с разговорной, а не риторической окраской). Напр.:

«Мишка в работе — *орел*». Ср. также образ орла как символ стремления к свободе: «Но будет день, вылетят на волю *орлы*, освободится народ». Ср. также ироническое, саркастическое использование этого образа у А. Толстого: «Поздравляем с похабным миром!... Русские *орлы*! Хе-хе...»

Французский же образ по своему содержанию в текстах значительно ближе к тому, что говорит о нем словарь. Ср., напр.: Il n'y a pas plus desarmé dans la vie que ces garçons que se croient des aigles 'Нет в жизни ничего более обезоруживающего, чем эти мальчики, которые считают себя орлами'; Je ne suis pas un aigle, tu le sais. 'Я не орел, ты это знаешь'; Il n'est peut-être pas un aigle, mais c'est un vieux journaliste de metier. 'Он, может быть, не орел, но старый профессиональный журналист'.

В английских текстах eagle встречается в функции атрибута, часто в описаниях внешности или острого зрения: eagle nose 'орлиный нос', eagle eae 'орлиные глаза', eagle's eye (The years haven't impaired your eagle's eye 'Время лет не затронуло Вашего орлиного зрения'). Аналогично — в сравнениях: eae-sight like eagles 'зрение как у орла', a head like that of an eagle 'голова как у орла'. Редко, но встречается и использование зоонима для характеристики внутренних качеств человека (во многом аналогично французскому aigle): ... he once remarked: «You wanted an eagle; what you got was a sparrow '...однажды он заметил: «Ты хотела орла, а получила воробья»».

В то же время данные анкетирования дают основания полагать, что во всех трех языках этот зооним воспринимается носителями языка как имеющий потенцию характеристического употребления, хотя сама характеристика оказывается «размытой», не имеющей четкого ядра (как, напр., у лисы, осла и т. п.).

Так, в русских анкетах (I раздел) получаем характеристики *гордый* (40%), *сильный* (16%), *храбрый* (14%), *зоркий* (14%); в английских — *зоркий* (13%), *храбрый* (10%), *благородный* (6%), *гордый* (2%); в полученных французских анкетах в I разделе представлен единично, но во II и III разделах дан по признаку *храбрый*, хотя и не очень представительно (в III разделе — 20%; по тому же разделу в русских анкетах — 42%).

3) У слова *крыса* ТСУ указывает следующее переносное значение (с пометами *презрит.* и *уст.*): «о маленьком,

ничтожном приниженном службой чиновнике, солдате» (ср. сочетания с этим словом в нашей картотеке: *архивная крыса, министерская крыса, полицейская крыса, тыловая крыса, тюремная крыса, церковная крыса; старая крыса, подпольная крыса*). Для фр. *rat* словарями регистрируется устойчивое характеристическое значение 'скупой человек, скряга'. Английские словари дают толкования, связанные с понятием предательства; напр., WNC: 2.: a contemptible person: a s a) betrayer, b) scab, c) informer 'презренная личность, такая как: а) предатель, б) штрейк-брехер, в) доносчик'.

Данные текстовой выборки и анкет показывают значительно более широкий диапазон использования соответствующих зоонимов. Ср., напр.: The poor silly little rat was frightened stiff 'Бедный глупый крысенок до смерти перепугался'; A poor, harmless little rat! 'Бедный безвредный крысенок!'.

Приведем данные анкетирования (по I разделу):
русск.— *жадный* (19%), *вредный* (15%), *некрасивый* (11%), *хитрый*, (7%), *злой* (7%), *эгоист* (6%), *подлый* (5%), *трус* (4%), *опасный* (2%), «Не знаю» (22%), «Не употребляю» (2%);

англ.— *нечестный* (31%), *низкий*, *подлый* (mean) (21%), *грязный* (15%), *злой* (8%), *действующий исподтишка* (5%), *любит сыр* (2%), «Не знаю» (8%);

франц.— *мерзкий* (41%), *жадный* (32%), *злой* (27%); в то же время по признаку *злой rat* назвали 12% информантов (при наличии выбора); по признаку *жадный* — 12% во II разделе и 50% в III разделе анкеты; единичные ответы есть во II и III разделах также по признакам *уродливый, безобразный, опасный, грязный* (выше уже говорилось об ориентировочном характере данных французских анкет на данном этапе исследования).

Мы привели лишь некоторые результаты сопоставительного анализа зооморфных характеристик. Нам представляется, что эти данные убедительно показывают оправданность изложенного здесь подхода к изучению семантики зоонимов разных языков и целесообразность продолжения исследования.

РОЛЬ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Любой перевод, как бы квалифицированно он ни был выполнен, содержит определенное количество отклонений от эталона, который интуитивно прилагается иноязычным читателем ко всякому переводному тексту. Воспринимая переводной текст, читатель использует набор правил, присутствующих только его языку и культуре. Предложенные ему правила иного языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, не его собственному языку; к другой, не собственной культуре и опознаются как непонятные и/или ошибочные. Можно предположить, что все, интерпретируемое читателем перевода как ошибочное, непонятное или странное, является специфическим сигналом присутствия в тексте языковых феноменов (и/или наличия внеязыковых коррелятов), соотношенных с понятийной структурой и психологическим типом, неидентичными соответствующим характеристикам иноязычного реципиента.

Выявление набора таких правил, не совпадающих с эталоном иноязычного читателя, будет в определенной степени характеризовать специфику этнопсихолингвистического типа носителей того языка, с которого сделан исследуемый перевод.

Под этнопсихолингвистическим типом носителя языка мы понимаем интеллектуально-эмоциональный тип личности со специфической структурой речевого (и неречевого) коммуникативного поведения, определяемой культурными особенностями того общества, к которому данная личность принадлежит. Предлагаемое определение носит, разумеется, весьма общий и недостаточно определенный характер, что объясняется состоянием научных знаний в области этно- и психолингвистики на сегодняшний день. Данное исследование является попыткой уточнить некоторые характеристики этнопсихолингвистического типа носителя китайского языка посредством анализа конкретного лингвистического материала (переводов с китайского языка на русский) с учетом культурно-исторических особенностей исследуемого (китайского) общества.

Из переводов были выбраны те лексико-семантические единицы, которые на фоне легко воспринимаемого русским

читателем текста интуитивно ощущались как непонятные или странные. Наличие таких лексико-семантических лагун вызвано невозможностью вполне адекватного перевода одной знаковой системы в другую. Это не означает, что взаимопонимание исключено, но для достижения взаимопонимания необходимо глубокое знание национальной культуры данного народа.

Лексико-семантические лагуны позволяют выявить список тех языковых явлений, которые интерпретируются как непонятные или странные, и приписать их существование различиям в языке и культуре двух народов (в данном случае носителей русского и китайского языков). Именно лексико-семантические лагуны и будут в определенной мере характеризовать специфику этнопсихолингвистического типа носителя китайского языка.

Для исследований, направленных на выяснение специфики этнопсихолингвистического типа носителя того или иного языка, скорее полезны так называемые плохие, по сути дела подстрочные, нежели высококвалифицированные переводы, ибо первые дают возможность преодолеть непроницаемость чуждой нам знаковой системы. А это в свою очередь позволяет выявить набор признаков, характеризующих ту или иную культуру, те или иные стереотипы, присущие носителю языка, различия и совпадения на лексико-семантическом уровне между носителями двух разных языков, за которыми стоят те или иные различия и совпадения в используемой мышлением носителей данного языка понятийной системе. Набор таких признаков, в идеальном случае исчерпывающий и касающийся не только лексико-семантического уровня, позволяет выявить процедуру оптимального смыслового восприятия и переводных, и оригинальных текстов.

Рассмотрим некоторые сегменты переводных текстов, а именно те сегменты, которые квалифицируются как непонятные, странные или ошибочные.

Бумажные, мертвые, соевотворожные тигры (те, кто не опасен, чья сила преувеличена, кто только кажется опасным); живые, железные, настоящие тигры (те, кто представляет подлинную опасность); улыбающиеся тигры (те, кто является по-настоящему опасным и агрессивным, но умеет это хорошо маскировать).

Оказаться в положении дикого буйвола (оказаться в безвыходном положении).

Лягушка, сидящая в колодце и утверждающая, что небо тоже величиной с колодец (характеристика ограниченности воззрений)¹⁴⁵.

Засахаренные снаряды (снаряды в сахарной оболочке) (то, что привлекательно по форме и опасно по содержанию).

Человек твердой кости (тот, на кого можно положиться, надежный человек).

Характер сосны (несгибаемый характер).

Стать буддой (стать образцом миролюбия).

Поднимать ветер и волны (приступать к активной деятельности).

Идти на двух ногах (развивать и крупные, и мелкие промышленные предприятия).

Вышеприведенные речения, список которых можно было бы продолжить, обнаруживают ту особенность, что они опознаются в русском переводе китайского текста как принадлежащие к иной понятийной структуре. Несомненно, что феномены, которые являются референтами перечисленных речений, существуют в объективном мире, общем для носителей русского и китайского языков; но, получая оформление в знаках определенного языка, с присущей только ему структурой, эти речения отражают разное отношение к фактам окружающего мира, разное отражение его в образном мышлении человека: лягушки, например, есть и в России, но носителю русского языка не свойственно представлять себе лягушку на дне колодца как образ ограниченности.

Рассмотрим подробнее три из приведенных нами речений. Китайское мышление, оперируя словом *тигр*, свободно объединяет такие значения, как *бумажный* и *железный*, *живой*, *настоящий* и *мертвый*, *соевтворожный*. Для носителя русского языка ассоциации идут по линии *хищный*, *полосатый*, *саблезубый*, *бенгальский*, *уссурийский*¹⁴⁶. Для русского тигр прежде всего является одним из представителей фауны некоторого географического района. Для языкового мышления китайца этот факт не является существенным: тигр для него — скорее абстракт-

⁴⁵ Ср.: «В наш век нельзя быть лягушкой на дне колодца» (В. Овчинников. Ветка сакуры. «Новый мир», 1970, № 3, стр. 212).

¹⁴⁶ Отсюда видна важность анализа словесных ассоциаций для раскрытия особенностей этнопсихолингвистического типа.

ция, которая может соединять в себе весьма различные признаки и подвергаться разнообразным толкованиям.

Сталкиваясь с речением о лягушке, сидящей на дне колодца и утверждающей, что небо тоже величиной с колодец, носитель русского языка лишь с трудом может уяснить себе, что речь идет о характеристике ограниченности воззрений. Ему трудно уяснить себе не столько соотнесенность компонентов этого речения, сколько лингвистическую ситуацию, ту точку зрения, которая должна была существовать, чтобы могло возникнуть такое речение.

Сходные особенности существуют в речении о засаженных снарядах, ибо носитель русского языка привык представлять себе снаряд только как предмет, несущий смерть и разрушение; для носителя китайского языка это предмет, несущий в себе и некий положительный потенциал.

Конечно, не следует полагать, что понятийная структура исследуемых речений носит во всех случаях только такой характер. Разумеется, далеко не каждая китайская лексико-семантическая единица обнаруживает подобные особенности, однако количество лексико-семантических единиц такого типа весьма велико.

Фразеологический состав языка и примыкающие к нему слоги, в частности пословицы и поговорки, наиболее отчетливо показывают специфику языкового мышления народа и особенности его культуры. Вот примеры таких речений: Проточная вода не гниет, в дверной петле червь не заводится; Зажмурив глаза, гоняться за воробьем; Подобно слепцу, ощупью ловить рыбу; Не боясь плахи палача, отважиться стащить императора с коня.

В структуре исследуемых текстов эти речения интересны тем, что, несмотря на доступность для понимания, они представляют собой лексико-семантические лакуны, на которых невольно останавливается внимание русского читателя, так как, даже понимая смысл речения, он не может соединить в одно целое явления действительности, являющиеся референтами данных единиц языка: для русского эти явления в действительности и их отражение в языке не образуют единого целого,— ср., например, «в дверной петле червь не заводится» или «зажмурив глаза, гоняться за воробьем». Русский читатель не видит здесь сообразности, ибо этого ему не подсказывает ни языковой опыт, ни бытовые традиции.

В рассмотренных нами текстах представлены некоторые литературные реминисценции (афоризмы):

1) из Лаоцзы: «Слышат пение петухов и лай собак, но до самой смерти не ходят друг к другу»;

2) из Сюньцзы: «Знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим»;

3) из Сыма Цяня: «Умирает каждый, но смерть одного весомее горы Тайшань, смерть другого легче лебяжьего пуха»;

4) из Вэй Чжэна: «Выслушаешь всех — узнаешь истину, поверишь одному — останешься в неведении»;

5) из Лу Синя: «А Цзяо Да из хором князя Цзя никогда не влюбится в барышню Линь».

Среди этих реминисценций для нас особый интерес представляют третья и пятая, которые можно интерпретировать как лексико-семантические лакуны. Остальные оцениваются как не противоречащие языковому и культурному опыту носителей русского языка, хотя они и не представляют собой привычных русскому речений. В речении, взятом из Сыма Цяня, основным препятствием для понимания является имя собственное *Тайшань*. Смысл высказывания не будет воспринят адекватно, если не знать, что Тайшань (Великая Гора) — одна из священных гор Китая. Кроме того, носитель русского языка вообще не противопоставляет таких реалий, как гора и лебяжий пух, т. е. они не составляют привычной оппозиции в русском узусе. По-русски говорят: *гора с плеч свалилась* (т. е. рассеялись тревоги и сомнения, наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей, от чего-либо обременительного и т. п.)¹⁴⁷.

В современной русской фразеологии компонент *пух* входит в состав следующих речений: *разгромить в пух и в прах; пух и перья летят; ни пуха, ни пера; рыльце в пуху*. Ни в одном из этих речений *пух* не обозначает легкости, невесомости или незначительности¹⁴⁸. В русском языке существуют несвободные словосочетания: *легкий как пух (пушинка); легче пуха*, но носители русского языка никогда не противопоставляют в пределах одного привычного речения компоненты *пух* и *гора* (т. е. невесомость и весомость, незначительность и значительность).

¹⁴⁷ Фразеологический словарь под ред. А. И. Молоткова. М., 1967, стр. 116.

¹⁴⁸ Там же, стр. 372.

Здесь обнаруживаются различия в русском и китайском речевом узусах, за которыми стоят различия в привычных формах мышления.

В речении, взятом из Лу Синя, уровень помех, происходящих из области другой культуры, настолько высок, что данный отрезок текста почти не несет информации, доступной восприятию носителя русского языка. Данное высказывание необходимо поставить в связи с творчеством Лу Синя как некоторой лингвистической и понятийной структурой, в которой это высказывание является элементом определенной системы отношений. Перед нами тройная реминисценция: в одной из статей китайской прессы была использована цитата из Лу Синя: «Голодающие в пострадавшем от стихийных бедствий районе никогда не станут разводить орхидей, как это делают богачи-аристократы. А Цзяо Да из хором князя Цзя никогда не влюбится в барышню Линь». Лу Синь в свою очередь опирается в этом высказывании на хорошо известный читателю роман Цао Сюэ-циня (1724—1764) «Сон в Красном тереме», используя имена Цзяо Да и Линь Дай-юй как специфические сигналы, которые китайский читатель интерпретирует однозначно: для него эти имена — привычные обозначения двух крайних точек социальной системы, никогда не соприкасающихся между собой. Для многих поколений китайских читателей роман «Сон в Красном тереме» был столь же хорошо знакомым произведением, как, скажем, «Недоросль» или «Горе от ума» для русского читателя. Текст каждого из этих произведений представляет собой набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных ассоциаций, имеющих референты как в области материальной культуры, так и в области искусства. Китайскому читателю так же трудно было бы понять точно переведенное на китайский язык выражение: «Ах! боже мой! что станет говорить княгиня Марья Алексевна!», как русскому читателю невозможно при отсутствии культурно-исторического комментария воспринять в полном объеме лексико-семантическую структуру предложения о Цзяо Да и Линь Дай-юй.

Давно известно, что обозначение цвета — та точка, в которой отчетливо ощутимо различие в «видении мира» как в истории развития одного народа, так и между от-

дельными народами. Богатый материал по этой проблеме можно найти, например, в работе Ф. Кайнца «Психология языка»¹⁴⁹.

Проблема цветообозначения в китайском языке весьма сложна и мало исследована. Прежде всего неясно, имеем ли мы дело с недифференцированностью цветового восприятия («цветовая слепота» древних народов и, в частности, китайцев)¹⁵⁰, или же со специфической системой цветообозначения, принципы которой отличаются от системы цветообозначения в индоевропейских языках (ср., например, описание значения слова *цин* в китайско-русском словаре: «темный, синий, голубой, зеленый, черный»)¹⁵¹.

Данная проблема требует специального изучения, и только на основании такого изучения можно будет сделать выводы о том, какое место в наборе этнопсихолингвистических признаков занимала и занимает система цветообозначения носителя китайского языка. Можно лишь отметить, что в современной китайской политической прозе преобладает черный цвет. Преобладание черного цвета, видимо, находится в тесной связи с тем, что она предпочитает давать людям, фактам, идеям и событиям отрицательные, а не положительные оценки. В качестве редких примеров положительной оценки могут быть указаны такие речения, как *стать буддой*, *быть человеком твердой кости*, *иметь характер сосны* (стать образцом миролюбия, быть надежным человеком, иметь нестигаемый характер). Если сравнить современную русскую советскую публицистическую прозу¹⁵² с китайской, то в последней обнаружится резкий перевес негативных элементов по сравнению с позитивными.

Особое место в анализируемых нами текстах занимают речения, связанные с восприятием числовых отноше-

¹⁴⁹ F. Kainz. Psychologie der Sprache. Bd. V. Psychologie der Einzelsprachen, 1 Teil. Stuttgart, 1965, стр. 94, 136, 221—303.

¹⁵⁰ Ф. Н. Шемакин. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия). «Изв. АПН», вып. 81. М., 1960, стр. 35—36.

¹⁵¹ Китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. М., 1952, стр. 356, № 3602. См. в этой связи также: В. Шерль. О названиях цветов. «Филологические записки», вып. 3. Воронеж, 1884.

¹⁵² Л. И. Широкова, Е. И. Осипян. Словарь наиболее употребительных несвободных словосочетаний русского языка (на материале газет). М., 1966.

ний ¹⁵³. Языковые единицы, обозначающие число, в любом языке составляют совершенно особую группу, исследование которой возможно лишь на основе глубокого изучения понятия числа как категории философской. Здесь мы не имеем возможности уделить достаточное внимание этой проблеме, да и не располагаем в данное время материалом для осуществления такого специального исследования. Мы можем лишь отметить, что в современной китайской политической прозе встречаются речения, связанные, например, с таким рядом чисел: 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 16, 100, 10 000. Мы выделяем эти речения в особую группу на основании их высокой частотности.

Широкое употребление речений, связанных с некоторым рядом чисел, видимо, объясняется спецификой восприятия числа, которую удобно использовать, если требуется обеспечить быстрое запоминание некоторых утверждений, излагаемых не только в кратчайшей, но и особым образом организованной форме. Так, с одной стороны, в Китае существует давняя традиция использовать специфические речения, семантическим центром которых является обозначение числа ¹⁵⁴. С другой стороны, развивается прагматическая тенденция, ориентированная на создание иллюзии точности, — своего рода иррациональный рационализм; определенную роль здесь может играть и мнемонический момент (следует учитывать низкий уровень грамотности в стране), который, несомненно, используют создатели подобных речений.

Из рассмотрения текстов современной китайской публицистической прозы следует, что

1) тексты, написанные китайскими авторами, и переводы этих текстов на русский язык содержат ряд языковых особенностей, чуждых восприятию русского читателя, но являющихся весьма информативными для носителей китайского языка;

2) существование таких особенностей позволяет говорить о специфических признаках этнопсихолингвистиче-

¹⁵³ См. в этой связи: *О. Шрадер*. Индо-европейцы. СПб., 1913.

¹⁵⁴ Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (6—4 вв. до н. э.). Вступ. статья, перев. и комментарии Л. Д. Позднеевой. М., 1967; *Ф. С. Быков*. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966; *Ю. К. Шуцкий*. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.

ского типа носителей китайского языка (по сравнению, скажем, с носителями русского языка). Этот этнопсихолингвистический тип складывается благодаря усвоению индивидом специфической системы культурных ценностей, а также специфических языковых средств для обозначения определенных реалий;

3) оптимальное смысловое восприятие переводных текстов требует учета специфики вышеописанных языковых средств в процессе перевода.

По всей видимости, эти три вывода могут быть в большей или меньшей степени отнесены к текстам, порожденным на языке любой лингвокультурной общности.

СОЦИАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ СОБЕСЕДНИКА

Когда люди общаются друг с другом, особенно незнакомые, то они в предречевой и речевой стадии общения в первую очередь стараются определить — кто есть собеседник?

Почему же необходимо более или менее точно знать, с кем ты разговариваешь?

Основная побудительная причина ориентировки в собеседнике — необходимость узнать, что у меня есть общего (или различного) с ним. Общность коммуникантов может быть самого разного свойства. Это и общность языка, на котором мы можем говорить, и общность социального жаргона или профессионального языка, при помощи которых мы лучше поймем друг друга, и общность жизненного опыта, который позволит сблизить собеседников и, наконец, общность ролевого репертуара — общность национальности, профессии, пола, семейного положения, требования, на которые партнер по общению ориентируется в своей деятельности.

Естественно, пытаясь узнать друг друга, собеседники не ставят перед собой задачи ориентировки в таком расчлененном виде. Обычно вначале мы пытаемся узнать только социальные роли партнера, так как это знание позволит построить гипотезы относительно его поведения. Иначе говоря, знание социальных ролей собеседника дает

возможность смоделировать его апперципирующие способности, т. е. умение (зависящее от прежнего опыта) с определенной степенью адекватности понимать воспринимаемую речь.

Совершенно не случайно, когда представляют незнакомых людей, то называют одну из основных социальных ролей, остальные опознаются по внешнему виду человека или предполагаются сопутствующими называемой при представлении роли.

Например, если о мужчине говорят: «Профессор Каспранский», то можно с вероятностью предположить, что он кандидат или доктор наук, очевидно, имеет семью и детей, работает в ВУЗе, живет в городе, говорит по-русски, член профсоюза и т. д.

Необходимость речевой презентации собеседников зависит от ситуации общения. Некоторые ситуации однозначно характеризуют социальные роли человека, например, директор учреждения в своем кабинете, учитель в классе, милиционер-регулировщик на проезжей части улицы, продавец за прилавком и т. д. Там, где точности определения роли собеседника придается особое значение, человек наделяется дополнительными внешними атрибутами: униформа, знаки различия у военных, спортивная форма и т. д.

В других ситуациях, к примеру, эти же профессиональные роли (их называют в социологии позиционными) определяются труднее. Если профессор хочет, чтобы его за пределами ВУЗа принимали за профессора, за человека интеллектуального труда и по отношению к нему демонстрировали поведение, совместимое с тем уровнем престижа, которым он пользуется на работе, то он должен каким-то косвенным образом показать наличие у него этой роли.

Продемонстрировать косвенным образом, не говоря об этом прямо, роль профессора довольно трудно, но заявить о себе как об интеллигентном человеке, человеке творческого труда, возможно вполне.

Вопрос о социальном символизме (см. ниже) в речевом и неречевом поведении является частью проблемы управления поведением человека. Это управление может быть невербальным (тогда говорят о собственно социальном символизме ¹⁵⁵) или вербальным.

¹⁵⁵ Например, выбор человеком определенного места жительства — один из способов показа им своих социальных качеств (позици-

Сам факт, что при помощи речи можно управлять поведением человека, является трюизмом и не требует ни развернутого доказательства, ни даже демонстрации примеров ¹⁵⁶.

В культурно-исторической школе советской психологии эта проблема в общем виде решается как одна из сторон процесса интериоризации социально-исторического опыта общества, т. е. как часть процесса социализации. Формирование психики личности (здесь, видимо, следует говорить не только о формировании сознания, но и всей психики в целом, включая неосознаваемое, бессознательное ¹⁵⁷) происходит в процессе осознания личностью общественных связей с другими людьми, которые (связи) конкретно реализуются в социальном взаимодействии членов общества. Таким образом, психика личности, сложившись как отображение в сознании личности ее взаимодействия с другими людьми, служит затем инструментом социальной регуляции актуальной деятельности.

Под социальной регуляцией здесь имеется в виду, что актуальная деятельность личности осуществляется по образцам, в которых воплощен опыт общества. Психика является инструментом социальной регуляции как своеобразная модель общества, как хранительница образцов деятельности.

онных и так называемых статусных ролей: принадлежность к какому-либо социальному слою, социальной группе). Так, стремление верхушки итальянской интеллигенции подчеркнуть свое привилегированное положение в обществе было учтено при строительстве в пригороде Милана Сан-Феличе особого квартала с теннисными кортами, клубом, закрытым и открытым бассейном, полем для игры в гольф, церковью, полицейским участком и квартирами стоимостью в 20 млн. лир каждая (см.: *В. Б. Кувалдин. Интеллигенция в современной Италии. М., 1973, стр. 192*). В этой же работе цитируется итальянский социолог Л. Ковалли — исследователь среды служащих: «Обширный мир служащих разбит на различные иерархические ступеньки, каждая из которых имеет определенный статус и свои «символы». Каждой иерархической ступеньке соответствует определенное расположение, размеры, пышность обстановки служебного кабинета; определенный оклад, тип жилья, обстановки, уровень жизни и, наконец, определенные социальные контакты» (стр. 202).

¹⁵⁶ Положение о регулирующей функции слова как команды для других и только затем для себя было в советской психологии впервые четко сформулировано Л. С. Выготским (*Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 125*).

¹⁵⁷ *К. А. Абульханова-Славская. К проблеме социальной обусловленности психического. «Вопросы философии», 1970, № 6.*

Психологически факт социальной регуляции деятельностью для отдельной личности существует в форме образов «потребного будущего», «планов будущего», т. е. в форме осознаваемых целей различных деятельностей, которые, говоря языком социологии личности, обусловлены системой общественных интересов. На уровне конкретной социально-исторической общности общественные интересы описываются как социальные нормы, а уже в сознании личности социальные нормы функционируют в форме ролевых предписаний. Ролевые предписания — это правила осуществления ролевой деятельности, сформированные от имени общества, класса, социальной группы, социального института и т. д., и усвоенные (интериоризованные) личностью. Осуществляя деятельность в структуре различных социальных отношений людей (профессиональных, семейных, национальных, классовых, групповых и т. д.), личность выступает в различных ролях (национальных, называемых иногда культурными, профессиональных, семейных и т. д.), решая некоторые задачи, соотносится с определенными правилами — ролевыми ожиданиями, которые в интериоризованной форме существуют уже в виде ролевых предписаний.

Каждая личность усваивает опыт общества в рамках ролевой деятельности как знания, необходимые для ее осуществления, и доля совокупного социального опыта общества, ставшего достоянием личности, зависит от репертуара ролей, которыми эта личность овладела в течение своей жизни.

Таким образом, удовлетворяя свои потребности принятым в данном обществе способом, человек направляет на себя социальную регуляцию, а контролируя чужую деятельность, он делает это же самое по отношению к другим.

Напрашивается вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с такой социальной регуляцией, которая никоим образом не зависит от произвола личности: личность в той мере подвергается социальному регулированию, в какой она усваивает социально-исторический опыт общества.

Роль речи в таком социальном регулировании деятельностью людей весьма велика. В качестве средства социальной регуляции человеком поведения других людей речь может выступать в двух функциях: в инструментальной и символической.

Мы имеем дело с инструментальной функцией речи в качестве средства регулирования поведения других в том случае, когда предписания, побуждения, запреты, планирование чужих действий, установление социальных отношений коммуникантов¹⁵⁸ и т. д. выражены посредством содержания языковых знаков. Инструкции, приказы, кодексы законов, запретительные надписи и т. д. — это реализация инструментальной функции языка в качестве средства регуляции поведения.

Однако регулирование поведения взаимодействующих личностей может осуществляться и в тех случаях, когда в содержании языковых знаков нет никаких указаний, предписаний и т. д. Речевые действия, или типы речевых действий, реализуясь в определенных актах совместной деятельности, приобретают признаки этой деятельности и функционируют в качестве знаков-признаков. Так, например, если один из коммуникантов в русской культуре обращается к собеседнику на «ты», а другой на «вы», то такой выбор личных форм глаголов дает им возможность сделать заключение о неравенстве их иерархических рангов, о необходимости реализовать в данном взаимодействии определенные социальные отношения. Совершенно очевидно, что речевые действия употреблены здесь в инструментальной функции (хотя и не для целей регуляции поведения общающихся), однако, они осмысляются ими символически, как указание на их определенные социальные отношения. Если социальные отношения коммуникантов известны заранее, то у коммуникантов не возникает необходимости в символическом осмыслении инструментальных речевых действий. Подобное осмысление обычно осуществляется тогда, когда отсутствуют другие символы подлежащих реализации социальных отношений.

¹⁵⁸ В качестве рабочего определения понятия «социальные отношения» можно воспользоваться определением Я. Щепаньского, который называет «социальным отношением определенную устойчивую систему, охватывающую двух партнеров (будь то индивиды или общности), связующее звено, то есть какой-либо предмет, интерес, установку, общую ценность, становящуюся «платформой», отношения, а также, определенную систему обязанностей и долженствований или нормированных функций, которые партнеры должны обязательно выполнять по отношению друг к другу» (Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, стр. 91, 92).

Однако даже в том случае, когда известны социальные отношения коммуникантов, в их речевых действиях могут содержаться элементы, осмысляемые чисто символически.

В основе символической регуляции лежит процесс ритуализации инструментального поведения и превращения отдельных его элементов в ритуальные действия с утратой ими всякой инструментальной функции, например, снятие головного убора, пожатие руки при встрече в качестве приветствия — в русской культуре, демонстрация знамен и флагов, отдавание чести военными и т. д. — у большинства народов Европы.

Сюда же следует отнести «общепринятые способы, посредством которых личность может (и должна) демонстрировать свою респектабельность, свое принятие тех социальных отношений, в рамках которых она действует»¹⁵⁹.

Поэтому социальный символизм трактуется как одно из проявлений взаимосвязи между социальной структурой общества и его культурой, как регуляция социальных отношений с помощью символических культурных средств¹⁶⁰. При этом термин «культура» понимается как совокупность всех общественных ценностей.

Социально-символическое потребление материальных и духовных предметов противостоит прямому «непосредственному» типу присвоения. «Акт непосредственного присвоения культуры связан с прямым удовлетворением культурных потребностей как таковых. Напротив, акт статусного присвоения служит лишь коммуникативным средством в процессах общения потребителей культуры, и, таким образом, является символическим. Например, произведение искусства может быть присвоено как художественная ценность и может способствовать эстетическому развитию личности. Но то же самое произведение искусства может быть присвоено и как символ престижа, содействующий достижению определенного статуса в конкретной общественной среде»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Е. Я. Басин, В. М. Краснов. Социальный символизм. «Вопросы философии», 1971, № 10, стр. 167.

¹⁶⁰ Там же, стр. 164.

¹⁶¹ Е. Я. Басин, В. М. Краснов. «Статусное» присвоение культуры как регулятор социального общения при капитализме. «Вопросы философии», 1969, № 10, стр. 95.

Иными словами, символически присвоенный предмет не функционирует в качестве какого-либо культурного блага, а служит исключительно знаком социальных качеств индивида или группы индивидов.

Можно различать невербальную и вербальную социальную символизацию. Первые упоминания в научной литературе о невербальном воздействии на окружающих при помощи «показного потребления» принадлежат Т. Веблену, описавшему способы демонстрирования положения в обществе путем присвоения определенного количества товаров соответствующего качества, и Л. Бернаруду, указавшему на символические способы проведения досуга и на использование с символической целью некоторых приемов в различных областях культуры ¹⁶².

В отечественной научной литературе вопросы невербального социального символизма затрагивались в гораздо меньшей степени, что отнюдь не означает отсутствия всякого рода социальных манифестаций при взаимодействии личностей в нашем обществе. Так, в первые годы советской власти большое значение придавалось костюму как опознавательному знаку нового человека ¹⁶³.

В последнее время получило довольно широкое распространение коллекционирование предметов старины (икон, самоваров, прялок, шитья, картин, бронзы и т. п.) с символической целью. Зачастую собирателям безразличны эти предметы, они мало разбираются в их художественной ценности, однако обладание подобной коллекцией может, как им кажется, ввести в ранг «современных», «интеллигентных» людей ¹⁶⁴.

Собственно социальный символизм возникает тогда, когда демонстрация некоторого ритуализованного поведения имеет целью регуляцию социальных отношений взаимодействующих личностей, или иначе — когда ритуальные элементы в поведении регулируют общение, символизируя социальные отношения, которые, по мнению

¹⁶² См.: *T. Veblen. The theory of the leisure class. L., 1924; L. L. Bernard. An introduction to social psychology. N.Y., 1926.*

¹⁶³ См.: Парижский шик или советский костюм.—«Искусство в массы», 1930, № 3; *М. В. Аллатов. Социальное значение костюма. «Швейная промышленность», 1931, № 9.*

¹⁶⁴ См. полемику «Люди и вещи», развернутую «Литературной газетой». Например: *Л. Успенский. Накопители. «Литературная газета», 1974, № 17; А. Макаров. Многоуважаемый шкаф.— Там же, № 25; А. Удальцов. Не саблей единой.— Там же, № 37.*

одного или всех коммуникантов, должны быть реализованы в конкретном акте взаимодействия ¹⁶⁵.

Взаимодействие личностей в обществе не беспорядочно, а системно. В общении личности реализуют социальные отношения, которые накладывают ограничения на актуальное поведение, организуют его системно. Вступая в общение, коммуниканты строят «образы собеседника» и ищут в поведении символические элементы для подтверждения или опровержения своих гипотез, демонстрируют символы своего социального статуса или такие ритуализованные элементы в своем поведении, которые могут быть интерпретированы как символы определенных актов общения. Иначе говоря, общающиеся стремятся системно организовать свое поведение, а универсальным средством такой организации является включение конкретного акта в социальные отношения. Это утверждение не следует понимать так, что личность во всех случаях осознанно включает общение в сеть социальных отношений.

В большинстве случаев личность субъективно в каждом акте коммуникации преследует только свои, «личные» цели, но если она делает это принятым в данном обществе способом, то тем самым она объективно включается в социальные отношения.

Существуют, однако, такие акты взаимодействия личностей, когда задача включения в системы социальных отношений выдвигается на первый план и субъективные цели деятельности коммуниканта совпадают с ее объективными последствиями.

Это, во-первых, случаи, когда необходимо установление и поддержание определенных социальных дистанций (регулируется этикетными правилами), во-вторых, общение внутри равных в социальном отношении групп, при противопоставлении общения в пределах одной группы, общению в пределах другой (регулируется всевозможными знаками групповой принадлежности, демонстрацией социально-групповых диалектов ¹⁶⁶ и т. п.), в-третьих, общение в условиях социальной стратификации (регулируется в основном присвоением определенного «стиля жизни», в объем которого входит также и владение определенным социально-групповым языком).

¹⁶⁵ Е. Я. Басин, В. М. Краснов. Социальный символизм, стр. 165.

¹⁶⁶ Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 222.

В аспекте вербального поведения средства социальной символизации во втором и третьем случае одинаковы, различен лишь их функциональный смысл: если члены равных в социальном отношении групп демонстрацией социально-группового диалекта символизируют принадлежность к «своей», а не к «чужой» группе, то в условиях социальной стратификации демонстрируется прежде всего принадлежность к референтной социальной группе, т. е. к группе, на членство которой данный коммуникант претендует, но членом которой не является (в последнем случае частично снята дифференцирующая функция символических средств в пользу интегрирующей функции).

Представляет интерес более подробно остановиться на рассмотрении социального символизма в вербальном поведении в условиях социальной стратификации. Это целесообразно сделать по нескольким причинам.

Хотя и не существует, по-видимому, работ, где бы достаточно подробно анализировалась интегрирующая функция социального символизма в вербальном поведении в условиях социальной дифференциации (т. е. функция демонстрации принадлежности к определенной группе или слою символическим употреблением соответствующего социально-группового, профессионального диалекта или определенных навыков произношения), но наличие этой функции не требует доказательства. Другое дело, социальный символизм в условиях социальной стратификации — здесь мы в самом начале пути, имеются только разбросанные, по отдельным работам замечания.

По всей вероятности, социальный символизм в форме ритуальных или ритуализованных действий, лишенных всякой инструментальности, и в форме инструментальных действий, которые могут выполнять символическую функцию; чаще всего соотносится с демонстрацией какой-либо социальной роли личности, которая в свою очередь служит однозначным признаком принадлежности к определенной социальной группе, или социальный символизм связан с демонстрацией какого-либо социально значимого качества (например, интеллигентности как признака принадлежности к весьма престижному слою в современном обществе).

Когда личность непосредственно ролевой деятельностью (в инструментальной функции) или инструментально в вербальном поведении может показать свою принадлеж-

ность к той или иной социальной группе, тогда отпадает необходимость обращаться к иным средствам, в частности к социально-символическим. Аналогичной можно считать ситуацию, когда личность может демонстрировать четкие ролевые знаки (одежду, униформу, знаки различия и т. п.).

Повышенная необходимость в социальном вербальном и невербальном символизме возникает при социальной маргинальности самой личности или локальной и временной маргинальности ситуации общения.

Проблема культурной маргинальности личности, «личности на рубеже культур», возникшая в двадцатые годы в США, переросла свои рамки, термин «маргинальная личность» понимается ныне гораздо шире: личность между поколениями, социальными группами, классами, идеологическими системами и т. д. ¹⁶⁷.

Под локальной маргинальностью ситуации условимся понимать неопределенность «места» общения в социальном пространстве (в системе социальных отношений), когда ситуация общения не определяет однозначно социальные отношения коммуникантов. Естественно, речь идет об относительной неопределенности. Даже когда вступают в контакт незнакомые люди в магазине как покупатели, в поезде, автобусе, метро как пассажиры, в городском парке как посетители, они всегда четко ориентируются, по крайней мере, в возрастных и половых ролях друг друга.

Под временной маргинальностью ситуации общения будем иметь в виду периоды социальных катаклизмов, когда наблюдается повышенная символическая активность вообще ¹⁶⁸, и социально-символическая в особенности. Увеличение роли символических элементов поведения истолковывается как усиление тенденции к системности поведения, устойчивость которой нарушается дезорганиза-

¹⁶⁷ Наиболее полный обзор литературы по проблеме маргинальной личности см.: *С. Н. Артановский*. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967, гл. IV.

¹⁶⁸ В этом смысле интересно замечание Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, что «смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения». Можно усмотреть прямую аналогию между этой «культурной маргинальностью» и локальной и временной маргинальностью ситуации общения (*Ю. Лотман, Б. Успенский*. О семиотическом механизме культуры. «Труды по знаковым системам», № 5, Тарту, 1971, стр. 145).

цией функционирования символических элементов в поведении и соответственно неопределенностью социальных отношений¹⁶⁹.

По-видимому, можно сделать вывод о существовании у современных людей тенденции к увеличению роли символических, в том числе и социально-символических, элементов в невербальном и вербальном поведении. Хотя в современном обществе уменьшается роль ритуалов, обычаи как средство передачи социальной информации во времени уступают место более совершенным способам, но роль отдельных символических элементов в поведении весьма велика.

Общая тенденция к демократизации жизни привела к отмене многих кодифицированных установлений, регламентировавших внешнее поведение членов общества. Так, исчезли жесткие предписания об одежде для отдельных слоев населения (выбор материала, покрой платья и т. д.)¹⁷⁰, которая раньше служила однозначным средством социальной идентификации личности; исчезли в ноябре 1917 г. в России все титулы и т. д. Исчезли многие кодифицированные средства, на смену им пришли некодифицированные (зачастую — более тонкие).

Каковы же все-таки средства социального символизма в речевом поведении?

Практически в социально-символической функции выступают языковые единицы всех уровней языковой системы. Первым, кто описал социально-символическую функцию фонологических единиц языка, был Н. С. Трубецкой. Под фонологически экспрессивными средствами он понимал «лишь условно установленные средства звуковой характеристики говорящего», с помощью которых «можно выразить, например, принадлежность к определенной возрастной группе, к тому или иному общественному классу, далее пол, степень образования, наконец, происхождение говорящего»¹⁷¹. Н. С. Трубецкой последовательно различает фонологически экспрессивные средства для выражения социальных характеристик говорящего от звуковых особенностей речи, на основе которых можно

¹⁶⁹ Произведения А. Н. Толстого, посвященные в основном описанию эпох социальных катаклизмов, представляют богатейший материал для анализа проблемы социального символизма.

¹⁷⁰ См.: М. Н. Мерцалова. История костюма. М., 1972.

¹⁷¹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 25.

определить физиологические особенности говорящих (толстый — худой), состояние их здоровья (простуженный, — здоровый), темперамент (флегматик — сангвиник) и т. д. ¹⁷²

Весьма примечательна одна деталь в описании экспрессивной фонологии Н. С. Трубецким — экспрессивную фонологию он сравнивает с этнографическим изучением одежды (одним из эффективных средств социальной символизации) — и экспрессивная фонология, и этнография занимаются социально значимыми элементами соответственно в речи и одежде говорящих. Более того. «Очень часто человеческие группы, выделяемые по существенным с этнографической точки зрения различиям в их одежде, оказывается, совпадают с теми же самыми группами, которые выделяются по языковым и особенно по «экспрессивно-фонологическим» особенностям: половые и возрастные группы, общественные классы и соответственно сословия, группы людей по образованию, горожане и крестьяне и т. д.» ¹⁷³.

Существенно отметить, что Н. С. Трубецкой приходит к весьма интересному выводу, правда, не подкрепленному развернутыми доказательствами. Он считает, что «все фонологически-экспрессивные средства, которые служат для характеристики определенной языковой группы внутри какой-либо языковой общности, образуют систему» ¹⁷⁴.

Вопросы вербальной социальной символики рассматривали также И. А. Бодуэн де Куртене ¹⁷⁵, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, А. М. Селищев, В. М. Жирмунский, Н. В. Юшманов и др. ¹⁷⁶.

¹⁷² Следует иметь в виду, что граница между физиологическими, психологическими и социальными характеристиками личности лабильна, например, физическая сила может стать решающим аргументом при занятии роли лидера в деликвентной группе.

¹⁷³ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 25.

¹⁷⁴ Там же, стр. 28.

¹⁷⁵ См. его предисловие к кн.: В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка. СПб., 1913.

¹⁷⁶ См.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968; Он же. Задачи социальной диалектологии русского языка. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 2, 4—5; Л. П. Якубинский. Эволюция речи (рукопись); А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928; Он же. Избранные труды. М., 1968; В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; Н. В. Юшманов. Экстранормальная фонетика (рукопись, Институт языкознания АН СССР). — Необходимо от-

Наиболее широко используются в социально-символической функции лексические средства. Не случайно именно лексические единицы являются основным средством так называемой речевой характеристики персонажей.

Речь идет в первую очередь о направленном отборе функциональных стилистических синонимов (*ржавчина — коррозия, быть связанным с кем-либо — корреспондироваться; вместе — синхронно, нет — никак нет, да — так точно*) и семантико-экспрессивных стилистических синонимов (*лик—лицо—физиономия—морда—рыло; рука—лапа — пятерня*). Отбор функциональных стилистических синонимов чаще всего указывает на профессиональную роль говорящего.

Семантико-экспрессивные стилистические синонимы, вернее — отбор их, наряду с этикетными речевыми формулами, являются почти универсальным средством создания тональности общения. Тональность общения — это такое социальное качество ситуации общения, которое можно определить как степень соблюдения этических норм взаимодействия коммуникантов.

Отбор семантико-экспрессивных стилистических синонимов с нейтральной, реже — с возвышенной и нейтрально-обиходной (разговорной) окраской, тщательное избегание фамильярных и вульгарных слов, употребление этикетных формул — все это служит средством символизации «культурности», «интеллигентности». Таким же средством демонстрации собственной «интеллигентности» является стремление к синтаксической усложненности устной речи, приданием ей черт письменной речи, книжности. У носителей русского языка это проявляется в замене сложносочиненных предложений на сложноподчиненные, в употреблении причастных оборотов. Обычно такое увеличение синтаксической сложности устной речи сопровождается сменой неполного стиля произношения на полный.

Наблюдаются случаи употребления с социально-символической целью иностранных слов и малопонятных адресату слов и выражений. Так, люди старшего поколения, демонстрируя знание французского языка, могут одно-

метить, ссылаясь на эти и предыдущие работы, что в данной главе мы касаемся некоторых вопросов вербального и невербального социального символизма лишь в рамках европейской культуры.

значно заявлять этим о своем «аристократическом» происхождении. Ю. Трифонов в повести «Другая жизнь» дает следующую характеристику одному из персонажей — пожилому художнику: «Он был добрый, образованный, учился в Париже, был знаком с Модильяни и Шагалом, любил вставлять в разговор французские словечки, хотя читал и говорил по-французски очень скверно...»¹⁷⁷

Е. Д. Поливанов приводит пример частого и неуместного использования рабочим, выступающим на митинге, выражения «если посмотреть с точки зрения»¹⁷⁸. Очевидно эта малопонятная оратору фраза использовалась для обозначения его «высоких» ораторских качеств. Иными словами логика рассуждений этого рабочего была такова: речь настоящего оратора должна содержать «умные», «научные», «непонятные» слова¹⁷⁹.

К подобной разновидности социальной символизации можно отнести и употребление собеседниками грубых слов и выражений для демонстрирования определенной социальной близости, для подчеркивания равенства социальных статусов¹⁸⁰.

Определенные социально-символические тенденции можно наблюдать при выборе языка общения билингвами. На Кавказе при обращении младшего к старшему по возрасту особенно в селе предпочтительнее родной язык, а не русский. Это справедливо, по нашим сведениям, для азербайджанцев, кабардинцев и татов¹⁸¹.

¹⁷⁷ Ю. Трифонов. Другая жизнь. «Новый мир», 1975, № 8, стр. 25,

¹⁷⁸ Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 191.— Нельзя согласиться с Е. Д. Поливановым, когда он говорит, что данное выражение применялось оратором только с целью «выиграть время для обдумывания дальнейшей фразы» (там же).

¹⁷⁹ Ср. имитацию языка «образованных», описанную Е. Фрешельсом, которая проявляется в употреблении уместных и неуместных иностранных слов (E. Fröschels. Lehrbuch der Sprachheilkunde (Logorädie). З. А. 1931, стр. 473).— Напрашивается вывод о наличии у людей стереотипных знаний о речи представителей различных социальных групп. Несомненно, что изучение этих знаний (представлений) может дать интересные результаты.

¹⁸⁰ Ср. употребление бранных слов в напутственной речи солдатам полковником Малышевым в романе М. Булгакова «Белая гвардия» (М. Булгаков. Избранная проза. М., 1966, стр. 188).

¹⁸¹ Сведения о выборе языка при билингвизме азербайджанцами, кабардинцами и татами нам любезно сообщили соответственно А. Р. Балаян, Б. Х. Бгажноков и М. П. Дадашев.

Любопытен пример социального символизма в среде грузинского дворянства начала века в романе грузинской писательницы Р. Канделаки. Известный актер продумывает свою речь перед приемом у знатного мецената, который должен спасти разорившийся театр: «Пару слов по-французски (сам дворянин, черт — возьми!), потом — о высоком призвании кутаисского театра по-грузински: Спасите, князь, жизнь национального искусства...»¹⁸².

Сам выбор стиля речи может явиться демонстрацией определенных социальных качеств субъекта. Например, выбор в бытовой обстановке одним из собеседников литературного языка устанавливает определенную дистанцию, официальный барьер между общающимися. И наоборот, если в официальной обстановке собеседник перешел на разговорную речь, это часто означает снятие им барьера между собой и собеседником¹⁸³.

Выбор той или иной формы общенародного языка может однозначно определять социальное положение говорящего. Так, в современной Италии литературный язык — атрибут сугубо интеллигентский. «Наиболее выпукло различия между интеллигентом и человеком из народа проявляются в языке, манере изложения своих мыслей, — пишет В. Б. Кувалдин. — В Италии, где единое национальное государство существует всего сто лет, это различие особенно заметно. На литературном языке, языке Данте и Бокаччо, изъясняются только в образованных слоях общества. В народной среде используются областные диалекты, которые сильно отличаются от литературного языка»¹⁸⁴.

Одним из универсальных средств вербальной символической регуляции выступает намеренное несоблюдение или соблюдение языковых норм. Вообще любое игнорирование конвенциональных норм поведения всегда обращает на себя внимание — собеседник пытается определить социальный и социально-психологический подтекст действий «нарушителя». Отклонение от нормы (если это не отсутствие адекватных представлений о том, как надо себя вести, что и как говорить в данной ситуации) воспринимается как противопоставление одной личности другой

¹⁸² Р. Канделаки. Первый взгляд в мир. Тбилиси, 1972, стр. 77.

¹⁸³ «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 129—130.

¹⁸⁴ В. Б. Кувалдин. Интеллигенция в современной Италии, стр. 190.

(или коллективу), как социальная дифференциация.

Например, неправильное произношение слов зачастую трактуется как оскорбление¹⁸⁵. Именно поэтому академик И. П. Бардин на заседании Президиума Академии наук СССР предпочитал говорить «километр», а на Новотульском заводе — «километр»¹⁸⁶. Здесь мы наблюдаем противоположную намеренному отходу от речевых нормативов тенденцию — сознательное следование в речевом поведении определенным правилам, образцам¹⁸⁷. Неверное же понимание «образца» (ложное стереотипное представление), особенно у лиц, владеющих литературным языком, приводит к так называемым гиперизмам — к ошибкам, возникающим в результате стремления говорить правильно, избавиться от особенностей, свойственных данному говору. Так, на территории, где вместо *ф* говорят *хв* или *х* (*хвонарь, торх, Хведор*), осознание того, что это не литературно, приводит к тенденции во всех случаях вместо *хв, х* произносить *ф*, т. е. говорить не только *фонарь, Федор*, но и *фост* (вместо *хвост*), *фалить, профатить* (ср. фамилию *Профатилов*) и т. д.¹⁸⁸

Опознавательным знаком социальной принадлежности и прочих социальных качеств личности в обществе может являться не только формальная (как было показано выше), но и содержательная сторона речевого общения. Намеренно наполняя разговор тем или иным содержанием, коммуникант может с успехом «заявить о себе». Например, в разговоре с незнакомцем некто, чтобы охарактеризовать себя (для успешности взаимодействия), не обязательно дол-

¹⁸⁵ Т. Шибутани. Социальная психология. М., 1969, стр. 130.

¹⁸⁶ См. об этом: «Основы теории речевой деятельности». М., 1974, стр. 307.

¹⁸⁷ Ср. тенденцию в современном американском английском языке к отходу от «безерного произношения». Однако в неформальной обстановке у многих социальных групп все еще сохраняются старые нормы. «В то же время в тех ситуациях, которые побуждают говорящих к максимальной корректности и тщательности произношения, встречаемость (г) заметно возрастает» (А. Д. Шейцер. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971, стр. 47).

¹⁸⁸ В. А. Ицкович. Языковая норма. М., 1968, стр. 6. — Ср. указания О. Бехагеля на «гипертрофированные формы» произношения, т. е. на подчеркнута правильное произношение звуков и употребление некоторых из них там, где они не произносятся. (О. Beha-gel. Die deutsche Sprache, 12. Auf. Halle (Saale), 1955, стр. 51, 52).

жен, допустим, сказать, что он увлекается спортом, а точнее хоккеем, и что делает это профессионально, знает многих признанных мастеров, играет с ними, вхож в их круг и т. д. Эти мысли можно передать по-иному, символическим путем, например, : «Утром с Сашей Мальцевым немного шайбу побросали»¹⁸⁹.

Подобные акты вербального социального символизма мы называем символически-информативной беседой. Можно указать на две сходные группы тем таких бесед, из которых мы приводим фрагменты с социально-символической «нагрузкой».

1. Демонстрация собеседником своих успехов, талантов, высоких умственных или физических способностей

«Каждый раз, когда я бывал в кругосветном и переходил экватор, меня купали, но я не умею плавать и каждый раз тонул. Я был на таких островах, где пляж два метра и сразу стеной джунгли» (научный работник 40—45 лет, за обедом в гостях, НН). «Эта традиция родилась еще в те времена, когда у меня был свой ансамбль», «Таким звучанием моя гитара обязана старому мастеру, который ее создал» (молодой самодеятельный певец на публичном выступлении, НН). «Меня всегда таксисты принимают за москвичку», «Мне присылает переводы мой старший лаборант, он собирает иконы, у него отличные иконы, он у нас самый большой, отличный иконист. Он брал мне билет на поезд в Москву». «Моя младшая дочь произносит чисто французское р» (преподавательница ВУЗа, 40 лет, в беседе, где участвовали незнакомые ей люди, НН).

«Я охотился с Н. (известный профессор-географ.— Е. Т., Л. Ш.) и убил дуплетом двух лосей. Я судья по горнолыжному спорту, хорошо катаюсь на горных лыжах. На охоте могу долго ходить на лыжах» (научный работник, около 40 лет, в разговоре с незнакомым человеком, НН).

«Когда я был членом жюри всесоюзного конкурса на лучшую пьесу, со мной приключился забавный случай...» (Журналист, занимающий ответственный пост, около 50 лет, разговор в купе поезда, НН).

«Я имею громадный опыт общения на разных уровнях, но стесняюсь говорить по телефону» (известный ученый, 40 лет, на лекции, НН).

¹⁸⁹ Саша Мальцев (Александр Мальцев) — игрок сборной хоккейной команды СССР. Здесь и далее — наши наблюдения (НН).

2. Упоминание о знакомстве с престижными личностями

«Я тоже люблю играть в шахматы, я ужасная болельщица, Карпов — мой знакомый» (научный сотрудник, 50 лет, в разговоре с сотрудниками другого сектора, НН). «В 1966 году я встретил на конгрессе в Бухаресте одного крупного психолога» (научный работник, 40 лет, на лекции, НН). «Я слушал эту песню много раз у Окуджавы дома. Я говорю Окуджаве, что музыка у него неинтересная — он со мной соглашается. Я был знаком с человеком, который сочинил песню «Бублички» (композитор, 50 лет, перед молодежной аудиторией, НН). «Меня как-то представили Дюку (Эллингтону). Он сказал: Валя, я цыган, в моих жилах течет тоже цыганская кровь» (эстрадная певица, около 30 лет, на публичном выступлении, НН).

Общей чертой всех этих фрагментов является, казалось бы, неадекватность содержания и формы высказывания внешним условиям социального взаимодействия коммуникантов, но эти высказывания мотивированы необходимостью установления, желательных, с точки зрения адресанта социально-символического высказывания, социальных отношений.

III

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЯМ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕЧЕВОГО И НЕРЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ МИРА

Данный раздел является по сути дела развернутым ответом на вопросы нашей анкеты (см. приложение).

На современном уровне изучения вербального и невербального общения носителей различных языков невозможно с одинаковой полнотой ответить на все вопросы анкеты. Этим и обусловлена определенная фрагментарность в изложении материала. Авторы монографии полагают, что публикации такого типа будут весьма полезными для будущих работ в области этнопсихолингвистики и для разработки программ детального описания вербального и невербального общения носителей тех или иных языков.

Совершенно не случайно, что полнее всего оказался представленным речевой этикет, — наиболее контролируемые правила социального взаимодействия коммуникантов, — ибо эти правила в определенной мере могут быть выявлены как на инструментальном уровне, так и на уровне интроспекции.

Другие составляющие процесса общения, в особенности кинесика и проксемика, оказались представленными в меньшей мере, ибо исследования кинесического и проксемического плана находятся еще пока на стадии предварительных разработок.

Таким образом, данные материалы к описанию вербального и невербального общения следует рассматривать лишь как предварительные результаты ведущихся исследований.

ОБРАЩЕНИЯ, ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЕНГРОВ

Ниже будет описан некоторый этикетный сегмент современных венгров, живущих на территории ВНР, а именно приветствия, обращения и прощания. Такое ограничение вызвано не только обилием материала и отсутствием широких систематических предварительных описаний речевого этикета современных венгров, но и тем, что обращения, приветствия и прощания фиксируют наиболее устойчивые и кодифицированные точки коммуникативного акта — начало и конец разговора.

Обращения, приветствия и отчасти прощания относятся к тем элементам речевого этикета, которые в первую очередь предназначены для маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта. Поэтому описываемые нами элементы речевого этикета употребляются в условиях довольно жестких социальных ограничений. Общество заинтересовано в том, чтобы обращения, приветствия и прощания были однозначно маркированы: факт употребления того или иного обращения должен непременно свидетельствовать об определенной ситуации, определенном социальном отношении.

Наши предварительные наблюдения показали, что на выбор обращений, приветствий и прощаний у современных венгров влияет ряд определенных факторов.

На первом месте следует назвать такой фактор, как социальный статус коммуникантов, точнее, уровень престижа, обусловленный социальным статусом того или иного коммуниканта. Решающее значение для выбора того или иного обращения имеет соотношение статусов, сам факт их равенства или неравенства.

Следующий фактор, влияющий на выбор обращений, приветствий и прощаний современных венгров, — абсолютное и относительное соотношение возрастов коммуникантов.

Абсолютная разница возрастов имеет место тогда, когда общаются представители разных поколений (например, когда двадцатилетний обращается к сорокалетнему или пятидесятилетнему). Влияние относительной разницы возрастов выявляется при выборе обращений внутри разных поколений, противопоставленных друг другу (например, различие в выборе обращений двадцатилетних друг к дру-

гу, с одной стороны, и пятидесятилетних, с другой) и особенно существенно при описании молодежных обращений.

Следует заметить, что в Венгрии социальный статус (социальный престиж), вероятно, не связан с возрастом так жестко, как например, в русской культуре.

На выбор этикетных формул оказывает влияние пол адресата и адресанта. В общении современных венгров существует четкая дифференциация мужских и женских обращений.

Степень близости коммуникантов также определяет выбор обращений. Степень близости описывается понятиями «свой — чужой», «знакомый — незнакомый». Тональность общения (степень соблюдения этикетных норм) также принималась во внимание при описании обращений, приветствий и прощаний.

Для европейского культурного ареала нами была принята с некоторыми поправками следующая шкала тональностей общения, предложенная Э. Г. Ризель, Л. Н. Дзекиревской и Е. Ф. Тарасовым¹.

Высокая тональность общения в сфере сугубо формальных общественных структур (торжественные собрания и т. п.).

Нейтральная тональность общения коммуникативных актов в официальных учреждениях современной Венгрии между работником этого учреждения и посетителем.

Примером нейтрально-обиходной тональности может служить тональность общения в магазине, трамвае, троллейбусе между клиентами и обслуживающим персоналом.

Фамиллярная тональность общения в большинстве современных венгерских семей.

Вульгарная тональность общения коммуникативных актов, протекающих обычно без строго социального контроля и «допускающих» употребление вульгаризмов.

Все обращения, приветствия и прощания сгруппированы по тональностям общения.

¹ *E. Riesel. Stilistik der deutschen Sprache. M., 1963; E. Ф. Тарасов. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации. «Основы теории речевой деятельности». М., 1974, стр. 273.*

Описание социальных факторов, влияющих на выбор обращений, приветствий и прощаний, дано по описанной выше схеме: социальный статус, возраст, пол, степень близости, тональность общения.

Венгерки при вступлении в брак получают фамилию и имя своего мужа + суффикс *-né* 'не'. Например, если фамилия мужчины Ковач, имя Имре, то его жену будут называть Ковач Имрене (иногда в обращении используется более обиходная форма: *Kovácsné* 'Ковачне'); элемент *-né* восходит к *neje* 'жена'. В 1974 г. в Венгрии был принят закон о том, что, вступая в брак, женщины имеют право сохранить за собой девичью фамилию (*Kis Erzsébet* 'Киш Эржебет'), но могут и взять фамилию мужа (*Kovács Erzsébet* 'Ковач Эржебет'). Существует и третья возможность, а именно взять фамилию и имя мужа, ср. *Kovács Imréné* 'Ковач Имрене'.

К жене, взявшей фамилию и имя мужа ('Ковач Имрене'), очень редко обращаются (женщины почти никогда!), используя фамилию и имя мужа. В официальных учреждениях, где обязательна форма обращения 'товарищ', к этой женщине обращаются, называя ее 'товарищ Ковач', *Kovács elvtársnő* или (что наблюдается реже): 'Товарищ Ковачне' *Kovácsné elvtársnő*. В очень редких случаях (напр., торжественный акт вручения медали) используется следующее обращение: *Kovács Imréné elvtársnő* 'Товарищ Ковач Имрене'.

Полностью исключается обращение типа «имя + товарищ» ('товарищ Эржебет'). При обращении с незнакомыми людьми стараются использовать «безличностные» формы обращения: 'Скажите, пожалуйста, где находится площадь?'. *Mondja kérem, hol van a... tér?*

В подавляющем большинстве ситуаций общающиеся используют при обращении местоимение 'ты'. Использование местоимения 'ты' зависит (и/или) от возраста (и/или) от степени знакомства. Но это правило теряет свою силу в ситуациях фамильярного или вульгарного характера; в этих случаях употребление местоимения 'ты' не зависит от степени знакомства или возраста.

Хорошо знакомые люди в большинстве случаев обращаются друг к другу на 'ты', в этих случаях не используются такие формы обращения, как 'товарищ', 'господин' и т. д. Женщины чаще, чем мужчины, называют друг друга на 'ты' (даже в ситуации делового общения).

Знакомясь, женщина должна предложить мужчине форму обращения на 'ты', если мужчина не намного старше ее. При очень большой разнице в возрасте, если например, мужчине 70 лет, он может обратиться к женщине на 'ты', а женщина (30 лет) к мужчине на 'вы'.

В компании мужчин одного возраста зовут друг друга на 'ты', если же они разного возраста, то инициатива обращения на 'ты' принадлежит старшему.

В компании женщины всегда называют друг друга на 'ты', но если между ними существует большая разница в возрасте, то инициатива обращения на 'ты' принадлежит старшей по возрасту. Обращение на 'ты' широко распространено между родственниками. Тесть и зять чаще называют друг друга на 'ты', чем свекровь и сноха.

Молодые люди (до 25—30 лет), как правило, называют друг друга на 'ты', но существуют и исключения, — например, если один из молодых людей — студент, а другой — преподаватель, то они называют друг друга на 'вы'.

Высокая тональность

1) *elvtársak* 'товарищи'. Вокатив *elvtársak* в ситуации общения высокой тональности может употребляться независимо от соотношения социальных статусов общающихся (как правило, предполагается равенство этих статусов), независимо от возраста, пола и степени знакомства общающихся. Широкое распространение вокатив *elvtársak* получил в 50-х годах. До этого времени данный вокатив использовался в качестве партийного обращения. Множественное число вокатива *elvtárs*, а именно *elvtársak* социально маркировано. Оно употребляется в основном в ситуациях высокой тональности при обращении одного лица ко многим, в то время как единственное число вокатива употребляется в социальных ситуациях нейтральной тональности при обращении лицом к лицу (см. ниже). Социальное ограничение на выбор обращений *elvtársak* и *elvtárs* коррелировано с проксемическими ограничениями. *Elvtársak* фигурирует в том случае, когда между адресатом и аудиторией существует довольно значительное расстояние; *elvtárs* употребляется при непосредственном общении в ситуации лицом к лицу: *Elvtársak, az ülest megnyitom!* 'Товарищи, заседание объявляю открытым!'.

3) «Фамилия + *elvtárs*». Те же самые ограничения, влияющие на выбор *elvtársak*, существуют и при выборе обращения «фамилия + *elvtárs*». *Kovács elvtárs, kérem, ismertesse az adatokat!* 'Товарищ Ковач, я прошу вас сообщить данные!' Существует женский вариант этого обращения: *Kovács elvtársnő, most öné a szó!* 'Товарищ Ковач (женщина), вам предоставляется слово! (вы имеете слово)'.

Самым существенным ограничением на выбор обращения «фамилия + *elvtárs*» является тот факт, что оно фигурирует в основном как официальное обращение в ситуациях высокой, нейтральной и отчасти обиходной тональности.

Существует также факультативный вариант этого обращения: «фамилия + имя + *elvtárs*» с подчеркнута высокой стилистической окраской. Это обращение употребляется на торжественных актах вручения наград: *Kovács János elvtárs, vegye át a jutalmat!* 'Товарищ Ковач Янош, примите награду!'

4) Обращение «должность + *elvtárs*» и «должность + *elvtársnő*» может быть употреблено при обращении и к мужчине, и к женщине: *Igazgató elvtárs, kérem, nyissa meg az ülést!* 'Товарищ директор, прошу вас открыть заседание!'; *Igazgató elvtársnő, kérjük válaszoljon a kérdésre* 'Товарищ директор (женщина), ответьте, пожалуйста, на вопрос'. Ограничение на выбор то же самое, что и в 1.

2—5) Обращение *elvtársak és elvtársnők* (*elvtársak* — мн. число муж. рода от *elvtárs*; *elvtársnők* — мн. число жен. рода от *elvtársnő*). Ограничение на выбор то же самое, как в 1 *kedves elvtársak és elvtársnők* 'Дорогие товарищи и товарищи' (жен. род).

13) Обращение *uraim* 'господа' употребляется в ситуации высокой тональности. Это обращение предполагает учет статуса, но не возраста общающихся. Употребляется только в обращении к мужчинам. Эта форма обращения распространена в некоторых профессиональных кругах, например, среди врачей: *Uraim, csendet kérünk!* 'Господа, соблюдайте тишину!'

16) «Должность + *asszony*» — форма обращения к женщине. Употребляется редко, предполагает достаточно высокую должность адресата (министр, прокурор, иногда врач); это обращение предполагает учет статуса, но не возраста и пола адресата. *Miniszterasszony, ön nem akar hozzászólni?* 'Госпожа министр, вы не хотите выступить?'

Обращения в ситуации судебного разбирательства.	
<i>biró úr</i>	‘господин судья’
<i>birónő</i>	‘госпожа судья’
<i>elnök úr</i>	‘господин председатель’
<i>elnökő</i>	‘госпожа председательница’
<i>ügyész úr</i>	‘господин прокурор’
<i>ügyész asszony</i>	‘госпожа прокурор’
<i>ügyvéd úr</i>	‘господин адвокат’
<i>ügyvédő</i>	‘госпожа адвокат’
<i>szakértő úr</i>	‘господин эксперт’
<i>tanu</i>	‘свидетель, свидетельница’
<i>vádlott</i>	‘обвиняемый, обвиняемая’
<i>esküdtbíróság</i>	‘суд присяжных’

Нейтральная тональность

1) *Eltárs* ‘товарищ’. Употребляется при общении лицом к лицу. И мужчины, и женщины могут использовать этот вокатив при обращении к незнакомому человеку. Например, милиционер обращается к шоферу: *Eltárs, nem látta, hogy a lámpa piros volt?* ‘Товарищ, (разве) вы не видели, что ехали на красный свет?’ К незнакомой женщине обращение *eltársnő* употребляется очень редко. *Eltársnő, önnek is be kell tartani a szabályt!* ‘Товарищ (жен.), вам тоже надо соблюдать правило!’

3) «Фамилия + *eltárs*». Обращение к мужчине в официальных учреждениях: *Kovács elvtárs, a főnök kéretl!* ‘Товарищ Ковач, Вас вызывает начальник (заведующий)!’ Так обращаются женщины или мужчины к мужчине независимо от его возраста и статуса, однако обращение зависит от степени знакомства, от того, называют ли собеседники друг друга на ‘ты’ или на ‘вы’. С одной стороны, вокатив *eltárs* используется в ситуациях делового общения, например в Министерстве внутренних дел, в Министерстве обороны, в некоторых учреждениях венгерских государственных железных дорог, в партийных организациях.

С другой стороны, эта же форма обращения употребляется в неофициальной обстановке, если, например, супруги пригласили в гости директора учреждения, где работает муж. Обращение мужа к гостю: *Török elvtárs* ‘товарищ Тёрёк’. Обращение жены к гостю: *Török elvtárs,*

kér kávét? 'Товарищ Тёрёк, вы хотите кофе?' (В аналогичных случаях стремятся также избегать любых форм обращения).

4) Должность + *elvtárs*. Выбор этой кодифицированной формы обращения к мужчине обусловлен ролевыми отношениями подчиненного (адресанта) и начальника (адресата). Секретарь к директору: *Igazgató elvtárs, aláírta a leveleket?* 'Товарищ директор, вы подписали письма?' Подчиненный к своему начальнику: *Főnök elvtárs, kérek egy nap szabadságot!* 'Товарищ начальник, прошу однодневный отпуск!' Эта форма обращения используется, когда подчиненные называют начальника на 'ты', хотя между ними и существует разница в статусе. Например: *Igazgató elvtárs, mi a véleményed a tervről?* 'Товарищ директор, каково твое мнение о плане?'

6) «Фамилия + 'товарищ' — *vezetéknev* + *elvtársnő* должность + 'товарищ' — *beosztás* + *elvtársr.ő*». Обращения к женщине в строго официальных ситуациях (в государственных учреждениях). В качестве адресанта могут фигурировать и мужчины, и женщины; обращение *beosztás* + *elvtársnő* употребляется в том случае, если адресат имеет более высокий статус, чем адресант. Употребление этих форм предполагает, что коммуниканты называют друг друга на 'вы', но возможно и употребление этих обращений в тех случаях, когда коммуниканты называют друг друга на 'ты' (см. в 2).

9) «Должность + *господин* — *beosztás* + *úr*»; *Főnök úr* 'господин директор'. В этих формах название должности зачастую заменяется указанием на престижную социальную роль адресата: *Professzor úr* 'господин профессор', *doktor úr* 'господин доктор' (доктор в значении 'врач'); *művész úr* 'господин артист'; *rendező úr* 'господин режиссер'; *tanár úr* 'господин преподаватель'. (Сочетание с названиями этих престижных социальных ролей 'товарищ' употребляется чрезвычайно редко). Употребление этих обращений предполагает, что коммуниканты называют друг друга на 'ты' ('ты'-отношения). В обращении к преподавателям и профессорам (даже если коммуниканты называют друг друга на 'вы' ('вы'-отношения), как правило, используется независимо от возраста и пола общающихся обращение типа: *Tanár úr, mikor lehet erről részletesebben beszélni?* 'Господин преподаватель, когда можно об этом подробнее говорить?'

10) «Фамилия + *úr*» — *Kovács úr* ‘господин Ковач’; *Nagy úr* ‘господин Надь’, *Szekeres úr* ‘господин Секереш’. Этот вокатив употребляется только при обращении к мужчине независимо от пола и возраста адресанта. Употребляется относительно редко. По-видимому, ранее имевшиеся социальные различия в употреблении обращений типа *фамилия + úr* и *фамилия + elvtárs* постепенно стираются.

11) Обращение *uram* ‘мой господин’ употребляется только при обращении к незнакомому мужчине, чье внешнее поведение характеризуется определенной респектабельностью. Как правило, таковыми являются мужчины выше среднего возраста. Данная форма может служить средством демонстрации уважения со стороны адресанта: *Uram, legyen szíves megmondani, hányadik emeleten van a titkárság!* ‘Мой господин, скажите, пожалуйста, на каком этаже находится секретариат!’

Это обращение употребляется также официантами в отношении клиентов.

14) *Főnök* ‘шеф’, ‘начальник’. Обращение к мужчине в официальной обстановке. Употребляется при ‘вы’ — отношениях, не зависит от пола и возраста общающихся. Форма непринужденная и менее почтительная, чем такие формы: ‘шеф + товарищ’ или ‘шеф + господин.’

15) *Asszonyom* ‘госпожа’. Официальное обращение мужчины (вообще мужчин) к женщине, если ее возраст превышает 30 лет: *Asszonyom, ezzel a problémával önnek ügyvédhez kell fordulnia!* ‘Госпожа, по этому вопросу вам следует поговорить с адвокатом’.

16) «Должность + *asszony*». Обращение мужчины или женщины к женщине при ‘вы’-отношениях; предполагает более высокий социальный статус адресата: *Főnökaszszony, mi a feladatod ma?* ‘Госпожа начальник, в чем моя задача на сегодняшний день?’

17) Название престижной социальной роли + *nő* (женщина): *doktornő* ‘доктор’ (в значении ‘врач’), *művésznő* ‘актриса’, *tanárnő* ‘преподавательница’. Но при обращении к женщине-профессору используют форму *professzoraszszony*. По-видимому, такое обращение к женщине-профессору обусловлено тем, что *asszony* в этом случае является сигналом более высокого социального престижа.

Выбор обращения не зависит от соотношения абсолютного и относительного возрастов коммуникантов, а также от пола адресанта.

20) *Kartárs* — обращение, не имеющее точного русского эквивалента. Форма обращения к мужчине независимо от возраста адресанта и адресата и независимо от пола адресанта при сугубо деловых отношениях (например, между работниками коммунального учреждения и посетителями этого же учреждения или между работниками этого учреждения, если они еще недостаточно знают друг друга): *Kartárs, dolgozik még a számológépen?* 'Коллега, вы еще работаете на вычислительной машине?'

21) «Фамилия + *kartárs*». Обращение к мужчине. Используется, например, сотрудниками одного учреждения, если они знакомы друг с другом только официально. Употребляется независимо от возраста коммуникантов и от пола адресанта при 'вы'-отношениях: *Csap kartárs, megkapta a kimutatást?* 'Коллега Чап, вы уже получили сводку?'

Женский вариант обращения «фамилия + *kartársnő*»: *Béres kartársnő, legyen szives átadni a számlákat!* 'Коллега Береш, передайте, пожалуйста, счета-фактуры!'

31) *Beosztás + néni* 'позиция + тетя': *óvonéni* 'тетя воспитательница', *tanító néni* 'тетя учительница', *dadus néni* 'тетя нянечка'. Так обращаются в основном к женщинам, работающим в детских учреждениях независимо от абсолютного и относительного возраста коммуникантов и от пола адресанта: *Óvonéni, a fiamat holnap később hozom be* 'Тетя воспитательница, я завтра позже приведу моего сына'.

29) «Фамилия + *néni* 'тетя'». Обращение к женщине независимо от пола адресанта. Употребляется в том случае, если адресату более 40—45 лет, но независимо от возраста адресанта. Обычно используется при обращении к женскому обслуживающему персоналу (к уборщицам, лифтерам-женщинам, курьерам и т. д.): *Varga néni, kérem hozza be a leveleket!* 'Тетя Варга, прошу Вас, принесите почту!' Предполагается наличие «вы-отношений», как и в случае 31, 30.

30) «Имя + *néni* 'тетя'». Правила выбора обращения те же самые, как и в 29, но предполагают более высокую степень знакомства и близости: *Éva néni, hogy kell ezt csinálni?* 'Тетя Ева, как надо это делать?'

34) «Фамилия + *bácsi* 'дядя'». Мужской вариант обращения см. в 29: *Kovács bácsi, ma fűtsön jobban!* 'Дядя Ковач, сегодня топите лучше!'

35) «Имя + *bácsi*». Мужской вариант обращения 30 (см. также 29). *Lajos bácsi, hogy kell ezt csinálni?* 'Дядя Лайош, как надо это делать?'

36) «Позиция (должность) + *bácsi*». Обращение к мужчине независимо от пола и возраста адресантов в том случае, если неизвестно ни его имя, ни его фамилия: *Portá bácsi, jegyezze fel a későnjövőkét!* 'Дядя вахтер, отмечайте фамилии опоздавших'.

37) *Szaktárs* — обращение, не имеющее точного русского эквивалента; употребляется как профессиональное между рабочими в промышленности: *Szaktárs, hány éve dolgozik a vállalatnál?* 'Коллега, сколько лет вы уже работаете на этом предприятии?'

38) *Szakiám* — вариант *szaktárs*, предполагает определенную степень близости между коммуникантами: *Szakiám, mikor lesz kész a gép?* 'Мой коллега, когда будет готова машина?'

39) *Szaki bácsi* — вариант *szaktárs*, употребляется при 'вы'-отношениях, когда коммуникантам неизвестно ни имя, ни фамилия адресата и предполагается, что адресат старше по возрасту: *Szaki bácsi, mutassa meg nekem a gépet!* 'Дядя коллега, покажите мне машину!'

42) *Keresztnév* — имя. Употребляется независимо от пола, от 'ты'-отношений и 'вы'-отношений, не зависит от абсолютного и относительного возраста коммуникантов. Может также не зависеть от разницы социальных статусов (напр., некто, имеющий высокий социальный статус, может проявить инициативу в переходе на это обращение в кругу своих сослуживцев, имеющих менее высокий статус).

Как правило, пожилые женщины предпочитают, чтобы к ним в служебной обстановке обращались только по имени, так как другое альтернативное обращение «имя + *néni*» (см. 30) подчеркивает возраст адресата.

При обращении к мужчине с более высоким социальным статусом, чем социальный статус адресанта (мужчины или женщины), имя в качестве обращения обычно не фигурирует при 'вы'-отношениях. Но если обращаются к женщине, то используют имя, хотя называть женщину по имени менее предпочтительно, если она обладает более высоким статусом, чем адресант (например, женщина-уборщица не называет по имени женщину-директора). В общении женщин в служебной обстановке (при неболь-

ших статусных различиях) обычно наблюдаются 'ты'-отношения, что и предопределяет обращение по имени. По нашим наблюдениям, на общение русских женщин в служебной обстановке накладываются более строгие ограничения.

43) Уменьшительные и ласкательные формы венгерских личных имен образуются при помощи деминутивных суффиксов: *-i*, *-kám*, (*-kém*), *-ka*, (*-ke*). Например: *Lajoska*, *Lajoskám* (полное имя *Lajos*), или *Évike*, *Évikém* (полное имя *Éva*). Другая форма ласкательных личных имен — это гипокаристическая форма имени, например: *Lali*, *Lal*, *Lajó*, *Évi*. Ограничения на выбор деминутивных форм имени в качестве обращения примерно такие же, как и в русском языке. Деминутивные формы вообще не употребляются: 1) если социальный статус адресанта ниже, чем адресата; 2) если возраст адресата намного выше, чем адресанта.

Необходимо отметить возможность несимметричности выбора в качестве обращения гипокаристических форм имени и имени с деминутивными суффиксами: при значительной разнице возрастов или неравенстве статусов старший может чаще использовать эту форму обращения, а младший — значительно реже.

Гипокаристические формы имени употребляются так же, как полное имя. *Ferenc* | *Feri*, а *főnök hívhatja!* 'Ференц (Фери), вас просит к себе шеф!'

Существует социальное различие при употреблении обращений с суффиксами *-kám*, (*-kém*), *Évikém*, *Klárrikám*, *-m Évám*, с одной стороны, и суффиксом *-i*, *Évi* — с другой. Употребление имени с деминутивными суффиксами *-kám*, (*kém*), *-m* в качестве обращения к женщине является средством демонстрации дружеских фамильярных отношений с адресатом. Имя с деминутивными суффиксами в качестве обращения к мужчине употребляется только женщинами, а к женщине — и мужчинами, и женщинами. Однако в ситуации общения фамильярной тональности возможно использование такого обращения мужчины к мужчине (встречается сравнительно редко). Если мужчина называет женщину по имени, в котором есть суффиксы *-kám*, *-kém*, *-m*, то это является знаком близких, дружеских (существующих или желательных для адресанта) отношений.

Тональность обиходная

В ситуации общения обиходной тональности наблюдаются ситуации преимущественно 'вы' и реже 'ты' — отношения.

9) «должность + *úr* 'господин'» — см. 9 стр. 199. *Művészúr, nagyon tetszik a kiállítás!* 'Господин художник, мне очень нравится ваша выставка!'

10) «Фамилия + *úr*» — (см. 10 на стр. 200). *Jakab úr, nem tudja mikor kezdődik a lakógyűlés* 'Господин Якаб, вы не знаете, когда начинается общее собрание жильцов?'

11) Обращение *uram* 'мой господин' — (см. 11 на стр. 200) *Uram, legyen szives tüzet adni!* 'Мой господин, дайте мне, пожалуйста, прикурить!'

15) Обращение *asszonyom* (см. 15 на стр. 200) *Asszonyom, elejtette a zsebkendőjét!* 'Госпожа, вы уронили платок!'

17) «Должность + *nő*» (см. 17 на стр. 200). *Kalauznő, merre van az étkezőkocsi?* 'Проводник (женщина), где вагон-ресторан?'

18) *Hölgyem* 'госпожа'. Обращение к незнакомой женщине. Употребляется мужчинами при обращении к женщине, одежда которой отвечает высоким требованиям и возраст которой не превышает 40 лет. Это обращение может быть расценено: а) как сигнал интереса, б) как нейтральный сигнал. Например, в танцевальном зале: *Hölgyem, felkérhetem egy táncra?* 'Госпожа, можно вас пригласить на танец?' Или на улице: *Hölgyem, kinyílt a táskája!* 'Госпожа, ваша сумка открылась!'

19) *Kisasszony* 'маленькая женщина', по смыслу примерно соответствует русскому обращению 'девушка'. Употребляется только мужчинами при обращении к незнакомой или малознакомой женщине (в возрасте вообще до 30 лет) в ситуации, описанной в п. 18. Эта же форма используется и при обращении к женщине до 40 лет, если адресат знает, что она не замужем. Это обращение в редких случаях может быть употреблено и женщиной. Например, в магазине: *Kisasszony, azt a zöld kalapot legyen szives megmutatni!* 'Девушка, покажите, пожалуйста, ту зеленую шляпу!'

24) *Fiatalember* 'молодой человек'. Обращение к незнакомому мужчине старше 18—20 лет независимо от пола и абсолютного возраста адресата. Эта форма обращения

может быть обусловлена относительной разницей в возрасте: 70-летняя женщина может использовать эту форму, обращаясь к 40-летнему мужчине. Реплика в трамвае: *Fiatalember, nem tud vigyázni?* 'Молодой человек, нельзя ли поосторожнее?!'

25) *Fiatalasszony* — женский вариант см. 24. Продавец к женщине: *Fiatalasszony, miben segíthetek?* 'Гражданочка, чем я могу помочь?'

26) *Nővérke* 'медсестра'. Употребляется только в больнице или поликлинике независимо от пола и возраста адресата. *Nővérke, kérek egy pohár vizet!* 'Сестрица, дайте мне стакан воды!'

27) *Néni* 'тетя'. Обращение к пожилой незнакомой женщине, возраст которой превышает 50—60 лет, причем возраст адресата (мужчины или женщины) не превышает 20—30 лет. Например, обращение молодого продавца к пожилой женщине: *Néni, mit keres?* 'Тетя, что вы ищите?'

28) *Nénike* 'тетенька'. Ограничения на выбор те же самые, как и в 27). Обычно употребляется при обращении к женщине, которая и внешне выглядит пожилой. Например, в автобусе: *Nénike, tessék leülni!* 'Тетенька, садитесь, пожалуйста!'

29) «Фамилия + *néni*». Используется при обращении к малознакомой женщине, возраст которой больше возраста адресанта. Обращение не зависит от пола адресанта. Разница в возрасте может быть неопределенной. Например, 25-летняя женщина может таким образом обратиться к 45-летней женщине, если знает ее с детства. *Varga néni, nem látta apámat?* 'Тетя Варга, вы не видели моего отца?'

30) «Имя + *néni*». Правила выбора те же самые, как в 29, хотя при употреблении «имя + *néni*» предполагается более высокая степень знакомства, чем в 29. Имя может употребляться в гипокаристической и деминутивной форме. *Ica néni, mit hoz ma ebédre?* 'Тетя Ица, что вы готовите сегодня на обед?'

32) *Bácsi* 'дядя'. Мужской вариант обращения в 27. Правила выбора те же самые. Обращение контролера к пассажиру: *Bácsi a maga jegye érvénytelen!* 'Дядя, ваш билет недействителен!'

33) *Bácsika* 'дяденька'. Мужской вариант обращения в 28. На улице, перед автоматом: *Bácsika, a pénzt ide kell bedobni!* 'Дяденька, монеты сюда надо опускать!'

34) «Фамилия + *bácsi*». Мужской вариант обращения в 29.

35) «Имя + *bácsi*». Мужской вариант обращения в 30. *Pista bácsi, Lali itthon van?* 'Дядя Пишта, Лали дома?'

40) *Emberek* 'люди'. Обращение кого-либо к группе людей. Выбор не зависит от пола и возраста коммуникантов. Так обращаются, например, продавцы в магазине к нетерпеливым покупателям: *Emberek, ne türelmetlenkedjenek!* 'Люди, не волнуйтесь!'

42) *Keresztnev* — (имя) — в качестве обращения используется независимо от пола, 'ты'- и 'вы'-отношений. Выбор этого обращения зависит от степени знакомства и абсолютной разницы в возрасте. По имени можно называть только знакомых. При большой возрастной разнице (30—40 лет) возможны несимметричные обращения, старшие называют младших по имени, а младшие обращаются к старшим при помощи одного из альтернативных вариантов: «имя + *néni*», «имя + *bácsi*», «фамилия + *néni*», и т. п. Эта несимметричность выбора обращения аналогична несимметричности обращений русских при большой возрастной разнице коммуникантов или при неравенстве статусов, когда старший называет младшего по имени, а младший обращается к старшему, называя его имя и отчество, используя название его должности: 'Ну, как дела, Боря? — Спасибо, хорошо, Василий Иванович'; 'Спасибо, хорошо, товарищ директор'.

43) Уменьшительные и ласкательные формы венгерских личных имен в ситуации обиходной тональности употребляются так же, как в пункте 43 на стр. 203.

51) *Lakótárs* 'сосед' (только по дому); *szomszéd* 'сосед по дому или кто-то, живущий на этой же улице'. Так обращаются только к мужчине независимо от пола адресата при 'вы'-отношениях. При общении с соседями не исключаются и другие формы обращения (например, 24, 25, 29, 30 и т. п.). *Lakótárs, maguknál sem folyik a meleg víz?* 'Сосед, у вас тоже не идет горячая вода?' Женский вариант обращения: *lakótársnő, szomszédasszony* — малоупотребителен. Форма *szomszédasszony* чаще употребляется в деревне между односельчанами.

71) *Gyermekem* 'дитя мое'. Обращение к детям или молодым женщинам и мужчинам (до 35 лет). Возраст адресанта в этом случае должен превышать возраст адресата более чем на 20 лет. Напр., *Gyermekem, segits elolvasni*

ezt a címet! 'Дитя мое, помоги мне прочитать этот адрес!'

72) *Fiam* 'сын мой'. Обращение к мужчине, юноше или мальчику (не обязательно к родному сыну!). Ограничения на выбор см. 71). *Fiam, segitsen vinni ezt a kosarat!* 'Сын мой, помогите мне донести эту корзинку!' Женский вариант обращения: *lányom* 'дочь моя'.

75) *Kislányom* 'моя доченька (девочка)'. Обращение взрослых преимущественно к маленькой девочке (не обязательно к родной дочери!) независимо от пола адресанта. Возможно в качестве обращения к взрослой женщине при значительной разнице в возрасте коммуникантов (встречается редко).

78) *Kedvesem* 'милый мой', 'милая моя'; *drágám* 'дорогой мой', 'дорогая моя'; *édesem* 'сладость мой, моя'; *lelkem* 'душа моя'; *angyalkám* 'ангелочек мой', *aranyoskám* 'золотой мой', 'золотое мое'. Эти вокативы употребляются при обращении к младшим (взрослым и детям) для установления доброжелательных отношений, так как в ситуации общения с обиходной тональностью обычно за этими обращениями следует просьба о помощи. Например, пожилая женщина обращается в автобусе к молодому человеку: *Aranyoskám, (lelkem, angyalkám), segitsen leszállni!* 'Золотое мое (душа моя, ангелочек мой), помогите мне сойти!'

Фамильярная тональность

12) *Uram* 'мой господин'. Обращение жены к мужу в семье или в компании близких друзей. Это обращение имеет шуточный оттенок. *Uram, mit akarsz vacsorázni?* 'Мой господин (муж), что ты желаешь на ужин?'

30) «Имя + *néni*». Семейное обращение к родственнице младшими по возрасту независимо от пола адресанта и от 'вы' или 'ты'-отношений при значительной возрастной разнице. *Mária néni, senki nem keresett?* 'Тетя Мария, никто не искал меня?'

Мужской вариант обращения: «имя + *bácsi*». *Mihály bácsi, mit kérsz inni?* 'Дядя Михай, что ты хочешь пить?'

41) *Emberke* 'человечек'. Обращение взрослых к ребенку (в семье или вне семьи) при наличии тесных, дружеских отношений. *Emberke, te mit csinálsz?* 'Человечек, что ты делаешь?'

42) *Csak keresztnév* — только имя. Обращение по имени наиболее распространено в венгерских семьях даже при 'вы'-отношениях.

43) Уменьшительные и ласкательные формы венгерских личных имен. Употребляются так же, как 42. Имя с деми-нутивным суффиксом *-ka, -kám, -m*; в качестве обращения к мужчине употребляется или со стороны старшего по возрасту адресанта или со стороны женщин и очень редко со стороны мужчин: *Ferikém, elmész vásárolni?* 'Ферикем, пойдешь делать покупки?' Имя с деминутивным суффиксом чаще употребляется в обращении к женщинам, чем к мужчине.

40) *Emberek* 'люди'. Шутливое обращение в дружеской компании: *Emberek, mit gondoltok, menjünk moziba?* 'Люди, как вы думаете, пойдём ли мы в кино?'

44) *Barátom* 'мой друг'. Обращение мужчины (реже женщины) к мужчине. Предполагает дружеские отношения между коммуникантами независимо от 'ты' и 'вы'-отношений: *Hallgasson rám, barátom!* 'Слушайте меня, друг мой'.

46) *Bátyó* 'батюшка'. Шутливое обращение к старшему по возрасту (но не обязательно) мужчине в семье или в компании независимо от пола адресанта только при 'ты'-отношениях. Общающиеся могут принадлежать или к одному, или к разным поколениям: *Hogy vagy, bátyó?* 'Как поживаешь, батюшка?'

47) *Bátyám* 'мой старший брат'. Обращение только к старшему по возрасту мужчине. Если женщина так обращается к мужчине, то это предполагает обязательное наличие родственных отношений (возможно и в качестве шутки). Выбор обращения возможен при 'ты' и 'вы'-отношениях. *Bátyám* употребляется чаще, чем *bátyó*. *Mi a véleménye, bátyám?* 'Как Ваше мнение, брат мой?' (из беседы двух сорокалетних мужчин).

48) *Öcsém* 'мой младший брат.' Обращение только к младшему по возрасту мужчине. Ограничения на выбор обращения те же, что и в 47. *Öcsi* уменьшительная форма от *öcsém* — используется при обращении в семье или дружеской компании к младшему по возрасту мужчине при 'ты'-отношениях к адресату. Употребляется преимущественно при обращении к мальчикам: *Öcsi, vettél anyu-nak ajándékot?* 'Братец, ты купил подарок для мамы?'

50) *Öregem* 'мой старик'. Обращение к мужчине не-

зависимо от пола адресанта при 'ты'-отношениях. Молодежное, студенческое обращение. Возможно в качестве обращения к женщине, но встречается очень редко. *Öregem, láttad ezt a nőt* 'Старик мой, ты видел эту женщину?'

52) *Pajtás* 'дружище'. Обращение мужчины к женщине при 'ты'-отношениях независимо от абсолютного возраста: *Igyál, pajtás!* 'Пей, дружище!'

53) *Sorstárs* — товарищ по счастью или несчастью, человек, общей со мной судьбы. Предполагает наличие у коммуникантов какой-нибудь общей роли. Например, *sorstárs* фигурирует в качестве шутливого обращения женатого к молодожену при поздравлении с женитьбой, при шутливом обращении к товарищу по несчастью и т. п. Предполагает также наличие 'ты'-отношений и знакомства: 'Мы с тобой опять проиграли, товарищ по несчастью *sorstárs* не везет нам с тобой в карты!'

54) *Komám* 'мой кум'. Обращение мужчины к мужчине при 'ты' и 'вы'-отношениях. Используется в семье, друзьями (в шутку), хорошими знакомыми. Шутливое употребление *komám* предполагает наличие 'ты'-отношений. *Ne búsulj, komám!* 'Не горюй, мой кум!'

В современной Венгрии формы обращения 55, 56, 57, 58, 59 употребительны между родственниками в сельских семьях, но постепенно выходят из употребления.

55) Обращения к старшей сестре или тетке: *néném, néne, nénje, nénémasszony*;

56) Обращение к младшей сестре *hugom* (употребляется не только в деревнях).

57) Обращение к теще и свекрови *nara*.

58) Обращение к свояченице *ángyom, ángyi, ángyikám*.

59) Обращение к свойственнику *sógor, sógoruram*.

Вокативы, употребляемые в семье детьми при обращении к матери или мужем при обращении к жене:

63) 1. *édesanya*, — 'сладкая мать', 2. *édesanyám*, 3. *édesanyu*, 4. *édesanyuka*, 5. *édesanyukám*, 6. *édesanyuci*, 7. *édesanyucika*, 8. *édesanyucikám*, 9. *anyu*, 10. *anyám*, 11. *anyu*, 12. *anyukám*, 13. *anyuci*, 14. *anyucim*, 15. *anyucika*, 16. *anyucikám*, 17. *tama*, 18. *tami*, 19. *tamika*, 20. *tamikám*, 21. *tam*, 22. *édes*, 23. *ides*, 24. *anyus*, 25. *anyuska*, 26. *anyuskám*, 27. *anyi*, 28. *anyja*, 29. *anyjuk*, 30. *anyjukom*.

Самые распространенные формы детских обращений к матери: 1—5, 9—12, 17—18. Наиболее частотные формы

даны в порядке убывания частоты: 11, 9, 17, 1, 10, 2, 3, 12, 18, 4, 5.

Когда дети хотят добиться особого расположения матери, они употребляют обращения 6, 7, 8, 13, 14, 15, 16, 19, 20. При обращении к мачехе, свекрови или теще не употребительны формы: 1—8, 28/30.

Формы, принятые в сельской местности: 22, 23, 27/30. Они являются наиболее редкими наряду с формами: 21, 24—26. Дети вообще не употребляют форм 28, 29, 30.

В семье муж может употреблять все эти формы при обращении к жене, редко используются формы 4, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 19, 21, 22, 23. В деревнях употребительны формы 24—30.

Вокативы, употребляемые в семье детьми при обращении к отцу или женой при обращении к мужу: 64/1 *édesapa*, 2. *édesapám*, 3. *édesapu*, 4. *édesapuka*, 5. *édesapukám*, 6. *édesapuci*, 7. *édesapucika*, 8. *édesapucikám*, 9. *apa*, 10. *apám*, 11. *apu*, 12. *apukám*, 13. *apuci*, 14. *apucim*, 15. *apucika*, 16. *apucikám*, 17. *papa*, 18. *papi*, 19. *papika*, 20. *papikat*, 21. *pap*, 22. *atyá*, 23. *atyám*, 24. *apus*, 25. *apuska*, 26. *apuskat*, 27. *apí*, 28. *apja*, 29. *apjuk*, 30. *apjukom*. Самыми распространенными вокативами, употребляемыми детьми при обращении к отцу, являются 1, 2, 3, 4, 5, 9, 11, 12, 13, 17. Более редко употребляются вокативы 6, 7, 8, 10, 14—21. Вокативы 22, 23 употребляются детьми в семьях, сохраняющих строгие патриархальные отношения.

В детской речи вообще не употребительны вокативы 28—30. Вокативы 24—30 употребляются преимущественно в сельской местности, постепенно выходя из употребления в городе.

При обращении жены к мужу редко употребляются вокативы 4, 6, 7, 8, 10, 13—16, 18—21. Вокативы 22, 23 вовсе не употребляются в этом случае.

Вокатив 65 *keresztanya* употребляется при обращении к крестной матери. Существуют также варианты этого обращения с деминутивными и гипокаристическими суффиксами: 1. *keresztanya*, 2. *keresztanyám*, 3. *keresztanyu*, 4. *keresztanyukám*, 5. *keresztanyuka*, 6. *keresztanyus*, 7. *keresztanyuci*, 8. *keresztanyucikám*, 9. *keresztmama*, 10. *keresztmami*, 11. *keresztmamika*, 12. *kereszt*, 13. *köri*, 14. *körimama*, 15. *körimami*.

Эти вокативы современными венграми употребляются

значительно чаще, чем русскими. Формы 4—8, 11 употребляются преимущественно детьми.

Вокатив 66 *keresztapa* используется при обращении к крестному отцу. Варианты этого вокатива с деминутивными и гипокаристическими суффиксами: 1. *keresztapa*, 2. *keresztapám*, 3. *keresztapu*, 4. *keresztapukám*, 5. *keresztapuka*, 6. *keresztapus*, 7. *keresztapuci*, 8. *keresztapucikám*, 9. *keresztapapa*, 10. *keresztapapi*, 11. *keresztapapus*, 12. *kereszt*, 13. *köri*, 14. *köripapa*, 15. *köripapi*. Вокативы 4—8, 10, 11, 15 употребляются в основном детьми.

Вокатив 69 *nagyanya* используется при обращении внуков к бабушке, но может быть использован также взрослыми при обращении к близкой или дальней родственнице, имеющей внуков. Варианты этого вокатива: 1. *nagyanya*, 2. *nagyanyám*, 3. *nagymama*, 4. *nagymami*, 5. *nagymamikám*, 6. *nagymamika*, 7. *nagyanyus*, 8. *nagyanyuci*, 9. *nagyanyó*, 10. *nagyi*, 11. *nagyika*, 12. *szülíke*, 13. *öreganyám*, 14. *öreganyó*.

Вокатив 70 *nagyapa* употребляется при обращении внуков к дедушке, но иногда используется и при обращении взрослых к близкому или дальнему родственнику пожилого возраста. Варианты этого вокатива: 1. *nagyapa*, 2. *nagyapám*, 3. *nagyapapa*, 4. *nagyapapi*, 5. *papa*, 6. *papus*, 7. *nagyapapus*, 8. *nagyapuci*, 9. *nagyapó*, 10. *apó*, 11. *tata*, 12. *tatus*, 13. *öregapó*, 14. *öregapám*.

Вокативы 72 *fiat* 'мой сын', 73 *fiacskám* 'сыночек мой' являются полифункциональными. Они могут быть употреблены при обращении родителей к детям, взрослых (не родителей) к детям, жены к мужу, мужа к жене. *Fi-at, most már érted miről van szó?* 'Мой сын, ты уже понимаешь, о чем идет речь?'

Вокативы 74 *lányom* 'моя дочь', 75 *kislányom* 'моя маленькая дочь' используются при обращении к дочери, к девочке или к молодой женщине. Использование этих вокативов при обращении к молодой женщине предполагает существование непрямых родственных связей между коммуникантами. Адресант, естественно, должен принадлежать другому поколению.

76) *Nejem* 'моя жена' — используется в присутствии посторонних как шутливое обращение к жене.

77) *Férjem* — мужской вариант вокатива 76. Ограничения см. там же.

78) Следующие вокативы используются при общении

людей, находящихся в интимной связи: 1. *kedves* 'милый (милая)', 2. *kedvesem* 'милый мой (милая моя)'; 3. *drága* 'дорогой (дорогая)'; 4. *drágám* 'дорогой мой (дорогая моя)'; 5. *édes* 'сладкий (сладкая)'; 6. *édesem* 'сладкий мой (сладкая моя)'; 7. *szívem*, 'сердце мое'; 8. *szívi* — сокращенная форма 7-го вокатива; 9. *szívecském* 'сердечко мое'; 10. *tündérem* 'моя волшебница (фея)'; 11. *tündérkém* — ласкательная форма от 10-го вокатива; 12. *kicsi* — 'маленькая'; 13. *kicsim* 'маленькая моя'; 14. *szépségem* 'красавица моя'; 15. *kincsem* 'сокровище мое'; 16. *egyetlenem* 'моя единственная'; 17. *csöppségem* 'моя крошка'; 18. *lelkem* 'душенька моя'; 19. *pirinyóm* 'моя малютка'; 20. *angyalom* 'мой ангел'; 21. *angyalkám* — ласкательная форма от 20-го вокатива; 22. *aranyom* 'мое золотое'; 23. *aranyoskám* — уменьшительная форма от 22-го вокатива; 24. *csillag* 'звезда'; 25. *csillagom* 'моя звезда'; 26. *gyöngyöm* 'мой жемчуг'; 27. *életem* 'моя жизнь'; 28. *életkém* — ласкательная форма от 27-го вокатива; 29. *istenem* 'моя богиня'; 30. *madaram* 'моя птичка'; 31. *mókus* 'белка'; 32. *mókuskám* 'моя белка'; 33. *cica* 'кошечка'; 34. *cicuskám* 'моя кошечка'; 35. *csibe* 'цыпленок'; 36. *csibém* 'мой цыпленок'; 37. *bogárka* 'лапушка'; 38. *bogaram* 'моя разлапушка'; 39. *macskó* 'медвежонок'; 40. *kutya* 'собака'; 41. *kutyus* 'собачка', 42. *kutyuskám* — ласкательная форма от 41-го вокатива, 43. *kutyusom* 'моя собачка'; 44. *nyuszikám* 'мой зайчонок'; 45. *nyuszkó* — ласкательная форма от 44-го вокатива; 46. *nyuszi* 'зайчонок'; 47. *pacsirtám* 'мой жаворонок'; 48. *gyöngyvirágom* 'мой ландыш'; 49. *gyöngyvirág* 'ландыш'; 50. *ibolyám* 'моя фиалка'; 51. *rózsám* 'моя розочка'; 52. *virágom* 'мой цветочек'; 53. *liliomom* 'моя лилия'; 54. *violám* 'мой левкой'.

При обращении к мужчине в принципе не может быть употреблен вокатив 29, редко употребительны вокативы: 10, 11, 14, 17, 19, 23, 26, 28, 30, 35, 36, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, а также вокативы 12, 13, 18, 20, 21, 33, 34, 44, 45, 46, 47. Все эти вокативы, кроме 39-го, могут быть использованы при обращении мужчины к женщине. При обращении женщины к женщине не употребляются или употребляются очень редко вокативы: 1, 3, 5, 10—19, 24, 26, 27, 29, 30, 33, 35, 37, 39, 40—43, 45—54. Эти вокативы не используются при обращении мужчины к мужчине.

Вульгарная тональность

44) *Barátom* 'мой друг', обращение мужчины (реже женщины) к мужчине. употребляется независимо от 'ты' и 'вы'-отношений, абсолютной разницы в возрасте и степени знакомства коммуникантов.

46) *Bátyó* 'батюшка', 47) *bátyám* 'мой старший брат'. Обращение к мужчине независимо от пола адресанта, 'ты' и 'вы'-отношений, степени знакомства.

48) *Öcsém* 'мой младший брат', 49) *öcsi* — ласкательная форма от *öcsém*. Ограничения на выбор см. в 44. Использование данного обращения предполагает, что адресант по возрасту старше адресата.

50) *Öregem* 'мой старик', обращение не зависит от пола адресата и адресанта, степени знакомства, абсолютной и относительной возрастной разницы. Предполагает 'ты'-отношения. Может быть употреблено женщиной при обращении на улице к незнакомому мужчине: *Mondd, öregem, mennyit fizetsz?* 'Скажи, мой старик, сколько заплатишь?'

54) *Kiskomám* 'мой маленький кум'. Вокатив используется при 'ты'-отношениях независимо от степени знакомства при обращении старшего к младшему.

63) Некоторые вокативы из 63 см. на стр. 209. Могут быть употреблены мужчиной (реже женщиной) при обращении к женщине при знакомстве с определенной целью.

64) Некоторые вокативы из 64 см. на стр. 210. Могут быть употреблены женщиной (реже мужчиной) при обращении к мужчине.

72) *Fiam* — 'мой сын'; 73) *fiacskám* — ласкательная форма от *fiam*. Обращение к мужчине независимо от степени знакомства и пола адресанта; возраст адресанта в этом случае выше возраста адресата. Употребляется на улице, в кафе, вообще в ситуации относительно слабого социального контроля. Например: *Fiacskám, jobb lesz, ha elmész!* 'Мой сын, лучше будет, если ты уйдешь!'

Следующие вокативы, обращенные к незнакомым или малознакомым людям, приобретают вульгарный характер из-за несоответствия значения вокатива социальной ситуации общения. Например, обращение незнакомого мужчины к женщине на улице: *tündérkém* 'моя волшебница (фея)'. Аналогичный характер приобретают вокативы, адресованные:

— мужчиной незнакомой женщине (вокативы приводятся в порядке убывания частоты употребления): 78/14, 10, 11, 20, 21, 33, 35, 36, 25, 44, 48. Например: *Tündérkém, nem ülsz az asztalomhoz?* 'Моя волшебница (10), ты не сядешь за мой столик?'

— женщиной мужчине: 78/ 8, 44, 25, 22, 20, 14, 32, 38 (женщинами эти вокативы употребляются гораздо реже). Например: *Nyuszikám, fizetsz egy konyakot?* 'Зайчонок мой (44), ты угостишь меня коньяком?'

— женщиной женщине: 78/ 9, 20, 22, 34, 48, 25.

Приветствия и прощания

Предварительные наблюдения за формами речевого этикета современных венгров позволяют сделать вывод о том, что современные венгры обладают большим набором форм приветствий и прощаний по сравнению с современными русскими. По-видимому, этот факт объясняется тем, что в настоящее время в русской среде малоупотребительны те приветствия и прощания, которые широко использовались до революции. В то время как у современных венгров многие формы приветствий и прощаний лишь сузили сферу своего применения, но не вышли целиком из употребления. Например, ранее широко употреблявшееся в сельской местности приветствие *бог послал* в настоящее время употребляется сравнительно редко.

Существуют различия в скорости изменения системы приветствий и прощаний по сравнению с системой обращений. Система обращений непосредственно и прямо отображает социальные отношения коммуникантов и сравнительно быстро трансформируется вслед за изменением социальных отношений. Системы приветствий и прощаний отображают социальные отношения опосредованно, косвенно, и поэтому трансформируются сравнительно медленно. По нашим наблюдениям, при выборе приветствий и прощаний главную роль играет степень близости коммуникантов ('вы — ты'-отношения). Примерно в одинаковой степени на выбор приветствий и прощаний влияют пол, социальный статус, возраст и тональность общения коммуникантов.

Рассмотрим приветствия и прощания, употребляемые при 'вы'-отношениях. Случаи, когда приветствия и про-

щения употребляются при 'ты'-отношениях будут оговорены особо.

Наиболее распространенные приветствия, употребляемые независимо от пола, статуса и возраста коммуникантов преимущественно при 'ты'-отношениях.

- 1) *jó napot* ***² 'добрый день'
- 2) *jó reggelt* * 'доброе утро'
- 3) *jó estét* * 'добрый вечер'

Существуют более вежливые варианты этих приветствий с прибавлением элемента *kivánok* 'желаю': *jó napot kívánok* 'Я желаю доброго дня'. Приветствие *jó napot* может быть употреблено и как прощание для подчеркивания сугубо официальных отношений между общающимися, например после делового конфликта между сослуживцами.

Группа приветствий, объединяемых общей основой (*privet*):

- 4) *üdv* ***³ 'привет'
- 5) *üdvözlöm* * 'приветствую Вас'
- 6) *üdvözetem* * 'мое приветствие'
- 7) *üdvözöllek* * 'приветствую тебя'
- 8) *üdvözlégy* * 'привет тебе'

Ограничения на выбор этих приветствий следующие: употребляется при 'ты'-отношениях независимо от пола коммуникантов, но в зависимости от статуса (употребляется также и при равных статусах общающихся) и возраста (употребляется сверстниками) коммуникантов. Используется преимущественно в ситуациях общения фамиллярной тональности.

üdvözlöm — употребляется только при 'вы'-отношениях преимущественно при обращении к мужчине, реже к женщине. Это приветствие может быть в основном использовано лицом, имеющим высокий статус (не наоборот). Воз-

² Формулы, помеченные одной звездочкой, употребляются только как приветствия; помеченные двумя звездочками, — как прощания; помеченные тремя звездочками, — как приветствия и прощания.

³ Приветствия *üdv*, *üdvözöllek*, *üdvözlégy*, которые употребляются при 'ты'-отношениях, мы рассматриваем именно здесь, полагая нежелательным разбивать группу приветствий, объединяемых общей основой.

растные ограничения мало значимы. Сфера употребления: ситуации общения обиходной и нейтральной тональности.

üdvözletem — употребляется при 'ты' и 'вы'-отношениях. Другие ограничения на выбор. см. при анализе *üdvözlöm*.

üdvözöllek более вежливый вариант приветствия *üdv*.

üdvözlégy занимает промежуточное положение между *üdv* и *üdvözöllek*. Так же, как и *üdvözöllek*, может употребляться в ситуации общения обиходной тональности.

9) *Tiszteletem* * 'мое почтение'. Может быть адресовано только мужчине мужчиной. Как правило, лицу, имеющему высокий статус и преимущественно в ситуации общения высокой и нейтральной тональности.

Группа приветствий⁴, объединенных общей основой *csók* 'поцелуй':

10) *kézcsókom* ** 'целую руку'

11) *kezét csókolom* *** 'целую Вашу руку'

12) *kezedet csókolom* ***, 'целую твою руку'

13) *csókolom a kezeit* * 'целую Ваши руки'

14) *csókolom a kezeidet* * 'целую твои руки'

15) *csókollak* *** 'целую (тебя)'

Эта группа мужских приветствий может быть адресована только женщине. В качестве адресанта может выступать и молодая женщина, если она приветствует другую женщину. При большой абсолютной разнице в возрасте приветствия *kézcsókom*, *kezét csókolom*, *csókolom a kezeit* могут быть адресованы мужчине как женщиной, так и мужчиной.

Kézcsókom употребляется при 'вы' и 'ты'-отношениях; *kezét csókolom*, *csókolom a kezeit* употребляются только при 'вы'-отношениях, *kezedet csókolom*, *csókolom a kezeidet*, *csókollak* употребляются при 'ты'-отношениях.

Csólollak адресуется и мужчиной, и женщиной к женщине-сверстнице при отсутствии разницы в статусе.

Если социальный статус адресанта-мужчины намного выше социального статуса адресата-женщины, то в ситуациях общения высокой и нейтральной тональности эти приветствия употребляются сравнительно редко.

Группа приветствий, употребляемых только при «ты»-отношениях (симметричных или несимметричных).

⁴ Могут использоваться и как прощания.

- 16) *szervusz* *** 'привет', 'сервус'
 17) *szevasz* *** редуцированные формы *szervusz*
 18) *szia* ***
 19) *csaó* *** 'чао'
 20) *hello* 'хэлло'

Приветствия 16, 17, 18, 19, 20 употребляются независимо от пола при равенстве статуса и возраста (или при небольшой разнице в возрасте).~

При большом различии социальных статусов коммуникантов редуцированная форма приветствий употребляется редко. В ситуациях общения высокой тональности может быть употреблено только приветствие *szervusz*. Приветствия 18, 19, 20 употребляются преимущественно в ситуациях фамильярной тональности.

Группа приветствий ограниченного употребления

- 21) *adjon isten* * 'бог подаст'
 22) *fogadj isten* * досл. 'бог примет' (это приветствие употребляется как ответ на 21)
 23) *isten hozta* * 'бог послал (Вас)'
 24) *isten hozott* * 'бог послал (тебя)'
 25) *van szerencsém* * 'честь имею'
 26) *alá — szolgálja* 'ваш покорный слуга'

Эти приветствия употребляются, как правило, лицами пожилого возраста независимо от пола, статуса в ситуациях обиходной и нейтральной тональности. Приветствия 21, 22, 23, 24 употреблялись и употребляются преимущественно в сельской местности. Приветствия 25, 26 почти вышли из употребления. Используются лицами пожилого возраста. Молодежь использует эти приветствия весьма редко, придавая им шуточный оттенок.

27) *Jó szerencsét* *** 'доброй удачи' — профессиональное приветствие или прощание венгерских шахтеров.

28) *Viszontlátásra* ** 'до свидания' употребляется в тех случаях, когда общение начиналось приветствиями 1, 2, 3, 5, 6, 9. Ограничения на выбор *viszontlátásra* те же, что и при выборе этих приветствий. При наличии определенной степени знакомства сокращенная форма этого прощания *visz'lát* не употребляется в ситуации общения высокой и нейтральной тональности.

При 'ты'-отношениях в качестве прощания употребляются формы 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20. При 'вы'-отношениях коммуниканты могут, расставаясь, использовать формы 10, 11, 13.

Ограничения на выбор прощания *a legközelebbi viszontlátásra* аналогичны ограничениям при выборе прощания *viszontlátásra*; выбор этой формы предполагает желательность следующей встречи.

29) *Minden jót* ** 'всего хорошего' — употребляется независимо от пола, возраста, тональности общения; предполагает равенство статусов или более высокий статус адресанта при 'вы'-отношениях.

Ограничения на выбор прощаний:

30) *ég áldjon* ** 'благослови тебя небо'

/ *ég áldja* ** 'благослови вас небо'

31) *isten hozzád* досл. 'бог к тебе'

32) *isten vele, isten* 'бог с вами'

önnel ** 'бог с тобой'

'благослови вас бог'

33) *isten áldja* ** 'благослови вас бог'

/ *isten áldjon* ** 'благослови тебя бог'

Аналогичны ограничения на выбор приветствий 21, 22, 23, 24. Эти прощания используются, как правило, коммуникантом, начавшим процесс общения с приветствием 21, 22, 23, 24.

Ограничения на выбор прощания 34) *volt szerencsém* досл. 'честь имел' аналогичны 25. Эта форма используется в качестве прощания коммуникантом, начавшим процесс общения приветствием *van szerencsém*. В других случаях эта форма прощания употребляется в качестве сигнала окончательного разрыва отношений.

35) *Jó utat* ** 'счастливого пути' употребляется только на железнодорожном и речном вокзале, а также в аэропорту.

36) *Dicsértessék a Jézus — Krisztus* * 'Хвала Иисусу Христу' — приветствие, используемое католиками при встрече со священником. Предполагает обязательный ответ: *mindörökké, amen* ** 'во веки веков', 'аминь'. Эта форма используется и при прощании.

Междометие *rá* используется лицами преклонного возраста при прощании с детьми и молодыми людьми (в возрасте до 30 лет).

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ
ЭЛЕМЕНТОВ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
КИНЕСИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Исследование по выявлению наиболее значимых и несходных средств русской и английской невербальной коммуникации дало возможность собрать, систематизировать и описать кинесические элементы ⁵.

Коммуникативные жесты, мимика, телодвижения

*Жесты, мимика, телодвижения,
заменяющие в речи элементы языка*

I, II. Жесты приветствия и прощания

1, 1а. ⁶ А. О. ⁷ Рукопожатие
а) Приветствие при знакомстве, представлении.
б) Встречается в английском общении сравнительно редко.	1, 1а) Р. О. Рукопожатие
а) Приветствие при знакомстве, представлении
б) Приветствие при встрече. Используется чаще в общении мужчин.
2, 2а) Размахивание поднятой на уровне головы или над головой правой рукой из стороны в сторону ладонью вперед.	2, 2а) То же. Заимствованный жест. Используется в русском общении сравнительно недавно.
3, 3а) Поднятая правая рука на уровне головы или над головой ладонью вперед. Наблюдается в английском и русском общении.	
4, 4а) Поднятая правая рука на уровне головы ладонью вперед, при этом пальцы совершают волнообразное движение, сгибаясь по очереди вперед.	4, 4а) То же. Заимствованный жест. Употребляется в русском общении сравнительно недавно.

⁵ Н. И. Смирнова. Невербальные аспекты коммуникации. Канд. дисс., М., 1971.

⁶ 1 — жест приветствия, 1а — жест прощания.

⁷ А. О. — английское общение; Р. О. — русское общение.

- 5, 5а) Легкий кивок головой вперед. Может сопровождаться легким наклоном корпуса. Встречается в английском и русском общении.
- 6, 6а) А. О. Снятие или приподнимание шляпы перед женщинами. Этот вид приветствия постепенно выходит из русского общения.
- 7, 7а) Похлопывание по спине или плечу (при условии близких отношений и равенстве социального положения). Используется в английском и русском общении.
- 8, 8а) А. О. Подмигивание (при условии близких отношений и равенстве социального положения). Наблюдается в общении молодежи, представителей средних и низших слоев общества. В Р.О. наблюдается у молодежи.
- 9, 9а) Поцелуй.
- а) Встречается в английском общении редко, как правило, у женщин или при интимных отношениях мужчин и женщин.
- б) В А. О. отсутствует.
- 9, 9а) То же.
- а) Как форма приветствия наблюдается в общении мужчин и женщин.
- б) Поцелуй выполняется обычно в щеки как старый славянский обычай.
- 10, 10а) Объятия как форма приветствия в английском общении отсутствует. Ее можно наблюдать в интимном общении мужчин и женщин или в общении женщин.
- 10, 10а) Объятия.
- а) Как форма приветствия встречается в общении мужчин и женщин.
- б) Объятия — форма проявления равенства и братства (славянский обычай).
- 11, 11а) А. О. Спортивное приветствие чемпиона в боксе, борьбе и т. д. Сомкнутые над головой руки. В Р.О. имеется аналогичный жест в аналогичной функции.
- 12, 12а) Профессиональное приветствие полицейских, почтовых служащих, швейцаров, молочников: приложенные к виску указательные пальцы.
- 12, 12а) В русском общении такого профессионального приветствия нет. У советских милиционеров существует

тельный и средний пальцы правой руки, при этом мизинец, безымянный и большой пальцы собраны вместе в центре ладони. Следует отметить, что английские полицейские не приветствуют обращающихся к ним за информацией или помощью людей.

воинская форма приветствия; к виску подносится ладонь правой руки с сомкнутыми и вытянутыми пальцами, ребром (ладони) вперед. Советские милиционеры приветствуют всех обращающихся к ним за информацией или помощью людей.

III. Жесты привлечения внимания, подзывающие, приглашающие

- 1) А. О. Поднятый вверх большой палец правой руки — приглашение такси, попутной машины. В Р.О. отсутствует.
- 2) Поднятый вверх зонт — приглашение такси, попутной машины, В Р.О. отсутствует.
- 3) А. О. Размахивание поднятой рукой — приглашение такси, попутной машины. В Р. О. наблюдается аналогичный жест.
- 4) А. О. Размахивание поднятой правой рукой из стороны в сторону на уровне головы или над головой ладонью вперед. Используется как жест привлечения внимания человека, находящегося на расстоянии, как жест приглашения, предложения подойти. В языке жест равен высказыванию: «Я здесь, идите сюда». В Р.О. это заимствованный жест. Используется сравнительно недавно.
- 5) На улице в общении англичан этот жест не используется и считается оскорбительным. Встречается в межличностном общении (при условии близких отношений) как «малый» жест, выполняемый кистью руки.
- 5) Р. О. Жест приглашения, предложения подойти. Размахивание рукой от локтя или плеча к себе, ладонью к себе.
- 6) А. О. Движение головой, приглашающее официанта. В Р. О. встречается аналогичный жест.

- 7) А. О. Поднятая правая рука на уровне плеча, головы — приглашение официанта. В Р. О. отсутствует.
- 8) А. О. Пощелкивание большим и средним пальцем — приглашение официанта. В общении советских людей жест считается оскорбительным.
- 9) А. О. Неоднократное сгибание указательного пальца к себе — приглашение официанта. В Р. О. жест считается оскорбительным.
- 10) Подмигивание. Используется в английском и русском общении.
- 11) А. О. Похлопывание в ладоши. При наличии большого количества людей (на улице, например) может сопровождаться указательным жестом, выполняемым кистью правой руки. В Р. О. отсутствует.
- 12) Жест, приглашающий войти в дом, в комнату и т. д. Протянутая вперед от плеча правая или левая рука, ребром ладони вперед, на уровне пояса. Используется в английском и русском общении.
- 13) Жест, приглашающий занять то или иное место. Поднятая от плеча вперед правая или левая рука ребром ладони вперед, на уровне бедра. Встречается в английском и русском общении.
- 14) А. О. Указательный и средний пальцы поднятой правой руки разомкнуты, принимая форму буквы V при этом ладонь обращена тыльной стороной вперед, а мизинец, безымянный и большой пальцы собраны в центре ладони (вульгарный жест). В Р.О. отсутствует.
- 15) А.О. Поднятый вверх большой палец. Жест выполняется, как правило, на уровне бедра (вульгарный жест). В Р.О. отсутствует.

IV. \ Запрещающие жесты и телодвижения

1) А. О. Ритмическое размахивание указательным пальцем из стороны в сторону. 2) Энергичный жест правой или левой рукой от локтя сверху вниз, справа налево (слева направо) от груди,	1) Р. О. Ритмическое размахивание указательным пальцем от себя к себе.

на уровне груди. Наблюдается в английском и русском общении.

- 3) Легкое размахивание головой из стороны в сторону. Встречается в английском и русском общении.

V. Жесты угрозы

- 1) Поднятый кулак, обращенный тыльной стороной ладони вперед. используется в английском и русском общении.
- 2) Р. О. Похлопывание ладонью по шее сзади. В языке жест равен высказыванию типа: «По шее получишь!» Встречается в общении подростков и молодежи. В А. О. отсутствует.

VI. Оскорбительные жесты и телодвижения

- 1) А. О. Вызов, предложение драться. Похлопывание по плечу в сопровождении: «Outside». В Р.О. похлопывание по плечу в сопровождении: «Выйдем». Наблюдается у молодежи.
- 2) А. О. Вызов, предложение драться. Мужчина снимает пиджак с плеч, оставляя его на руках. Встречается в общении низших слоев общества. В Р. О. встречается очень редко у молодежи.
- 3) А. О. Вызов, предложение драться. Жест, ставящий стакан кверху дном. В языке жест равен высказыванию: «I shall fight the best man in the house». Встречается в общении низших слоев общества. В Р. О. отсутствует.
- 4) Р. О. Подзывающий жест. Неоднократное сгибание указательного пальца к себе. Не считается оскорбительным в общении с официантами у англичан.
- 5) Р. О. Разговаривая с женщиной, держать руки в карманах. Не считается оскорбительным в английском общении.
- 6) Р. О. Разговаривая с кем-то, особенно с женщиной, держать во рту сигарету, трубку. Не считается оскорбительным в английском общении.

- 7) Р. О. Разговаривая с кем-то, держать ноги на столе, на ручке кресла. Не считается оскорбительным в английском общении.
- 8) Р. О. Разговаривая с кем-то, сидеть, далеко вытянув ноги вперед. Не считается оскорбительным в английском общении.
- 9) В А. О. подзывающий жест кистью руки, поднятой от локтя, плеча, к себе на уровне груди. В русском общении не считается оскорбительным.
- 10) Р. О. Указательный жест большим пальцем через плечо назад. Не считается оскорбительным в английском общении.
- 11) Р. О. Легкие удары указательным и средним пальцами по правому уху сверху, напоминающие стряхивание чего-то. В языке жест равен оскорбительным словам: «Болван, дурак». В А. О. отсутствует.
- 12) Р. О. Постукивание фалангами правой руки по лбу, затем по дереву. В языке жест равен оскорбительным словам: «Глупый, дурак». В А. О. отсутствует.
- 13) Р. О. Жест ввинчивания в висок указательного пальца правой руки. В языке жест равен оскорбительным словам: «Сумасшедший, ненормальный и т. д.». В А. О. используется аналогичный жест в аналогичной функции.
- 14) А. О. Указательный палец правой руки совершает круговые движения около виска, не касаясь его. В языке жест равен оскорбительным словам: «mad, crazy». В Р. О. жест отсутствует.
- 15) Р. О. Жест автомобилистов, появившийся недавно в общении. Приложенные к ушам сзади ладони обеих рук, значительно увеличивающие их размер. В языке жест равен: «Растяпа», «Уши развесил». В А. О. жест отсутствует.
- 16) Сидеть в присутствии стоящей женщины оскорбительно в английском и русском общении.
- 17) Р. О. Провести рукой по лицу другого человека сверху вниз. Наблюдается у подростков, молодежи. В А. О. отсутствует.

18) А. О. Жест задирания подола юбки сзади. Вульгарный жест, встречающийся в общении женщин низших слоев общества. В Р. О. отсутствует.

19) «v — sign». Средний и указательный палец правой руки разомкнуты в стороны, принимая форму буквы v, при этом рука обращена тыльной стороной ладони вперед, а мизинец, безымянный и большой пальцы собраны к центру ладони. Жест производится два, три раза на уровне бедра или пояса, снизу вверх. Жест вульгарный. Наблюдается в общении низших слоев общества. В английском общении нейтральным языковым эквивалентом жеста является: «Go to hell!»

19) В русском общении по своему значению покрывает три вульгарных жеста, в которых представлена нарастающая степень отнесенности к изображаемому.

VII. Жесты, дразнящие, встречающиеся в общении детей

- 1) Высунутый вперед язык. Жест существует в английском и русском общении.
- 2) Спереди к носу приставлен большой палец правой руки, обращенной ладонью влево. К мизинцу правой руки прижат большой палец левой руки, обращенной ладонью вправо. Пальцы левой и правой рук совершают волнообразные движения, сгибаясь по очереди у правой руки влево, у левой — вправо. Этот жест есть в английском и русском общении.
- 3) А. О. К центру ладони поднятой левой руки ребром вперед прижат большой палец правой руки ладонью вперед, при этом пальцы левой руки сомкнуты и вытянуты вверх, а пальцы правой совершают волнообразные движения, сгибаясь по очереди вперед. В Р. О. подобного жеста нет.

VIII. Жесты утвердительные, отрицательные, вопросительные

- 1) А. О. Утвердительный жест. Кивание головой сверху вниз. Жест может сопровождаться диффузным звукосочетанием, приблизительно передающимся буквами «um-hum». В Р. О. тот же жест может сопровождаться диффузным звукосочетанием, приблизительно передающимся буквами «угу».
- 2) А. О. Жест отрицания. Размахивание головой из стороны в сторону. Может сопровождаться диффузным звукосочетанием, приблизительно передающимся буквами «pur um». В Р. О. используется аналогичное движение. Может сопровождаться диффузным звукосочетанием, приблизительно передающимся буквами «нк». В Р. О. существует жест отрицания, сопровождающий в речи элементы языка. Размахивание указательным пальцем из стороны в сторону на уровне груди. Рука обращена ладонью вперед. Жест может сопровождать высказывания типа: «Вы этого *не знаете*» (жест сопровождает сегмент *не знаете*).
- 3) А. О. Вопросительный мимический комплекс. Поднятые брови, поднятая к носу и выдвинутая вперед нижняя губа. Он может сопровождаться диффузным звуком, приблизительно передающимся буквами «uh». В Р. О. он может сопровождаться диффузным звуком, приблизительно передающимся буквой «у?»

IX. Жесты и телодвижения, выражающие благодарность

- 1) Рукопожатие. Используется в английском и русском общении.
- 2) Легкий наклон головы и корпуса вперед. Наблюдается в английском и русском общении.
- 3) В Р. О. выражение благодарности может сопровождаться жестом правой руки. Ладонь с разомкнутыми пальцами прижимается к верхней, центральной части груди. В А. О. жест отсутствует.

Х. Жесты примирения

- 1) Рукопожатие. Наблюдается в английском и русском общении.

XI. Жесты, встречающиеся в различных других ситуациях межличностного общения

- 1) А. О. Жест, передающий желание и готовность отвечать на заданный преподавателем вопрос (в школах, колледжах, институтах). Поднятый указательный палец правой руки. В Р. О. — поднятая от локтя правая рука ребром ладони вперед.
- 2) А. О. Счет на пальцах. При счете пальцы левой руки *выбрасываются* из центра ладони в стороны. Если в счете принимают участие обе руки, то указательный палец правой руки отводит от центра ладони в сторону сначала мизинец, безымянный, средний пальцы и т. д. Если счет ведется одной рукой, то первым в сторону выбрасывается большой палец, затем указательный, средний и т. д.
- 2) Р. О. — То же. При счете пальцы левой руки *сгибаются* к центру ладони. Если в счете принимают участие обе руки, то указательный палец правой руки сгибается к центру ладони сначала мизинец, затем безымянный, средний пальцы и т. д. Если счет ведется одной рукой, то первым, как и прежде, сгибается мизинец, затем безымянный, средний пальцы и т. д.
- 3) А. О. Знак победы (victory). Может демонстрироваться на улицах, на стадионах (при победе команды) и т. д. Указательный и средний пальцы правой руки разомкнуты, принимая форму буквы V, при этом ладонь обращена вперед, а мизинец, безымянный и большой пальцы собраны к центру ладони. В Р. О. подобный жест отсутствует.
- 4) Р. О. Жест невыполненного, несовершенного действия. Разведенные в стороны руки на уровне пояса, бедер ладонями вперед. В языке жест равен высказываниям типа: «Ничего не вышло», «Ничего не получилось». В А. О. жест отсутствует.

- 5) Жест требования тишины: а) указательный палец поднесен к сомкнутым и вытянутым вперед губам; б) поднятые вперед на уровне груди или головы одна или две руки ладонями вперед. Оба жеста используются в английском и русском общении в аналогичных функциях.
- 6) Жест, означающий конец работы (на фабриках, заводах и т. д.). Скрещенные и поднятые на уровне груди или над головой руки ладонями вперед. Есть в английском и русском общении.
- 7) А. О. Комплексный жест, говорящий, что человек совершенно ничего не знает о чем-то и ему нечего сказать. Указательные пальцы обеих рук касаются закрытых глаз, правая ладонь покрывает рот, обе ладони закрывают уши. В Р. О. жеста нет.
- 8) Вопросительный жест, означающий «Сколько времени?» Правая рука указывает на левое запястье, где обычно носят часы. Есть в английском и русском общении.

ХII. Жесты-просьбы, предложения

- 9) Жест-просьба дать прикурить. Сигарета между указательным и средним пальцами. Существует в английском и русском общении.
- 10) Р. О. Жест-просьба дать закурить. Движение разомкнутых указательного и среднего пальцев от губ вперед. В английском общении наблюдается редко.
- 11) Жест-просьба дать спички. Движение, имитирующее зажигание спичек. Встречается в английском и русском общении.
- 12) Р. О. Жест-просьба дать что-то в очень малом количестве. Большой палец прижат к самому кончику мизинца или указательного пальца. В А. О. такого жеста нет.
- 13) Р. О. Жест-просьба дать денег, жест-вопрос: «Деньги есть?» Потирание большого пальца о кончики указательного и среднего. В А. О. жест отсутствует.

- 14) А. О. Жест-мольбы.
- а) То же. В английском общении употребляется в шутливом, ироническом смысле.
- б) В А. О. такого жеста нет.
- 15) Жест-предложение не торопиться, подождать минуту. Вытянутая от локтя рука ладонью вперед. Используется в английском и русском общении.
- 16) В Р. О. тот же жест употребляется в значении «Не волнуйтесь, все будет сделано». В А. О. его нет.
- 17) Р. О. Жест-предложение разделить что-то пополам. Ладонь правой руки ребром ставится на середину левой. В А. О. жеста нет.
- 18) А. О. Жест-предложение, приглашение выпить.
- а) Движения, имитирующие опрокидывание рюмки, стакана. Может сопровождаться указательным жестом кисти правой руки.
- б) В А. О. отсутствует.
- 14) Р. О.— То же.
- а) Ладони рук сомкнуты на груди ребром вперед.
- б) Протянутая вперед от локтя правая рука ладонью вверх.
- 18) Р. О.— То же.
- а) Поглаживание указательным и средним пальцами правой руки по шее справа от уха к подбородку.
- б) Мизинец и большой пальцы вытянуты, показывая высоту рюмки, стакана. Указательный, средний, безымянный пальцы собраны к центру ладони, обращенной тыльной стороной вперед.
- 19) А. О. Жест, показывающий, сколько налить в стакан. На вопрос, сколько налить в стакан, отвечающий выбирает вперед указательный палец, указательный и средний, указательный средний, безымянный, в зависимости от того, сколько он хочет, чтобы ему налили.

Остальные пальцы собраны к центру ладони. В Р. О. жеста нет.

20) Жест-предложение, приглашение выпить на двоих, на троих. За борт пиджака, пальто прячутся все пальцы, кроме указательного и среднего (на двоих), указательного, среднего, безымянного (на троих). Указательный и средний; указательный, средний, безымянный накладываются на борт пиджака, пальто. В А. О. жеста нет.

Русские жесты, предлагающие выпить на двоих, на троих, похожи на жесты английских масонов Допотопного ордена буйволов. За борт пиджака, пальто спрятаны все пальцы кроме указательного и безымянного. В языке жест означает: «Нуждаюсь в помощи». Отвечающий, принимающий информацию, прикладывает правую руку к сердцу. Жест говорит о том, что помощь будет оказана от всего сердца.

21) Жест, говорящий о том, что человек находится в тяжелом, затруднительном положении. «Хоть в петлю лезь». Движение большим пальцем под подбородком вверх к правому уху. В А. О. жест отсутствует.

22) Знак повешения. То же движение большим пальцем под подбородком вверх к правому уху. Используется в английском и русском общении.

23) Жест сочувствия, выражающий желание успокоить, утешить кого-то. Легкое, неоднократное поглаживание человека рукой по спине, плечу. Встречается в английском и русском общении.

24) Р. О. Жест, изображающий худобу человека. По втянутым внутрь щекам указательный и большой пальцы правой руки совершают скользящее движение вниз. В языке жест равен высказыванию: «Кожа да кости». В А. О. жест отсутствует.

25) Жест, говорящий, что человек не слышит чего-то или слышит плохо.

а) Постукивание указательным пальцем по уху. Жест может сопровождаться покачиванием головы из стороны в сторону в знак того, что человек ничего не слышит.

б) Ладонь правой или левой руки приставляется к уху (за ухо). Встречается в английском и русском общении.

- 26) Р. О. Жест, говорящий о том, что человек зазнался. Движение указательного пальца от носа вверх. В А. О. жеста нет.
- 27) А. О. Жест, сообщающий, что муж у жены находится под башмаком. Опущенный вниз большой палец. Подобного жеста в Р. О. нет.
- 28) Жест, сообщающий о том, что мужчина «рогоносец». Приставленные к голове сзади разомкнутые в стороны указательный и средний пальцы прагой руки. В А. О. не встречается.
- 29) А. О. Жесты, сообщающие о том, что люди не ладят друг с другом.
- а) Движение, имитирующее царапанье обеими руками.
- а) Указательные пальцы обеих рук, повернутых тыльной стороной ладони вперед, сомкнуты на уровне груди.
- б) В А. О. не используется.
- б) Сомкнутые на уровне груди кулаки, тыльной стороной ладони вперед.
- 30) А. О. Жест, говорящий о том, что человек сыт по горло.
- А) В А. О. подобного жеста в этой функции нет.
- а) В прямом смысле: движение ребром ладони правой руки под подбородком слева направо.
- б) Горло охватывается большим и указательным пальцами правой руки. Жест может сопровождать высказывание «Up to here!»
- б) В переносном смысле («Надоело») движение ребром ладони правой руки под подбородком слева направо.
- в) Звук и удары ладонью правой руки по раскрытому рту.
- в) В Р. О. не употребляется

✓ Коммуникативные жесты, мимика, телодвижения, сопровождающие в речи элементы языка

I. Жесты указательные

- 1) А. О. Указательный жест кистью руки вперед, в сторону. В английских указательных жестах, рука, как правило, поднимается от локтя.
- 1) Р. О. — То же. Русские указательные жесты метрически (размерно) шире английских. Рука в указательных жестах может подниматься от плеча.
- 2) А. О. Большой палец руки, обращенный через плечо назад. В Р. О. жест небрежный, оскорбительный.
- 3) Движение кисти правой руки к себе. Концы пальцев направлены на грудь. Жест сопровождает речевые высказывания: «Я?», «Мне?». Есть в английском и русском общении.
- 4) Р. О. Вытянутые, разомкнутые пальцы обеих рук, обращены на себя. Жест сопровождает высказывания: «Я?», «Мне?» Почти не встречается в английском общении.
- 5) Выдворяющий жест. Рука от плеча отводится в сторону с вытянутым вперед указательным пальцем. Жест обычно сопровождает высказывание «Вон!». Встречается в английском и русском общении.
- 6) Этот же жест может употребляться в общении как жест угрозы и сопровождать высказывания типа: «Если вы этого не сделаете, я вынужден буду принять меры» (жест сопровождает подчеркнутую часть предложения). Есть в английском и русском общении.

II. Жесты описательно-изобразительные

- 1) А. О. Комплексный жест, сообщающий об увольнении с работы. Правая рука сжата в кулак и вытянута вперед (как будто человек держит кого-то за воротник), правая нога согнута в колене, а затем выбрасывается вперед. Жест может сопровождать высказывание: «They gave him the boot». Этот жест в русском общении употребляется в значении выставить, выгнать, избавиться от кого-то в личном общении, но не уволить с работы.

2) А. О. Жест, сообщающий о том, что человек слишком много говорит и не умеет держать язык за зубами. Кисти обеих рук сомкнуты вместе у запястья и совершают движения, напоминающие закрывающуюся и открывающуюся пасть акулы. Жест сопровождает высказывание «He has a big mouth».

3) А. О. О людях, которые много говорят и надоедают другим. Правая рука имитирует движение завода мотора, машины. Жест может сопровождать высказывание: «He was vaccinated by a gramophone needle». В русском общении жест употребляется, когда люди говорят об одном и том же. Он может сопровождать высказывания: «Ну завел!», «Опять старая песня!»

4) Р. О. Жест, изображающий людей, сидящих на шее у других и ничего не делающих. Постукивание ребром правой ладони по шее сзади. Жест сопровождает высказывание: «Вот они (он, она) у меня где!». В А. О. жеста нет.

Перечисленные выше описательно-изобразительные жесты могут быть отнесены к модальным жестам, передающим отношение человека к окружающим явлениям.

III. Подчеркивающие жесты и телодвижения

1) Короткое и энергичное движение головой вперед, в сторону, назад. Используется в английском и русском общении.

2) Легкое движение головы и корпуса вперед. Есть в английском и русском общении.

3) Легкое движение головы и корпуса назад. Есть в английском и русском общении.

4) Ударный жест от локтя, плеча кистью руки сверху вниз. Встречается в английском и русском общении.

Мимика, жесты, выражающие отношение, оценку окружающих предметов и явлений (модальные жесты)

Жесты, заменяющие в речи элементы языка

- I. Жесты, мимика, телодвижения, выражающие одобрение, положительную оценку
 - 1) Поднятый вверх большой палец правой руки. Есть в английском и русском общении.
 - 2) Улыбка. В английском и русском общении.
 - 3) Легкое кивание головой вперед, сопровождающееся наклонами корпуса. В английском и русском общении.
 - 4) А. О. Большой и указательный пальцы, смыкаясь, образуют кольцо, при этом мизинец, безымянный и средний пальцы собраны вместе и вытянуты вверх. Жест выполняется на уровне головы, корпуса. Он может сопровождать высказывания типа: «At'a boy! = That's a boy! At'a girl! = That's a girl!» Жест заимствован у американцев и употребляется в английском общении сравнительно недавно. В Р. О. жеста нет.
 - 5) Аплодисменты. В английском и русском общении.
 - 6) А. О. Скандирование при аплодисментах выражает неодобрение в английском общении. Скандирование при аплодисментах выражает одобрение в русском общении.
- II. Жесты, мимика, телодвижения, выражающие неодобрение, неудовольствие, отрицательное отношение к чему-то или кому-то
 - 7) А. О. Большой палец правой руки опущен вниз. Жест отсутствует в русском общении.
 - 8) А. О. Скандирование при аплодисментах. В Р. О. выражает одобрение.
 - 9) Уголки губ опущены, нижняя губа поднята к носу и выдвинута вперед. Используется в английском и русском общении.
 - 10) Когда кто-то из выступающих говорит что-то странное, нелепое, слушающий, обращаясь к рядом стоящим (сидящим), может поднять брови, плечи и указать на гово-

рящего кистью руки. Этот комплекс жеста, мимики и телодвижения в языке равен высказываниям типа: «Ну, что он говорит!?!», «Ну, какую ерунду он говорит!?!». Есть в английском и русском общении.

- 11) А. О. Неодобрение спектакля, публичного выступления, оскорбление. Сомкнутые и выдвинутые вперед губы, произносящие: «The sound of a passing wind». В Р. О. отсутствует.
- 12) А. О. Профессиональное выражение неудовольствия у английских дипломатов. Анти-жест — прекращение разговора, полное отсутствие жестов и телодвижений, на лице выражение напряженного покоя. Не встречается в Р. О.
- 13) А. О. Жест «отмахивания»
Выполняется кистью правой или левой руки от себя снизу вверх, тыльной стороной ладони вперед. Пальцы руки слегка разомкнуты.
- а) Желание избавиться от кого-то в общении: «Get off!»
- б) В А. О. такого использования жеста нет.
- в) В А. О. в такой функции жест не используется.
- 13) Р. О. Многозначный жест «отмахивания»
Выполняется правой рукой от локтя, ладонью вперед на уровне груди от себя сверху вниз.
- а) Желание избавиться от кого-то в общении: «Отойди», «Не мешай!».
- б) Безразличие, согласие без желания. В языке жест в этом случае равен высказываниям типа: «Делай как знаешь», «Все равно», «Ну и пусть» и т. д.
- в) Отрицательное отношение к какому-то действию, предмету. В языке жест равен высказываниям типа: «А...! = (не спрашивайте!) Не стоит с ним разговаривать. Да не надо этого делать!» (жест сопровождается подчеркнутые слова).

14) Р. О. Жест «отталкивания» кого-то, чего-то. Выполняется одной или двумя руками от локтя или плеча, от себя ладонями вперед. В А. О. встречается при отталкивании предметов и сравнительно редко в межличностном общении.

III. Жесты, мимика, выражающие недоверие, иронию при восприятии какой-то информации

15) Подмигивание. В английском и русском общении.

16) А. О. Неоднократное сгибание большого пальца правой руки. 16) Р. О. Неоднократное сгибание указательного пальца правой руки.

17) А. О. Закрывание рта ладонью, почесывание, поглаживание носа с правой или левой стороны. В Р. О. отсутствует.

18) Ироническая улыбка. В английском и русском общении.

19) А. О. Почесывание кончиков ушей. Не встречается в русском общении.

20) Профессиональный жест журналистов с Флит-стрит. Поглаживание носа с одной стороны. Отсутствует в русском общении.

IV. Жесты и телодвижения, сопровождающие речевые высказывания

21) А. О. Телодвижения, выражающие недружелюбие, нежелание вступать с кем-то в общение. Выдвижение левого или правого плеча вперед. Телодвижение сопровождается высказывание: «She gave me the cold shoulder». Подобного телодвижения нет в русском общении.

22) Жест, передающий легкость, с которой, по мнению говорящего, было или будет совершено какое-то действие. Щелчок большим и средним пальцами правой или левой руки. Выполняется на уровне груди справа налево (слева направо) снизу вверх. Жест сопровождается высказывания типа: «I got them just like that». Жест сопровождается сегмент «just like that». В Р. О. отсутствует.

Эмоциональные жесты, мимика, телодвижения, выражающие различные чувства и состояния

Жесты, мимика, телодвижения, сопровождающие и не сопровождающие в речи элементы языка

I. Жесты, мимика, телодвижения, передающие неуверенность, незнание

- 1) Поднятые кверху брови, поднятая к носу и выдвинутая вперед нижняя губа. Наблюдается в английском и русском общении.
- 2) Поднятые кверху брови, поднятая к носу и выдвинутая вперед нижняя губа, поднятые плечи. Есть в английском и русском общении.
- 3) Поднятые кверху брови, поднятая к носу и выдвинутая вперед нижняя губа, поднятые плечи, разведенные в сторону у пояса, бедер руки ладонями вперед. Есть в английском и русском общении.

II. Кинемы, передающие старание, желание припомнить что-то

У детей

- 4) А. О. Похлопывание ладонью по голове. В Р. О. похлопывание ладонью по лбу.

У взрослых

- 5) Лоб сжат в морщинах. А. и Р. общение.
- 6) Потирание лба пальцами. А. и Р. общение.
- 7) Сжимание и потирание висков большим и средним пальцами правой или левой руки. Используются в английском и русском общении.
- 8) Р. О. Почесывание затылка. Жест встречается в английском общении сравнительно редко.

III. Кинемы, передающие раздумье, сосредоточенность

- 9) Лоб сморщен, при этом часто подбородок охвачен большим и указательным пальцами (англичане отдают предпочтение именно этому жесту). Подобный комплекс встречается и в русском общении.
- 10) Лоб сморщен, щека подпирается ладонью (русские предпочитают этот жест). Употребляется также в английском общении.
- 11) Голова покоится на сложенных вместе руках, кисть одной руки покрывает другую, локти служат опорой, глаза смотрят «в себя».

IV. Кинемы, передающие большое внимание к предмету разговора или непонимание чего-то

- 12) Наклон головы и корпуса вперед, к собеседнику. А. и Р. общение.

V. Испуг, страх

- 13) Ладонь одной руки или обе руки покрывают лицо. А. и Р. общение.
- 14) А. О. Обе руки подняты от плеча, но от локтей раскинуты в стороны на уровне головы или над головой ладонями вперед. Этот жест сравнительно редко наблюдается в общении русских. Поднятые от плеча руки чаще охватывают голову.
- 15) Широко раскрытые глаза и полное оцепенение. А. и Р. общение.
- 16) Р. О. Жест, характерный в общении для женщин, жест самообороны. Руки сомкнутые на груди и покрывающие ее. Не встречается в английском общении.

VI. Растерянность, смятение

- 17) Р. О. Охват головы обеими руками. Жест может сопровождать высказывания типа: «Ой, что я наделала?!», «Что теперь будет?!», «Что мне теперь делать?!» и т. д. Отсутствует в английском общении.
- 18) Р. О. Почесывание затылка. Сравнительно редко встречается в английском общении.

VII. Подавленность

- 19) Вялость жестов, мимики, телодвижений. А. и Р. общение.
- 20) Отсутствие жестов, мимики, телодвижений, взгляд, устремленный в пустоту. А. и Р. общение.

VIII. Затруднение при самовыражении

- 21) Жест, характерный в общении для женщин. Руки, сомкнутые в кулаки, соединены на груди. Не наблюдается в английском общении.

IX. Разочарованность, недовольство, отвращение

- 22) Брови сдвинуты, уголки губ опущены вниз, нижняя губа поднята к носу и выдвинута вперед. А. и Р. общение.

X. Удивление

- 23) Голова слегка отброшена назад, брови подняты, глаза широко открыты. А. и Р. общение.
- 24) В ряде случаев при удивлении нижняя губа поднята и выдвинута вперед. Этот комплекс мимических движений может сопровождать высказывания типа: «You here?» и т. д. Аналогичный комплекс существует в русском общении.

XI. Удивление, радость при встрече, при восприятии какой-либо информации, при виде чего-либо

- 25) Поднятые и разведенные в стороны на уровне груди руки ладонями вперед. А. и Р. общение.
- 26) А. О. Обе руки подняты и от локтей раскинуты в стороны ладонями вперед. Жест обычно сопровождает высказывание: «Go on!». В русском общении в этом случае руки соединяются на груди в «рукопожатии». Жест может сопровождать высказывания типа: «Да ну?!», «Неужели?!».
- 27) А. О. Жест соединения рук на груди. Может сопровождать высказывания типа: «That's exactly what I want».

ed!», жест выполняется на слове *exactly*. Это преимущественно женский жест. Наблюдается также в общении русских женщин.

28) Удивление, радость при встрече. Широкое разведение рук в стороны. А. и Р. общение.

XII. Радость, восторг, восхищение

29) Улыбка, выражение глаз. А. и Р. общение.

30) А. О. Восторг, восхищение при восприятии какой-то информации. Удар ладонью по бедру спереди выше колена. Жест может сопровождать высказывание типа: «And he jumped out of the window!». Встречается в русском общении сравнительно редко.

Жесты под номером 27, 30 могут быть отнесены ко второй группе жестов, выражающих отношение говорящего к окружающим предметам и явлениям (модальных жестов).

Рассмотрено 160 случаев употребления жестов-сигналов, мимических движений и телодвижений, заменяющих в речи элементы языка; 16 случаев сопровождения элементов языка; 24 случая модального употребления жестов, мимических движений и телодвижений. В итоге описано 200 случаев коммуникативного использования русских и английских кинесических явлений. Это дает определенные основания для выводов, касающихся сходства и различия элементов русской и английской кинесической коммуникации.

Типология сходства и различия элементов русской и английской кинесической коммуникации (смысловое употребление)

Н. А. Бернштейн отмечает два вида сходства движений: топологическое и метрическое.

Топологическое сходство, по Н. А. Бернштейну, — это сходство, обнаруживающее совпадение существенных признаков движений. Оно лежит в основе их узнавания. Метрическое сходство — это размерное сходство⁸.

⁸ Н. А. Бернштейн. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., Изд-во «Медицина», 1966, стр. 54—65.

- I. Топологическое сходство элементов русской и английской кинесической коммуникации при совпадении их значений и сферы употребления

Речь идет о жестах благодарности, примирения; жестах утвердительных и отрицательных; жестах требования тишины и т. д.

- II. Топологическое сходство элементов кинесической коммуникации, совпадение их значений и сферы употребления при наличии в английской кинесической коммуникации двух, а в русской — одного элемента для выражения одного и того же смысла

- 1) А. О. Жест, сообщающий, что человек сумасшедший, ненормальный, глупый. Ввинчивание в висок указательного пальца правой руки. Аналогичный жест наблюдается в русском общении.
- 2) А. О. Указательный палец правой руки совершает круговые движения около виска, не касаясь его. В Р. О. отсутствует.

- III. Топологическое сходство элементов кинесической коммуникации при частичном или полном несовпадении их значений или сферы употребления

- 1) А. О. Скандирование при аплодисментах — выражение неодобрения. В Р. О. — выражение одобрения.
- 2) А. О. Рукопожатие
а) Приветствие при знакомстве.
б) Сравнительно редко.
в) Жест, которым обмениваются при расставании на долгое время.
г) В английском общении жест в этом случае используется сравнительно редко.
- 2) Р. О. — То же.
а) То же.
б) Приветствие при встрече.
в) То же.
г) Жест, которым обмениваются при прощании.

д) Выражение благодарности.	д) То же.
е) Знак примирения.	е) То же.

IV. Топологическое сходство при метрическом различии элементов кинесической коммуникации

- 1) Указательные жесты в английском общении производятся руками, как правило, *от локтя, иногда кистью*. Указательные жесты в русском общении производятся руками *от плеча, от локтя, иногда кистью*

V. Топологическое сходство при метрическом различии и частичном несовпадении значений или сферы употребления элементов кинесической коммуникации

1) А. О. Размахивание рукой от запястья к себе, ладонью к себе.	1) Р. О. Размахивание рукой от локтя, плеча к себе, ладонью к себе.
а) Практически отсутствует.	а) Используется как жест привлечения внимания на улицах, жест, подзывающий, приглашающий.
б) Есть в английском общении.	б) В интимной обстановке, дома и т. д.

VI. Топологическое различие при совпадении значений и сферы употребления элементов кинесической коммуникации

- 1) А. О. Счет на пальцах. При счете пальцы левой руки выбрасываются из центра ладони в стороны. В Р. О. при счете пальцы левой руки сгибаются к центру ладони.

VII. Топологическое различие при отношении элементов кинесической коммуникации как родовых и видовых понятий

Родовые понятия

- 1) А. О. Жесты, сообщающие о том, что люди не ладят друг с другом.

Видовые понятия

- 1) Р. О. Жесты, сообщающие, что люди не ладят друг с другом.

а) Жест, имитирующий царапанье когтями. Производится обеими руками.

б) Нет.

а) Указательные пальцы обеих рук, повернутых тыльной стороной ладони вперед, сомкнуты на уровне груди.

б) Сомкнутые на уровне груди кулаки, тыльной стороной ладони вперед.

VIII. Топологическое различие при частичном несовпадении значений и сферы употребления элементов кинесической коммуникации

2) А. О. Жест «отмахивания»

Выполняется кистью правой или левой руки от себя снизу вверх тыльной стороной ладони вперед, при этом пальцы руки слегка разомкнуты. Жест совершается (повторяется) два, три раза.

а) То же.

Жест может сопровождать высказывания типа: «Get off».

б) Нет

в) Нет

2) Р. О. Жест «отмахивания»

Выполняется правой рукой от локтя ладонью вперед на уровне груди от себя сверху вниз.

а) Жест передает желание человека избавиться от кого-то в общении. Он может сопровождать высказывания типа: «Отойди!», «Не мешай!»

б) Безразличие, согласие без желания. Жест в этом случае может сопровождать высказывания типа: «Делай как знаешь», «Все равно», «Ну и пусть» и т. д.

в) Отрицательное отношение к какому-то действию, предмету. Жест может сопровождать высказывания типа: «А...!»

в) Нет

(Не спрашивайте), «Не стоит с ним разговаривать», «Да не надо этого делать» (жест сопровождается подчеркнутые слова) и т. д.

IX. Отсутствие в английской (русской) кинесической коммуникации тех или иных элементов, наблюдаемых в русском (английском) общении

1) А. О. Жест привлечения внимания. Похлопывание в ладоши, которое может сопровождаться указательным жестом, выполняемым кистью руки. В Р. О. отсутствует.

Топологическое различие английских и русских элементов кинесической коммуникации может быть связано с их выполнением в различных плоскостях.

Движения человеческого тела могут совершаться в вертикальных, горизонтальных, наклонных плоскостях.

Основная вертикальная плоскость, имеющая направление спереди — назад (\updownarrow), носит название с а г и т т а л ь н о й. Вертикальная плоскость, имеющая направление слева — направо (\leftrightarrow), называется ф р о н т а л ь н о й.

Русский и английский запрещающие жесты производятся в различных плоскостях: русский в с а г и т т а л ь н о й (размахивающее движение указательного пальца от себя к себе, сверху вниз и т. д.), английский во ф р о н т а л ь н о й (размахивающее движение указательного пальца из стороны в сторону, слева направо).

Топологическое различие элементов русской и английской кинесической коммуникации может заключаться в направленности движения. Английский и русский жесты «отмахивания» совершаются в сагиттальной плоскости. Русский сверху вниз, английский снизу вверх.

Топологическое несходство может определяться выполнением жестов различными пальцами. Русский жест, выражающий недоверие правдивости чьего-либо высказывания, совершается указательным пальцем правой руки, английский — большим пальцем правой руки.

Метрическое различие сопоставляемых элементов русской и английской кинесической коммуникации связано с рычагами их порождения.

Согласно системе движения Н. С. Позднякова, все движения человеческого тела происходят от вращения его рычагов. «Прямолинейные движения в человеческом теле являются лишь производными от дугообразных: они возможны только при работе системы рычагов. Так, например, если прямолинейно движется кисть, то происходит это за счет вращения плеча и предплечья; если прямолинейно перемещается в пространстве все тело, то это лишь следствие вращения рычагов ног. Рычаги тела, вращаясь, заполняют движениями какие-то отрезки больших или меньших сфер»⁹.

У английских и русских указательных жестов рычаги порождения движения различны.

У русских жестов — это рычаг плеча или предплечья, у английских — предплечья, запястья.

Рука от плеча или предплечья становится радиусом окружности, а производимое движение — частью окружности.

Радиус движения русских указательных жестов значительно больше радиуса английских: вся рука от плеча или предплечья, предплечье или кисть руки.

В величине радиуса движения заложено метрическое различие русских и английских указательных и целого ряда других жестов.

В основу исследований движения положено восприятие человека человеком. У людей, вступающих в общение, нет аппаратов, запечатлевающих движение в трехмерном пространстве и времени. В процессе общения то или иное движение может быть запечатлено в ряде случаев лишь в одной из плоскостей. Мы старались представить зрительное восприятие смысловых элементов русской и английской кинесической коммуникации.

Их сопоставительное описание предусматривало: 1) раскрытие смыслового назначения элемента кинесической коммуникации; 2) его взаимодействие с языком (замещение или сопровождение элементов языка); 3) указание органа, выполняющего движение; 4) словесное описание

⁹ «Моторика и характер» (работа выполнена под руководством Л. С. Выготского, МГУ), стр. 67—68 (рукопись).

рисунка движения, его направленности; выборочно его словесную циклограмму, то есть цикличность, этапность в совершении движения; 5) рассмотрение описываемого движения по отношению к положению человеческого тела в пространстве.

Н. А. Бернштейн писал о том, что «...до настоящего времени не создано ни одного нового метода, который позволил бы регистрировать в пространстве и времени весь ход сложного двигательного акта, по всему моторному аппарату тела сверху донизу. Для изучения... «переменной комплексности», ...до сих пор нет другого средства, кроме циклографической фоторегистрации и ее несколько огрубленного варианта — кинографии»¹⁰.

Не планировалось широкое, фронтальное сопоставительное описание эмоциональных элементов русской и английской кинесической коммуникации. Разобранные 30 случаев внешнего проявления различных чувств и эмоциональных состояний дают возможность говорить о том, что внешнее проявление эмоций в общении у русских и англичан делает их узнаваемыми, то есть во внешнем проявлении эмоций в целом ряде случаев наблюдается инвариантность, топологическое сходство.

Это еще одно подтверждение тех выводов, которые были сделаны Ч. Дарвиным, П. Мантегацци, В. М. Бехтеревым о единой биологической основе человеческих эмоций¹¹.

Однако при сопоставлении эмоциональных элементов русской и английской кинесической коммуникации обратило на себя внимание выражение одного и того же эмоционального состояния различными элементами кинесической коммуникации; использование одного и того же элемента для передачи ряда чувств и эмоциональных состояний; предпочтение в общении тех или иных форм внешнего выражения эмоций.

По мнению В. М. Давыдова, «...под влиянием национальной культуры, обычаев, воспитания одни биологи-

¹⁰ Н. А. Бернштейн. Очерки по физиологии движений..., стр. 6.

¹¹ Ч. Дарвин. О выражении ощущений. СПб., 1872; В. М. Бехтерев. Биологическое развитие мимики с объективно-психологической точки зрения. СПб., 1910; П. Мантегацци. Физиология и выражение чувств. Под ред. Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкого. Киев, 1886.

чески обусловленные формы выражения чувств предпочитают другим, также биологически обусловленным»¹².

Топологическое сходство эмоциональных элементов кинесической коммуникации может нести в себе различие их интенсивности и особых темпо-ритмов, присущих внешнему, моторному проявлению эмоций у данного народа.

В интенсивности и темпо-ритмах эмоциональных проявлений находит свое выражение национальный темперамент и особенности психического склада того или иного народа.

Степень интенсивности внешнего проявления чувств и эмоциональных состояний, их темпо-ритмы нуждаются в дальнейших специальных исследованиях.

СОЦИАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЧИ

1. Социально-речевые символы этикетного уровня. Вокативы

Именные и местоименные вокативы помимо звательной функции играют роль средств символического означения большей или меньшей близости коммуникантов в социально-имущественном, должностном, возрастном отношениях, а, значит, большей или меньшей общности/противоположности интересов в психологическом плане. Они отражают определенную степень солидарности и готовности к сотрудничеству и взаимопониманию или, наоборот, отчужденности и враждебности.

Нормы общения в современном французском обществе допускают некоторую вариантность выбора форм обращения. Так же, как и в большинстве европейских языков, во французском языке основной выбор делается среди социально дистантных вокативов: *Monsieur, madame, mademoiselle, Monsieur Jean, Monsieur Durand, Durand, Jean, mon vieux, mon petit, mon cher* и т. п. Знаки абсолютного наименования социально-должностного ранга — *baron, éminence, maître, M^r le Maire, patron* и т. п. значи-

¹² В. М. Давыдов. Паралингвистические функции сверхсегментных средств английского языка в сопоставлении с русским. МГУ, 1965, стр. 33—34 (канд. дисс.).

тельно уступают социально-дистантным средствам по распространенности (сфере функционирования). В этом факте находит свое выражение общая тенденция сокращения разнообразия и количества знаков в процессе размыывания социально-групповых перегородок, уменьшения психологической (но не социально-имущественной) дистанции между ними. Старая система наименования, отличавшаяся разнообразием знаков, уступает место новой, с меньшим количеством знаков, которые используются не для обозначения абсолютного социального ранга, а для установления относительного расстояния (дистанции) между социально-ранговым положением общающихся.

Выбор вокативов регулируется в зависимости от осознания отношений равенства/неравенства между партнерами по общению. Отношения равенства выражаются в симметричном функционировании социально-дистантных средств. Отношения неравенства вызывают асимметрию их использования.

В пределах формальных групп единственным критерием оценки равенства/неравенства является относительное расположение членов группы на служебно-должностной лестнице. Асимметрия социально-дистантных средств определяется официально регламентированным подчинением одних должностей другим. Все остальные (возрастные и личностные) качества индивидов полностью замещены соответствующей должностной функцией¹³. Большие функциональные права начальника, по сравнению с подчиненным, распространяются и на речевое поведение. Асимметрия социально-дистантных средств здесь лишь простое отражение асимметрии в правах и обязанностях должностных функций.

Она есть следствие различной степени свободы выбора средств обращения. При обращении снизу вверх степень свободы минимальна. В пределах одной конкретной группы (учреждения, предприятия) свобода выбора ограничена одним-двумя вариантами: M^r ($M^r + Nom$, $M^r + fonction$) (Вариант $M^r + Nom$ на различных социально-классовых уровнях французского общества имеет различное происхождение. В мелкобуржуазной среде эта форма обращения традиционна и до последнего времени расценивалась как

¹³ К подобному же выводу приходят Р. Браун и М. Форд, исследовавшие использование обращений в американском обществе: «В обществе, где ценность человека определяется скорее его ста-

отклонение от социально-престижной нормы общения. В среде крупной буржуазии, среди людей с высоким образовательным уровнем форма $M^r + \text{Nom}$ стала обычной в послевоенное время под влиянием англо-американской нормы).

Асимметрия обращений в группах со строго официальным типом отношений сверху вниз и снизу вверх, как было сказано, является результатом различной степени свободы выбора вокативов. Начиная со школьной скамьи, любая другая форма кроме M^r , адресованная снизу вверх, включая и нулевую (т. е. обращение без вокатива), расценивается как грубое нарушение, оскорбляющее достоинство вышестоящего лица. Ответы: *oui*, M^r ; *non*, M^r с детских лет прививаются французам как единственно возможные в общении со старшими вне семьи. Эти же формы в общении взрослых сохраняют то же отношение подчиненности, но уже не в возрастном, а в официально-должностном плане.

В то же время лицо вышестоящего ранга располагает значительной свободой в выборе средств наименования подчиненного. В его распоряжении помимо дистантных M^r или $M^r + \text{Nom}$ оказывается набор средств, которыми он может оперировать как знаками своего отношения к подчиненным:

- 1) Нулевая форма;
- 2) *Nom* (N)
- 3) *Mon cher* + M^r (+ *Nom*)
- 4) *Mon cher* (*ami*)
- 5) *Prénom*¹⁴
- 6) *Mon brave* + N (*Prénom*)¹⁵.

По-существу, этот ряд сверху вниз представляет различные по интенсивности степени расположения начальствующего лица, которое оно раздает подчиненным как знаки одобрения.

тусными атрибутами, чем личными качествами, вполне закономерно, что именно должностное положение, а не возраст, детерминирует уважение». (R. Brown, M. Ford. Address in American English. «Journal of Abnormal and Social Psychology», 1961, v. 62, № 2, стр. 377).

¹⁴⁻¹⁵ Эти формы встречаются как редкие исключения в формальном общении. Они возможны лишь по отношению к тем, кто находится на самом низу служебной иерархии, т. е. как правило, к очень молодым (рассыльные, лифтеры и пр.) или очень пожилым (истопник, швейцар и пр.).

Выбор дистантных M^r . $M^r + N$ сигнализирует не только о том, что общение протекает в сугубо официальном плане, но и об определенном безразличном или даже неодобрительном отношении к подчиненному (по контрасту с другими, менее дистантными вокативами). Нулевая форма должна сигнализировать подчиненному о некотором ухудшении отношения к нему начальника. Обращение по фамилии (N), тем более по имени (Prénom) свидетельствует о доверии. *Mon cher ami*, $M^r + N$ (Prénom) интерпретируется как проявление участия и заботы. Обращение *mon brave + N* (Prénom) занимает особое положение, поскольку оно свидетельствует не столько о расположении, но и о некоторой снисходительности к социальной неполноценности того, к кому оно обращено.

Следует иметь в виду, что данная интерпретация обращения сохраняет свой смысл только в том случае, когда один и тот же вокатив используется вышестоящим лицом с некоторым постоянством по отношению к определенному подчиненному (или группе подчиненных). Любое изменение в привычном стереотипе обращения к определенному подчиненному является для него тревожным и выступает либо как знак ухудшения отношения к нему — при замене менее официального вокатива более официальным (например, M^r вместо N или N вместо Prénom)¹⁶, либо как сигнал, предвещающий неприятную для него информацию.

Рассмотренные вокативы именного типа сочетаются почти исключительно с местоименным *Vous*(V). Форма Tu(T) возможна лишь с *Prénom* и *Mon brave*, о которых уже говорилось как о случаях, редких для формальных групп этого уровня.

Таким образом, асимметрия в официальном общении является, с одной стороны, следствием неравенства прав членов группы, а с другой — дополнительным средством, закрепляющим должностное неравенство и на психологическом уровне. Член группы более высокого должностного ранга имеет возможность благодаря большей

¹⁶ Ср. сценку, подсмотренную Р. Браун и М. Форд: «На следующий день после совместной пирушки молодой клерк громко обращается к начальнику: «Morning Jack!» и получает в ответ ледяное «Good morning, Mr Jones» (R. Brown, M. Ford. Указ. соч., стр. 382).

свободе выбора вокативов произвольно устанавливать психологический тон общения с подчиненным, выражая свои положительные или отрицательные чувства к нему символически. В то же время члены группы нижестоящих ступеней лишены возможности выражать свое отношение этим способом¹⁷.

При переходе от формального к неформальному типу общения можно выделить переходный тип отношений, который при несомненной асимметрии вокативов характеризуется меньшей напряженностью вертикальных отношений в психологическом плане. В формальном общении этого типа приняты не дистантные, а абсолютные формы вокативов: *patron, chef, boss*. Они функционируют в формальных группах, как правило, немногочисленных по составу и без промежуточных звеньев между вершиной и подножием иерархической пирамиды, т. е. в таких группах, где есть лишь одно звено подчинения. Это группы, где официальность отношений между главой (хозяином мастерской, магазина, кафе, начальником подразделения судебно-административного аппарата и т. п.), с одной стороны, и его подчиненными — с другой, смягчена более или менее искренними патерналистскими тонами. Малые формальные группы с патерналистским тоном отношений между высшим и низшим рангами по своим психологическим характеристикам составляют переходную ступень к неформальным группам. С тем же полушутливым налетом обращения *patron, chef, boss* используются в неформальном общении посетителей небольших кафе с хозяином (*patron*) — клиентов с водителем такси, барменом (*chef*) или *boss* (последнее — под несомненным влиянием американских норм). Впрочем, сохраняющаяся в этих случаях асимметрия обращений заставляет с осторожностью относить ситуации этого типа к неформальному общению.

Типологическим признаком неформального речевого общения можно признать осознание равенства прав коммуникантов как партнеров общения (равноправное парт-

¹⁷ С большим убеждением К. Браун и М. Форд пишут в виде поучения читателю: «Лицо более низкого ранга никогда не должно использовать менее дистантную форму, чем та, которую употребляет начальник. В противном случае «шаг назад» к более дистантной форме, который делает лицо высшего ранга, ставит подчиненного на место» (*R. Brown, M. Ford. Указ. соч, стр. 382*).

нерство). На формально-речевом уровне это равенство выражено симметрией вокативов.

Устремленность к симметрии, по Т. Ньюкомбу¹⁸ и Ф. Хейдеру¹⁹, является общим принципом, мотивирующим поведение людей в социальном общении. Симметричность отношений устанавливается в результате подсознательного устремления личности к ликвидации напряженности, порожденной асимметрией компонентов ситуации общения. В рамках этой же концепции Ш. Абраванель и В. Акерманн²⁰, опираясь на выводы Де Сото²¹, полученные в экспериментальной ситуации, распространили их на факты, наблюдаемые в реальном речевом общении французов. Ш. Абраванель и В. Акерманн утверждают: а) что симметрия вокативов как на уровне Т — Т, так и на уровне V — V выражает отношения доверия (солидарности) и б) что «солидарные отношения имеют тенденцию к доминированию в современном французском обществе»²². Эти утверждения нельзя считать адекватными объективной действительности в обществе, которое — как признают сами авторы, — «не является гармонично развивающимся единым организмом, в котором сеть статусных отношений однозначно определяла бы и отношения солидарности»²³.

Симметрия вокативов имеет различное символическое содержание не только на разных уровнях (V — V и Т — Т), но и на одном и том же уровне Т — Т; и доминирование солидарных отношений следует относить не к обществу в целом, а к тем социально-классовым группам, где господствуют социальные нормы поведения, основанные на общности интересов, жизненных целей, идеалов.

Что касается распространенности симметрии отношений, то мы уже видели, что и она доминирует отнюдь не везде. В пределах формальных групп, в сфере официально

¹⁸ См.: T. Newcomb. An approach to the study of communicative acts. «Psychological Review», vol. 60, 1953.

¹⁹ См.: F. Heider. The psychology of interpersonal relations. N.—Y. 1958.

²⁰ Ch. Abravanel, W. Ackermann. Langage et communication. «Introduction à la psychologie sociale», v. 2, P., Larousse, 1972, стр. 169—193.

²¹ C. B. De Soto. Learning a social structure. «Journal of abnormal and social Psychology», vol. 60, 1960, стр. 417—421.

²² Ch. Abravanel, W. Ackermann. Указ. соч., стр. 197.

²³ Там же.

регламентированных отношений она вообще подавляется асимметрией. Но и там, где наблюдается симметрия отношений, она символизирует разные по социальной значимости «объекты» и, вследствие этого, — разное психологическое содержание «общности».

Симметрия вокативов однозначно символизирует отношения доверия и солидарности только на уровне Т — Т в общении между членами социокультурной группы, называемой нами условно «народной»²⁴, и возрастной группы молодежи²⁵.

Инициальное Т при первом речевом контакте членов народной группы, незнакомых между собой, на «своей территории» служит сигналом «свой»; наоборот, V сигнализирует: «не принимайте меня за своего». Если во внешнем облике адресата нет специфических атрибутов его рабочей профессии (одежда, инструменты и пр.), то общение на первых порах может происходить без вокативов на нулевом уровне (О — О) до тех пор, пока не проявятся социальнодиалектные показатели, позволяющие с достаточной уверенностью идентифицировать социокультурную принадлежность его носителя. В соответствии с результатами идентификации устанавливается либо уровень солидарности, либо дистантный уровень V — V. Во внутривнутригрупповом общении (народная группа) вокативы уровня V — V, в частности M', употребляются только в оскорбительном или ироническом смысле.

Симметрия V — V (в сочетании с Monsieur) в общении между представителями противостоящих групп отражает равенство социальных ролей партнеров неформального общения при подразумеваемом неравенстве социально-статусного положения, которое в данном случае совпадает с принадлежностью к антагонистическим группам. При этом психологически V, адресуемое к высшему

²⁴ Принадлежность к «народной» социокультурной группе определяется по признаку образовательного уровня (от начального до средне-технического), который коррелирует с социально-классовым признаком: по данным ЮНЕСКО за 1967, на этом образовательном уровне находились 96% рабочих, 86% ремесленников и 84% мелких служащих Франции (см.: «La Nouvelle critique», № 67, 1973, стр. 33). Народная социокультурная группа противопоставляется элитарно-буржуазной, имеющей колледж-лицейское и высшее образование.

²⁵ Символизм Т — Т в семейных и иных группах интимно-психологического характера не рассматривается.

рангу, и V, направленное вниз, имеют различное содержание. Со стороны рабочего (народная группа) стремление к симметрии V — V является отрицанием прав господствующего класса распространить неравенство производственных отношений на сферу личных коммуникаций. Переход от T — T к V — V подчеркивает право лица нижестоящего социального ранга на равное партнерство. Со стороны лица вышестоящего социального ранга (элитарная группа) V — есть вынужденный отказ от отношений господства в неформальном общении.

Носитель высокого социального статуса и в неформальном общении стремится к асимметрии, соответствующей его господствующему социальному положению, чтобы сохранить ту же свободу выбора вокативов, какой он пользуется в подчиненной ему формальной группе. Однако здесь он наталкивается на стремление носителей нижестоящих социальных рангов к симметрии, отрицающей его право на господство за пределами формальной группы. Он не имеет возможности избрать те вокативы, которые в формальной группе позволительны в отношении работников низшей категории: *mon brave*, *mon cher*, соотносимые с T, так как с переходом из формальных условий в неформальные восприятие этих вокативов резко меняется: их покровительственный тон расценивается получателем как нарочитое оскорбление, унижающее личное достоинство получателя. Для отправителя возникает реальная угроза получить ответное оскорбление. Симметрия T — T в таком случае и расценивается как фамильярность, оскорбляющая достоинство высокого социального статуса. Поэтому со стороны представителя господствующих социальных групп переход на уровень V — V в неформальном общении и носителем низшего статуса имеет место вынужденный отказ от отношений господства.

Уровень T — T характеризует также общение в социально-возрастной группе молодежи. Социальный символизм уровня T — T, доминирующего в группе молодежи, имеет, естественно, иной, неклассовый характер.

Симметрия отношений между членами молодежной группы тяготеет к уровню солидарности, независимо от социально-классовых перегородок, хотя она, несомненно, выше в однородных по социальному составу молодежных группах. Степень солидарности молодежи различна, как разнородна и сама молодежь по возрастным подгруппам,

социальному происхождению, роду занятий, полу и т. п. Тем не менее, нельзя отрицать некоторой психологической близости, существующей между молодыми людьми и исчезающей с возрастом. Подмеченная еще Кантом присущая человеческому существу «сильная потребность делиться с другими (даже без особой цели)»²⁶ тайными мыслями и переживаниями в наиболее открытой форме существует лишь в молодом возрасте. Можно думать, что биологически унаследованная и социально формирующаяся потребность в «эмоциональном контакте» с себе подобными у молодого человека еще не задавлена утилитарно-деловыми отношениями функционально-ролевого общения.

Таким образом, в буржуазном обществе, разделенном на оппозиционные группы, где решающим является разделение на антагонистические классы, выбор говорящими вокативов символически выражает отношения, существующие между представителями различных групп и классов. В соответствии с различным характером этих отношений в пределах формальных или неформальных групп между членами одной и той же социо-культурной группы или различных групп, стоящих в оппозиции одна другой, изменяются и правила выбора вокативов.

В формальном общении выбор асимметричных вокативов символизирует отношения господства/подчинения, распространяющиеся не только на служебно-функциональные, но и на психологические взаимосвязи.

Общение вне формальных групп характеризуется выбором симметричных пар вокативов, символизирующих различные степени равенства. Другими словами, симметрия отношений, объективированных в симметричных парах вокативов Т — Т, V — V и О — О, при всех условиях выражает некоторое равенство субъектов общения. И в этом смысле правы Ш. Абраванель и В. Акерманн. Однако совершенно неправомерно (если иметь при этом ввиду не экспериментальные ситуации, а реальные акты общения) ставить знак равенства между симметрией отношений и отношениями доверия.

На уровне V — V симметрия отношений между коммуникантами не идет дальше признания равенства их социальных ролей как участников неформальной речевой коммуникации. На этом уровне мы не видим выраже-

²⁶ Э. Кант. Сочинения. М., 1965, т. 4, стр. 413.

ния отношений доверия. Подчеркивая равное партнерство в неформальном общении, симметрия V — V подразумевает существенную социальную дистанцию, разделяющую субъектов в межгрупповом общении в классово-имущественном, возрастном, половом и т. п. отношениях и психологическую несовместимость при общении членов элитарной группы.

2. Социально-символические явления грамматического уровня

Помимо социально-речевых символов, регулируемых этикетными правилами общения, во французской речи наблюдаются явления грамматического характера, интерпретируемые в социально-символическом смысле.

К ним мы относим в первую очередь предпочтительный выбор говорящим одного из ряда коммуникативно-эквивалентных средств отрицания (полинегативного *ne... pas* или моонегативного *pas*) и вариантов общевопросительных и частновопросительных конструкций.

Если вокативы символизируют отношения между социальными статусами коммуникантов, то предпочтительный выбор грамматических вариантов является постоянным объективным показателем социального статуса говорящего. Выбор симметричных или асимметричных пар вокативов, выбор уровня симметрии меняются так же часто, как часто изменяются социально-статусные характеристики ситуаций общения.

Мотивы, побуждающие говорящего выбрать тот или иной вариант грамматических форм отрицания или вопроса, психологически не переживаются им как решение задачи морально-этического свойства. Выбор говорящим грамматических вариантов менее произволен, менее осознаваем, чем выбор вокативов. Их соотношение в речи носителя языка устанавливается в значительной степени в результате функционирования автоматизированных механизмов, реализующих грамматический план речи. Символическое содержание вокативов вкладывается в них говорящим более или менее осознанно, в то время как социальный символизм грамматических выборов как правило актуально не осознается говорящим, но проступает в них помимо его воли, произвольно.

Выбор участников актуальной коммуникации одного из вариантов синонимических конструкций отрицания и вопроса детерминируется в значительно большей степени всей предысторией присвоения речи индивидом, принадлежащим определенному социуму, чем сознательным ответом на изменяющиеся факторы конкретной социальной ситуации. Однако это не исключает полностью волевого регулирования выбора грамматических форм в зависимости и в ответ на изменение социальных характеристик ситуации.

Анализ речи, соотносимой с различными по признаку общности/дистантности ситуациями общения, свидетельствует о том, что выбор кодифицированных/некодифицированных вариантов структур отрицания и вопроса подчиняется одновременно двум факторам: социально-групповой стратификации и психологическому фону отношений между коммуникантами. В менее формальных ситуациях (уровень Т — Т) в обеих социокультурных группах наблюдается снижение показателя выбора кодифицированных вариантов в пользу некодифицированных, наоборот, в более формальных ситуациях представители обеих групп чаще, хотя и в разных пропорциях, выбирают кодифицированные варианты ²⁷. Тем не менее показатель выбора грамматических форм, совершая колебания в зависимости от социальной ситуации акта общения, постоянно остается в некоторых пределах, специфических для определенной социально-образовательной группы носителей языка. Именно эта относительная неизменность показателей выбора форм отрицания и вопроса дает основания считать их социально-символическими постоянными (константами) речи, которые позволяют с достаточной уверенностью отнести говорящего к одной из двух наиболее крупных про-

²⁷ Сходный результат получен У. Лабовом, исследовавшим альтернативное функционирование вариантов произношения (стандартного и просторечного) артикля the в Нью-Йорке. Он замечает по этому поводу: «Это одно из поразительных открытий социолингвистического исследования, поскольку авторы работ о социальном употреблении, написанных с позиций здравого смысла, пытались отделить «функциональное варьирование» от «культурных уровней», рассматривая их как полностью независимые измерения. Но связь между ними обнаруживается как в этом, так и в других добросовестных эмпирических исследованиях последнего времени» (У. Лабов. Исследование языка в его социальном контексте. «Новое в лингвистике», вып. VII. М., 1975, стр. 153).

тивостоящих социально-культурных групп буржуазного общества: народной или буржуазно-элитарной.

Социокультурные группы по способу присвоения языка различаются тем, что речь народной группы сформировалась главным образом на основе традиций (некодифицированных норм) повседневной устной речи, а то время как элитарная речь вобрала в себя книжно-письменные нормы кодифицированного языка. Излишне напоминать, что разрыв между обеими социокультурными группами является следствием социально-образовательной политики господствующего класса, заинтересованного в приобщении народных низов к культуре лишь постольку, поскольку это необходимо для воспроизводства квалифицированной рабочей силы²⁸.

Речевые нормы социокультурных групп прямо соотносятся со средним уровнем образовательного ценза в каждой группе.

С этой точки зрения выбор форм отрицания и вопроса находится в одном ряду с другими явлениями социально-диалектального характера. Собственно, любая характеристика социально-группового диалекта (просодическая, фонетическая, лексическая или синтаксическая) может быть интерпретирована как социально-символическая, как следствие различного способа присвоения языка, детерминированного принадлежностью к определенной социокультурной группе.

Тем не менее, в сравнении с другими социально-диалектальными характеристиками речи показатели выбора вариантов вопросительных и отрицательных конструкций как социально-символические константы имеют два важных преимущества. Во-первых, в сравнении с лексическими и структурно-синтаксическими явлениями, характеризующими социальный диалект, механизм выбора конкурирующих вариантов отрицания и вопроса работает на уровнях осознания, лежащих ниже, чем уровень осознания при выборе единиц лексического и структурно-синтаксического уровней (конструирование схемы высказывания). Об этом убедительно свидетельствуют факты многочисленных самокоррекций в спонтанной речи: они в подавляющем большинстве направлены либо на поиск более адекватных лексических, синтаксических или (ре-

²⁸ Ch. Bally. *Traité de stylistique française*. Paris, 1951, стр. 222.

же) произносительных вариантов. Иначе говоря, всякий раз, когда говорящий осознает какую-либо ошибку (или неточность) в своей речи, это касается ее смысловых компонентов, т. е. главным образом, лексических значений и порядка следования слов в высказывании. Между тем, обе формы отрицания и вариантные ряды вопросительных конструкций представляют собой в смысловом отношении абсолютные синонимы. Именно поэтому они и не становятся объектами смысловых коррекций. Вследствие этого и в случае адаптации своей речи к нормам чужой социокультурной группы²⁹ социально-символические константы тоже сравнительно редко подвергаются волевому регулированию.

Сказанное позволяет утверждать, что соотношение форм отрицаний и вопросов можно рассматривать как достаточно объективный и постоянный показатель социально-групповой принадлежности говорящего.

В том же направлении повышения надежности и объективности работает и вторая особенность социально-символических констант, отличающая их от других признаков социального диалекта. Эта особенность в их высокой частотности вне зависимости от тематических концентров и ситуаций общения. Приглагольное отрицание *pas* в речевом корпусе Гуженема и др.³⁰ по частотности (=5308) стоит на восьмом месте среди 312 135 словоформ, т. е. в среднем встречалось через каждые 6 слов и, что особенно важно, имеет достаточно ровное распределение по актам общения: из 163 коммуникаций оно отсутствует лишь в 5.

Высокие (хотя и значительно ниже предыдущих) показатели частотности и распределения по темам и ситуациям общения имеют и вопросительные конструкции: в речевом массиве из 82 000 слов, зафиксированных в 15 актах спонтанного общения, вопросительные формы были обнаружены во всех 15 актах общения в количестве 935 на 2400 высказываний, т. е. в среднем один вопрос на 2,6 высказывания³¹.

Высокие показатели частотности и распределения, независимо от тематического содержания речи, позволяют

²⁹ См.: Ch. Bally. Указ. соч., стр. 223, 277.

³⁰ См.: G. Gougenheim, R. Michea, P. Rivenc, A. Sauvageot. L'élaboration du français fondamental. Paris, Didier, 1964.

³¹ D. Coste. Étude des conversations d'enfants de neuf ans. S.-Cloud, 1967.

обнаружить формы отрицания и вопроса практически в любом акте речевого общения и определять их соотношения на небольших по протяженности текстовых массивах. В соединении с отмечавшимся выше качеством объективности высокие показатели частотности и распределения³² отрицательных и вопросительных конструкций превращают их в удобные инструменты анализа индивидуальной речи для определения социально-групповой принадлежности ее носителя и характеристики степени нормативности (кодифицированности) речи.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕСТОВ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ

Жесто-мимические средства общения могут составлять предмет различных исследований. В настоящее время к ним проявляют интерес социальные психологи, изучающие эволюцию системы жестов в связи с социальной эволюцией общества, социологи, которые ставят перед собой цель изучить жесты различных социальных групп (профессиональные жесты, жесты женщин, мужчин, жесты великих людей, жесты, используемые в парламенте, судопроизводстве и т. д.), а также психолингвисты, трактующие вопросы отношения лингвистических и паралингвистических средств.

В основу предлагаемой классификации жестовых средств положен переводческий принцип. Жесты русско-французской параллели рассматриваются с точки зрения эквивалентности и возможности их использования в связи с коммуникативными потребностями в ситуациях различной тональности. Все жесты национальной культуры можно поделить на три группы:

1. **Ж е с т р е а л и я.** Такой жест является специфичным для данной культуры и может быть понят только ее носителями. Например, поднятый мизинец во время разговора собеседников никак не воспринимается русским.

³² По этим признакам, т. е. по объективности (непроизвольности), частотности и распределению, их превосходят просодические и фонетические характеристики речи. Однако они неприемлемы в качестве инструмента анализа речи, потому что не существует удобной системы их фиксации в графике.

В японской культуре он означает жену или любовницу. Сам по себе этот жест является вульгарным. К нему прибегают, когда хотят указать на характер отношений собеседника с дамой³³. Во французской культуре принят жест — поглаживание пальцами по щеке. Русскими он не воспринимается, а для французов он означает, что «ты мне надоел, ты долго разговариваешь».

2. Э к в и в а л е н т н ы е ж е с т ы. Их следует поделить на две группы: а) жесты, у которых один и тот же денотат, но разный способ выражения. Русские, выразительно постукивая пальцем ниже скулы, хотят сказать что «этот тип нализался»; французы в этой ситуации свернутыми в дудочку пальцами правой руки поворачивают справа налево у кончика носа, словно желая его свернуть.

б) В а р и а т и в н ы е ж е с т ы. К этой группе относятся жесты, которые отличаются только манерой исполнения. Они являются национальными вариантами. Эти жесты легко идентифицируются представителями иной культуры благодаря инварианту кинесических средств.

В табл. 3 приводятся некоторые вариативные жесты русско-французской параллели.

К эквивалентным жестам относится большинство кодифицированных жестов. Они используются как средство управления в сфере определенной деятельности. Национальная специфика таких жестов проявляется в операциях совершения жестового действия. Сравним жесты военных, употребляемые в Советской Армии и во французской армии для управления машинами и людьми (табл. 4).

Из приведенной таблицы жестов военнослужащих видно, что: 1) русские жесты более иконичны, а французские более «предметны», так как имитируют в какой-то степени реальные действия; 2) русские используют обе руки, а французы главным образом одну; 3) у русских значимы левая и правая руки, французы же правую и левую руки могут использовать для выражения одного и того же значения.

3. А р е а л ь н ы е ж е с т ы. Эти жесты идентичны как в плане содержания, так и в плане выражения. Для французо-русской параллели такими жестами являются

³³ В. Saint-Jacques. Langage gestuel en japonais. «Langes et techniques, nature et société», vol. 1, 1972.

Таблица 3

Вариативные жесты

Значение жеста	Русский вариант	Французский вариант	Инвариант
1. Желание пить	Движение руки к раскрытому рту, пальцы свернуты в дудочку	Движение руки к раскрытому рту, пальцы, кроме большого, прижаты к ладони	Движение руки со сжатыми пальцами к раскрытому рту
2. Низкие умственные способности	Движение указательного пальца у виска	Постукивание указательным пальцем у виска	Движение указательного пальца у виска
3. Жест, предписывающий войти, приблизиться	Движение пальцев в сторону адресанта, ладонь повернута тыльной частью вниз	Движение пальцев в сторону адресанта, ладонь повернута тыльной частью вверх	Движение пальцев в сторону адресанта
4. Выражение состояния пресыщенности	Движение повернутой вниз ладони с вытянутыми пальцами ниже подбородка	Тот же самый жест руки над головой	Поперечное движение повернутой ладони вниз
5. Счет	Указательным пальцем правой руки загибают пальцы левой руки	Указательным пальцем правой руки разгибают пальцы левой руки	Совершение операции пальцем правой руки над пальцами левой руки
6. Выражение небольшого количества	Большой палец упирается в фалангу указательного пальца одной руки	Указательный палец одной руки упирается в фалангу другой руки	Обозначение фаланги указательного пальца другим пальцем

жесты, обозначающие «иметь деньги», «здорово» (большой палец), удовольствие (потирание рук), приветствие (кивок головы), отказ от ответственности («умываю руки») и многие другие.

Причиной проявления ареальных жестов являются в какой-то степени схожие условия практической деятельности, взаимовлияние национальных культур и анатомия человека.

К ареальным жестам, свойственным французам и русским, можно отнести предметные жесты, жесты, информирующие об эмоциональном состоянии, предписывающие жесты.

Предметными жестами обозначают: 1) размер, место и направление (вытянув и широко расставив руки, указывают на большой размер предмета;

Таблица 4

Французский жест	Описание жеста	Русский жест	
1. Garde à vous! (рис. 1)	Maintenir le bras levé verticalement	Поднять правую руку вверх и держать до отзыва (до повторения сигнала «Внимание!»)	1. Внимание! (рис. 2)
2. Moteur en marche! (рис. 3)	Exécuter un moulinet énergique de l'avant-bras	Правой рукой вращать впереди себя	2. Заводи! (рис. 4)
3. Ralliement autour de moi! (рис. 5)	Maintenir le bras levé verticalement	Поднять правую руку вверх и кружить над головой, после чего руку резко опустить	3. Сбор. Ко мне! (рис. 6)
4. Halte! (рис. 7)	Le bras tendu verticalement, l'abaisser latéralement et complètement, la paume de la main dirigée vers la terre	Поднять левую руку вверх и быстро опустить вниз перед собой, повторяя до исполнения	4. Стой! (рис. 8)
5. Montez! (рис. 9)	Le bras tendu verticalement, l'abaisser brusquement, la main passant devant le visage	Поднять обе руки вверх и резко опустить вниз через стороны	5. По местам! (рис. 10)
6. Descendez! (рис. 11)	Le bras tendu verticalement, l'abaisser brusquement, la main passant devant le visage	Поднять обе руки вверх и держать до исполнения	6. К машинам! (рис. 12)
7. Arrêtez les moteurs! (рис. 13)	Joindre les mains au-dessus de la tête, les bras demi-tendus pour former un zéro ³⁶ , ³⁸	Размахивать перед собой обеими опущенными руками ³⁴	7. Глуши мотор! (рис. 14)

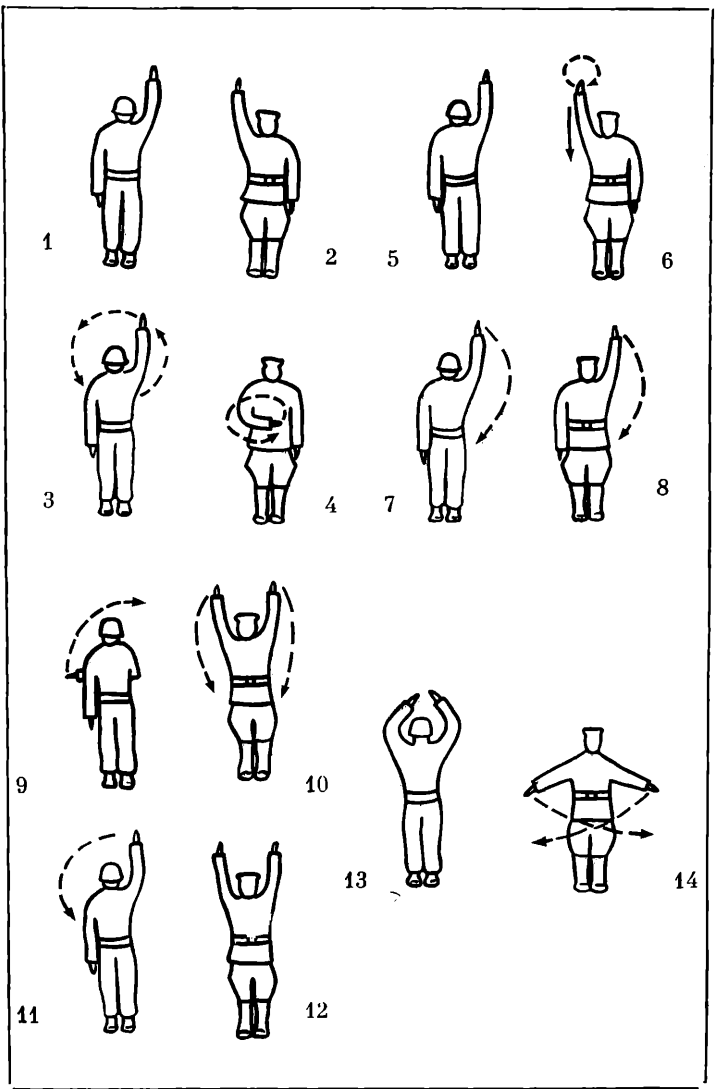
³⁴ «Manuel de préparation au certificat interarmes». Т. 1. Charles-Lavauzelle. Paris, Limoges-Nancy, 1962, стр. 760—763.

³⁸ Colonel Rucolle. Manuel du sous-officier, candidat au certificat interarmes. Paris, 1961, стр. 495—497.

³⁶ «Строевой устав ВС Союза ССР». М., Воениздат, 1970, стр. 152—162.

приблизив ладони рук, обозначают узкое место, расставив ладони — широкое; чтобы выразить высоту, поднимают руку вверх ладонью вниз);

2) форму (плоская форма — движение руки в горизонтальном положении ладонью вниз; круглая форма — округленные руки или ладони образуют шар);

3) число (один — разогнуть указательный палец, два — указательный и средний пальцы, три — указательный, средний и безымянный пальцы и т. д.);

4) движение (медленное движение — медленное движение руки вниз и вверх; быстрое движение — рука резко отбрасывается горизонтально от груди).

Эмоциональные жесты: выражение стыда и покорности — опущенные голова и глаза; удовольствие — потирание рук; угроза — показать кулак; отчаяние — скрещенные пальцы рук у груди; удивление — раскрытый рот и широко открытые глаза; обескураженность — опущенные вдоль тела руки; преданность — ладонь на груди; нетерпение — пощелкивание среднего пальца о большой палец.

Предписывающие жесты: удаление — вытянутая рука с указательным пальцем; приказание — указательный палец вытянутой руки направлен к земле; внимание — поднятая рука или кисть; молчание — указательный палец у губ³⁷.

Существование совпадающих жестов в национальных культурах подтверждается наличием в языках фразеологических совмещенных омонимов (ФСО). ФСО — это такие фразеологические единицы, в основе которых лежит жестовый или мимический образ и которые приобрели в ходе эволюции косвенное значение³⁸. К ним относятся фразеологические единицы типа «умываю руки», «по горло быть сытым», «кивать головой», «ударить по рукам» и др.

Сравнение ФСО во французском и русском языках (мы шли от русского языка к французскому и проанализировали 70 ФСО) показали, что некоторые из них не имеют аналога ('показать шиш', 'ударить по рукам', 'махнуть рукой на что-то' = *faire la nique, taper, faire son deuil de qch*), другие совпадают ('руки опускаются', 'закрывать рот', 'потирать руки', 'повернуться спиной' = *les bras m'en tombent, fermer la bouche, se froter les mains, tourner le dos*), третьи совпадают по переносному значению, но отличаются по составу компонентов, что указывает: 1) на национальную форму исполнения жеста ('по горло

³⁷ Jean Blaize. L'art de dire. Paris, 1955.

³⁸ Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец. Современная омонимия в сфере фразеологии. — ВЯ, № 2, 1969.

быть сытым' — *en avoir par dessus la tête*)³⁹; 2) на национальные условия практической деятельности ('носиться с кем-либо на руках' — *porter sur le dos*, 'сесть на шею' — *monter sur le dos*. Появление французского ФСО связано с тем, что французские крестьянки во время работ в поле носили ребенка на спине); 3) на национальную форму выбора образа, положенного в основу ФСО ('иметь руки загребущие' — *avoir des doigts crochus*, буквально «пальцы загребущие», 'палец о палец не ударить' — *se tourner les pouces*).

В теории коммуникации жесты и мимика привлекают исследователя с точки зрения их использования в ситуациях различной тональности. Как и речевые средства, жесты и мимика наделены семантико-экспрессивной окраской, и на них распространяются этические нормы поведения. Приведем пример: «Послушайте, Кротов, надоели мне ваши остроты. Я, черт, побери, не намерен их больше выслушивать. Перед вами не приятель. Извольте отвечать как положено. Здесь редакция. Я разговариваю с вами как официальное лицо. Сядьте нормально, не разваливайтесь, здесь не солярий. Он подобрал ноги, выпрямился»⁴⁰.

Этические правила для жесто-мимического поведения кодифицированы в таких рекомендациях как «не указывай пальцем», «не шмыгай носом», «не ковыряй в носу». Индивид ориентируется в выборе того или иного жеста в различных ситуациях, учитывая тональность общения. Для европейского культурно-исторического ареала в советской лингвистической литературе принято выделять следующие тональности: возвышенная, нейтральная, нейтрально-обиходная, фамильярная, вульгарная.

Мы находим возможным дать классификацию жестов на основании типов тональности. К сфере **в о з в ы ш е н н о й т о н а л ь н о с т и**, характеризующейся торжественностью, аффективностью, относятся ритуальные жесты, символические жесты (приветствия военных; жесты председателя парламента, жесты, применяемые во французском судопроизводстве), жесты, описываемые в рабо-

³⁹ Встречаются также *en avoir par-dessus le menton, par dessus la gorge*.

⁴⁰ А. Тобояк. История одной любви. «Юность», № 1, 1975, стр. 20.

тах об ораторском искусстве⁴¹ жесты для выражений чувства (*caresser les cheveux d'un enfant*).

Нейтральная тональность отличается нулевой эмоциональностью. Сюда относятся жесты сферы управления (жестовые команды военных, жесты регуляторов уличного движения, жесты строителей), а также предметные жесты.

Нейтрально-обиходная тональность: применяют жесты для установления контакта (жест готовности отвечать у школьника, жест остановки машины и т. д.).

Фамильярная тональность: большинство жестов, используемых в непринужденной обстановке («на большой палец», «деньги иметь», похлопывание по плечу, похлопывание по спине, жест «проваливай!», французский жест «пошел к черту!» и т. д.).

Вульгарная тональность — несанкционированные обществом жесты (вульгарные жесты)⁴².

Одной из отличительных черт жестовой системы является омонимичность как следствие ограниченных по сравнению с языком возможностей жестовыражения. Многим жестам свойствен «разброс» по тональностям. Если в естественном языке мы имеем дело с синонимическим рядом слов, то в системе жестов количество синонимов невелико, но зато один и тот же жест может использоваться в ситуациях разной тональности и исполняться в разных редакциях. Например, жест «вытянутая рука ладонью вверх» выражает в ситуации ораторской речи предложение, приглашение, а в ситуации нищего — просьбу. Поднятая вверх рука в ритуальных сценах — торжественный жест; в системе военных, выражая команду «внимание!», этот жест обладает низкой экспрессией. Что касается синонимов, то, во-первых, они включены в рамки так называемых предписывающих и указательных жестов, во-вторых, — как и вербальные средства, они подчиняются социальным правилам их применения, они маркируют

⁴¹ Г. З. Апресян. Ораторское искусство. МГУ, 1972: «Ораторская жестикуляция — это взмах руки или рук: вытянутая ладонь или прижатая к сердцу, рука, сжатая в кулак. Отрицательный знак — линия, образованная движением руки по горизонтали. Утвердительный знак выражается взмахом руки сверху вниз» (стр. 185).

⁴² Armand Lanoux. Quand la mer se retire. Julliard, 1963, стр. 116; Hervé Bazin. L'huile sur le feu. Bernard Grasset, 1954, стр. 143.

социальные различия общающихся. Указательный жест ладонью — вежливый жест, особенно если он сопровождается наклоном головы, придающим оттенок учтивости. Тот же самый жест вытянутым указательным пальцем более императивен и соответствует обращению на «ты», когда он является изолированным, т. е. не сопровождается другими жесто-мимическими действиями. Большой палец руки, указывающий за спину, — пренебрежительный фамильярный жест. Им выражают неуважение к человеку.

Предписывающий жест «идите сюда» операционно выполняется по-разному русскими и французами (ладонь вверх — ладонь вниз), однако в социальном плане они релевантны, так как ими пользуются при обращении на «вы». А его синоним «движение указательного пальца» применяется при обращении к нижестоящему (к детям, например).

Социальные правила устанавливают рамки использования жестов. Например, похлопывание по плечу возможно только в условиях фамильярных отношений коммуникантов или, по крайней мере, фамильярного отношения одной из сторон. Старший может себе позволить похлопать по плечу младшего, обратное будет восприниматься как нарушение этикета.

Проблема социальных ограничений употребления жестов еще недостаточно изучена, она требует конкретных исследований.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ США (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИВЕТСТВИЙ)

Жизнь любого общества невозможна без соблюдения социальных норм и обычаев, регулирующих общественную деятельность и теснейшим образом связанных с процессом формирования личности, ее социализацией.

Процесс социализации личности, процесс усвоения личностью культуры данного общества выступает как «интернализация заданной суммы императивных требований»⁴³, а обычаи, к которым примыкают этикетные правила, являются наиболее древними формами хранения и

⁴³ Ю. А. Левада. Сознание и управление в общественных процессах. «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 68.

передачи общественно-исторического опыта человечества.

Возникшие в результате длительной культурной эволюции на общественно-производственной (а не биологической, подобно биологическим ритуалам животных) основе, культурные ритуалы человека, тем не менее обладают такими же коммуникативными функциями, что и биологические ритуалы животных ⁴⁴.

Эти функции — контрольную (отвод агрессии) или связующую (образование связи между парами или группами особей) наиболее легко, по мнению К. Лоренца, обнаружить на примере правил повседневного поведения человека в обществе, на примере так называемых «хороших манер», сравнивая «хорошие манеры» в различных культурах и подкультурах.

Поскольку этикетные правила являются одной из форм взаимодействия между людьми и могут быть различными как в малых социальных группах, так и нациях, культурах, то знание этих правил имеет особое значение для взаимного понимания при общении личностей, выросших в условиях различных культур.

Одна из сторон обучения правилам повседневного поведения — обучение «речи в культуре», речевому этикету, это особенно важно, в частности, при обучении иностранному языку как средству общения.

Речевой этикет, понимаемый как «ритуализированное, отражающее существенные социальные критерии речевое поведение человека в обществе» ⁴⁵, характерен для диалогической речи, контактного общения, не поддается во всех своих элементах рациональному объяснению с точки зрения синхронии; воспроизводится носителями языка интуитивно; не всегда совпадает в различных культурах, вследствие чего речевое поведение иностранца, не владеющего им, может привести к непониманию, «культурному шоку» ⁴⁶.

⁴⁴ К. Лоренц. Эволюция ритуалов в биологической и культурной сферах. «Природа», 1969, № 11, стр. 44.

⁴⁵ А. А. Акишина, К. Камозава. Сопоставительный анализ русского и японского речевого этикета и методика преподавания русского языка. «Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам». Изд-во МГУ, 1974, стр. 9.

⁴⁶ М. С. Золина. К вопросу о месте узуального речевого материала в курсе ускоренного обучения взрослых иностранным языкам и его методической классификации. «Вопросы обучения специалистов иностранным языкам». М., 1974, стр. 79.

Участники акта коммуникации в процессе общения используют определенные лексические средства в соответствии с характером ситуации, характеристиками собеседников (пол, возраст, социальный статус, родство, знакомство) и иерархии социального положения собеседников (ниже, равное, выше), т. е. кто, когда, где и с кем говорит и, кроме того, в соответствии с функциями высказывания (просьбы, приказание и т. д.)⁴⁷.

Мы попытаемся описать некоторые формулы американского речевого этикета — формулы приветствия в тесной связи с невербальными сигналами — проксемическими и кинесическими данными, используя как материалы советских и зарубежных исследователей, так и собственные наблюдения.

Исторически в США сложилась этническая система на английской основе. Именно такой характер системы является преобладающей и престижной формой в американской жизни, именно ей подражают вот уже несколько столетий иммигранты, стремящиеся стать «настоящими американцами». Поэтому мы в основном говорим о британско-американской системе коммуникативного поведения⁴⁸.

Приветствия. Анализируя поведение людей, обменивающихся приветствиями, известный американский психиатр и исследователь Альберт Шеффлен отмечает, что основными моментами приветствия (как процесса), которые можно наблюдать и у приматов, являются: «1) ориентация (глаза и лицо); 2) кинесическое движение, называемое «вспышка бровей» (*eyebrow flash*); 3) вербальная формула приветствия; 4) жест приветствия, в котором участвует ладонь. Интересно, что второй момент приветствия — *eyebrow flash* наблюдается лишь в том случае, если коммуниканты действительно знают друг друга. Это кинесическое движение является как бы сигналом приблизиться друг к другу, а не просто посмотреть и пройти мимо»⁴⁹.

⁴⁷ S. M. Erving-Tripp. Sociolinguistics. «Advances in Experimental Social Psychology», vol. 4. 1969.

⁴⁸ Если участники коммуникативного акта происходят из одной этнической общности, то в основном они используют те же формы речи, позы, кинесические средства и в целом будут понимать и соответствующим образом отвечать на эти формы в соответствии с социальным классом, региональными особенностями и своим опытом.

⁴⁹ A. E. Schefflen, A. Schefflen. Body language and social order.

Выражения приветствия служат для установления контакта с собеседником, задают этикетный тон всему разговору, определяя ситуацию, набор дифференциальных признаков участников коммуникативного акта и т. д. Приветствия как бы выражают желание начать разговор, служат отметкой времени того, когда и как состоялся контакт⁵⁰.

В американском речевом этикете таких выражений несколько — *How do you do? Good morning (afternoon, evening), Hello, Hi*.

Приветствие *How do you do?* наиболее тесно связано с ситуацией знакомства. Формальное приветствие *How do you do?* употребляется только в ситуации знакомства после того, как оба знакомящихся при помощи третьего лица были представлены друг другу, это приветствие не требует иного ответа от собеседника, как *How do you do?*⁵¹ Улыбка собеседника вполне заменяет это выражение приветствия. Хотя Энн Фри в книге «Поведение в обществе»⁵² утверждает, что приветствие *How do you do?* уместно при знакомстве с лицами любого возраста, любого социального положения, и таким образом, оно универсально, однако нельзя не отметить официальный уровень его употребления (высокая тональность).

Приветствия, отражающие время, *Good morning, Good afternoon, Good evening*, являются приветствиями нейтрального стиля и, следовательно, могут употребляться при обращении к любому лицу, без учета его дифференциальных признаков. Тем не менее, американские исследователи Р. Браун и М. Форд сообщают на основании наблюдений, что эти приветствия носят более официальный характер, чем приветствия *Hello, Hi* и употребляются реже. Они указывают, в частности, что приветствие *Good morning* используется в общении между плохо знакомыми

Communication as behavioral control. Prentice-Hall, Englewood Cliffs. N. Y., 1972, стр. 38.

⁵⁰ Это значение приветствий хорошо иллюстрирует Е. Гофман, говоря, например, о так называемом «приветствии на ходу» («Passing greeting»). См: *E. Goffman. Relations in Public. Harmondsworth (Midd'x) Penguin books, 1972.*

⁵¹ Это приветствие может иметь следующие варианты произношения в разговорной речи: *How d'you do?* и *How d'you do-oo?* и диалектную форму *Howdy*.

⁵² *A. Free. Social usage. Appleton-century-Crofts. N. Y., 1960, стр. 234—244.*

между собой лицами, а также при обращении нижестоящих к вышестоящим. Таким образом, степень знакомства и социальное положение имеют значение при выборе приветствия ⁵³.

В отличие от русских приветствий *Доброе утро, Добрый день, Добрый вечер* американские приветствия в некоторых ситуациях (например, в ситуациях, относящихся к сфере обслуживания: магазин, приемный пункт химчистки и т. д.) могут служить и формами прощания. Так, продавец в магазине пожелает хорошо знакомому клиенту утром (до 12-ти дня) — 'Доброго дня' (*Good afternoon*), а часа в 3—4 дня — 'Доброй ночи' (*Good night*) ⁵⁴. Степень знакомства также будет играть определенную роль. Женщина, обращаясь так к незнакомому человеку, простится с ним *Good afternoon, Good evening, Good morning*, но не *Good night, Good bye*, которые она говорит друзьям ⁵⁵.

Лица, хорошо знакомые друг с другом, а также занимающие примерно равное социальное положение (например, клерки в офисе, соседи по дому и т. д.), родители и дети используют неофициальные приветствия *Morning, Evening*.

Наиболее распространенной и самой употребительной формой приветствия нейтрально-обиходного характера является *Hello* (русское *Здравствуй*те звучит более официально). Это приветствие менее официально, чем *Good morning (afternoon, evening)* и употребляется как в неофициальной, так и очень часто в официальной обстановке при обращении к друзьям, в кругу семьи, знакомым и незнакомым, а также в телефонных разговорах. Если вы встречаете знакомого на улице, наиболее уместное приветствие — *Hello*. Здраваясь с учениками в школе, учитель говорит *Good morning* или *Hello, class*. Это касается и приветствия незнакомых лиц, например, в ситуациях, относящихся к сфере обслуживания. Так, в магазине клиента приветствуют: *Hello, can I help you*, это наиболее часто встречаемая форма приветствия. Возраст, социальное положение не имеют большого значения при выборе этого

⁵³ R. Brown, M. Ford. *Address in American English*. «Language in Culture and Society». N. Y., Harper, 1964, стр. 234—244.

⁵⁴ Однако некоторые американцы (по нашим наблюдениям) считают эти формулы прощания устаревшими.

⁵⁵ E. Goffman. Указ. соч., стр. 109.

приветствия. Неофициальное *Hello* может служить вполне приемлемой формой приветствия между начальником и подчиненным (по сравнению с приветствием *Good morning*, *Hello* употребляется чаще). Однако если нижестоящее лицо обратится к начальнику, используя форму обращения $TIN = MR + last\ name$ ⁵⁶, например, *Hello, Mr Smith*, то начальник обратится к нему по имени: *Hello, Jim*.

Эта же форма приветствия употребляется и в ситуации знакомства, как и *How do you do?* и в этом случае приветствие подчеркивает менее официальный характер обстановки. Автор уже упоминавшейся книги «Поведение в обществе» Э. Фри считает, однако, что употребление в ситуации знакомства приветствия *Hello*, после которого следует имя, свойственно молодежи.

Приветствие *Hello, there* соответствует русскому 'Эй, вы там, здравствуйте' и уместно только при обращении к хорошо знакомым лицам, равным по возрасту, так как носит оттенок фамильярности.

Русскому *Привет* соответствует американское приветствие *Hi* (сокращенная форма, т. е. *How are you*), а не *Hello*, оно широко распространено прежде всего среди молодежи. Это приветствие употребляется также при обращении к лицам примерно одинакового с вами возраста, равного социального положения как знакомым, так и незнакомым.

Степень знакомства не имеет большого значения. С приветствием *Hi* или *Hi, folks* (более фамильярное) 'Привет, ребята', обратится ученик к соученикам, преподаватель к своим коллегам (в том числе и к преподавателям-иностранцам, с которыми он знаком непродолжительное время) и т. д.

Следует также отметить, что американские преподаватели, читающие лекции студентам (в качестве которых выступали и их коллеги-иностранцы), очень часто не здороваются с аудиторией, а сразу же излагают тему выступления.

Употребление приветствий *Hi, Hi, folks* при обращении к незнакомым людям выражает дружеские чувства, некоторое доверие, стремление установить дружеские отношения. Так, режиссер-постановщик спектакля (фильма), ведущий программы, директор фирмы, рекламирую-

⁵⁶ TLN = Title + Last Name = т. е. Miss(Mister, Mrs) + Last Name.

щий свой товар по телевидению, и т. д. приветствует зрителей *Hi* или *Hi, folks*.⁵⁷

По данным американских исследователей Р. Брауна и М. Форд приветствие *Hi* говорится близким людям, а также подчиненным.

Эти исследователи отмечают вместе с тем, что из приветствий *Hi, Morning, Good morning, Hello, Howdy* наиболее часто встречаются лишь *Hi* и *Good morning*.⁵⁸ Приветствие же лица вышестоящего *Hi* — будет неуместно. Это же касается и обращения к соседу.

Приветствие *Hi, there* — ‘Эй, вы там, привет’, носит еще более фамильярный характер.

Приветствию *Hi* соответствует жест — поднятая вверх ладонь руки *hand up*.

После приветствий *Good morning (afternoon, evening)*, очень часто можно услышать вопрос *How are you?* ‘Как вы себя чувствуете?’ или *How are things with you?* ‘Как ваши дела?’ Однако лицо, задавшее вопрос, совсем не ожидает услышать от вас подробного рассказа о вашем здоровье, о ваших делах. Даже если у вас есть время рассказать о своем самочувствии, вам не следует этого делать, так как собеседник задает этот вопрос для того, чтобы выразить дружеские чувства по отношению к вам, а также чтобы приветствия *Hello, Good morning, afternoon, evening*, не казались бы слишком короткими. Поэтому ответом на вопросы *How are you? How are things with you?* могут служить фразы: *Very well, thank you. And how are you?, I am O. K., Just fine* и т. д.

Небезынтересно отметить, что если с вами первым поздоровался ваш собеседник *Hello. How are you?* то во фразе *How are you* именно глагол *to be* получает основное ударение.

Если же вы таким же образом ответите *Fine, thanks, And how are you*, то в этом случае вся фраза получает совершенно иную интонацию, так как акцент будет сделан на личное местоимение.

Процесс приветствия можно рассматривать как бы в двух стадиях.

⁵⁷ Советские преподаватели, прибывшие на стажировку в США, были приятно удивлены, когда служащий автостоянки приветствовал их *Hi, ladies and gentlemen. How are you this morning?*

⁵⁸ *Brown R. and Ford M.* Указ. соч., стр. 240.

1-я фаза. Обычно приветствие начинается на расстоянии между коммуникантами около 12 футов (но может быть и больше в безлюдных местах). Причем типичным поведением американца на далеком расстоянии будет следующее: американец машет рукой, поворачивается и говорит: *Hi, Al*. Затем приветствующие идут навстречу друг другу и протягивают руки.

2-я фаза. Участники коммуникативного акта сближаются, обмениваются рукопожатием (если они друзья или знакомые). Если они близкие знакомые или родственники и долго не виделись, то обнимаются. Некоторые мужчины и женщины целуются.

Но особенность физического контакта зависит от отношения, времени, прошедшего со дня последней встречи, и т. д.⁵⁹

Хотелось бы указать на некоторые проблемы, относящиеся к ситуациям приветствия и прощания, а также заменяющие выражения приветствия и прощания.

1) Улыбка является наиболее подходящей формой приветствия человека, с которым американец официально незнаком, в то время как приветствие *Hello* при обращении к незнакомому лицу, по мнению некоторых авторов⁶⁰, звучит несколько фамильярно. Вообще, американец может поздороваться — улыбнуться незнакомому человеку, который случайно встретился с ним взглядом.

Частотность использования различных невербальных сигналов, служащих «приглашением к разговору» (улыбка, рукопожатие) в США территориально различна. Так, в городах Юга и Запада, где люди в большей степени связаны друг с другом, можно сказать, преобладает гостеприимство и такие сигналы, как улыбка, подмигивание, а также приветствие *Howdy* обычны. И поэтому Нью-Йорк поражает жителей южных штатов своим безразличием⁶¹.

Интересно, что, сравнивая поведение немцев и американцев, можно отметить, что если американец считает улыбку вполне естественной формой приветствия незнакомому человеку («Как же еще вы можете проявить доброе отношение к человеку?»), то, например, для немцев улыбка — признак симпатии, особой теплоты. Видя, как

⁵⁹ A. E. Schefflen, A. Schefflen. Указ. соч., стр. 38, 39.

⁶⁰ A. Free. Указ. соч., стр. 36.

⁶¹ G. I. Nierenberg, and H. H. Calero. How to read a person like a book. Pocket Books, № 4, 1973, стр. 141.

американец улыбается каждый раз, он будет считать его неискренним и неглубоким. Для немца более привычно рукопожатие, так сказать, американская и немецкая моделировка в форме приветствия.

2) Рукопожатие — знак приветствия (обычно только между мужчинами). Во многих европейских странах мужчины обмениваются рукопожатием гораздо чаще, чем в США ⁶², где рукопожатие характерно скорее для официальных случаев, а также как приветствие при знакомстве.

Поэтому, если американец при встрече старого знакомого не пожимает ему руку, нельзя считать его невежливым. Возможно, он считает знакомого членом той же социальной группы, куда входит и сам. Обычай обмениваться рукопожатием в США изменяется как в различных районах страны, так и среди различных групп населения, поэтому трудно установить какое-нибудь определенное правило.

Но обычно рукопожатие не наблюдается между людьми, которые видят друг друга часто или знакомы по делам.

Женщины обмениваются рукопожатием, если встречаются в первый раз, причем один из собеседников — почетный гость. Если знакомятся мужчина с женщиной, они могут пожимать или не пожимать друг другу руки, причем женщина протягивает руку первая. Очень часто лица противоположного пола не знают, нужно ли пожимать руку или нет.

В городских районах приветствие — кивок головы не является обычным между незнакомыми людьми, хотя в сельских районах возможно такое приветствие незнакомого человека.

3) Поцелуй — знак приветствия и прощания (обычно целуют женщину, которая старше), но не между мужчинами. В американской культуре принято целовать или обнимать в знак приветствия или прощания только членов своей семьи и очень близких друзей.

Таким образом, выбор определенной вербальной (или невербальной) формы приветствия зависит от степени знакомства (частотность контакта) и социального положения собеседника. Интересно отметить тот факт, что если незна-

⁶² *Vanderbilt, Amy. Everyday etiquette. Answers to today's etiquette questions. Garden City (N. Y.), 1956.*

комые люди замечают, что они часто видятся, они могут начать здороваться.

Универсальными приветствиями можно считать *Good morning (afternoon, evening)*, *How do you do* (в ситуации знакомства).

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ КИНЕСИЧЕСКОЙ РЕЧИ У АРАБОВ

Общеизвестно, что многие южные народы жестикулируют гораздо интенсивнее и энергичнее европейцев, особенно англичан, немцев и русских.

В частности, в речи арабов кинесическим элементам (жестам, мимике и т. п.) принадлежит более важная роль, чем, скажем, в речи русских. Таким образом, специфический признак общения арабов заключается в большем (по сравнению с русскими) значении кинесической речи для акта коммуникации.

Общеизвестно, что одни лингвокультурные общности отличаются от других лингвокультурных общностей по набору различий и совпадений в кинесическом поведении.

Когда Витла, герой романа Т. Драйзера «Гений», собирался посетить Францию, его друг посоветовал ему, не владеющему французским языком, побольше пользоваться жестами и мимикой. Впоследствии Витла убедился в полезности этого совета: «Жестикуляция очень помогла, и его в большинстве случаев понимали»⁶³.

В данном случае Т. Драйзер точно подметил сходство американских и французских кинесических средств общения. На это же сходство со ссылкой на эпизоды второй мировой войны (высадка войск Англии и США в северо-западной Франции) указывает и английский лингвист Т. Брун⁶⁴.

Однако совет Т. Драйзера вряд ли оказался бы полезным для русского в его поездке по арабским странам, хотя в кинесическом поведении арабов существует значитель-

⁶³ Т. Драйзер. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1973, стр. 242.

⁶⁴ Т. Brun. The international dictionary of sign language. London, 1969, стр. 11—12.

ная близость (иногда даже совпадение) с русским кинесическим поведением.

Так, например, в Алжире и Египте прижатый к губам указательный палец тоже обозначает призыв к тишине с той, однако, разницей, что русские чаще говорят при этом «тс-с-с», а арабы — «ш-ш-ш».

В Египте и Сирии «длинный нос» показывают примерно также, как и у нас: большой палец упирается в кончик носа, остальные пальцы раздвинуты и слегка согнуты. Повторенное несколько раз движение означает «я одержал верх в игре, шутке, деле».

В странах Ближнего Востока жест: «большой, указательный и средний пальцы сложены в щепоть, большим пальцем трут по указательному и среднему» — имеет как и у русских значение: «деньги, взятка».

Обычный деловой жест: «ребром ладони левой руки ударяют по тыльной части правой руки у локтя» — ничего общего не имеет с похожим русским жестом рыбаков «поймал вот такую рыбу» — обозначает: «Предъявите документы, разрешение, пропуск» (Сирия, Египет).

Русское вращательное движение указательным пальцем на уровне пояса «закругляйся, довольно говорить» египтянин может истолковать как поощрение к разговору, так как в Египте вращательное движение указательным пальцем перед ртом означает: «продолжай говорить».

Шутливо-фамильярное похлопывание ладонью по шее «Молодчина!» египтянин совершенно определенно поймет как оскорбление его мужского достоинства.

Автору данной статьи неоднократно приходилось слышать и самому быть свидетелем недоразумения, связанного с арабским жестом приглашения (подзывания). Русские, находясь в Алжире или Египте, ошибочно принимали «скребковое» движение ладонью правой руки в сторону собеседника на уровне плеча, за жест, означающий «до свидания (уходи)». Разница в моторике (русские машут всей ладонью руки, арабы — сгибают и разгибают пальцы) мало заметна на расстоянии.

Автору памятна также неловкость, которую он испытал, когда однажды в середине беседы алжирец, смеясь протянул ему руку, хотя прощаться явно не намеревался. Оказалось, что по правилам кинесического поведения после шутки, остроты, удачного словца положено протягивать собеседнику руку ладонью, по которой собеседник уда-

рвет своей ладонью. Иногда выслушавший шутку сам берет руку собеседника и резко ударяет по ладони своей ладонью. Не ударить ладонью о ладонь — значит обидеть собеседника. Этот обычай соблюдается египтянами, сирийцами и йеменцами.

Такси или попутную машину русские останавливают «голосуя», т. е. подняв и вытянув вперед правую руку. Египтяне направляют указательный палец на место желаемой остановки.

Жестом сильного недоумения у египтян служит удар ладонью о ладонь. В рассказе египетского писателя Абдурахмана аль-Хамиси один из героев следующим образом выражает свои чувства: «Клянусь Аллахом, напасти! — и он ударил ладонью о ладонь». Сравните данный перевод с литературным вариантом, предложенным А. Агарышевым:

— Что же теперь делать?

— Да-а! — протянул Зухран и развел руками ⁶⁵.

Многие арабские жесты совершенно не имеют русских эквивалентов. К ним, например, относится жест: «подожди, помедленнее» (пальцы, сложенные в щепоть, двигаются вдоль тела сверху вниз). Этот жест распространен в Алжире, Египте, Йемене (ЙАР), Сирии.

К безэквивалентным относится и вопросительный жест «что? почему? в чем дело?», описанный Ю. Н. Завадовским ⁶⁶ (вращательное движение кистью правой руки на уровне плеча, пальцы полусогнуты).

Завадовский называет его «жестом Пилата», очевидно имея в виду известную картину Н. Н. Ге «Что есть истина? Христос и Пилат», на которой изображен похожий жест. Последнюю фазу этого жеста можно также увидеть на фотографии алжирской учительницы, помещенной в журнале «За рубежом» ⁶⁷.

Не имеет русского аналога алжирский жест предохранения от сглаза (вытянутая правая рука с раскрытыми пальцами ладонью от себя).

Нельзя не отметить еще одну черту арабских жестов, а именно — их вариативность в арабских странах. «Го-

⁶⁵ В кн.: «Современная арабская новелла». М., 1964, стр. 20.

⁶⁶ Ю. Н. Завадовский. Внесистемная семиотика жеста и звука в арабских диалектах Магриба. «Труды по знаковым системам», вып. 236. Тарту, 1969.

⁶⁷ «За рубежом», 1974, № 2, стр. 12.

товность исполнить просьбу» в Египте передается легким ударом ребром ладони по правой стороне шеи и соответствует египетскому выражению *ga'batī* букв. 'моя шея'. В Сирии в этом случае прикладывают ладонь руки к макушке головы; вербальный эквивалент этого жеста: *ala ga : si* букв. 'на моей голове'. В Кувейте говорящий прикладывает ладонь к носу, что соответствует кувейтскому фразеологизму: *ala ha:l xasm* букв. 'на этот нос'. О кувейтской специфике последнего жеста свидетельствует египтянин Ахмед аш-Шарбасы⁶⁸ (ср. русское: «заруби себе это на носу»).

Очевидно, вариативностью жестов объясняется некоторое противоречие в кинесических описаниях Т. Бруна. Жест «давай дружить» (сцепленные указательные пальцы) автор помечает как «используемый арабами, особенно детьми»⁶⁹. Далее этот же жест с пометой «В Марокко» интерпретируется как «они враги» (там же).

В Египте понятие «вражда» передается несколько иначе: вытянутым указательным пальцем одной руки ударяют по вытянутому указательному пальцу другой руки. Остальные пальцы сжаты. Марокканский жест в том же моторном исполнении и в том же значении используется также в Алжире.

Алжирский жест «сильный, быстрый» (возвратно-поступательные движения кулаком перед грудью ладонью вниз) употребляется в Египте в ином значении и считается непристойным. Понятие «сильный» египтяне передают при помощи согнутой в локте правой руки, кулак на уровне плеча.

Общепринятый по всему средиземноморскому побережью Алжира обычай приложения правой руки к сердцу после рукопожатия несколько видоизменяется в южных районах Алжира. Автору приходилось наблюдать, как в г. Лагуате (400 км к югу от столицы) алжирцы после рукопожатия целовали свою правую руку в точке «кольца», т. е. в верхний центр сгиба сжатой в кулак руки.

В Йемене и Алжире можно наблюдать употребление жеста, выражающего «равенство, схожесть»: потирают

⁶⁸ *Ahmad aš-Sarbaši. Aūya:m al-Kuwayt, al-Kahira, 1953, стр. 262.*

⁶⁹ *T. Brun. Указ. соч., стр. 113.*

указательными пальцами рук бок о бок. Остальные пальцы сжаты. В Алжире этот жест сопровождается высказыванием словами: ki:f — ki:f, в Йемене (ЙАР): sa:wa — sa: wa.

Египтяне и йеменцы приветствуют друг друга одним и тем же жестом, напоминаям отдавание чести советскими военнослужащими с той лишь разницей, что в арабском жесте ладонь прикладывается ко лбу и поворачивается к тому, кого приветствуют. В Египте этот жест выражает также признательность и благодарность.

В одном из номеров египетской газеты «Аль-Ахбар» по случаю дня рабочих появился рисунок без сопровождающего текста. На нем был изображен завод и поодаль некто в военной форме. Клубы дыма, выходящего из заводских труб складываются в «жест кольца», образованного большим и указательным пальцами. Понять рисунок можно только при знании того, что соединенные в кольцо большой и указательный пальцы при разведенных и вытянутых остальных пальцах означают предупреждение (обычно «кольцо» несколько раз перемещается от себя к собеседнику на уровне груди), что позволяет дать рисунку следующую интерпретацию: «Мы строим новые заводы, укрепляем экономику. Так берегитесь, сионисты!» Этот же жест понятен и в Сирии, что позволило сирийской газете «Баас» (от 3.5.19.68) воспроизвести его на своих страницах.

Этот же жест употребляется также в значении «отличный, высокого качества, первоклассный». На страницах кувейтского журнала «Аль-Араби» этот жест часто используется в рекламе товаров (см., например, № 144 за ноябрь 1970 г.)

В англоязычных странах и в России в качестве эквивалента этому жесту может использоваться следующий жест: большой палец правой руки подают вверх. Остальные пальцы сжаты в кулак. Т. Брун свидетельствует, что жест «кольца» в значении «отличный» известен в США, Европе, странах Леванта и Иране.

С сожалением приходится констатировать, что в многочисленных отечественных учебниках и учебных пособиях по арабскому языку нет даже упоминания о жестах. Приятным исключением является недавно изданный «Учебник алжирского диалекта арабского языка» Э. Н. Мишкурова под редакцией Ю. Н. Завадовского и А. А. Ко-

ва́лева ⁷⁰, в котором дано описание 14 алжирских жестов.

Необходимо дальнейшее изучение кинесического поведения арабов и прежде всего составление подробных и достоверных описаний бытующих жестов с иллюстрацией их моторики, описанием смысловых и стилистических параметров и обязательным учетом их региональной дифференцированности.

СИСТЕМА ВОКАТИВНЫХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема речевого этикета — это одна из самых трудных проблем в науке о вьетнамском языке. Сейчас пока нет специальных работ, в которых бы эта проблема подробно исследовалась.

В данном случае рассматриваются особенности речевого этикета на материале системы терминов родства. В связи с тем, что автор, к сожалению, мало знаком с диалектами Центрального и Южного Вьетнама, наши материалы, в основном относятся к Северному Вьетнаму.

Во вьетнамском языке система вокативов = терминов родства богата и сложна. Эта система включает в себя следующие термины родства по крови (при обращении не различают отношения прямого родства, непрямого — двоюродного и т. д.) ⁷¹.

1. *cu* 'прадед', 'прабабка'
2. *ông* 'дедушка'
3. *bà* 'бабушка'
4. *bác* 'старший дядя' (старший брат отца или матери), 'старшая тетя' (старшая сестра отца)
5. *già (bà)* 'старшая тетя' (старшая сестра матери)

⁷⁰ Э. Н. Мишуров. Учебник алжирского диалекта арабского языка. М., 1972.

⁷¹ Это одна из относительно общих систем, используемых во Вьетнаме. Конечно, существуют еще и более сложные или более простые системы, в которых, например, и старший брат, и младший брат матери называются одним термином *sâu*; или же одним термином *sê* называются и старшая сестра и младшая сестра отца. При этом в обращениях почти не употребляются некоторые термины родства, допустим *ky* 'отец или мать прадеда и прабабки', *chút* 'дети правнука или правнучки'; *rê* 'зять', *dâu* 'невестка', *vợ* 'жена', *chồng* 'муж'.

6. *bố* 'отец'
 7. *mẹ*⁷² 'мать'
 8. *chú* 'младший дядя' (младший брат отца)
 9. *cô* 'младшая тетья' (младшая сестра отца)
 10. *cậu* 'младший дядя' (младший брат матери)
 11. *đì* 'младшая тетья' (младшая сестра матери),
 'вторая жена отца' (мачеха)
 12. *con* 'сын', 'дочь'
 13. *anh* 'старший брат'
 14. *chị* 'старшая сестра'
 15. *em* 'младший брат', 'младшая сестра'
 16. *cháu* 'племянник', 'племянница', 'внук', 'внучка'
 17. *chắt* 'правнук', 'правнучка'

В нее входят также три вокатива, обозначающих степень родства некровных родственников:

18. *mợ* 'жена младшего дяди по матери'
 19. *thím* 'жена младшего дяди по отцу'
 20. *du'ợ'ng* 'муж младшей тети по матери', 'второй муж матери' (отчим)

Число терминов родства во вьетнамском языке значительно больше, чем в русском. Этот факт объясняется тем, что вьетнамский язык четко различает⁷³:

а) старших и младших родственников; ср.:

- дядя: *bác* 'старший брат отца'
 chú 'младший брат отца'
 — брат: *anh* 'старший брат'
 em 'младший брат'
 — сестра: *chị* 'старшая сестра'
 em 'младшая сестра';

б) родственников по линии отца и по линии матери; ср.:

- дядя: *bác, chú* 'братья отца'
 cậu 'братья матери'
 — тетья: *cô* 'сестры отца'
 đì 'сестры матери';

в) кровных родственников и некровных; ср.:

⁷² Вокативы *bố/mẹ* имеют очень много местных вариантов: *thày/u, sãi/mợ, ba/má* и т. д.

⁷³ Подробнее см.: *Нгуен Тай Кан*. Категория существительного во вьетнамском языке.— АҚД. Л., 1960, стр. 193—213.

- дядя: *bác, chú, cậu* 'братья отца и матери'
 du'ò'ng 'муж младшей тети матери'
 — тетя: *cô, dì* 'младшие сестры отца и матери'
 mợ (*thím*) 'жена младшего дяди матери'

Эти различия проводятся с неодинаковой последовательностью:

а) старшие родственники различаются более тщательно, чем младшие, например:

- anh, chị* 'старшие брат и сестра'
 em 'младшие брат и сестра'
bác, chú, cậu, cô, dì 'дядья и тетки'
 cháu 'племянник и племянница';

б) родственники по линии отца различаются более тщательно, чем родственники по линии матери, например:

- bác, chú* 'старший и младший дядья по отцу'
 cậu 'старший и младший дядья по матери';

в) кровные родственники различаются более тщательно, чем некровные, например:

- chú, cậu* 'младшие дядья по отцу и матери'
 mợ 'жена младшего дяди'
cô, dì 'младшие тетки по отцу и матери'
du'ò'ng 'муж младшей тетки';

г) родственники мужского пола различаются более тщательно, чем родственники женского пола:

- bác, chú* 'старший и младший братья по отцу'
 cô 'старшая или младшая тетя по отцу'.

Однако в некоторых диалектах Северного Вьетнама можно также заметить следующее небольшое различие при обращении к некровным родственникам:

а) мужьям младших теток адресуется термин родства по отцу:

- chú* 'младший дядя по отцу';

б) женам младших дядьев адресуются некровные термины родства:

- mợ* 'жена младшего дяди по матери'
thím 'жена младшего дяди по отцу'

Множественное число всех этих вокативов — терминов родства состоит из числительного со значением множественности *các* и самого вокатива, например:

các bác, các chú 'старшие дядья', 'младшие дядья'
các anh, các chị 'старшие братья', 'младшие сестры'.

Этому правилу не подчиняются вокативы, используемые при обращении к отцу, матери, дедушке и бабушке. Рассмотрим употребление вокативов в семье.

Прежде всего следует подчеркнуть, что важной особенностью использования терминов родства во вьетнамском языке является то, что они могут употребляться вместо личных местоимений во всех трех лицах (независимо от того, обозначают ли они лиц, находящихся в родственных отношениях, или нет). Поэтому термины родства, употребляемые вместо местоимений 1-го лица (говорящего)⁷⁴, должны находиться в соответствии с терминами родства, употребляемыми вместо местоимений 2-го лица (собеседника). В семье это соответствие определяется очень точно родственными отношениями говорящих, например:

em — anh, chị 'младший брат' и 'сестра' — 'старшие брат и сестра';

cháu — bác, chú, cô, dì 'племянник, племянница' — 'дядья и тетки';

cháu — ông, bà 'внук, внучка' — 'дедушка, бабушка'.

Вне семьи это соответствие соблюдается не столь строго, но неточность в соответствии терминов допускается лишь до определенных пределов.

В семье этикет обращения основывается на иерархии семейных отношений: адресант, принадлежащий к младшему поколению, должен проявлять уважение к адресату старшего поколения (независимо от возраста). Таким образом, адресант младшего поколения обязательно обращается к старшему по родству с помощью вокативов — терминов родства двумя нижеприведенными способами:

а) способом прямым, т. е. по непосредственному родственному отношению адресанта (говорящего) к адресату

⁷⁴ Например говорящий вместо 4-го местоимения 1-го лица: *tôi, tao, tớ*, *mình* может употреблять термины родства: *em* 'младший брат', *cháu* 'племянник', *bác* 'старший дядя' и т. д.

(собеседнику); например, племяннику и племяннице следует обращаться к своим дядьям с вокативами: *bác* 'старший дядя' или *chú* 'младший дядя';

б) способом косвенным, т. е. по косвенному родственному отношению адресанта — «через» его детей — к адресату старшего поколения. Это такие случаи, когда младший родственник (адресант) и старший родственник (адресат) — люди взрослые либо пожилые; например, моя мать может использовать при обращении к моему дедушке (т. е. к ее отцу) вокатив *ông* 'дедушка', каким пользуюсь я, его внук, или моя тетя может использовать при обращении к моему отцу (т. е. к своему старшему брату) вокатив, используемый ее детьми: *bác* 'старший дядя'. Данную ситуацию можно представить следующим образом в табл. 5.

При обращениях все вокативы — термины родства могут использоваться сами по себе или в сочетании с именем (как приложением к вокативу). Однако вокативы последнего типа (*ông* 'дедушка', *bà* 'бабушка', *bố* 'отец', *mẹ* 'мать') весьма редки и характерны только для разговора детей со взрослыми.

Обращения адресантов старшего поколения к адресатам младшего по родству поколения относительно факультативно и реализуется в двух формах.

1) К детям и молодым людям, кроме личных местоимений *tày* 'ты' с оттенком фамильярности, собственных имен с оттенком близости и т. д., обычно обращаются, называя их *em* 'младший брат', *con* 'сын или дочь', *cháu* 'племянники или внуки'. Например, старший брат может обращаться к младшему, которого зовут Ба: — *Va o'i; đì đì, tàу!* 'Ба, пойдем, ты!' или: *Va o'i, đì đì, em!* 'Ба, пойдем, младший брат!'

4 2) К более старшим по возрасту лицам (средних лет, пожилым и престарелым) обращаются в двух формах.

а) Если родственники принадлежат к одному и тому же поколению, используют вокативы сыновей или внуков адресанта: например, мой отец обычно обращается к моей младшей тете, используя самостоятельный вокатив *cô* или вокатив плюс имя *cô Saú* 'младшая тетя Шау' (в очень редких случаях он называет ее по имени). В общении родственников, принадлежащих к одному поколению, встречаются вокативы: *chú* 'младший брат отца', *cô* 'младшая сестра отца', *cáu* 'младший брат матери', *đì* 'младшая

Таблица 5

Обращения младших адресантов к старшим адресатам в семье

Поколение	Обращения к адресатам		Поколения (адресанты)				
			1	2		3	4
			младш. братья и сестры	племянники и племянницы	сыновья и дочери	внуки и внучки	правнуки и правнучки
I	anh	‘старший брат’	+		(+)		
	chị	‘старшая сестра’	+		(+)		
	chú	‘младший дядя по отцу’		+			
	sâu	‘младший дядя по матери’		+			
	sô	‘младшая тетья по отцу’		+			
II	dì	‘младшая тетья по матери’		+			
	bố	‘отец’			+		
	mẹ	‘мать’			+		
III	bác	‘старший дядя’ или ‘старшая тетья по отцу’	-	+			
	già(bà)	‘старшая тетья по матери’	-	+			
IV	ông	‘дедушка’	-	-	-	+	
	bà	‘бабушка’	-	-	-	+	
	cụ	‘прадед’ или ‘прабабка’	-	-	(+)	-	+

Примечания: 1) Знак «+» означает прямой способ обращения, знак «-» косвенный способ обращения. 2) Знак «(+）」 означает «неточный» способ обращения; например: в некоторых сельских районах дети могут обращаться к молодым родителям при помощи вокативов anh ‘старший брат’, chị ‘старшая сестра’ вместо вокативов bố ‘отец’, mẹ ‘мать’; или при помощи вокатива cụ ‘прадед’ или ‘прабабка’ к старым родителям с оттенком ласкательным, хотя у них пока нет правнуков.

Это употребление вокатива cụ тесно связывается с употреблением термина родства cụ при обозначении. В разговоре говорящий может пользоваться термином родства bác cụ ‘прадед и прабабка’ вместо термина bố mẹ ‘родители’, когда он спрашивает у собеседника, например, о здоровье его родителей. 3) Объяснение использования римских и арабских цифр для обозначений см. ниже, стр. 292.

Таблица 6

Поколения	Обращения к адресатам	Поколения (адресанты)				
		IV	III	II		I
		прадед и прабабка	дедушка и бабушка	дяди и тети	отец и мать	старшие братья и сестры
	<i>chú</i>	‘младший брат отца’		—	—	—
	<i>sô</i>	‘младшая сестра отца’		—	—	—
	<i>câu</i>	‘младший брат матери’		—	—	—
1	<i>dì</i>	‘младшая сестра матери’		—	—	—
	<i>em</i>	‘младший брат’ или ‘младшая сестра’			(+)	+
	<i>bố</i>	‘отец’		—	—	
	<i>mẹ</i>	‘мать’		—	—	
	<i>bác</i>	‘старший дядя’ или ‘старшая тетья по отцу’		—	—	
2	<i>già(bá)</i>	‘старшая тетья по матери’		—	—	
	<i>con</i>	‘сын’ или ‘дочь’		(+)	+	
	<i>cháu</i>	‘племянник’ или ‘племянница’		+		
2	<i>anh</i>	‘старший брат’	(+)	(+)	(+)	
3	<i>chị</i>	‘старшая сестра’	(+)	(+)	(+)	
3	<i>cháu</i>	‘внук’ или ‘внучка’		+		
4	<i>chắt</i>	‘правнук’ или ‘правнучка’	+			

Примечания. 1) Знак «+» означает прямой способ обращения, а знак «-» — косвенный. 2) Знак «(+)-» — неточный способ обращения либо с целью подчеркивания оттенка уважения или доверительности, либо в силу местного обычая.

сестра матери), *thím* ‘жена *chú*’, *mợ* ‘жена *câu*’. Встречаются также вокативы *cu* ‘прадед или прабабка’, *ông* ‘дедушка’, *bà* ‘бабушка’ при обращении, например, дедушки (или бабушки) адресанта к дедушке (или бабушке) своего двоюродного младшего брата.

б) Если родственники принадлежат к разным поколениям, используют вокативы *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра' (эти же вокативы используются вместе с именем), чтобы подчеркнуть уважение к зрелости младшего по родству адресата: например, моя мать (60 лет) обычно обращается к моему старшему брату (32 года) при помощи одного вокатива *anh* или вместе с именем *anh Vĩ* 'старший брат Ву'.

Схематически можно представить вокативы, с помощью которых адресанты обращаются к младшим адресатам в семье, в табл. 6.

Обращения, принятые между супругами.

1) Если супруги еще молоды, муж обычно обращается к жене, называя ее по имени или используя вокатив *em* 'младшая сестра' (но не в сочетании с ее именем). Вокатив *em* используется только в сфере внутрисемейного общения и носит интимный характер. Жена обращается к мужу, используя вокатив *anh* 'старший брат' или тот же вокатив плюс имя мужа.

2) Если супруги достигли пожилого возраста (50—60 лет), то они обычно обращаются друг к другу, используя имена детей плюс вокативы *ông* 'дедушка', *bà* 'бабушка' или данные вокативы в сочетании с именами мужа (но не жены) или детей ⁷⁵.

Обращения, принятые между супругами 35—45 лет, более сложны. В частности, можно наблюдать следующие формы обращений:

а) у супругов, принадлежащих к новому поколению после революции (особенно в городах), стали все чаще и шире использоваться вокативы, употребляемые молодыми (см. выше);

б) среди людей, строго придерживающихся старых обычаев, употребляются вокативы *bố*, 'отец', *mẹ* 'мать' или (чаще) данные вокативы вместе с именами детей (см. выше). Например: *bố(thằng) Tâm* 'отец (мальчика)

⁷⁵ Раньше супруги обычно обращались друг к другу, используя имя самого старшего из своих детей, например: *ông Tâm* 'дедушка Тама', *bà Tâm* 'бабушка Тама' (*Tâm* — имя сына); используя название профессии или должности мужа, например: *ông Nghị* 'дедушка парламентария'; *bà Chánh* 'бабушка начальника уезда'; используя название магазина или лавки, принадлежащих тому или иному лицу, например: *ông Cụ'Phát* 'дедушка Кы Фат' (*Кы Фат* — это название его магазина).

Там', *mẹ(cái)Huê* 'мать (девочки) Гue'. В городах еще встречаются вокативы *mình* 'ты' (его исходное значение 'тело'), а также употребляющиеся супругами вокативы *câu* 'отец', *mợ* 'мать', и в деревнях еще встречается вокатив *nhà* 'ты' (его исходное значение 'семья'), употребляющийся также супругами.

Вокативы *ông/bà*, *bỏ/mẹ (câu/mợ*, *thầy/u*, *ba/má* и т. д.) могут сочетаться со вспомогательными словами: *nó* 'он, она', *mày* 'ты', *em* 'младшая сестра' (усиление оттенка доверительности): *ông nó* 'дедушка он' (букв.), *mẹ mày* 'мать ты' (букв.) *thầy em* 'отец младшей сестры' (букв.)

Одна из самых важных черт вокативов — терминов родства вьетнамского языка — это очень широкое их использование вне семьи.

Например, вокатив *câu* используется в семье, означая 'младший дядя по матери или младший брат матери'. В обществе вокатив *câu*:

а) не используется в своем значении 'младший дядя' при обращении младших адресантов к старшим по возрасту;

б) он используется в значении 'младший брат' при обращении немолодых адресантов к молодежи и особенно к детям;

в) он, по-видимому, приобретает новое значение, используясь в общении сверстников (дети и молодежь). В этом последнем случае вокатив *câu* носит характер близости (как собственное имя), но не фамильярности (как местоимение *mày* 'ты')⁷⁶. Точно так же вокативы *ông* 'дедушка', *bà* 'бабушка' вне семьи используются:

а) со значением 'дедушка', 'бабушка' (как и в семье);

б) со значением 'вы' (к пожилым), 'ты' (к молодым)⁷⁷;

в) со значением 'господин', 'госпожа'.

Употребляясь вне семьи, эти вокативы дифференцируются, но не в зависимости от степени родства, а в за-

⁷⁶ Поэтому, обращаясь к адресату с вокативами *câu*, *mày*, адресант называет себя личными местоимениями 1-го лица: *tó*, *tao*:

адресант адресат

tao 'я' — *mày* 'ты' (местоимение)

tó 'я' — *câu* 'ты' (термин родства)

⁷⁷ В данной статье мы условно переводим вокатив *câu* как 'ты' (к молодым), а вокативы *ông*, *bà* или как 'вы' (к пожилым), или как ты (к молодым).

висимости от пола и возраста общающихся. Вне семьи не встречаются некоторые вокативы, указывающие их родство по линии матери, например:

- *dì*^{77a} 'младшая тетьа по матери'
- *câu* со значением 'младший дядя по матери'
- *già* (или *bà*) 'старшая тетьа по матери'

или указывающие на косвенное родство:

- *thím* 'жена'
- *mợ* 'жена'
- *du'ò'ng* 'муж младшей теткн'

В этих случаях не используется также вокатив *chắt* 'правнук', 'правнучка'.

Можно наблюдать расширение значения и употребления терминов родства в некоторых словах и устойчивых словосочетаниях в качестве их классификаторов⁷⁸. Например, можно сказать:

^{7a} В Южном Вьетнаме чаще и шире употребляются вне семьи вокативы, указывающие на родство по линии матери или на не-прямое родство. Например, используется вокатив *thím* 'жена младшего дяди по отцу' (букв.), вокатив *dì* 'младшая тетьа по матери' (букв.) в общении друзей, более молодых, чем родители адресанта.

⁷⁸ Во вьетнамском языке классификаторы (для существительных) представляют собой группу слов, не имеющих лексического значения и служащих для указания на класс предмета. Классификаторы, указывающие на лицо, можно разделить на две подгруппы:

а) существительные, употребляющиеся как собственно классификаторы с оттенком презрительности, например:

- *thằng bé* (классиф. + мальчик)
- *lão thầy bói* (классиф. + прорицатель)

б) существительные, временно употребляющиеся как классификаторы с оттенком вежливости, уважения; и термины родства, например:

- *chú bộ đội* 'солдат' ('младший дядя — солдат' букв.)
- *anh công an* 'милиционер' ('старший брат — милиционер' букв.)

и названия профессий и должностей, например:

- *chủ tịch Nguyễn Hữu Thọ* 'председатель Нгуен Хуу Тхо' и т. п.

При обращениях все классификаторы в определенных условиях могут употребляться как временные вокативы вместо последующего существительного, например, ср.:

- *thằng bé kia!* 'классификатор + мальчик тот!'
- thằng kia!* 'классификатор + тот!'
- chú bộ đội o'!* 'младший дядя + солдат!'

— *chũ bé* ‘малыш’ (‘младший брат — малыш’ букв.)
— *em bé* ‘мальчик’ (‘младший брат — мальчик’ букв.)
— *cô gái* ‘девушка’ (‘младшая сестра — девушка’
букв.)

— *anh thanh niên* ‘юноша’ (‘старший брат — юноша’
букв.)

— *bà già* ‘старуха’ (‘бабушка — старуха’ букв.)

— *cụ già* ‘старик’ (‘прадед — старик’ букв.), но

нельзя говорить:

— *anh bé* (‘старший брат — мальчик’ букв.)

— *bác thanh niên* (‘старший дядя — юноша’ букв.)

— *chũ già* (‘младший дядя — старик’ букв.)

Связь между вокативами — терминами родства и классификаторами такого рода представляет особый интерес и должна быть изучена более подробно.

В общении вне семьи самым главным принципом является учет возраста и принадлежности адресанта и адресата к тому или иному поколению. В семье вьетнамцев насчитывается обычно четыре поколения:

1. младшие братья и сестры	I. старшие братья и сестры
2. дети, племянники	II. родители, дядья и тетки
3. внуки	III. дедушка, бабушка
4. правнуки	IV. прадед, прабабка

Учитывая, что в семье вьетнамца, как правило, имеется 3—5 детей, существуют следующие возрастные интервалы:

а) наибольший возрастной интервал между людьми, принадлежащими к одному и тому же поколению, (1 и I) — 2—10 лет;

б) возрастной интервал между ближайшими поколениями (2 и II, 3 и III, 4 и IV) — 15—35 лет;

в) возрастной интервал между поколениями 1 и III, 2 и IV — 40—60 лет.

chũ o'! ‘младший дядя!’

thủ tru'ò'ng Sơn ‘начальник Шон’ (*Шон* — собственное имя)

thủ tru'ò'ng ‘начальник!’

Подробнее см.: Нгуен Тай Кан. К вопросу о классификаторах во вьетнамском языке. «Филология стран Востока». Л., 1963, стр. 15—20.

Именно с учетом таких возрастных интервалов между адресантами и адресатами и используются вокативы.

При использовании в качестве классификаторов термины родства несут указание на четыре возрастных группы:

а) дети и лица отроческого возраста, например:

— *cháu bé* 'мальчик' ('племянник-малыш' букв.)

— *em bé* 'малыш' ('младший брат-малыш' букв.)

— *câu bé* 'мальчик' ('младший брат-мальчик' букв.)

— *chú bé* 'мальчик' ('младший брат-мальчик' букв.)

— *cô bé* 'девочка' ('младшая сестра-девочка' букв.)

б) молодежь и поколение среднего возраста, например:

— *anh thanh niên* 'юноша' ('старший брат-юноша' букв.)

— *chị phụ nữ* 'женщина' ('старшая сестра — женщина' букв.)

— *chú công an* 'милиционер' ('младший дядя-милиционер' букв.)

— *cô gái* 'девушка' ('младшая сестра-девушка' букв.)

в) пожилые, например:

— *bác lái xe* 'шофер' ('старший дядя-шофер' букв.)

— *ông già* 'старик' ('дедушка-старик' букв.)

г) престарелые, например:

— *cụ già* 'старуха' ('прабабка-старуха' букв.)

Вместе с фактором возраста следует учитывать отношения адресанта к адресату: хорошо знакомые, малознакомые или незнакомые адресанты. Для хорошо знакомых адресатов обычно используются различные вокативы с оттенком фамильярности или близости, например:

— собственные имена,

— местоимения 2-го лица *tàu* 'ты', *chúng tàu* 'вы',

— вокативы с оттенком близости: *câu* 'ты' ('младший брат' букв.), *ông* 'ты' ('дедушка' букв.), *bà* 'ты' ('бабушка' букв.), *bác* 'старший дядя или старшая тетя' и т. д.

Для малознакомых или незнакомых адресатов предназначаются вокативы с оттенком вежливости и уважения, например: *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра', *ông* 'вы', *bà* 'вы' и т. д. Основным способом, используе-

мым адресантом, является приписывание адресату более высокого (нежели в действительности) ранга. Например, старший (по возрасту) адресант обычно обращается к младшему по возрасту и незнакомому адресату либо с вокативами *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра' вместо вокативов *cô* 'младшая сестра', *cậu* 'младший брат', либо с вокативами *ông* 'вы' ('дедушка' букв.), *bà* 'вы' ('бабушка' букв.) вместо вокатива *bác* 'старший дядя или старшая тетья'. Иногда встречаются очень сложные и деликатные ситуации, в которых использование вокативов выражает «подход» адресанта. Например: я могу обратиться к младшему дяде моего друга либо с вокативом *chú* 'младший дядя' (в том случае, если я и мой товарищ — близкие друзья и его дядю я считаю как бы «своим»); либо с вокативами *anh* 'старший брат' (если адресат находится в молодом возрасте) или *bác* 'старший дядя' (если адресат находится в пожилом возрасте), если я и мой товарищ — не близкие друзья.

Помимо возраста и отношений адресанта и адресата, общественное положение также играет весьма существенную роль. Адресант обычно использует при обращении к людям, занимающим более высокое, чем он, общественное положение, следующие вокативы: *bác* 'старший дядя или старшая тетья' к лицу пожилого и преклонного возраста; *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра' к лицу молодого возраста. Следует обратить внимание также на вокативы *ông* 'господин', *bà* 'госпожа'. Употребляясь в сочетании с названием должностей, эти два вокатива имеют «устаревший» или церемониальный оттенок, например: *ông chủ tịch* 'господин председатель' ('дедушка председатель' букв.). Вьетнамцы всегда обращались к президенту Хо Ши Мину и обращаются к президенту Тон Дык Тхангу при помощи вокатива *Bác* 'старший дядя'⁷⁹. Пожилые люди и старые кадровые работники обращаются к другим руководителям, используя вокативы *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра', например: *anh Đông* 'старший брат Донг' (Донг — имя премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга).

⁷⁹ Все названия профессий и должностей (за редкими исключениями) используются как вокативы только в сочетании с классификаторами. Например:

— *Thưa đồng chí Viện trưởng!* 'Товарищ директор!'
 — *chú bộ đội* 'младший дядя солдат' и т. д.

Все термины родства-вокативы, употребляясь вне семьи, могут использоваться самостоятельно или в сочетании с именем. Например: *cháu Kim* 'внук Ким', *ông Tâm* 'дедушка Там'. Все термины родства-вокативы могут выступать во множественном числе, например: *các cháu* 'внуки', *các cụ* 'прадеды' и т. д.

Можно представить систему вокативов — терминов родства вне семьи в зависимости от возраста следующим образом ⁸⁰:

1. *cháu* — внук или внучка, племянник или племянница
2. *em* — младший брат или младшая сестра
3. *cậu* — младший брат, 'ты' (к молодым)
4. *anh* — старший брат
5. *chị* — старшая сестра
6. *cô* — младшая сестра, младшая тетя
7. *chú* — младший брат, младший дядя
8. *bác* — старший дядя или старшая тетя
9. *ông* — дедушка, 'вы' (к пожилым), 'ты' (к молодым)
10. *bà* — бабушка, 'вы' (к пожилым), 'ты' (к молодым)
11. *cụ* — прадед или прабабка (о лицах преклонного возраста).

Рассмотрим обращения ровесников к ровесникам. Дети и лица отроческого возраста обычно используют при обращении друг к другу:

- 1) местоимения *tôi* 'ты' (оттенок фамильярности), *minh* 'ты' (оттенок близости);
- 2) собственное имя (оттенок близости);
- 3) такие обращения, как *bạn* 'друг, подруга', *đàng ấy* 'ты' ('сторона эта' букв.) (оттенок близости и вежливости);
- 4) термин родства *cậu* 'ты' ('младший брат' букв.) (оттенок близости).

Между лицами молодого и среднего возрастов (20—35 лет) помимо вышеуказанных вокативов, используются вокативы:

⁸⁰ Вокативы *bố* 'отец', *mẹ* 'мать', *con* 'сын или дочь', *ông* со значением 'господин', *bà* со значением 'госпожа' используются в особых случаях.

— *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра'. Они обычно употребляются в общении малознакомых или незнакомых лиц (оттенок вежливости, уважения);

— *ông* 'ты' ('дедушка' букв.), *bà* 'ты' ('бабушка' букв.). Эти вокативы имеют «промежуточный» оттенок: они не указывают на некоторую близость, как например, имена собственные или термин *câu* 'ты', но в то же время и не фамильярны, как местоимение *tôi* 'ты'⁸¹.

Вне семьи лица пожилого и преклонного возрастов обычно используют следующие вокативы (один или вместе с именем);

— *ông* 'вы' (к пожилым), 'ты' (к молодым) — ('дедушка' букв.)

— *bà* 'вы' (к пожилым), 'ты' (к молодым) — ('бабушка' букв.)

— *anh* 'старший брат'.

— *chị* 'старшая сестра'

— *bác* 'старший дядя или старшая тетя'

— *cụ* 'прадед', 'прабабка'

Необходимо заметить, что:

а) используются только термины родства,

б) как в семье, наблюдаются два способа обращения:

— способ прямой: *ông* 'ты', *bà* 'ты' (оттенок близости) и *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра' (оттенок вежливости и уважения); эти вокативы употребляются в общении ровесников пожилого возраста, как правило, в официальных учреждениях;

— способ косвенный, т. е. адресант употребляет вокативы, используемые его детьми, при обращении к адресату; этот способ можно для наглядности назвать обращением «через» детей адресанта, например: *bác* 'старший дядя или старшая тетя', *ông* 'вы' (к пожилым, 'дедушка' букв.), *bà* 'вы' (к пожилым, 'бабушка' букв.), *cụ* 'прадед или прабабка' (к лицам преклонного возраста);

в) существует различие в общении между друзьями и мало знакомыми или незнакомыми лицами, например, вокативы *ông* 'ты', *bà*, 'ты', *bác* 'старший дядя' обычно

⁸¹ В связи с этим можно наблюдать такие вокативы, как *ông anh* 'братец' ('ты — старший брат' букв.), *bà chị* 'сестрица' ('ты — старшая сестра' букв.). Сочетание вокативов *ông*, *bà* в их значении 'ты' с вокативами *anh*, *chị*, имеющими оттенок уважения, придают характер фамильярности.

Таблица 7

Обращения ровесников к ровесникам вне семьи

Возраст	Вокативы	Возраст адресантов			
		Молодые		Немолодые	
		дети и подростки	юноши и люди средних лет	пожилые	старые
Невзрослый	<i>sâu</i> 'ты'	+	+		
	<i>anh</i> 'старший брат'		+	+	+
	<i>chị</i> 'старшая сестра'		+	+	+
Взрослый	<i>ông</i> (дедушка) 'ты' (к молодым)		+	+	
	'вы' (к пожилым)			—	—
	<i>bà</i> (бабушка) 'ты' (к молодым)		+	+	
	'вы' к (пожилым)			—	—
	<i>bác</i> 'старший дядя' или 'старшая тетя'		—	—	
Старый	<i>cu</i> 'прадед' или 'прабабка'			—	—

Примечание: знак «+» означает прямой способ обращения, а знак «—» — косвенный («через» детей адресанта).

используются друзьями (оттенок близости), *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра', *ông* 'вы', *bà* 'вы' используются в обращении лиц, незнакомых друг с другом (оттенок уважения, вежливости, но не близости).

Схематично система этих вокативов отображена в табл. 7.

Рассмотрим внесемейные обращения младших по возрасту адресантов к старшим адресатам.

Если обращающиеся принадлежат к одному поколению, то адресант обычно обращается к адресату при помощи вокативов: *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра', *bác* 'старший дядя' «через» детей адресата.

В отличие от взрослых людей, дети и лица отроческого возраста обращают мало внимания на свои отношения к адресату, используя следующие вокативы:

— *sô* 'младшая тетя', *chí* 'младший дядя' к лицам, равным по возрасту, младшим дядьям и теткам детей (поколение II);

— *bác* 'старший дядя' к лицам, равным по возрасту их родителям или старшим дядьям и теткам (поколение II);

— *ông* 'дедушка', *bà* 'бабушка' к лицам, равным по возрасту их дедушке и бабушке (поколение III);

— *cu* 'прадед или прабабка', к лицам, равным по возрасту их прадеду и прабабке (поколение IV).

Молодежь и люди средних лет обычно употребляют только следующие вокативы:

— *bác* 'старший дядя' (к пожилым, с оттенком близости);

— *ông* 'вы' (к пожилым, с оттенком вежливости);

— *cu* 'прадед или прабабка' (к старым, с оттенком уважения).

Два вокатива *sô* 'младшая тетя', *chí* 'младший дядя' обычно употребляются в трех случаях:

а) при обращении к близким друзьям родителей, адресант (и его родственники) считают этих более молодых по возрасту лиц своими младшими дядьями и тетками;

б) при обращении к равным по возрасту друзьям младших дядьев и теток адресанта;

в) при обращении к младшим по возрасту дядьям и теткам близких друзей адресанта. В этом случае адресант должен быть очень близок с семьей его друзей. Если адресант не хочет обращаться к адресату, используя вокативы *sô*, *chí*, то он может заменить их вокативами *bác* 'старший дядя или старшая тетя' (к пожилым) или *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра' (к молодым), с оттенком вежливости. Два вокатива *ông* 'дедушка' *bà* 'бабушка' обычно употребляются в таких случаях, когда адресатами являются лица, равные по возрасту дедушке и бабушке адресанта, или когда адресант считает, что адресаты могут годиться ему в дедушки и бабушки (эти вокативы обычно встречаются при обращении адресанта к родственникам своих близких друзей).

Общение пожилых людей и лиц преклонного возраста характеризуется двумя способами обращения:

— способ прямой: таковы вокативы *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра', к пожилым, обычно используются в официальных учреждениях;

Таблица 8

Обращения младших адресантов к младшим адресатам вне семьи

Возраст адресатов	Поколения	Вокативы	Возраст и поколение адресантов					
			Молодые			Немолодые		
			4, 3, 2, 1	3, 2, 1	2, 1	2, 1		
			дети и подростки	юноши и люди средних лет	пожилые	старые		
Невзрослый	I	chí	младший дядя	+	+			
	II	сô	младшая тетя	+	+			
Взрослый	I	anh	старший брат	+	+	+	+	
		chị	старшая сестра	+	+	+	+	
	II	bác	старший дядя или старшая тетя	+	-	+	-	
		III	ông	дедушка 'вы' (к пожилым)	+	-	+	-
			IV	bà	бабушка 'вы' к (пожилым)	+	-	+
Старый	III	cu	прадед или прабабка	+	-	+	-	
	IV							

Примечания: 1) Знак «+» означает прямой способ обращения, а знак «-» — косвенный. 2) Знак (+) — неточный способ обращения.

— способ косвенный («через» детей адресанта), например: *bác* 'старший дядя или старшая тетя', *ông* 'вы' ('дед' букв.), *bà* 'вы' ('бабушка' букв.), *cu* 'прадед или прабабка'. Эти вокативы употребляются при обращении младших к старшим (в рамках одного или разных поколений) (табл. 8).

Вне семьи в общении старших с младшими обычно встречаются следующие вокативы:

- личные имена;
- местоимения 2-го лица *tày* 'ты' (*chúng tày* 'вы');
- такие обращения, как: *bạn* 'друг, подруга', *bé* 'малыш' и т. д.;

г) такие термины, как: *em* 'младший брат', *cháu* 'племянник', 'племянница', 'внук', 'внучка', *sô* 'младшая сестра', *câu* 'младший брат', *chú* 'младший дядя', *ông* 'ты', 'вы' ('дедушка' букв.); *bà* 'ты', 'вы' ('бабушка' букв.), *bác* 'старший дядя', *cu* 'прадед или прабабка'.

Между молодыми людьми, принадлежащими к одному и разным поколениям, обычно употребляются, кроме других форм, такие вокативы — термины родства:

em 'младший брат или младшая сестра' (оттенок интимности, ласки при обращениях к детям или девушкам);

— *sô* 'младшая сестра', *câu* 'младший брат', эти два вокатива используются обычно в общении молодых людей, принадлежащих к поколениям (I и II), разница в возрасте которых не превышает 10—15 лет. Если адресант использует вокативы *sô*, *câu*, то этим подчеркивается молодость адресата. Если это расстояние меньше 10 лет, то адресант обычно использует вокативы *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра' (оттенок уважения к неблизким знакомым) или вокативы *ông* 'ты' ('дедушка' букв.), *bà* 'ты' ('бабушка' букв.) (при обращении к близким знакомым оттенок дружеский и фамильярный). Вокативы *ông*, *bà* обычно используются в официальных учреждениях.

В том случае, когда у адресанта есть дети, он может обращаться к знакомым адресатам «через» своих детей при помощи вокативов *sô* 'младшая тетя', *chú* 'младший дядя'.

Пожилые и старые (преклонного возраста) люди обычно употребляют при обращениях к младшим по возрасту адресатам следующие вокативы:

— *bác* 'старший дядя' (оттенок близости к пожилым);

— *ông* 'вы' ('дедушка' букв.), *bà* 'вы' ('бабушка' букв.) (оттенок вежливости к пожилым);

— *cu* 'прадед или прабабка' (оттенок вежливости к старым);

— *anh* 'старший брат', *chị* 'старшая сестра', которые обычно встречаются:

1) когда адресант и адресат принадлежат к разным поколениям, например, мои родители (62 лет) обращаются к детям своих друзей (лет 40—45) с этими вокативами;

2) когда старший адресант и младший адресат принадлежат к одному поколению, например, в официальных учреждениях, как правило, используются два эти вокатива (табл. 9).

Таблица 9

Обращения старших адресантов к младшим адресатам вне семьи

Возраст адресантов	Поколение	Вокатив	Возраст и поколения адресантов				
			Молодые		Немолодые		
			I	II	III	IV	
			дети и подростки	юноши и девушки средних лет	пожилые	старые	
Незрелый	4	cháu	правнук или правнучка			+	+
	3						
	2	cháu	племянник или племянница		+	+	+
		em	младший брат или младшая сестра	+	+	(+)	(+)
	1	sô	младшая сестра	+	+	(+)	(+)
			младшая тетья			—	—
Взрослый		chú	младший дядя			—	—
		sâu	младший брат	+	+		
	4	anh	старший брат		+	+	+
	3	chị	старшая сестра		+	+	+
	2	bác	старший дядя или старшая тетья			—	—
		ông	(дедушка)	'ты' к (молодым)		(+)	(+)
				'вы' (к пожилым)			—
	1	bà	(бабушка)	'ты' к (молодым)		(+)	(+)
			'вы' к (пожилым)			—	
Старый	2	сụ	прадед или прабабка				—
	1						

Примечания: 1) Знак «+» означает прямой способ обращения, а знак «—» — косвенный («через» детей адресанта). 2) Знак «(+）」 — неточный способ обращения.

Система вокативов — терминов родства вьетнамского языка очень сложна, богата и тонка. Она должна явиться предметом изучения не только языкознания, но и социологии и этнографии.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НЕКОТОРЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНДОНЕЗИЙЦЕВ

Разбросанное более чем на трех тысячах островов⁸² население Индонезии состоит из нескольких десятков народностей, не считая многочисленных племен, живущих в основном на восточных островах. Все эти национальные образования, находясь в едином государстве и будучи в большинстве своем родственными по языку, из-за различий в культурном уровне отдельных этносов все же не составляют однородного сплава, который позволил бы говорить о единой народной индонезийской культуре. Тем не менее материальное и духовное сходство между жителями Больших Зондских островов представляется большим, нежели сходство между представителями большинства африканских и некоторых многонациональных государств Азии. Одной из черт, объединяющих их, является единство эталонов поведения.

В основе эстетики и этики крупнейших народностей Больших Зондских островов (в дальнейшем называемых для краткости просто индонезийцами) лежит дихотомия kasar 'грубый' — halus 'мягкий'⁸³. Эта дихотомия накладывает свой отпечаток на такие динамические виды народного искусства, как театр и танцы.

Во всех видах индонезийского народного театра положительным героям (как мужского, так и женского пола) свойственна мягкая пластичность движений, противопо-

⁸² Считается, что, кроме трех тысяч обитаемых островов, в состав Индонезии входят десять тысяч необитаемых (*M. Vesper. Tausende Inseln — ein Staat. Berlin, 1960, стр. 5*).

⁸³ Это довольно распространенная точка зрения. [Ср., например: «Человек Силы должен прилагать как можно меньше усилий во всех своих действиях. Легким движением пальца он приводит в движение цепь событий. Человек истинной Силы не должен повышать голоса или давать прямые указания...» (*B. R. O'G. Anderson. The idea of power in Jawanese culture. «Culture and politics in Indonesia». London, 1972, стр. 42*).

ставляемая грубости и резкости отрицательных героев. Подчеркнутой мягкостью движений отличаются индонезийские танцы. Не вызывает сомнений связь этих видов искусства с культурой движений индонезийца.

Из статических видов искусства больше всего связано с культурой движений изобразительное искусство, оказывающее определенное влияние на манеры его потребителей, диахронически строивших систему движений своего тела в соответствии с наиболее удобными для данных географических условий позициями.

В условиях Индонезии народы с более развитыми традициями народного изобразительного искусства, видимо, считают себя более halus, чем другие. Это относится прежде всего к яванцам и балийцам, культура которых была больше всех затронута влиянием брахманизма и индуизма. У этих народов больше, чем у других, культивируются танцевальное искусство и национальный театр вопреки ограничениям, накладывавшимся на эти виды искусства в мусульманском мире.

Несмотря на внешнюю сдержанность в проявлении национальных чувств, определенной части яванцев свойственно снисходительное отношение к культуре других народов: себя они считают в большей степени носителями halus, чем других, которых (особенно батаков) они нередко обвиняют в грубости. Исключение делается, видимо, только для балийцев. В то же время нельзя не отметить, что для яванца не характерно высокомерие (kesombongan), потому что это противоречит его культивируемой вежливости, не является halus. Другие народы, со своей стороны, вслед за голландцами, обвиняют яванцев в коварстве, под которым подразумевается слишком резкий переход яванца от мягкого обращения к враждебности, на что обычно отвечают, что выражение гнева или брань являются верхом неприличия для яванца, который предпочитает этим способам обороны свое национальное оружие — крис. Степень этого преувеличения будет понятной, если учесть, что крис давно уже перестал использоваться как оружие и стал частью национальной одежды.

Мы не берем на себя смелость выступать в качестве арбитров в споре между яванцами и неяванцами и обратимся к особенностям поведения индонезийцев, с которыми нам довелось встречаться на Западной Яве, в Джакарте, на Калимантане и в Советском Союзе. Учитывая, что

поведение человека в инонациональном окружении так или иначе контролируется окружением, упомянем, что для сопоставления было использовано поведение индивидуумов в компактных группах следующего национального состава: яванцев (в Лоа-Кулу на Восточном Калимантане — большинство; на западной оконечности Явы, в Бантене — самая крупная народность района; в Джакарте разбросаны по всему городу), сунданцев (в районе Гарута — большинство; в районе Бандунга и в Богоре — самая крупная народность; в Джакарте разбросаны по всему городу), джакартских малайцев (крупнейшая народность Джакарты; в Тангеранге, близ Джакарты, близкое по происхождению к джакартским малайцам население составляет большинство), банджаров (преобладающих в Банджар-Бару), малайцев бывшего султаната Кутей (на Восточном Калимантане преобладающих в Тенгаронге и составляющих основное население в Самаринде) и чрезвычайно разнородного населения Баликпапана, состоящего из яванцев, минахасцев (orang Menado), молуккских малайцев («амбонцев»), бугисов, жителей восточной части Малых Зондских островов («тиморцев»), батаков, сунданцев и т. д.

Невербальное поведение индонезийцев в общем характеризуется несколько замедленной, но развитой жестикуляцией и мимикой. Выражение злости и скорби не свойственно индонезийцу, он чаще улыбается и смеется. При ходьбе держит голову прямо, носки довольно сильно выворачивает наружу, движется обычно медленно, амплитуда движения рук для такой скорости непропорционально велика. Подолгу может сидеть на корточках, почти не меняя позы, женщины и особенно девушки любят сидеть на коленях, опершись на одну руку, или на одном колене, обняв руками другое. По нашим наблюдениям, раздвинутые колени и поднятые руки (ладони при этом кладут на затылок) не имеют эротического смысла, и такое положение коленей и рук не является предосудительным для индонезийцев в присутствии посторонних. Может быть, это служит самым ярким примером влияния климата на эстетические и этические воззрения.

Неприличным считается вихляние бедрами, которое, впрочем, не производит эротического эффекта при ношении национальной одежды, плотно облегающей тело, и появилось, видимо, вместе с короткими европейскими юбками.

Привычка к пошению тяжестей на голове обусловила умение держать прямо спину, но во время вежливого разговора мужчина индонезиец нарочито сутулится, часто наклоняет голову и стремится как можно больше улыбаться, отчего улыбка кажется неестественной, натянутой. Наклон головы при этом бывает всегда замедленным и производится при участии всего корпуса. Во время приветствия спина сгибается довольно сильно, этим (так же, как и улыбкой) выражается вежливое отношение к собеседнику. Этикет на более высоком уровне предусматривает буквально горизонтальное положение спины слуги, который, улыбаясь, подносит еду своему господину. Так же низко склоняется индонезиец, проходя мимо своего начальника (разумеется, улыбаясь). При этом он протягивает вниз руку, как бы указывая, с какой стороны он намеревается пройти, так чтобы не оказаться к начальнику спиной. Этот последний жест (протянутая рука) перекочевал на городские улицы. Индонезиец показывает таким образом, справа или слева он хочет пройти или проехать. Естественно, что у мотоциклистов и водителей автомашин (хотя направление движения чаще указывают пассажиры или помощники водителей) жест несколько трансформировался: вытянутая в бок правая рука (торчащая из кабины) означает поворот направо, левая рука — налево.

Выражая вежливое согласие, индонезиец на мгновение застывает в поклоне, несогласие жестом выражается редко, хотя крайне эмоциональное выражение несогласия (по нашим наблюдениям, свойственное только детям и женщинам) выражается энергичным покачиванием головы в сторону, самым, пожалуй, резким из всех движений коммуникативного характера, которые нам довелось увидеть.

Наибольшее число невербальных эмоций индонезиец выражает с помощью рук (и мимики). Мы уже указывали выше на жесты, в которых участвует вся рука. Особо следует остановиться на жестах, выражаемых движением кисти рук.

Движение кисти ладонью вверх (наподобие жеста «май-на» у строителей), на наш взгляд, исторически связано с неприличными ассоциациями и потому почти не встречается в обыденной жизни, движение кисти ладонью вниз («вира» у строителей) имеет два значения: если этот жест

производится при горизонтально вытянутой руке, он указывает на желание остановить проходящего мимо человека или транспорт; если же рука поднята вверх, этот жест означает приглашение подойти поближе. В обоих случаях движение кисти повторяется многократно. Любопытно, что пожилые люди или женщины иногда машут рукой, чтобы перейти улицу во время движения транспорта.

Движение кисти при поднятой руке напоминает европейцам прощальный жест, видимо, родственный другим жестам, производимым, чтобы привлечь внимание. Создается впечатление, что другие движения кисти при поднятой вверх руке все же не являются исконными для индонезийцев, так как их распространение каким-то образом локализовано.

Для индонезийца не характерна открытая ладонь при жестикуляции, пальцы обычно не остаются неподвижными: они либо растопыриваются, либо загибаются, либо прижимаются к большому пальцу. Трудно не увидеть в этом связь с индонезийскими танцами, в которых руки принимают более активное движение, чем ноги, и могут выражать самые разнообразные оттенки чувств.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ ФОРМ ВЕЖЛИВОСТИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ⁸⁴

Одной из интересных особенностей корейского языка является наличие в нем так называемых форм вежливости.

Особенно важное значение формы вежливости имеют в устной речи, а также сохраняют важную роль в эпистолярном, литературно-художественном и даже газетно-публицистическом стилях письменного языка. Определенную роль играют формы вежливости и в деловой переписке.

Наряду с практической актуальностью проблема форм вежливости в языке представляет определенный теоретический интерес. Ее исследование позволяет вскрыть не-

⁸⁴ Статья базируется в основном на материалах, изданных в КНДР и на основе личных наблюдений во время пребывания в этой стране.

которые особенности «языкового мышления», отдельные стороны взаимосвязей между языком и психологией людей и др.

В корейской научной литературе этой проблеме посвящено немало интересных работ⁸⁵. Но написаны они корейцами и для корейцев. И некоторые специфические особенности этой проблемы не находят в них должного отражения как подразумевающиеся.

Поэтому рассмотрение системы форм вежливости в корейском языке с позиций русского языка призвано в какой-то степени восполнить это упущение и привлечь внимание советских лингвистов к более глубокому изучению данной проблемы.

1. Особенности предречевой ориентации

Одно и то же высказывание может быть приятным и неприятным для слушателя в зависимости от того, кто говорящий, кто слушатель и в какой ситуации они находятся.

Отсюда, в частности, вытекает, что в любом коллективе, прежде чем вступать в речевой контакт, человек должен за очень короткий промежуток времени визуально определить, кто его потенциальный собеседник по общественному положению, старше он или младше; знакомый или незнакомый и т. п. Иначе говоря, человеку необходимо сориентироваться в конкретной ситуации. Но сам по себе процесс ориентации бывает отнюдь не простым процессом, и у разных народов имеет свои особенности. Русские, например, ориентируются в основном по двузначной формуле: «вышестоящий — равный или нижестоящий». Результаты ориентации у них сводятся к указанию на партнера местоимением 2-го лица вежливым *Вы* или фамильярным *ты*. В соответствии с этим разговор приобретает вежливый или дружественно-фамильярный характер.

Свойственный корейцам процесс ориентации в предречевой ситуации несколько другой. Его можно рассматривать состоящим из двух этапов.

На первом этапе ориентация осуществляется по формуле: «высший — равный — низший». Причем эта формула понимается в двух планах:

⁸⁵ См., например: *Ури сэнхвальхва днб* «Наша жизнь и язык». Пхеньян, 1963, стр. 22.

1) «высший — равный — низший» по общественному положению;

2) «старший — равный — младший» по возрасту. План первый часто превалирует над планом вторым. Это значит, что «высший» по общественному положению удостоивается большего уважения, чем равный, а иногда и старший по возрасту, но «низший» по общественному положению.

На этом этапе процесс ориентации испытывает сильное влияние и других факторов:

- а) обстановка: служебная — неслужебная;
- б) собеседник: мужчина — женщина,
 незнакомый — знакомый,
 чужой — свой.

На службе принято даже с родными и близкими разговаривать так же, как и с другими сослуживцами, занимающими соответствующие посты.

Интересен также и тот факт, что корейские женщины особенно вежливы в речах ⁸⁶ и обходительны в поступках. Но в то же время они не допускают излишней интимности в разговорах.

Незнакомому человеку всегда оказывается больше уважения и внимания, чем знакомому.

С учетом всех этих факторов на данном этапе процесс ориентации для обоих партнеров завершается осознанием своих «я» через одно из местоимений 1-го лица единственного числа:

- ч^о (вар. *че*) ‘я’ (уничижительное),
- на (вар. *нэ*) ‘я’ (нейтральное).

Если один из собеседников осознал свое «я» через ч^о (*че*), то тем самым он признал своего партнера «вышестоящим» по общественному положению или старшим по возрасту и будет разговаривать с ним, употребляя соответствующую форму вежливости.

В этом случае для партнера будет естественным осознать свое «я» через местоимение *на* (*нэ*). Никаких особых преимуществ он не обретает. Разве только то, что в разговоре с собеседником он может быть не слишком щепе-

⁸⁶ Особенности «женской речи» в корейском языке представляют собой составной компонент системы форм вежливости.

тильным в подборе слов, выражений и грамматических форм. Иначе говоря, он будет пользоваться другими формами вежливости.

Однако такой результат ориентации корейцев не удовлетворяет: он слишком расплывчат и требует дальнейшего уточнения ситуации. Поэтому на очередном этапе ориентации, руководствуясь в основном субъективными суждениями, корейцы уточняют ситуацию и выбирают конкретные формы вежливости, которые и употребляют в разговоре. В частности, из «вышестоящих» выделяют собеседников, с которыми следует разговаривать, употребляя почтительную форму вежливости *чончхинь*.

К ним обычно относятся люди, занимающие высокое общественное положение: руководители партии, правительства, министры, выдающиеся деятели науки, культуры, искусства, выдающиеся общественные деятели, иностранцы с высшим социальным статусом и т. д.

В сфере неофициального общения к такой форме вежливости прибегают при разговоре с людьми, прожившими долгую жизнь, много потрудившимися и обеспечившими благополучие родных и близких (эти лица, как правило, хорошо известны говорящему).

В других ситуациях выбирают уважительную форму *хасинсио*⁸⁷. В этих случаях собеседниками бывают непосредственные начальники по службе, незнакомые собеседники, собеседники старшие или равные по возрасту. Эту форму вежливости употребляют, выступая перед большой аудиторией, а также в разговоре с иностранцами, когда необходимо подчеркнуть равенство сторон и в других ситуациях.

Вежливую форму *хэё* чаще употребляют в разговорах неслужебного характера, т. е. когда собеседниками выступают родители и родственники, а также знакомые старшие по возрасту. Этой форме вежливости присущи основные черты, характерные для «женской речи». Возможно, поэтому допускается употребление ее женщинами и в служебной обстановке.

⁸⁷ Представляется уместным ради краткости сохранить указатели на формы вежливости, употребляемые в корейских источниках. Они представляют собой формы повелительного наклонения от служебного глагола *хада* 'делать', наиболее часто используемые в данной форме вежливости: *хасинсио*, *хэё* и др.

В разговоре с равным по общественному положению или по возрасту или в случае совпадения этих показателей разговаривают, употребляя учтивую форму *хао*. Ее обычно используют мужчины как в служебной, так и в неслужебной обстановке. Человек, к которому обращаются в почтительной форме вежливости, обычно отвечает, употребляя учтивую форму вежливости.

Интимная форма вежливости *хаге* чаще всего употребляется людьми пожилыми в неофициальной обстановке: родителями в разговорах между собой и со взрослыми детьми, пожилыми людьми с равными и младшими по возрасту знакомыми, а иногда и с незнакомыми людьми.

В разговоре с очень близкими друзьями (равными по социальному положению), в неслужебной обстановке допустимо употребление фамильярной формы вежливости *хэ*. Для нее характерно то, что многие грамматические формы и некоторые слова произносятся не полностью, а лишь частично, как минимальные фонетические намеки на них. Поэтому эта форма вежливости иногда называется «полуречь» *панмаль*. Пользоваться этой формой вежливости надо осторожно. О неумеренно использующем ее корейцы говорят: *Ссагаги пан мёгённа?* ‘Объелся каши из рисовой сечки?’.

Разговаривая с детьми, взрослые чаще всего употребляют покровительственную форму вежливости *хэра*. Она указывает реципиенту на необходимость уважительного отношения к говорящему и повиновения ему. Эта особенность покровительственной формы вежливости используется при публикации обращений, воззваний, призывов и т. п. Но в этом случае ее значение как формы вежливости для разговора с «нижестоящим» утрачивается.

2. Категория обращений

Категория обращений — тоже составной компонент форм вежливости в корейском языке. С обращения к собеседнику часто начинается речевой контакт. В силу этого обстоятельства в обращении задается «тон» всего последующего разговора.

Чтобы выразительнее показать особенности обращений и нормы их употребления в корейском языке, представляется целесообразным исходить из некоторых особенностей категории обращений в русском языке.

В качестве наиболее характерной особенности в русском языке следует считать тенденцию к употреблению на всех уровнях «интимных» обращений: по имени-отчеству или просто по имени. Только в редких случаях мы обращаемся к собеседникам по-другому, называя их должности с прибавлением слова *товарищ* или указывая на родственные связи с собеседником (*папа, мама* и т. п.). Мало того, в служебной обстановке партикулярные обращения сослуживцев друг к другу в наши дни служат признаком некоторой натянутости отношений между ними.

В корейском языке наблюдается прямо противоположная тенденция. В служебной обстановке употребление партикулярных обращений сослуживцами всех рангов является всеобщей нормой. В семьях, как правило, обращаются друг к другу, используя категории, указывающие на родственные отношения⁸⁸. Характерным признаком нездоровой атмосферы в семье служит обращение ее членов друг к другу по имени (отчества у корейцев нет).

Употребляя в речи почтительную форму вежливости, говорящий не может обратиться к собеседнику через местоимение 2-го лица. Соответствующих местоимений в корейском языке нет. Поэтому в такой ситуации принято обращаться к собеседнику, называя его должность и прибавляя слово *тонъджи* 'товарищ' или должность с суффиксом *-ним* 'дорогой; сударь';

Вивонджанъ тонъджи 'товарищ председатель'

Вивонджанъним 'товарищ председатель'

В привычной или личной беседе к уважаемому человеку обращаются со словами: *сонсэнъним* 'учитель', *харабоним* 'дедушка', *хальмоним* 'бабушка' и т. п. Формант *-ккесё* не обязательный артибут каждого из обращений, но его употребление вполне соответствует ситуации.

Среди обращений, соответствующих уважительной форме вежливости в разговоре, тоже нет местоимений 2-го лица (употребление местоимения *танъсин* 'Вы' и его более вежливого варианта *танъсинккесё* 'Вы' обусловлено рядом существенных оговорок). Поэтому в такой ситуации обращения тоже характеризуются некоторыми специфическими особенностями.

⁸⁸ Категория родственных отношений тоже входит в систему форм вежливости, но ограниченный объем параграфа не позволяет уделить ей соответствующего внимания.

а) К работникам партийных органов, государственных учреждений, к руководителям промышленных и сельскохозяйственных предприятий, к иностранцам из социалистических стран, занимающихся аналогичной деятельностью, а также к послам и официальным представителям обращаются строго партикулярно: называют их должность (в том числе временную) и прибавляют слово *тонъджи* 'товарищ'. В ряде случаев для женщин и мужчин (чаще тех, кто не старше среднего возраста) допустимо вместо слова *тонъджи* 'товарищ' прибавлять к названию должности суффикс *-ним* 'дорогой, сударь'⁸⁹.

<i>Пубуджанъ тонъджи</i>	}	'товарищ, заместитель министра'
<i>Пубуджанъним</i>		
<i>Вивѣнджанъ тонъджи</i>	}	'товарищ председатель'
<i>Вивѣнджанъним</i>		

Но к некоторым словам суфф.-*ним* не присоединяется:

Писѣ тонъджи 'товарищ секретарь',

Чибэин тонъджи 'товарищ директор'.

К иностранцам аналогичного ранга из капиталистических стран обращаются, называя их должности с прибавлением слова *какха* 'господин'.

Тэса какха 'господин посол'.

Танъджанъ какха 'господин глава делегации' и т. п.

б) К работникам науки, культуры, искусства, просвещения и здравоохранения, в отдельных случаях к пожилым незнакомым людям, к иностранцам, занятым в аналогичных сферах, обращаются, называя их звание, должность, профессию и прибавляя слово *сѣнсэнь* 'учитель.' В большинстве случаев дословный перевод таких обращений на русский язык оказывается неправильным:

Кѣсу сѣнсэнь(ним) (букв. 'учитель-профессор')
'профессор'

Ыйса сѣнсэнь(ним) (букв. 'учитель-врач') 'доктор'

Чакка сѣнсэнь(ним) (букв. 'учитель-писатель')
'маэстро'.

В процессе разговора при повторном обращении допустимо опускать названия должности, звание и обращаться лишь со словом *сѣнсэньним* 'учитель'.

В принципе слова *тонъджи* 'товарищ' и *сѣнсэнь* 'учитель' равнозначны для данной формы вежливости. По-

⁸⁹ В таком случае значение суффикса *-ним* приравнивается к значению слова *тонъджи* 'товарищ'.

этому в зависимости от ситуации вместо слова *сёнсэнъ* можно употребить слово *тонъджи*. Обратная замена (*сёнсэнъ* вместо *тонъджи*) обусловлена рядом оговорок и потому лучше ее избегать.

в) Работники сферы обслуживания обращаются к посетителям особенно старшим или равным по возрасту со словами *сонним тонъджи* 'товарищ гость' или просто *сонним* 'гость'.

г) К пожилым незнакомцам обращаются со словами *тонъджи, сёнсэнъним, аджосси* 'дядя', *аджумони* 'тетя'. К незнакомцам преклонного возраста в неслужебной обстановке обращаются «по-домашнему»: *харабъджи* 'дедушка', *хальмони* 'бабушка'.

д) Обращение по фамилии и имени с прибавлением слова *тонъджи* (*Ким Чугир тонъджи* — 'Товарищ Ким Чугир') допускается, но не часто: один-два раза в течение разговора, главным образом, чтобы засвидетельствовать свою компетентность в данном вопросе. Обращения по фамилии с добавлением слова *тонъджи* (*Ким тонъджи* 'Товарищ Ким') тоже нельзя считать широко употребительными. Для служебной обстановки они несколько двусмысленны: у слушателя может возникнуть впечатление, что говорящий не уважает его (слушателя) должности или стремится перейти на более низкую ступень вежливости в разговоре. Для неслужебной обстановки такое обращение звучало бы слишком официально. (Примерно, равно русским: «Товарищ Иванов», «Товарищ Петров»).

Обращения по имени с прибавлением слова *тонъджи* (*Чугир тонъджи* 'Товарищ Чугир') невозможно в силу полной стилистической несовместимости составных компонентов. (Для корейцев оно звучит примерно так же, как для русского «Товарищ Петька»).

е) Характер публичных обращений зависит от состава аудитории. Если аудитория однородна, то обращаются, называя должность, род занятий, социальную принадлежность присутствующих и прибавляют слово *тонъджидыль*: 'товарищи':

Тэйивён тонъджидыль! 'Товарищи депутаты' (на сессии Верховного Народного Собрания КНДР),

Хакча тонъджидыль! 'Товарищи научные работники' (на научной конференции) и т. п.

Если аудитория неоднородна, то употребляются обращения более общего характера.

Тонъджидыльквэ пӧтдыль! 'Товарищи и друзья',
Йӧрбун! 'Товарищи' (присутствующие).

Когда в публичном обращении необходимо выделить главного гостя (на дипломатических раутах и официальных приемах) и оказать соответствующее уважение к остальным присутствующим, то должности обычно не называются. К фамилии и имени главного гостя прибавляют слова *чонгйӧнханын* 'уважаемый' и *тонъджи*:

Чонгйӧнханын Х тонъджи! 'Уважаемый товарищ Х'!

В этом случае к остальным гостям обращаются со словами: *Чхинэханын тонъджидыльквэ пӧтдыль!* 'Дорогие товарищи и друзья!'

Здесь необходимо обратить внимание на особые стилистические ранги слов *чонгйӧнханын* 'уважаемый' и *чхинэханын* 'дорогой'. В ситуации, подобной вышеописанной, употребление слова *чхинэханын* в отношении главного гостя принципиально возможно, однако после него, не рекомендуется употреблять слово *чонгйӧнханын*, обращаясь ко всем остальным гостям. Слово высокого «стилистического ранга» *кйӧнъэханын* 'уважаемый и любимый'⁹⁰ употребляют корейцы в исключительных случаях.

ж) К родным, в разговоре с которыми употребляется вежливая форма, обращаются, используя речения, указывающие на родственные отношения: *абӧджи* или *абӧним* 'отец', *ӧмӧни* или *ӧмӧним* 'мать'. Зятю или невестке положено так же называть родных жены или соответственно мужа. К братьям отца соответственно обращаются: к старшим — *кхын абӧджи* (букв. 'большой отец') 'дядя', к младшим — *чагын абӧджи* (букв. 'малый отец') 'дядя'.

А иногда — «по-письменному» (из эпистолярного стиля): *пэкпу* или *сукпу* 'дядя'⁹¹ или просто *самчхон* 'дядя'.

К жене братьев отца соответственно обращаются *кхын ӧмӧни* букв. 'большая мать' и *пэкмо* 'тетя' или *чагын ӧмӧни* букв. 'малая мать' и *сукмо* 'тетя'. К сестрам отца

⁹⁰ Интересно, что слово *кйӧнъэханын* воспринимается корейцами не как целое слово, а по значению иероглифов, из которых оно состоит.

⁹¹ В данном случае буквальный перевод теряет смысл.

обращаются со словами *комо*, *комо ъмѳни* или *аджумѳни* 'тетя'. К их мужьям — *комобу*, *комо аджѳсси*, *аджѳсси* 'дядя'.

В корейской семье, разговаривая с родным братом, особенно старшим, принято употреблять вежливую форму и обращаться со словами *хйѳнъ*, *хйѳнъним* 'брат' или *кхын хйѳнъ*, *кхын хйѳнъним* 'старший брат'. К жене старшего брата обращаются со словами *хйѳнъсуним* *аджумѳним* 'тетя'.

Обращения к равным по общественному положению и по возрасту тоже отличаются большим разнообразием.

В официальной обстановке чаще всего употребляются партикулярные обращения: называется должность, звание и пр. и прибавляется слово *тонъму* 'товарищ'⁹².

Чидовѳн тонъму 'товарищ референт', 'инструктор'

Тхонъѳквѳн тонъму 'товарищ переводчик' и т. п.

В качестве повторного обращения пользуются местоимением *танъсин* 'вы'. Любопытно, что это местоимение не пользуется особой популярностью в обществе корейцев, но в отношении иностранцев его употребляют часто.

Допустимы также обращения по фамилии и имени со словом *тонъму* (*Ким Чхѳльхи тонъму!* 'Товарищ Ким Чхольхи'), и по фамилии со словом *тонъму* (*Ким тонъму!* 'Товарищ Ким'), по имени со словом *тонъму* (*Чхѳльхи тонъму* 'Товарищ Чхольхи') или просто 'Чхольхи'.

Официальность обращений со словом *тонъму* весьма относительна. Ранее конкуренцию таким обращениям составляли обращения со словом *сси* 'госпожа, господин'. Но сейчас в КНДР в сфере их употребления стали пользоваться словом *тонъму*.

В семьях к младшим братьям и сестрам обращаются соответственно *хйѳнъним* 'брат' и *ѳнни* 'сестра'⁹³; к жене брата — со словом *аджумѳни* 'тетя' или *хйѳнъсуним* 'тетя'; к мужу сестры — *аджѳсси* 'дядя' или *хйѳнъбуним* 'дядя' и т. п.

Чаще всего в разговоре между супругами тоже употребляется учтивая форма вежливости *хао*. Однако :

⁹² Слова *тонъджи* 'товарищ' и *тонъму* 'товарищ' — синонимы, но отнюдь не в стилистическом плане. Стилистический ранг слова *тонъджи* несравненно выше, чем слова *тонъму*, что постоянно надо иметь в виду.

⁹³ В некоторых районах к братьям обращаются со словом *ѳнни* 'брат', а к сестрам со словом *хйѳнъним* 'сестра'.

характер обращений супругов не всегда одинаков и зависит от многих других факторов: насколько долго они живут совместно, имеется ли у них ребенок, живут с родителями или отдельно и т. п. Муж, как правило, обращается к жене со словом *йёбо* 'послушай' на протяжении всей совместной жизни.

Только что вышедшая замуж жена обычно обращается к мужу, употребляя вежливую форму: *Чё чом посее!* 'Послушайте меня!'

По истечении некоторого времени обращение обретает учтивую форму:

<i>Йёбосее!</i>	'Послушайте'
<i>На чом пвае!</i>	'Послушай-ка меня!'
<i>Йёбо!</i>	'Послушай!'

После рождения ребенка жена обращается к мужу как к отцу ребенка:

<i>Оксир абёджи!</i>	'Отец Оксир!'
<i>Тхэхун абёджи!</i>	'Отец Тхэхуна!'

В пожилом возрасте жена обращается к мужу со словом *йёнгам* 'старик'.

Очень близкие друзья, пользующиеся в разговоре фамильярной формой вежливости *хэ*, чаще всего обращаются друг к другу на «ты» *нё*, *чане* или называя друг друга по имени.

По имени обращаются родители к своим детям (до замужества), а также учителя к ученикам младших классов, когда в разговоре употребляется покровительственная форма вежливости.

Инициатива в использовании интимной формы вежливости (*хаге*) в разговоре является привилегией пожилых людей. Их особое положение накладывает определенный отпечаток на характер обращений к окружающим, в особенности к своим детям.

После выхода дочери замуж, ее перестают звать по имени, обходясь окликаками: *йэи* 'эй', *йэя* 'эй, ты'. Иногда обращаются, называя фамилию мужа с прибавлением соответствующего звательного суффикса: *Ли-чиба* 'ты, из дома Ли', *Чхве-сира* 'Ты из дома Чхве'. После рождения у замужней дочери ребенка к ней обращаются как «к матери внука»: *Хваксир ёмия* 'мать Хваксира', *аи ёмма* 'мать ребенка' и т. п.

К женатому сыну, как, впрочем, и к зятю обычно обращаются *йопоге* 'послушай'. К снохе в доме сперва обращаются со словами *сэ ага* 'новый ребенок' или *сэ тэга* 'новый жилец'. После рождения ребенка — *аи ёмма* 'мать ребенка' или *коптан ёмия* 'красивая мать'. Вообще же отец и мать в доме вправе обратиться к любому члену семьи со словом: *йопоге* 'послушай' или *йобо* 'послушай'. Однако матери, как и везде, в зависимости от конкретной ситуации, находят для своих детей более теплые и сердечные обращения.

3. Категория вежливых слов

Обращения представляют собой лексические средства выражения вежливой речи. Однако одними обращениями лексические средства не исчерпываются. Чтобы вежливо разговаривать по-корейски, необходимо знать хотя бы минимум слов-синонимов, основное предназначение которых — способствовать выражению отношений между собеседниками в корейском языке (табл. 10).

Этот список-минимум мог бы быть продолжен за счет:

а) глаголов, которые в разговоре о себе, равном или «нижестоящем» собеседнике употребляются в обычной стилистически нейтральной форме, а о «вышестоящем» — с суффиксом вежливости *-си*.

'Быть занятым' — *паппыда* → *паппысида*,

'начинать' — *сиджакхада* → *сиджакхасида* и т. д.

б) прочих слов, имеющих стилистические прототипы: *тэгари* 'башка' (вульгарное), *мёри* 'голова' (нейтральное), *тунве* 'голова' (возвышенное); *йёнсёк* 'баба' (вульгарное), *йёджа*, *йёсонъ* 'женщина' (нейтральное), *йёса* — 'дама' (возвышенное) и т. п.

Необходимо иметь в виду также то обстоятельство, что в корейском языке определенную стилистическую нагрузку несет обращение к собеседнику в форме 3-го лица и указание на себя как на 3-е лицо. Когда к собеседнику вежливо обращаются как к 3-му лицу, то тем самым подчеркивают уважение к нему:

— *Вивёнджанъ тонъджи ими осйёссымникка?* (букв. 'Товарищ председатель уже пришел?') 'Вы уже пришли?'

— *Йэ, вассо.* 'Да, пришел'.

— *Вивёнджанъ тонъджи тё касигессымникка?* (букв. 'Товарищ председатель снова уйдет?') 'Вы снова уйдете?'

Таблица 10

Значения слов	Говорящий о себе или о равных и «нижестоящих»	Говорящий о «вышестоящих» собеседниках
Я	чѡ, че в разговоре с «вышестоящими»	—
Я	на, нэ (в разговоре с равными или нижестоящими)	—
Мы	чѡхи, чѡхидыль (в разговоре с «вышестоящими»)	—
Мы	ури (в разговоре с равными или «нижестоящими»)	—
Вы	—	танъсин (в разговоре с равными)
Этот	и	пун
Он]	кы	кыи
Ты	нѡ, чане, кытэ	—
Окончание выделительного падежа	-ын/нын	-ккесѡ
Окончание дательного падежа	-еге, -хантхе	-кке
Товарищ	тонъму	тонъджи
Человек	сарам	синбун, пун
Находиться, присутствовать	итта	кесида
Отсутствовать	ѡпта	анкесида
Прийти	ватта	осида
Речь	маль	мальссым
Говорить	мальхада	мальссымхада
Бумага	чонъи	сѡнджи
Благополучный	мугохада	мусахада
Рассказывать	иягихада	йѡччупта
Обнимать	ккырѡанда	пхоонъхада
Любовь	саранъ	ынэ
Давать, подавать	чуда, нэда	тырида, оллида
Смотреть	пода	пвепта
Заботиться, опекать	терида	мосида
Непосредственно, лично	чикчѡп	момсо, чхинги
Дом, жилье	чип	тэк
Быть голодным	пэкопхыда	синджанъхада

Таблица 10 (окончание)

Значения слов	Говорящий о себе или о равных и «нижестоящих»	Говорящий о «вышестоящих» собеседниках
Пища	<i>пап</i>	<i>чинджи</i>
Кушать	<i>мбкта</i>	<i>чапсусида, часида</i>
Имя	<i>ирым</i>	<i>сбнъхам</i>
Жизнь	<i>сэнъхваль</i>	<i>сэнъэ</i>
Рождение	<i>чхульсэнъ</i>	<i>тхансэнъ</i>
День рождения	<i>сэнъиль</i>	<i>тханъсэнъиль</i>
Родиться	<i>нада, чхульсэнъхада</i>	<i>тхансэнъхада</i>
Возраст	<i>наи, саль</i>	<i>йбнсе, чхунчху</i>
Старик	<i>ныльгыни</i>	<i>ноин</i>
Семья	<i>каджок</i>	<i>ильга</i>
Отец	<i>аббджи</i>	<i>чхунбуджанъ</i>
Мать	<i>бмбни</i>	<i>чаданъ</i>
Жена	<i>анхэ, чхб</i>	<i>пуин</i>
Дети	<i>аи</i>	<i>аги, эги</i>
Тело	<i>мом</i>	<i>синчхе</i>
Лицо	<i>нат, бльгуль</i>	<i>анмйбн</i>
Выражение лица	<i>натпит</i>	<i>кисэк</i>
Зубы	<i>иппаль, и</i>	<i>чхиа</i>
Умываться, мыть	<i>сситта</i>	<i>сесухада</i>
Спать	<i>чада</i>	<i>чумусида</i>
Болезнь	<i>пйбнъ</i>	<i>пйбнъхван</i>
Лекарство	<i>як</i>	<i>сбняк</i>
Несчастье	<i>пульхэнъ</i>	<i>пиун</i>
Умирать	<i>чукта, торакада</i>	<i>сббхада</i>
Могила	<i>мудбм, мё</i>	<i>сансо</i>

Указания на себя как на 3-е лицо носит уничижительный характер. Например, местоимение *чб* (букв. 'он, оно') в тех случаях, когда человек говорит о себе в уничижительном плане: *Чвеини оттбкхе халька?* (букв. 'Что же делать преступнику?') — сетования сына, похоронившего отца) 'Что же мне делать?'

Рассмотренные здесь наиболее общие вопросы, касающиеся форм вежливости в корейском языке, требуют дальнейшего уточнения и разработки.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ И НЕРЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ЯПОНЦЕВ

При осуществлении приемов языковой коммуникации — речевых действий, большую роль играет зависимость этих действий от ситуации их осуществления. Эта проблема подробно рассматривается в японском языкознании, в частности в направлении «языкового существования», в котором подчеркивается зависимость языкового акта от неязыкового — так называемого «полного контекста», внесловесной ситуации⁹⁴. Этот круг вопросов давно уже освещен и в советском языкознании⁹⁵.

Следует сказать, что обусловленность приемов языковой коммуникации — речевых действий, оказывается в зависимости и от такого фактора, как специфика форм выражения, присущих членам данного национального языкового коллектива, т. е. от национально-культурных особенностей речевого поведения говорящего. Е. Д. Поливанов писал, «... что внеязыковой (экономический, культурный и материальный) быт влияет на язык не одним каким-нибудь единичным своим фактором, а целым комплексом различных факторов, в том числе и факторами сравнительно мелкого, на первый взгляд, порядка»⁹⁶.

Это особенно проявляется при сопоставлении далеких по строю языков, например японского и какого-либо индоевропейского, причем наиболее ярко — в сфере жизненного общения, в сфере повседневных речевых действий. По этому поводу польский японовед Веслав Котаньски пишет: «Деятельность поляков и японцев базируется на разных правилах, почему и их языковые действия значительно отличаются. Следовательно, при объяснении процесса кодирования в японском языке, т. е. построения языкового выражения, совершенно необходимо пояснять

⁹⁴ Токиэда Мотоки. Отличительные черты современного языка, «Современная устная и письменная речь», т. 1. Токио, 1962, стр. 21; Нисио Минору. Исследование языкового существования, стр. 3.

⁹⁵ См., например, Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. 1. Л., 1958; Е. Д. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. «Статьи по общему языкознанию». М., 1968, стр. 211—224; В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Л., 1930, стр. 84—101.

⁹⁶ Е. Д. Поливанов. Указ. соч., стр. 222.

и поведение японцев, их подход к высказыванию и позицию по отношению к действительности»⁹⁷.

Если начать с простейших примеров и взять вопрос, содержащий отрицание типа: *Это не ваш портфель?*, *Вы не возражаете, если я открою окно?*, то обычным ответом в русском языке будет: *Нет, не мой*, *Не возражаю* и т. п. Приблизительно то же будет и в английском, немецком, французском, испанском языках. Японец же непременно ответит: *Да, не мой* и *Да, не возражаю*. Об этом же пишет В. Котаньски: «Если на вопрос *не выпьете ли?* японец отвечает *нет*, то этим он отрицает содержание вопроса, т. е. его ответ значит *конечно, выпью*. Если же поляк на тот же вопрос дает аналогичный ответ *nie* 'нет', то это — ответ, который связан не с содержанием вопроса, а с его собственными действиями, и смысл его *конечно, не буду пить*. Таким образом, понимание функции слова *нет* одинаково, но отлична позиция по отношению к нему этих двух людей, что и дает ему разное содержание»⁹⁸. Подобное же наблюдение, сделанное во время работы в Японии, мы находим у В. Овчинникова: «Казалось бы знакомство с любым языком начинается со слов *да* и *нет*, как самых простых и ходовых.

Оказывается, однако, освоить слова *да* и *нет* в японском языке отнюдь не такое легкое дело. Слово *да* каверзно тем, что вовсе не всегда означает *да*... Еще больше сложностей таит в себе слово *нет*...

Вы возвращаетесь домой и спрашиваете переводчика:

— *Мне никто не звонил?*

— *Да*, — отвечает он.

— *Кто же?*

— *Никто*»⁹⁹.

Можно предположить, что японский язык отличается большей логической строгостью, чем другие языки, но, как будет видно из дальнейшего изложения, проследить это трудно. Дело здесь в другом — в особом отношении японца к собеседнику. Для японского языка характерно особое построение высказывания, где центром является собеседник. Таким образом, все подчинено задаче максимального соответствия ответа вопросу собеседника, задаче

⁹⁷ В. Котаньски. Японский язык с позиции иностранца, «Гэнгосэйкацу», 1969, № 11 (218), стр. 64.

⁹⁸ Там же, стр. 63.

⁹⁹ В. Овчинников. Ветка сакуры, «Новый мир», 1970, № 2, стр. 90.

оказания максимального внимания, проявления учтивости к собеседнику, создания у него хорошего расположения духа ¹⁰⁰.

Отсюда необыкновенное богатство и разнообразие гонорифических форм в японском языке, которые располагают и большим арсеналом грамматических средств, и богатейшей специальной лексикой. Вся эта система достаточно сложна, и ошибки в ее использовании отмечаются не только в речи недостаточно образованных японцев, но даже в речи дикторов радио и телевидения. Тем более понятно, какие трудности она представляет для иностранцев, изучающих японский язык. В японском языке существует необычайно богатая развитая система личных местоимений, около 50 форм обращений в почтительно-официальном, высоком, нейтральном, сниженном, дружески-вежливом, скромном, фамильярном стиле; около 50 форм приветствий, более 40 форм выражения прощания, добрый десяток форм выражения благодарности, более 20 форм извинений ¹⁰¹. Существует специальная лексика.

О собеседнике говорится: Ваше *почтенное имя* (соммэй); Ваше *благоухающее имя* (гохōмэй); Ваше *драгоценное письмо* (гёкуон); Ваша *достопочтенная супруга* (рэйфудзин).

О себе же говорится: Моя *неумелая работа* (сэссаку), Моя *глупая сестра* (гумай), Мое *жалкое жилище* (сэттаку). Естественно, что нахождение соответствий всему этому в других языках, а главное, знание ситуации применения — дело чрезвычайно трудное.

Японская грамматика позволяет строить высказывание буквально, глядя на выражение лица собеседника, следя за его реакцией, ибо положительный или отрицательный смысл, модальность всего высказывания сообщается ему заключительным словом, каковым в японском языке, за редкими исключениями, всегда служит сказуемое главного предложения. Причем японский лингвист Хорикава Наоёси справедливо указывает: «Мы говорим так не потому, что такова грамматика японского языка,

¹⁰⁰ Ср.: Хорикава Наоёси. Логика японца в устной речи. «Характер японца», т. 2. Токио, 1971, стр. 125—139.

¹⁰¹ См.: Камогава Кадзую. Сопоставительный анализ русского и японского речевого этикета. Дипломная работа, УДН им. П. Лумбы. М., 1972.

но грамматика такова потому, что так говорили наши предки»¹⁰².

Японцы широко используют эти возможности языка. Известен пример из истории, когда 8-й сёгун «верховный военачальник» из дома Токугава — Иосимунэ, осудив в пространном высказывании на военном совете действия правителя провинции Идзу, сумел в последний момент изменить смысл всего высказывания на прямо противоположный — одобрительный, так как уловил по лицам других военачальников, что это осуждение не будет им приятно, а следовательно, осложнит общую обстановку. Для этого ему потребовалось чуть изменить форму только одного последнего слова — предиката, заключающего все высказывание: *арумай* 'не является' на *арō* 'является'¹⁰³.

С особым отношением к собеседнику связано и стремление избегать в речи указания на прямую связь или зависимость двух явлений, устанавливать логическое взаимоотношение их, ибо неизвестно, как на это смотрит собеседник. Известный японский лингвист Киндайти Харухико указывает: «Опоздавший на работу никогда не скажет «я опоздал, потому что электричка попала в аварию (*дэнся-га косё-симасйта кара тикоку-симасйта*)». Слишком прямолинейно для японца здесь вся вина возлагается на транспорт и снимается личная ответственность. Он всегда будет стремиться затушевать прямую зависимость опоздания от аварии и чаще всего он скажет буквально так: „Электричка, потерпев аварию, я опоздал (*дэнся-га косё-сйтэ тикоку-симасйта*)“»¹⁰⁴, представив оба явления как параллельные и почти независимые и тем самым признавая и свою вину. Деепричастные обороты как от переходных, так и непереходных глаголов при разных субъектах действия характерны и частотны в японском языке. Целый ряд таких выражений, выстраиваясь в цепочку, крайне затрудняет понимание японского текста для нас, привыкших к иным типам связи в родном языке.

Речь, изобилующая союзами, связками, формами указания взаимозависимости отдельных частей высказывания, считается в японском языке признаком неразвитой

¹⁰² *Хорикава Наоёси*. Указ. соч., стр. 130.

¹⁰³ *Киндайти Харухико*. Психология и физиология японского языка. Токио, 1962, стр. 15.

¹⁰⁴ *Киндайти Харухико*. Выражение мысли в японском языке, Токио, 1957, стр. 15.

речи. Японцы в идеале стремятся к опущению всех этих связующих звеньев, превращая свою речь в полунамек, где связь намечена лишь легким штрихом или всецело подразумевается ¹⁰⁵. Японская речь в этом отношении сродни японскому искусству, которое «взяло на себя задачу быть красноречивым на языке недомолвок» ¹⁰⁶. Можно сказать, что для японского языка характерна нечеткость, неаналитический, интуитивный характер выражения мысли. «Я считаю, что говорить обо всем расплывчато и есть способ выражения, присущий японцам. В нас заложена привычка необычайно опасаться ясных форм выражения», — указывает известный японский языковед Ивабути Эцутаро ¹⁰⁷.

Лингвист Хага Ясуси отмечает большую частотность в речи японцев таких выражений, как: *соно ути* 'как-нибудь, тем временем', *тэкитёни* 'подходящим образом', *тасё* 'сколько-то', *икубун* 'как-то', *тётто* 'чуть' и т. д. Обычными в их речи являются и такие выражения, как: *нан то наку* 'как-то необъяснимо', *бэцуни дё то йу котомо най кэдо* 'ведь это не то, о чем можно было бы сказать что-то особое'. Привычными понятиями японцев являются трудно переводимые *мэбунрё* что-то типа русского 'на глазок' или *мунадзанъё* букв. 'расчет в груди' (т. е. интуитивное представление о чем-то) ¹⁰⁸.

Известный японский писатель Танидзаки Дзюньитиро замечает: «...многозначность не в характере нашего народа». — «Японец отдает предпочтение скорее невербальной коммуникации, чем вербальной», — говорит Хага Ясуси ¹⁰⁹. Действительно, для японца характерно большое внимание к так называемым «омовасэбури» — значениям, возникающим при высказывании за пределами самого высказывания, нюансам, коннотативным значениям ¹¹⁰.

Иногда это может серьезно осложнить понимание высказывания на японском языке. Летом 1945 г. японское

¹⁰⁵ Хоригава Наёси. Указ. соч., стр. 134.

¹⁰⁶ В. Овчинников. Указ. соч., стр. 42.

¹⁰⁷ Ивабути Эцутаро. Говорение и слушание. Токио, 1962, стр. 96.

¹⁰⁸ Хага Ясуси. Язык и национальный характер. «Характер японца», т. 2, стр. 149.

¹⁰⁹ Там же, стр. 151.

¹¹⁰ Ср. описание известных понятий *саби*, *ваби*, *сибуй* и *югэн* 'прелесть недосказанности' у В. Овчинникова (указ. соч., стр. 38—44).

правительство, возглавлявшееся тогда премьером К. Судзуки, заявило в печати о позиции Японии по отношению к Потсдамской декларации, использовав глагол *мокусацусуру*, записываемый двумя иероглифами «молчание» и «убийство». Перевести его на европейские языки, действительно, трудно, но в контексте заявления Японии при существовавшей ситуации этот глагол, видимо, был ближе всего к смыслу русского выражения 'хранить гробовое молчание'. В официальных же кругах союзников этот глагол получил перевод *ignore* 'игнорировать или даже отвергать'. Естественно, что этот смысл имел иной оттенок, весьма существенный в тот ответственный момент. Некоторые японские источники считают, что, если бы этот глагол был тогда понят и переведен ближе к истинному смыслу, который вкладывала в него Япония, допустим: *give it the silent treatment* 'обойти молчанием', то, может быть, не было бы трагедии Хиросимы и Нагасаки. Конечно, это сомнительно, но склонность к неясным, причем к неясным, с точки зрения европейца, формулировкам, склонность к недоговариванию и опоре на возникающий контекст неоднократно осложняла взаимопонимание японцев с союзниками в дальнейшем, как свидетельствует известный в Японии знаток английского языка Нисияма Сэн ¹¹¹.

Учитывая сказанное, можно понять и обилие категорических форм высказывания в японском языке, которое также объясняется стремлением не навязать своего мнения собеседнику, дав ему возможность почувствовать подтекст высказывания и сделать свои выводы.

Выражая свое мнение, японец часто прибегает к таким формам: 'не будет ли это так, что...' *дэ ва най дэсэ*; 'хотя сам я думаю, не обстоит ли дело так, что...' *дзя най ка то омоимас кэдо*; 'у меня такое впечатление, как-будто можно сказать, что...' *то изэбна ки-га симас*; 'мне представляется, нет ли такого положения, когда нельзя не сказать, что...' *...то изнаку мо най н дзя най ка то йу*; 'мне то кажется, не так ли обстоит дело, что не исключена возможность воспринять это так, однако...' *...то укэторарэжанэнай дзя най ка то омоэру н дэс га*. Как видно, преобладают конструкции с несколькими отрицаниями. Эта тенденция отражена и в грамматических категориях японского языка. Можно указать, например, на существо-

¹¹¹ Нисияма Сэн. Искусство перевода. Токио, 1970, стр. 19—23.

вание в японском языке так называемых некатегорических наклонений, причем в двух формах: позитивной и негативной¹¹². Выделяемое некоторыми японоведами «наклонение долженствования» передается двойным отрицанием — конструкцией *накэрэба наранай* ‘нельзя не...’. Для японца сказать *согласен* кажется слишком простым и прямолинейным, и он говорит, используя четыре отрицания подряд: ‘нет того, чтобы не было, что я не не согласен’ *фусансэй дэ най то йу кото дэ мо наку ва най*. А японским поэтам доставляет особое удовольствие заставить читателя почувствовать отрицательный смысл при двух отрицаниях. Причем непостижимым для европейца образом японским ценителям поэзии этот смысл становится понятен. Постичь же его на основе логического и грамматического анализа невозможно, ибо по правилам японского языка мы непременно получим утвердительное значение¹¹³.

Японский этнограф и языковед Оно Хироси говорит, что для японца невыносимо позорно сознание собственного бессилия. Он указывает на этимологическую связь слова ‘печальный, тяжелый’ *канасий* со словом ‘невозможный’ *канэру*. Поэтому слезы, которые и есть признак крайности, бессилия что-то изменить, не должны быть кому-то видны. Внешне себя можно проявить только улыбкой. Известен рассказ Акутагава Рюносукэ «Платок», где описана сцена беседы матери только что умершего ребенка с его учителем. Она улыбается, хотя под столом ее руки судорожно комкают платок и все существо ее источает слезы. Еще труднее европейцу понять ситуацию, когда девушка-прислуга с улыбкой сообщает хозяину о его любимой дорогой вазе, которую она только что разбила. «В действительности, — указывает проф. Сэра Масатоси, — в душе девушки идет сложный диалог. Здесь и сознание собственной вины, и невозвратимость потери, безграничная горесть от бессилия что-то изменить, которую она, однако, не может показать хозяину, боясь навязать ему свои переживания. ... Впрочем, быть может именно в этом случае японцы ближе к общечеловеческим ценностям, о которых писал Карл Маркс в работе «К критике гегелевской философии права», указывая, что «боги Греции в «Скованном Прометее» Эсхила трагически ранены, а

¹¹² См.: Н. А. Сыромятников. Система наклонений новояпонского языка. «Вопросы японского языка». М., 1971, стр. 21—24.

¹¹³ Хорикава Наоёси. Указ. соч., стр. 135.

в «Разговоре богов» Лукиана они умирают еще раз, но уже на уровне комедии, подвергнутые осмеянию. Человечество должно с улыбкой расставаться со своим прошлым»¹¹⁴.

С особым отношением к собеседнику у японца сочетается и особое отношение к окружающей природе. Эту характерную черту японцев — «чувство единства с природой» отметил Р. Тагор. Японский философ Фукуда Садаёси вспоминает о годах учения в Германии, когда он с друзьями немцами впервые выехал на лоно природы в горы. Пораженный тишиной гор, голубизной и ясностью неба, он лег на землю и молчал — ему хотелось слиться со всей этой красотой. А друзья немцы не могли понять этого настроения и спрашивали — если тебе хорошо, почему ты не танцуешь, как мы? Слияние с природой, созерцание природы в ее бесконечном изменении, умение находить согласие с окружающей средой — девиз японцев и в искусстве и в жизни. Это отражено и в речи. Наиболее известные и пользующиеся популярностью словари в Японии называются «Море слов (Гэнкай)», «Великое море слов (Дайгэнкай)», «Лес слов (Дзирин)», «Сад слов (Дзиэн)» и т. д. Комнаты в традиционных японских гостиницах различаются не по номерам, а по названиям: «Цветок сливы», «Журавль», «Хризантема» и т. д. Экспрессы называются «Утренний ветер (Асакадзэ)», «Сакура», «Эхо (Кодама)», «Млечный путь (Гинга)», «Ветер в соснах (Мацукадзэ)» и т. д. Необычайно развита в японском языке ономотопея — звуковые образы, подслушанные у природы: *сара-сара* 'шуршание травы', *гō-гō* 'грохотанье грома', *гю-гю* 'теснина реки', 'трудное положение', *бю-бю* 'вой ветра', *бара-бара* 'что-то рассыпающееся, опадающее', *поро-поро* 'нечто падающее градом, слезы и т. д.', *фува-фува* 'нечто легкое, пышное, как морская пена'. Японцы необыкновенно часто реагируют на ситуацию этими лаконичными образами и в быту, и в политическом и научном тексте, что представляет серьезную трудность для непривычных к такому способу выражения европейцев.

Примером может служить утвердившееся в быту и литературе название атомной бомбы *ника-дон* от звуковых образов *ника-ника* 'блеск, сверканье' и *дон-дон* 'гром,

¹¹⁴ *Сэра Масатоси*. Выражение чувств у японцев. «Характер японца», т. 2, стр. 44—49.

грохот' или *итай-итай-бё* буквально 'болезнь ой-ой больно' — хроническое отравление кадмием в результате загрязнения сточных вод отходами производства.

Приведем еще некоторые примеры в текстах: данган ататтэ дзюмэй идзё мо *бата-бата* таорэта 'более десяти человек были *сметены* попаданием снаряда' (газетное сообщение); мэ-га *тика-тика* — сурү хито я итами-о кандзиру хито-ва сэнган-о сурү кото 'при ощущении зуда или боли в глазах промыть глаза' (из инструкции по борьбе с фотохимическим смогом); амари *мати-матина* моно дэ ва сэккаку-но мори-га дзацүдзэн то сйта моно-ни наримас 'слишком *пестрый* подбор пород создает беспорядочность посадок' (из инструкции по проведению лесонасаждений); тайфү дзюни-гō *норо-норо* то сусундэ иру ё дэс 'тайфун № 12 по-видимому движется *крайне медленно*' (сводка погоды по радио); корэ саэ арэба инэкари мо ку-сакари мо *суй-суй* 'при наличии этой машины скашивание и риса, и травы осуществляется *с легкостью*' (из технического описания сенокосилки); ияна масацу ото-га на-ку *патин-патин* то иу кэйкайна цудзуриото 'не дает неприятного скрипа, а сшивает с приятным *щелкающим* звуком' (Описание скоросшивателя).

Есть некоторые факты, которые говорят не только об особом отношении японцев к природе, но позволяют сделать предположение и о специфическом, отличном от нашего отношении к пространству. Термин техники *распорка* по японски *кирибари* — буквально 'отсекающая балка'. Хотя фактически мы сталкиваемся с действием одних и тех же физических сил, то, что в нашем сознании «уширается», «распирает», в сознании японца «отсекает». Японские спортсмены прыгают не в длину, а в «ширину». Спортивный термин «прыжки в длину» по-японски буквально означает «прыжки в ширину» *хабатоби*. Хотя в японском языке есть и понятия и соответствующие слова «длина» и «ширина», употребление которых в других случаях аналогично употреблению в русском языке, здесь используется именно понятие «ширина». Ссылаясь на недостаток листажа, японский автор пишет буквально так: «По условиям ширины бумаги (*сифукуно цуго-дзё*) мы не можем остановиться на этом подробнее».

Возможно, с этим связано и необычное для нас использование грамматических форм. Увидев приближающийся трамвай, японец скажет не так, как мы *трамвай идет*,

а употребит форму прошедшего времени совершенного вида глагола 'приходить' *дэнся-га кита*. Для него трамвай уже «пришел» — то расстояние, которое ему осталось пройти до остановки, уже во внимание не принимается. С другой стороны, там, где мы употребим глагольную форму совершенного вида *Он уехал в Токио*, японец употребит форму так называемого длительного вида глагола 'ехать' *карэ-ва тōкё-ни иттэ иру* — для него это длящееся состояние. Мы говорим *Первая основа глагола, присоединяя суффикс такой-то, передает значение отрицания*. Для японца этот процесс идет в обратном направлении. Он говорит: 'суффикс такой-то, принимая на себя первую основу глагола, передает отрицание' *дōси-но мидзэнкэй-о укэтэ хитэй-суру*. Мы, ориентируясь по странам света, говорим *комната, обращенная на юг*. Японец же говорит буквально 'комната, принимающая в себя юг' *минами-о укэта хя*.

Строгая дерево рубанком, японец направляет его на себя; пила в Японии затачивается так, что основное усилие создается при движении на себя¹¹⁵.

Описанные особенности речевого поведения японцев и отличающиеся от нашего представление, например, о направлении и течении действия проявляются и в использовании японцами невербальных средств коммуникации, в частности, в языке жестов и в языке повседневного поведения.

Поскольку среди жестов вообще существуют и экспрессивные, и описательные или «потенциально-естественные» (по Е. Д. Поливанову) жесты, имеющие претензию на общепонимаемость, нередко создается иллюзия и заблуждение, что привычные жесты родного языка должны быть понятны, например, и японцу. И вот, если в ответ на гостеприимство японца мы захотим, сделав определенный жест у горла, показать, что мы уже совершенно сыты, это произведет на него крайне тягостное впечатление, так как такой жест у японцев может означать только обезглавливание или же увольнение с работы.

Если американец, соединив указательный и большой палец в виде кружка, пожелает показать, что все в порядке, имитируя выражение *ок*, то это может быть в Японии

¹¹⁵ Айда Юдзи. Структура мышления японца. Токио, 1971, стр. 18.

понято как желание получить деньги, ибо показанный так кружок для японца — монета, деньги.

Если мы захотим выразить, что нам не нужно чего-то много, а только «вот-столечко», показав при этом мизинец, это тоже будет истолковано японцем неправильно, даже, если при этом разговор идет на хорошем японском языке, так как поднятый мизинец в японской системе жестов означает «женщину».

Значительные трудности возникают во время приветствий. Японцы при приветствии не пожимают друг другу руки, не целуют друг друга в щеку, не совершают никаких других подобных действий, так как это считается негигиеничным, возможно, из-за жаркого и влажного японского климата, как думают некоторые японские авторы¹¹⁶. И. Эренбург записал в своих мемуарах: «Почему европейцев изумляют нравы Азии? Европейцы, здороваясь, протягивают руку, и китаец, японец или индеец вынуждены пожать конечность чужого человека. Если бы приезжий совал парижанам или москвичам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг»¹¹⁷. Справедливое замечание. Тем не менее некоторые японцы, познакомившись с европейским этикетом, иногда прибегают к рукопожатиям, иногда же нет. И вы всегда в затруднении — протянуть ему руку или последовать японскому обычаю. Поскольку в языке повседневного поведения информация передается именно нарушением обычного поведения, тем труднее и нам, и японцу понять, почему не состоялось рукопожатие — или в силу уважения к обычаям страны собеседника, или это информация о проявлении неуважения.

Поэтому интересно и важно знать хотя бы минимум о жестах и языке повседневного поведения, о том, чего желательно не допускать в общении с японцем, особенно, если учесть значительное расхождение наших культур. Об этой непонятности и загадочности для нас японской культуры общения с большой поэтической интуицией сказал Роберт Рождественский в стихотворении «Иероглифы» о своем первом знакомстве с Японией:

¹¹⁶ Дискуссия «Язык повседневного поведения в Японии и других странах». «Гэнго-сэйкацу», 1973, № 3 (258), стр. 8.

¹¹⁷ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Собрание сочинений, т. 9. М., 1969.

*Я в японский быт врастаю,
Интересный крест
несу.*

*В иероглифах
плутаю,
Как в загадочном лесу.
Иероглифы приветствий,
поворотов головы.
Иероглифы созвездий.
И безмолвья.
И молвы.
И луна —
как иероглиф.*

...118

Для столкнувшегося первый раз с Японией представи-
теля другой культуры — все в ней загадка, иероглиф.
И даже привычные светила выглядят необычно.

Действительно, японская культура своеобразна, и очень важно избежать «культурного шока» при столкновении с ней, удержаться от предвзятого отношения к некоторым ее проявлениям, чем часто грешат европейцы.

В частности, говоря о присущей японцам черте подражания и заимствования, нужно сказать, что японцам хорошо известно об отрицательном отношении европейцев к их склонности к подражанию. Но японцы восприимчивы к этому спокойно и не считают это своим недостатком. Чтобы правильно оценить эту черту японцев, нужно учесть историю развития японской культуры, с самого начала испытывавшей сильнейшее влияние китайской материальной и духовной культуры, индийского буддизма, а в последнее столетие — влияние Европы и Америки. Подражание идет от Китая, где, например, в искусстве оно очень ценилось. Все японское фарфоровое производство, искусство вообще и наука первоначально ставили своей целью лишь достижение уровня лучших китайских образцов. Но для этого нужно было развить и свои способности, подняться до уровня лучших произведений, причем японцы действовали по принципу «гарю-тэнсэй», согласно которому, рисуя картину — огромного дракона, самое главное поставить в ней окончательный штрих — точку, его зрачок. Тогда только вся картина оживет и дракон

¹¹⁸ Роберт Рождественский. Ливия. М., 1973, стр. 58.

станет страшным. Японцы довели это искусство последнего, своего штриха до совершенства, что характерно для них и по сей день. Это приучило их к вдумчивому, углубленному отношению ко всему, с чем они знакомятся, но подобного же внимания они ожидают и к себе. Понять это — значит избежать многих недоразумений в понимании японского языка невербальной коммуникации.

Японцы любят сравнения. Лучший комплимент, который вы можете от них услышать, это то, что вы на кого-то похожи. Причем иногда эта фигура не совсем приятная; единственное достоинство ее — известность любого свойства. Зачастую приходится недоумевать, в каком же отношении тебя сравнили с таким-то и как отнестись к этому сомнительному, с нашей точки зрения, комплименту. «Общественное сознание японца, — пишет японский лингвист Тада Мититаро, — испытывает беспокойство, если какой-то член коллектива совершенно оригинален и ни на кого не похож. Его скорее стремятся кому-то уподобить, и тогда наступает душевное равновесие»¹¹⁹.

В японском языке есть выражение «тэйсисэй», которое часто используется и в разговоре, и в периодической печати в применении к политике, экономике и т. д. Оно означает «склоненная, смиренная поза». Это выражение характеризует еще одну черту японской культуры, оказавшую большое влияние и на язык повседневного поведения. Изолированное положение Японии и более чем тысячелетнее господство феодальных отношений, пережитки которых сохраняются и по сей день, обычай сидеть на полу выработали у японцев привычку к склоненной позе. Поэтому для японца странно, здороваясь, вставать со стула, как это принято в Европе. Сидя, он ниже стоящего человека, и следовательно, находится в более почтительной позе. Все немногочисленные предметы убранства, на которых можно остановить глаз в японском доме — цветы «икэбана», какой-то предмет искусства в стенной нише, картина или каллиграфически исполненное иероглифами изречение, висящее на стене, находится на уровне глаз сидящего на полу человека. С этим же связана еще одна не очень эстетичная, с точки зрения европейца, поза японцев — приседание на корточки. В Японии мож-

¹¹⁹ Тада Мититаро. Японская культура в языке повседневного поведения. Токио, 1972, стр. 5.

но, например, на перроне вокзала увидеть представителей старшего поколения, присевших на корточки в ожидании поезда. Это поза расслабления, раздумья, приготовления к чему-то. Она естественна и удобна для японца, и вместе с тем она как пружина перед тем, как сжаться и начать активно действовать. Айда Юдзи указывает, что любой японец — пожилой и молодой, мужчина или женщина, защищая, например, ребенка от какой-то опасности, инстинктивно присядут на корточки, прикрыв собою ребенка и обратившись спиной к источнику опасности ¹²⁰.

Однако подобные необычные для нашей культуры явления, хотя и вызывают удивление, но именно в силу своей оригинальности быстро запоминаются и не вызывают недоразумений. Сложнее обстоит дело с фактами невербальной коммуникации, которые есть и в японской, и в нашей родной культурах, но либо используются в разных контекстах, либо в ином значении и с другой мотивировкой.

Японец избегает смотреть прямо в глаза собеседнику. Это тоже считается наследием феодализма, когда строго взирать на своих подчиненных могли только сильные мира сего, а те должны были предстать перед властелином с потупленным взором. Прямо смотрели в глаза друг другу только враги в смертельном бою. Добрым же знакомым, собравшимся для беседы, сверлить друг друга глазами и по сей день считается неприличным. Упомянувший уже японский лингвист Тада полагает, что японское искусство «икэбана» определенным образом помогает японцам в коммуникации. И хозяин, и гость получают возможность непринужденно беседовать, любясь красивым букетом, а не глядеть друг на друга. Тада называет это «смягчающим типом коммуникации» ¹²¹.

Когда же теперь деловой человек, европеец или американец, в серьезной беседе встречает потупленный или старательно отводимый в сторону взгляд японца, он немедленно начинает подозревать последнего в неискренности или минимум в невнимании к себе. Брови и глаза американца, например, при беседе находятся в движении, давая собеседнику дополнительную информацию о его настроении, впечатлениях от беседы и т. д. Лицо же японца

¹²⁰ Айда Юдзи. Указ. соч., стр. 9.

¹²¹ Тада Мититаро. Указ. соч., стр. 72.

остается бесстрастным — это и есть проявление вежливости в его понимании. Американец же начинает раздражаться, полагая, что его никак не понимают.

Японцы не привыкли выражать внешне свои чувства, переживания. Но это отнюдь не означает, что сами эти чувства бедны. Наоборот, как пишет Тада, японца в процессе коммуникации обуревают целая гамма сложнейших чувств — здесь и внимательное отношение к тому, что он слышит, и желание быть понятым, боязнь оскорбить собеседника резко выраженным суждением, боязнь перебить его, стремление выразить свое сочувствие и т. д. Понимая, что передать все это жестом или выражением лица невозможно, что даже сама попытка этого может нарушить тот невидимый мост интуитивного взаимопонимания, который создается, если оба собеседника воспитаны одной культурой, японец заранее отказывается от таких попыток и придает своему лицу выражение вежливого внимания с загадочной полуулыбкой Джоконды. Это выражение включает все, как маска театра «Но», универсальная для всех ситуаций. Эта же улыбка служит японцу и для сдерживания своих чувств, для самообладания¹²².

Как отмечает Тада, исследовавший язык повседневного поведения во Франции, в тех странах, где смешались разные культуры, как в США или Швейцарии, люди в процессе коммуникации привыкли прибегать к логике выражения, и языку повседневного поведения отведено там мало места. В стране же, где представлена единая культура, например во Франции, этот язык играет большую роль. Впитавшие с детства элементы этой культуры люди бессознательно посылают и принимают массу сигналов невербальных средств коммуникации и понимают друг друга с полуслова. Культура Японии, развивавшаяся долгое время в полной изоляции, в этом отношении особенно монолитна. Но то, к чему японцы привыкли как к само собою разумеющемуся и что объединяет при коммуникации японца с японцем, начинает разъединять, как только место одного собеседника займет иностранец. Американец, например, привык улыбаться широко, чтобы от глаз шли лучики-морщинки. Только тогда улыбка воспринимается доброжелательно. А застывшая улыбка японца кажется ему неестественной, неуместной, прикле

¹²² Тада Мититаро. Указ. соч., стр. 82—84, 184.

енной. Отсюда обвинение японцев в скрытности и коварстве и печальная слава неискренней «японской улыбки».

Японец боится помешать собеседнику выражением своих чувств. Поэтому он улыбается, даже переживая горе. Японец не хочет проявить невежливость категоричностью своих суждений, а европеец сердится, что от японца никогда не услышишь «да» или тем более «нет», а всегда только неясный, расплывчатый ответ. Это впечатление усугубляется привычкой японца проявлять уважение к собеседнику тем, что он постоянно в разговоре кивает головой, часто и при разговоре по телефону. Это глубоко укоренившаяся привычка. В японской литературе указывается, что сейчас режиссеры японского телевидения прежде всего начинают работу с неопытными участниками передач с запрещения кивать в разговоре головой, так как при большом количестве участников это выглядит на экране телевизора очень смешно. Американцу или европейцу этот жест сигнализирует о том, что собеседник согласен с ним. Когда же в конечном счете выясняется, что это далеко не так, опять следуют сетования: что за непонятные и не заслуживающие доверия люди — японцы. Японец же, который в течение всего разговора старался своим жестом показать только то, что он внимательно слушает, также не понимает, почему сердится собеседник. В деловом общении это создает серьезные помехи.

Профессор Гавайского университета Х. М. Тэйлор пишет, что низкие поклоны японцев во время приветствия производят крайне неприятное впечатление на американца, как проявление раболепия или желания чего-то выпросить. Американцы считают, что уважающий себя человек не должен так кланяться. Отрицательно воспринимается и поза напряженного внимания (единственно вежливая с точки зрения японца) независимо от того, беседует ли он сидя или стоя. Для американца отсутствие непринужденности в беседе — свидетельство неискренности, стремления обмануть его.

Японец считает своим долгом принять подарок только двумя руками, почтительно при этом склонившись. Для американца — пишет Тэйлор — это проявление жадности¹²³.

¹²³ Х. М. Тэйлор. Ошибочно понимаемая невербальная коммуникация японцев. «Гэнго-сэйкацу», 1974, № 2 (269), стр. 67.

остается бесстрастным — это и есть проявление вежливости в его понимании. Американец же начинает раздражаться, полагая, что его никак не понимают.

Японцы не привыкли выражать внешне свои чувства, переживания. Но это отнюдь не означает, что сами эти чувства бедны. Наоборот, как пишет Тада, японца в процессе коммуникации обуревают целая гамма сложнейших чувств — здесь и внимательное отношение к тому, что он слышит, и желание быть понятым, боязнь оскорбить собеседника резко выраженным суждением, боязнь перебить его, стремление выразить свое сочувствие и т. д. Понимая, что передать все это жестом или выражением лица невозможно, что даже сама попытка этого может нарушить тот невидимый мост интуитивного взаимопонимания, который создается, если оба собеседника воспитаны одной культурой, японец заранее отказывается от таких попыток и придает своему лицу выражение вежливого внимания с загадочной полуулыбкой Джоконды. Это выражение включает все, как маска театра «Но», универсальная для всех ситуаций. Эта же улыбка служит японцу и для сдерживания своих чувств, для самообладания¹²².

Как отмечает Тада, исследовавший язык повседневного поведения во Франции, в тех странах, где смешались разные культуры, как в США или Швейцарии, люди в процессе коммуникации привыкли прибегать к логике выражения, и языку повседневного поведения отведено там мало места. В стране же, где представлена единая культура, например во Франции, этот язык играет большую роль. Впитавшие с детства элементы этой культуры люди бессознательно посылают и принимают массу сигналов невербальных средств коммуникации и понимают друг друга с полуслова. Культура Японии, развивавшаяся долгое время в полной изоляции, в этом отношении особенно монолитна. Но то, к чему японцы привыкли как к само собою разумеющемуся и что объединяет при коммуникации японца с японцем, начинает разъединять, как только место одного собеседника займет иностранец. Американец, например, привык улыбаться широко, чтобы от глаз шли лучики-морщинки. Только тогда улыбка воспринимается доброжелательно. А застывшая улыбка японца кажется ему неестественной, неуместной, прикле

¹²² Тада Мититаро. Указ. соч., стр. 82—84, 184.

енной. Отсюда обвинение японцев в скрытности и коварстве и печальная слава неискренней «японской улыбки».

Японец боится помешать собеседнику выражением своих чувств. Поэтому он улыбается, даже переживая горе. Японец не хочет проявить невежливость категоричностью своих суждений, а европеец сердится, что от японца никогда не услышишь «да» или тем более «нет», а всегда только неясный, расплывчатый ответ. Это впечатление усугубляется привычкой японца проявлять уважение к собеседнику тем, что он постоянно в разговоре кивает головой, часто и при разговоре по телефону. Это глубоко укоренившаяся привычка. В японской литературе указывается, что сейчас режиссеры японского телевидения прежде всего начинают работу с неопытными участниками передач с запрещения кивать в разговоре головой, так как при большом количестве участников это выглядит на экране телевизора очень смешно. Американцу или европейцу этот жест сигнализирует о том, что собеседник согласен с ним. Когда же в конечном счете выясняется, что это далеко не так, опять следуют сетования: что за непонятные и не заслуживающие доверия люди — японцы. Японец же, который в течение всего разговора старался своим жестом показать только то, что он внимательно слушает, также не понимает, почему сердится собеседник. В деловом общении это создает серьезные помехи.

Профессор Гавайского университета Х. М. Тэйлор пишет, что низкие поклоны японцев во время приветствия производят крайне неприятное впечатление на американца, как проявление раболепия или желания чего-то выпросить. Американцы считают, что уважающий себя человек не должен так кланяться. Отрицательно воспринимается и поза напряженного внимания (единственно вежливая с точки зрения японца) независимо от того, беседует ли он сидя или стоя. Для американца отсутствие непринужденности в беседе — свидетельство неискренности, стремления обмануть его.

Японец считает своим долгом принять подарок только двумя руками, почтительно при этом склонившись. Для американца — пишет Тэйлор — это проявление жадности¹²³.

¹²³ Х. М. Тэйлор. Ошибочно понимаемая невербальная коммуникация японцев. «Гэнго-сэйкацу», 1974, № 2 (269), стр. 67.

Однако танец отражает язык XVII в., когда он сложился, и, хотя язык его понятен японцам, в жизни сохранились лишь немногие жесты танца. К числу их относится привычка японских женщин прикрывать ладонью рот, когда они смеются. Жест этот сохраняется очень стойко независимо от возраста, социального положения, уровня культуры и образования. Японские авторы затрудняются объяснить его — известно только, что для женщины считается неприличным открыто показывать зубы. Возможно поэтому в древности японки чернили свои зубы. В современной жизни жест применяется и в особых случаях: как тайный язык гейш, маклерами на фондовой бирже и т. п.

Таковы некоторые черты проявления самобытной японской культуры в речевой и невербальной коммуникации современных японцев.

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ РЕЧЕВОЙ И ЖЕСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В КИТАЕ

В Китае с давних времен существует традиция церемоний. Конфуций даже написал специальную книгу, посвященную церемониям в эпоху Чжоу («Лицзи»). Одной из самых важных считалась церемония при встрече. Судя по литературным источникам, с изменением общественного уклада церемонии также подвергались изменениям. Проследим, например, как менялась церемония при встрече. В древнем Китае встреча незнакомых друг другу людей происходила следующим образом: гость должен был обязательно принести хозяину подарок, причем последний зависел от ранга хозяина (так, например, *шидайфу* 'ученому' следовало приносить фазана). На стук гостя к воротам выходил слуга и, узнав о цели визита, говорил: «Мой хозяин не смеет Вас принять. Поезжайте домой. Мой хозяин сам навестит Вас». Произнося эту фразу, слуга должен был кланяться и держать руки перед грудью. Посетитель, тоже держа руки перед собой и наклонив голову вперед, должен был отвечать: «Я не смею затруднять Вашего хозяина. Разрешите мне зайти поклониться ему». Слуга должен был отвечать следующим

образом: «Это — слишком высокая честь для моего хозяина. Возвращайтесь домой. Мой хозяин немедленно придет к Вам». Первый отказ принять гостя носил название «церемониальной речи», второй — «настойчивой речи».

После «настойчивой речи» гость должен был вновь повторить свои намерения. Слуга, выслушав гостя в третий раз, шел к хозяину и, вернувшись, говорил: «Если Вы не принимаете наш настойчивый отказ, мой хозяин сейчас выйдет встретиться с Вами. Но подарок хозяин не смеет принять». Тогда гость должен был три раза отказаться от встречи с хозяином, если его подарок не будет принят. Только после этого хозяин выходил за ворота и встречал гостя. Оба должны были поклониться друг другу, после чего хозяин жестом приглашал гостя пройти. Посетитель опять три раза отказывался от приглашения. Наконец хозяин, повернувшись к гостю лицом, шел во двор и жестом приглашал посетителя войти в дом. В древнем Китае перед домом обычно имелись две лестницы. Хозяин поднимался по восточной, гость — по западной. Когда хозяин поднимался на одну ступеньку, гость имел право тоже сделать один шаг. Наконец они оказывались в гостиной. В зале уже были постелены две циновки. Хозяин садился на восточной стороне, гость — на западной. Сидя на пятках и положив руки перед собой на пол вниз ладонями, они начинали разговор. Гость говорил: «Давно слышал Ваше имя. Оно гремит подобно грому по всей поднебесной. Сегодня я наконец могу Вас видеть и осуществить мою жизненную мечту. Хочу получить от Вас мудрый совет». Хозяин, сидя в такой же позе и, кланяясь, отвечал: «Знания мои ничтожны. Прошу Вас, укажите мне истину...» Только после этого начинался разговор о цели визита.

В средневековом Китае эта церемония несколько упростилась. Приветствие на коленях уже воспринималось как особая честь. Как пример опишем церемонию при встрече из романа «Речные заводы»¹²⁶, который отражает реальную ситуацию в средневековом Китае. Цитируется эпизод встречи Сун Цзяна с Чай Цзинем:

«Не прошло и трех страж, как они прибыли туда. Тогда слуга сказал им:

¹²⁶ *Ши Най-ань*. Речные заводы. М., 1959, стр. 326—327.

— Прошу вас обождать в беседке, пока я доложу своему господину, чтобы он мог должным образом вас приветствовать.

— Хорошо, — согласился Сун Цзян.

Оставшись в беседке, братья прислонили свои мечи к стене, сняли с себя кинжалы, опустили на землю узлы и уселись. Не успел слуга уйти, как вдруг распахнулись главные ворота, из них поспешно вышел сановник Чай Цзинь, сопровождаемый несколькими слугами, и направился к беседке, чтобы приветствовать Сун Цзяна. Приблизившись, Чай Цзинь поклонился до земли и сказал:

— Я так много думал о вас! Каким ветром занесло вас сюда сегодня? Наконец-то сбылась мечта всей моей жизни. Счастье мое невыразимо!

Земно кланяясь, Сун Цзян сказал:

— Я всего лишь невежественный мелкий чиновник... Я давно слышал ваше почтенное имя, а слава о вас гремит повсюду. И хотя порой я и имел счастье получать ваши драгоценные письма, но всегда сетовал на то, что служба лишает меня возможности встретиться с вами...»

В дальнейшем с утверждением маньчжурской династии в Китае церемонии опять претерпевают некоторые изменения. Повсюду считалось популярным приветствовать на коленях. При обращении к высокопоставленным лицам необходимо было называть титул, себя же принято было называть рабом. Приведем в качестве примера эпизод из романа «Сон в красном тереме»¹²⁷, отражающий дух интеллигентной маньчжурской семьи:

«В полдень следующего дня привратник доложил Цзя Чжэню:

— Доктор Чжан явился по приглашению.

Цзя Чжэнь тотчас проводил врача в гостиную, они выпили чаю, и лишь после того начался разговор.

— Вчера мне посчастливилось узнать от господина Фын Цзы-ина о ваших достоинствах и учености, — начал Цзя Чжэнь, — и ваши глубокие познания в медицине преисполнили меня великим почтением к вам.

— Что вы? Что вы? — запротестовал доктор Чжан. — Я груб и невежествен, знания мои ничтожны, но так как господин Фын Цзы-ин рекомендовал меня вашей светлости и вы удостоили меня своим приглашением, я не осме-

¹²⁷ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. М., 1958, стр. 158.

лился нарушить ваше повеление. Никакими настоящими познаниями я не обладаю, и это заставляет меня особенно краснеть от стыда.

— Не скромничайте, — ответил Цзя Чжэнь, — уж если мы пригласили вас осматривать жену нашего сына, значит, мы вполне надеемся, что с вашим высокопросвещенным умом вы сумеете рассеять наши сомнения и предположения».

Из сказанного выше видно, что церемониальному обряду придавалось большое значение во все эпохи. Церемонии были обязательными элементами этикета.

С 1911 г., т. е. со времени установления в Китае республики, дух церемонии не изменился. Упростились лишь жесты: вместо низких поклонов и покачивания сложенными руками перед грудью при приветствии стали снимать шапку. Это произошло под влиянием японских и европейских церемоний.

В новом Китае церемонии значительно упростились, но сохранилось большое многообразие форм обращения. Остановимся на них несколько подробнее.

При первой встрече в учреждении посетитель должен спросить *Дуй бу ци, нэй вэй ши Ван тунчжи?* 'Простите, кто здесь товарищ Ван?'. Он может также назвать человека по должности или ученой степени: *Ван кэчжан*, *Ли чжужэнь*, *Лю цзинли*, *Чжан цзяошу* 'начальник Ван', 'заведующий Ли', 'директор Лю', 'профессор Чжан'.

Если посетитель обратился к вам с этим вопросом и вы такого же ранга, что и Ван, вы можете позвать его следующим образом: *Э, лао Ван, ю жэнь чжао ни* 'Эй, старина Ван, к тебе пришли!'.
Если же вы ниже по рангу, чем Ван, вы можете сказать: *Цзо цзай юбарды нэй и вэй цзю ши Ван тунчжи* 'Вот, кто сидит справа, и есть товарищ Ван'. Можно в данном случае назвать его и по титулу.

Если посетитель сталкивается с человеком, которого он разыскивает, последний обычно говорит: *Во син Ван. Нинь чжао во ю шэмма шэр ма?* 'Моя фамилия Ван. У вас какие-то дела ко мне?'. При этом он не будет называть свой титул. Посетитель в ответ должен назвать свое имя и место работы: *Во ши жэньминь жибао цзичжэ. Во цзяо Ли Дун-хай* 'Я — корреспондент «Жэньминь жибао». Меня зовут Ли Дун-хай'. После этого товарищ Ван должен подать гостю руку.

Если два человека встретились случайно и почувствовали симпатию друг к другу, между ними может произойти следующий диалог:

— *Нинь гуй син?* 'Как Ваше драгоценное имя?'

— *Цзянь син Ван* 'Непристойное имя Ван' или:

— *Во син Ван* 'Меня зовут Ван'.

— *Нинь на?* 'А как ваше?'

— *Во син Ли* 'Моя фамилия Ли'.

— *Тайфу цзэмма чэнхао?* Соответствует русскому: 'Как ваше имя и отчество?'

— *Хао шо, Ю-вэнь* 'Очень простое имя: Ю-вэнь'.

— *Нинь цзай нэйгэ даньвэй (шэмма дифан) гунцзо?*

'В каком учреждении (где) Вы работаете?'

Во цзай бэйда цзяо шу 'Я преподаю в Пекинском университете'.

Если встречаются знакомые, то обычно происходит такой разговор:

— *Лао Чжан!* 'Старина Чжан!'

— *Э, Лао Ли!* 'А! ты, старина Ли?'

Потом может последовать добавление:

— *Ни чила ма?* 'Ты ел?'

— *Чила* 'Ел' или:

— *Хай мэйна* 'Еще нет'.

Иногда при этом подают друг другу руку.

При встрече студента и преподавателя студент должен склонить голову и сказать: *Чжан сяньшэн* 'Учитель Чжан!'. В ответ он может услышать: *Э* 'А!' или: *Ли Ю-дун, Ю-дун, Ли Ю-дун тунсюэ* 'Ли Ю-дун', 'Ю-дун', 'студент Ли Ю-дун'.

Учитель может обратиться к студенту только по имени, без фамилии. Может также к фамилии добавить слово «товарищ». Но студенты или люди младшего поколения не могут называть учителя или представителя старшего поколения только по имени. Так же невозможно и обращение по фамилии. Лучше сказать: *учитель Ван, дядя Чжан* и т. п.

Если вам нужно обратиться к незнакомому человеку на дороге, то формы обращения могут быть следующими:

Цзе вэнь и шэн 'Разрешите спросить один раз!' или *Цзе гуан* 'Разрешите немного занять вашего сияния'

или *Датин и ся* 'Разрешите спросить!..'

или *Дуй бу ци* 'Извините...'

или *Цин вэнь* 'Скажите, пожалуйста...'
или *Мафань нинь и ся* 'Я побеспокою вас'
или *Лао цзя* 'Будьте добры...'
или *Дангэ нинь и ся* 'Я задержу вас немного'
или *Цзе нинь и бу* 'Займу ваш один шаг'.

Существует и такая грубая форма обращения, как *Э* 'Эй!'. Благодаря за полученную информацию, обычно говорят:

Сесе нинь 'Благодарю Вас'
или *До се, до се* 'Много благодарностей'
или, выражая свою вину: *Дангэ нинь лулэ* 'Задержал Вас на дороге' и т. п.

В ответ можно услышать:

Мэй шэмма, мэй шэмма 'Ничего, ничего'
Бучжи се, бучжи се 'Не стоит благодарности'
Нар ды хуа, нар ды хуа 'Ну что за разговор!'
Бе кэци 'Не церемоньтесь!'
Хао шо, хао шо 'Это меня не затруднило'.

Китайцы могут наносить визит без предупреждения и приглашения. Посетитель подходит к двери и кричит: *Чжан дагэ цзай цзя ма?* 'Брат Чжан дома?'.

Если хозяин дома, он должен выйти навстречу со следующими словами: *Э, ши ниа!* *Цзинь у цзо, цзинь у цзо* 'А, это ты? Входи, входи' или *Цзинь у хэ бэй ча* 'Входи, выпей чашку чая'.

Китайцы очень гостеприимны, поэтому всегда предлагают гостю пообедать. Хозяин должен настойчиво приглашать, а гость — отказываться. Между ними происходит следующий разговор:

— *Лай, икуар чи у фань* 'Давай вместе пообедаем'.

— *Во ган чиго, сесе* 'Благодарю, только что ел'.

— *Лай, лай, чи идянь, чанчан ни димэй цзоды цай.* 'Давай, давай, попробуй блюдо, приготовленное твоей невесткой'. Невесткой он в данном случае называет свою жену. Гость поцеремонится, но сядет за стол. Хозяин должен своими палочками взять лучшие кусочки мяса или рыбы и положить их на тарелку гостю с такой репликой: *Лай, лай, чанчан чжэ жоу (юй) цзэмма ян* 'Давай, давай, попробуй, как приготовлено это мясо (рыба)'. Гость должен ответить: *Бэ кэци, во цзы цзи лай* 'Не беспокойся, я сам'.

Если хозяин дает дополнительную порцию, гость говорит: *Гоула, гоула, во и цзинчила бу шаола* 'Достаточно'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОПРОСНИК ПО ОСОБЕННОСТЯМ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ МИРА

Пояснительная записка

Настоящий вопросник предназначен для уточнения обусловленных национальной культурой и спецификой языка особенностей коммуникативного поведения различных народов мира. Поэтому желательно, чтобы ответы на него охватывали максимальное число различных языков (культур).

При ответах на вопросы просьба приводить по возможности весь наличный материал или/и давать точную отсылку к имеющейся литературе.

Ответы, а также дополнительные материалы (если таковые имеются) просьба присылать по адресу: Москва Г-19, ул. Маркса—Энгельса, 1/14, Институт языкознания АН СССР. Группа психолингвистики и теории коммуникации. В дальнейшем предполагается организовать публикацию этих материалов.

I. Характеристика речи

1. Общая характеристика темпа речи (по сравнению с русским). Насколько этот темп свойствен *всем* носителям данного языка? Диалектные и стилистические различия.

1а. Если можно, дать точную количественную характеристику в слогах/сек. или словах/сек. Насколько возможно увеличивать диапазон модуляций и длительность ударного слова без того, чтобы это носило эмоциональную функцию (ср. с русским языком)?

Пример:

испанская, итальянская и венгерская речь на русского производят впечатление резко ускоренного темпа.

2. Насколько в речи носителей данного языка частотны междометия и аналогичные им звуковые образования? Специфические междометия в речи данного языкового коллектива.

Пример:

в речи провансальца междометия заметно более часты, чем в русской и даже во французской (специфическое: *о-ла-ла!*).

3. Способы заполнения пауз в речи.

Возможно ли и насколько распространено «прямое начало» речи без вводящих элементов — слов типа «ну», «вот» и т. д.?

Примеры:

русский: *мм...ээ...эта...*; англичанин: *well, er, er, er.*

4. Особенности «звуковых жестов», например, звуков-призывов.

Примеры:

русс. *кис-кис* — призыв в обращении к кошке; кабард. *Иус-КИус-* 'то же'; *брысь* — отгонный звук, обращенный к кошке; кабард. *Иус* 'то же'.

5. Как член данного языкового коллектива разлагает слово, когда нужно его произнести замедленно или расчлененно?

Примеры:

русск. по слогам: *че-ло-век* или используя собственные имена: *Леонид*, *мягкий знак*, *Яков*; англичанин: побуквенно.

II. Мимика и жестикауляция

6. Общая характеристика мимики и жестикауляции при разговоре в разных ситуациях общения (в каких ситуациях?).

6а. Есть ли диалектные, территориальные, социальные отличия в мимике и жестикауляции? Если есть, как они выражаются? Имеет ли мимика и жестикауляция характер социальной нормы?

Примеры:

у японцев обычна застывшая мимика лица («каменное» лицо, с точки зрения европейца); латиноамериканец, с европейской точки зрения, слишком много жестикаулирует и т. д., русский гораздо меньше жестикаулирует в официальной речи, чем в разговорной.

7. Возможны ли (и какие) способы выражения при помощи мимики согласия, несогласия, сомнения и т. д.?

7а. Если возможно, не только указать отличия, но и дать список таких способов.

Пример:

поднятые брови у русского как знак удивления и сомнения.

8. Есть ли и каковы обычные жесты, сопровождающие речь, но не имеющие самостоятельного значения?

9. Каковы способы выражения при помощи жестикауляции с а м о с т о я т е л ь н о г о значения? (критерий: возможность использования данного жеста в качестве самостоятельной реплики в диалоге).

Примеры:

болгарский жест несогласия, совпадающий с русским жестом согласия — кивок головой; указательный жест у европейских народов; пожатие плечами у русского как знак незнания, сомнения, недоумения и т. д.

10. Могут ли жесты выступать в роли функциональных эквивалентов речи и какие именно?

10а. На каких уровнях они выступают и какие части высказывания они могут заменить?

Примеры:

«Этот человек (говорящий крутит пальцем у виска)» = «Этот человек дурак или сумасшедший»; характерное постукивание пальцем по горлу = «приглашение выпить».

11. Есть ли общеизвестные для членов данного языкового коллектива символические жесты, обозначающие определенную ситуацию, принадлежность к определенной социальной группе, организации и т. д.?

Примеры:

поднятые в виде буквы V указательный и средний пальцы — символ победы у американцев и т. д.; поднятая ладонь ученика во время урока в СССР и поднятые пальцы в той же функции в Западной Европе; поднятый палец как сигнал остановки для такси в Западной Европе, свист — в США и поднятая рука в СССР.

12. Каково использование жестов в различных формах этикета? Насколько оно обязательно?

Пример:

у русских возможны четыре формы жестикулярного приветствия, взаимно заменяющие друг друга, в некоторых случаях, дополняющие, а иногда заменяющие словесное приветствие: а) рукопожатие; б) снятие шляпы или его имитация; в) кивок головой; г) приветственный жест — размахивание рукой. Возможны и другие, менее распространенные варианты (похлопывание по плечу, привставание и т. д.), употребление их регламентировано: официально возможны рукопожатие и снятие шляпы, реже — размахивание рукой (связано с известной фамильярностью).

13. Какие позы допустимы в различных социальных ситуациях, особенно в беседе?

Примеры:

закидывая ногу на ногу при сидении в кресле или на стуле, англичанин или американец держит ногу горизонтально (щиколоткой на колене другой ноги), русский — наклонно (колени на колени).

14. Каковы принятые в данном языковом коллективе застывшие формы выражения различных эмоций?

Примеры:

человек рвет на себе волосы — знак сильного горя у большинства европейских народов; аплодисменты как знак одобрения.

15. Существуют ли общеизвестные в языковом коллективе формы мимики или жестикуляции, используемые исключительно в искусстве (живопись, театр и т. д.)?

Примеры:

символические театральные жесты в пекинской опере; элементы индийского классического балета.

III. Речевой этикет

16. Есть ли дифференцированные (социально, стилистически и т. д.) формы обращения? Какие и по каким принципам они дифференцируются? (Типы социально обусловленных речевых формул: можно сказать, например, «товарищ милиционер», но не «товарищ профессор»).

Примеры:

русские обращения «на ты» и «на вы», не совпадающие с употреблением тех же обращений в других европейских языках (напр. Sie в немец. яз.); градация *ни* и *нинь* в китайском.

17. Есть ли виды речи (не стили!), употребляющиеся в разных социальных ситуациях и представителями различных групп? Какие виды, в каких ситуациях, каких групп?

Примеры:

социально дифференцированные «языки» на Яве; мужские и женские языки у ряда народов; употребление французского языка в России XIX в.

18. Есть ли общеизвестные (хотя бы фактом своего существования!) тайные, условные, вспомогательные «языки»? Когда они употребляются, их функции?

Примеры:

арго типа «блатной музыки» и «лабушского диалекта», пиджин-инглиш как язык взаимопонимания и торгового общения разноязычных народов Океании.

19. Какие существуют запреты на употребление речи вообще или отдельных слоев языка и в каких ситуациях?

Примеры:

невозможность употреблять слова, куда входит в качестве составной части имя умершего вождя (на некоторых островах Океании); эвфемистические выражения в русском и других европейских языках; невозможность младшему первым обратиться к старшему по возрасту или положению у народов Кавказа (напр. кабардинцев).

20. Существуют ли отличные от положения в русском языке способы употребления речи в особых условиях общения? В каких условиях и какие способы?

Примеры:

взяв трубку телефона, русский говорит: *Да, Слушаю*, американец: — *Hallo*, немец: — *Hier*, киргиз: *ким*; для речи цейлонца (сигальца) характерно частое переспрашивание (в его речи на английском языке *Isn't it?*). Растягивание гласных при крике на далекое расстояние у русских (ср. у Тургенева: *«Иди сюдаааа! — Зачееем?»*) Как у других народов?

21. Существуют ли неречевые формы коммуникации типа «языка свистов», «барабанных языков» и т. д.?

21а. Какие некоммуникативные, но общеизвестные семиотические системы типа «языка цветов» существуют в данном языковом коллективе?

22. Какие особенности организации диалога (по сравнению с русским) и организации монологической речи существуют в данном языковом коллективе?

Примеры:

Чтобы подчеркнуть значимость сообщения, русский инспирирует обмен репликами типа: «Ты знаешь, кого я встретил?» — «Кого?» — «Ивана Ивановича!» Обычен в русской речи (но не типичен для французской) ответ-повторение: «Ты пошел?» — «Пошел». Монологическая речь подчиняется правилам риторики данного языка; сравни также фразы типа: «Благодарю за внимание», вставные реплики, как в английской официальной монологической речи и т. д.

22а. Каковы типовые темы неинформативной беседы, предназначенные для поддержания контакта?

Пример: англичане говорят о погоде, японцы — о здоровье.

23. (Вопрос относится ко всем предыдущим). Какие элементы неречевого или несобственно речевого коммуникативного поведения несомненно являются заимствованными и откуда? В каких случаях есть подобное подозрение?

23а. Какие особенности коммуникативного поведения общи для ряда языков определенного ареала? В какой мере эта общность связана с генетическим родством языков?

IV. Проблема коннотаций

24. Наблюдается ли общеизвестная и жесткая связанность определенных денотатов с определенными эмоциональными состояниями? С определенными ситуациями? С определенными качествами? Наибо-

лее характерное отличие данного языка от русского в этом отношении.

Примеры:

Белый цвет: цвет чистоты и радости, цвет больничного халата, цвет снега — для русского; цвет траура — для многих народов Востока. Заяц: косой, трус, серый — для русского; мудрый, знающий — для народов Западной Африки; мудрый — для народов буддийского ареала.

25. Существуют ли излюбленные в поэзии и прозе (особенно народной) образы-штампы или «связанные эпитеты»?

Примеры:

образ пруда и сакуры в японской поэзии, цветок «мэй» в китайской литературе, древнегреческие эпитеты типа *волоокая, прекраснородыжная* и т. п.

26. Существуют ли излюбленные сравнения? Какие? (в частности: из какой области преимущественно берутся объекты сравнения?)

27. Каковы важнейшие различия с русским языком в осмыслении внешне одних и тех же реалий?

Примеры:

дракон — символ зла у европейцев, символ могущества, здоровья, преуспевания — на Востоке; бамбук как что-то хрупкое и непрочное для русского и символ долголетия на Востоке.

28. Существуют ли излюбленные прозвища, клички, дразнилки и из какой сферы они берутся?

29. Если можно, просьба указать другие особенности коммуникативного поведения, не предусмотренные данным вопросником.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

3

I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики *А. А. Леонтьев*

5

Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения *Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин*

14

Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики *Е. Ф. Тарасов*

38

Национальное и универсальное в развитии речи ребенка *А. М. Шахнарович*

54

Место речевого общения в коммуникативном акте *Е. Ф. Тарасов*

67

II

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ НА ВЕРБАЛЬНОМ И НЕВЕРБАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты *И. Н. Горелов*

96

Художественная и историческая трансляция культуры *Ю. А. Сорокин*

114

Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) *Ю. А. Сорокин*

120

К вопросу о характере русских и английских лакун *В. И. Жельвис*

136

Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) *Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина*

147

Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода Ю. А. Сорокин 166

Социально-символическая регуляция поведения собеседника Е. Ф. Тарасов, Л. С. Школьник 174

III

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕЧЕВОГО И НЕРЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ МИРА

Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров Ж. Лендел 193

Сопоставительное описание элементов русской и английской кинесической коммуникации Н. И. Смирнова 219

Социальный символизм во французской речи А. В. Пименов 247

Сравнительная характеристика жестов русских и французов В. В. Андриянов 260

Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) Е. А. Аршавская 268

О некоторых чертах кинесической речи у арабов В. Д. Осипов 277

Система вокативных терминов родства в современном вьетнамском языке Ли Тоан Тханг 282

Из наблюдений над некоторыми особенностями невербального поведения индонезийцев В. Г. Садур 302

Некоторые аспекты выражения форм вежливости в корейском языке И. Д. Скорбатюк 306

Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев С. В. Неверов 320

О некоторых формах речевой и жестовой коммуникации в Китае Пан Ин 338

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросник по особенностям коммуникативного поведения народов мира 346